

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

XVII МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ
СТУДЕНЧЕСКАЯ

БГТУ
ИМ. М. АКУЛАМ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

Научно-образовательная
лаборатория
психологии
индивидуальности
им. В.С. Мерлина

Научно-исследовательская
лаборатория психологии
профессиональной
деятельности и когнитивных
исследований
им. Б.Ф. Ломова

ЯРМАРКА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ
ИНИЦИАТИВ СТУДЕНТОВ

21 мая

ЯНПИС - 2020

Борник

статей

ПЕРМЬ - УФА

УДК 159
ББК 88
М 52

Редакционная коллегия
А.А. Вихман, В.В. Курунов, А.Ю. Калугин, А.А. Скорынин

М 52 Ярмарка научно-практических инициатив студентов. Материалы XVII межрегиональной студенческой научно-практической конференции / ред. кол. А.А. Вихман, В.В. Курунов, А.Ю. Калугин, А.А. Скорынин; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2020.

ISBN

В издание вошли статьи участников XVII межрегиональной студенческой научно-практической конференции, состоявшейся 21 мая 2020 года в институте психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета в сотрудничестве с факультетом психологии Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы. Научная проблематика конференции находится на стыке нескольких отраслей знания – психологии индивидуальности и психологии личности, психологии семьи и возрастной психологии, психологии управления и организационной психологии, теории интеральной индивидуальности, а также рефлексии психологических последствий переживаемой вынужденной самоизоляции и сопутствующего вынужденного дистанционного обучения во время разгара пандемии COVID-19. Адресуется исследователям, преподавателям университетов, студентам, бакалаврам, магистрантам, аспирантам и практическим психологам.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

ISBN

© Коллектив авторов, 2020
© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2020
© Институт психологии, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	8
Александрова Ю.Ю. Механизмы психологической защиты у женщин с признаками депрессии	9
Антропова А.В. Стандартизация психометрического инструментария: «Проективная методика изучения ценностных ориентаций «Карта города»	12
Анферова Ю.Н. Структура последствий использования Интернета в группах интернет-независимых и склонных к интернет-зависимому поведению старшеклассников в связи с их бытийной уверенностью.....	15
Атарских Н.В. Эмоциональное выгорание воспитателей ДОУ в связи со смысложизненными ориентациями в зависимости от трудового стажа.....	20
Баишева К.И. Развитие представлений о понятии «Эго-идентичность» в теории психологии.....	23
Береснева Е.Н. Программа развития воспитательного потенциала в неполной семье на базе родительского клуба «Семейный очаг».....	28
Береснева Е.Н. Психологические особенности подростков, воспитывающихся в полных и неполных семьях с разным количеством детей.....	33
Биктагирова М.Ф. Постановка проблемы: отношения с родителями как один из факторов любовной зависимости.....	38
Бондарчук В.В., Одияк Е.В. К вопросу о проблеме коммуникации у людей с нарушениями зрения.....	42
Бородавкина М.И. Особенности учебной мотивации и ценностных ориентаций студенток разных курсов и профилей обучения.....	45
Брагин А.Н. Переход молодежных субкультур на виртуальные платформы.....	50
Бульц М.В. Исследование психологических детерминант нормативного поведения в профессиональной деятельности водителя.....	54
Быстрых Е.В. Проблема взаимосвязи детско-родительских отношений и уровня интернет-зависимости у подростков.....	59
Власова Е.Н. Взаимосвязь тревожности и агрессии младших школьников (9-10 лет) с детско-родительскими отношениями.....	62

Галимова А.И.	
Влияние образов отца и матери на представление о будущем супруге у юношей и девушек.....	65
Глухова Н.В.	
Адаптационные способности и копинг-стратегии студентов, предрасположенных к соматическим нарушениям.....	69
Горбунова Н.В.	
Стиль семейного воспитания в зависимости от отношения родителей к болезни ребенка (на выборке семей, имеющих детей с легкой степенью умственной отсталости).....	74
Данилов Е.А.	
Особенность взаимосвязей протестной активности личности оппозиционеров с их стратегиями поведения в конфликте и локусом контроля.....	78
Даутова Л.М.	
Профилактика страхов у детей младшего школьного возраста.....	81
Дмитриев М.Д.	
Особенности проявления функциональных состояний в процессе решения профессиональных задач.....	85
Дорофеева П.В.	
К проблеме исследования свойств личности дошкольников с разными типами привязанности к матери.....	89
Дудина Е.В.	
Особенности ценностных и смысложизненных ориентаций студентов I и IV курсов.....	92
Жданова А.Л.	
Взаимосвязь компонентов материнской позиции и учебной активности студенток.....	97
Иваницкая Е.С.	
Проблемное использование Интернета: новый термин или новый подход к последствиям использования информационных технологий.....	101
Ильиных А.А.	
Управленческая компетентность педагогов в связи с ценностно-смысловой сферой.....	105
Исмагилова Л.Р.	
Связь аксиологической сферы личности и особенностей пищевого поведения лиц, практикующих вегетарианство.....	110
Кадочникова Е.М.	
Взаимосвязь тревожности и социометрического статуса в классе у детей младшего школьного возраста.....	115
Касимова А.К.	
Социокультурные основания смысложизненных ориентаций учащихся кадетских классов.....	120

Клусс А.В.	
Нарциссические черты личности в группах студентов, различающихся выраженностью использования мобильного телефона.....	125
Кокарева К.В.	
Особенности личности младшего школьника в зависимости от типа детско-родительских отношений на материале полных и неполных семей	128
Колчанова Ю.С.	
Взаимосвязь особенностей формирования эмоционального интеллекта подростков и типа родительского воспитания.....	132
Кочкина С.П.	
Проблема методов исследования лжи в отечественной психологии.....	137
Кузнецова Д.В.	
Взаимосвязь субъективного благополучия со свойствами личности студентов разного пола	141
Кузнецова Е.Г.	
Дисфункциональные метакогнитивные убеждения, жизнестойкость и система жизненных смыслов у лиц с признаками психотравматизации....	145
Лобова М.С.	
Последствия использования Интернета в связи с отчуждением.....	150
Медведева Е.П.	
Стиль совладания со стрессом и личностные особенности студентов с разным уровнем креативного мышления.....	155
Меркурьева Ю.В.	
Особенности корреляционных взаимосвязей базовых черт и межличностных отношений подростков.....	160
Мирхазова К.В.	
Динамика представлений об успехе и самооэффективности в юношеском возрасте.....	165
Найданова М.М.	
Экзистенциальные мотивации Homo Technologicus.....	168
Ососова А.А.	
Этнический аспект особенностей взаимосвязи креативности и социально-психологической адаптации у юношей (на выборах коми- пермяков и русских).....	173
Паниных Г.В.	
Гендерные особенности взаимосвязи копинг-стратегий с личностными характеристиками старшеклассников.....	178
Перебатова В.А.	
Мотивационная сфера младших школьников.....	182
Пескишева А.В.	
Жизнестойкость Homo Technologicus.....	185
Пискунова В.В.	
Управленческая компетентность субъектов образовательной среды как ресурс развития колледжа (постановка проблемы исследования).....	190

Роговая А.Д.	
Одиночество в Сети	195
Сабангулова Г.Г.	
Особенности профессиональной деятельности сотрудников ОВД.....	201
Сакаева Л.А.	
Проблема проблемного использования социальных сетей поколением Z..	203
Салаватова Ф.Р.	
Влияние детско-родительских отношений на выбор подростками копинг-стратегий.....	206
Сальнова С.А.	
Особенности развития регуляторных функций билингвов-дошкольников в образовательной ситуации.....	210
Стерхова В.Д.	
Связь выносливости и эффективности тренировочного процесса спортсменов.....	215
Столбова Д.Б.	
Содержание эмоциональных состояний студентов в режиме самоизоляции.....	219
Теплова К.С.	
Социально-психологические установки школьников и риск буллинга в образовательной среде.....	222
Тухфатова А.Ю.	
Влияние отношений с родителями разного пола на адаптацию студентов к обучению в вузе.....	227
Фадеева К.В.	
Сравнительный анализ выраженности показателей психологического благополучия у лиц предпенсионного и пенсионного возраста.....	232
Филимонова К.Ю.	
Проблемы психодиагностики волевой сферы младших школьников: постановка проблемы исследования.....	237
Фролов А.Д.	
Взаимосвязь склонности к гаджет-аддикции с показателями детско-родительских отношений подростков.....	240
Чащина К.Ю.	
Специфика жизнеобеспечения личности у лиц с разным типом мышечных зажимов.....	245
Чернова А.А.	
Толерантность к неопределенности студентов с выраженной личностной асертивностью.....	249
Шакирова М.И.	
Эффекты детско-родительского отношения на комплексы готовности к школьному обучению.....	254
Щербакова В.Е.	
Учебная активность младших школьников.....	258

Щипунова И.К.	
К постановке проблемы исследования особенностей личностной сферы дошкольников с разными типами привязанности к матери.....	262
Юсупов Т.Р.	
К вопросу о соотношении психической, осознанной и волевой саморегуляции.....	265
Ямилева Д.В.	
Гендерные особенности рискованного поведения в подростковом возрасте.....	270
Сведения об авторах.....	275

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ярмарка научно-практических инициатив студентов (сокращенно ЯНПИС) – это традиционная для Института психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета студенческая конференция, в рамках которой обсуждаются итоги научной деятельности бакалавров, магистрантов и аспирантов за учебный год, формулируются новые научные гипотезы и направления исследований, предлагаются практические механизмы решения актуальных проблем психологической практики. Конференция имеет свою историю и в 2020 году проходит в стенах Института уже в семьнадцатый раз. В этом году конференция проходила в сотрудничестве с факультетом психологии Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы. В научном сборнике результаты своих исследований представили более шестидесяти авторов из университетов Перми, Ижевска, Уфы и Новосибирска. Статьи сборника не разделены на отделы и секции, а отражают общие тенденции изучения индивидуальности в Пермской психологической школе и других научных психологических школах Урала. Часть работ выполнена магистрантами ведущих профилей магистерских программ института: «психологии семьи и семейного консультирования», «психология сопровождения развития индивидуальности» и «психология управления образовательной средой».

Этот сборник статей уникален тем, что часть психологических исследований проводилось во время пандемии COVID-2019, а некоторые из научных работ непосредственно посвящены психологическим особенностям переживаемой вынужденной самоизоляции и сопутствующего вынужденного дистанционного обучения. Всемирная организация здоровья рекомендует во время пандемий проводить быстрые психологические исследования, обращать внимания на возможные психологические последствия вынужденных карантинных мер и перехода обучающего процесса в онлайн режим. С точки зрения экспериментальной психологии, вынужденная самоизоляция и сопровождающая ее стрессовая обстановка создают уникальную возможность валидного и этичного психологического исследования последствий посттравматического стресса и фрустрации. Другими словами, пандемия COVID-2019 – это классическая переменная «ex post facto», позволяющая анализировать влияние психотравматического фактора, не нарушая этические требования к научным исследованиям. Исходя из этого, стоит отметить, что психологические данные, интерпретации и выводы, собранные в этом сборнике, имеют дополнительную ценность и требуют тщательной интерпретации и осмысления будущими исследователями.

Директор Института психологии ПГГПУ, к. психол. н., доцент
А.А. Вихман

МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У ЖЕНЩИН С ПРИЗНАКАМИ ДЕПРЕССИИ

Александрова Ю.Ю.

Научный руководитель: Таллибулина М.Т., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей психологических защит у женщин с признаками депрессии. В исследовании приняли участие 40 женщин в возрасте от 30 до 45 лет. Была выдвинута гипотеза о существовании выраженных различий психологических защит у женщин с разным уровнем проявления депрессии. Сравнительный анализ по методу t-критерия Стьюдента позволил выделить между группами женщин с относительно высоким уровнем депрессивности и относительно низким уровнем некоторые различия, однако гипотеза о наличии явных различий в психологических защитах требует дополнительного анализа и проверки.

Ключевые слова: психологические защиты, депрессия, женщины.

Введение.

Современные условия жизни с ее темпом и динамикой изменений создают у людей предпосылки для роста психической напряженности. Высокий темп и другие факторы ведут к тому, что человек все чаще не справляется с трудностями жизни. В связи с этим актуальность приобретает проблема психологических защит. Они являются способом снижения или устранения эмоционального напряжения. Важно, какую именно защиту личности использует человек, от этого зависит продуктивность его жизни. Личностные особенности являются одним из факторов определяющим выбор того или иного защитного механизма. Поэтому, изучение психологических защит, а также факторов, обуславливающих их выбор, представляет не только теоретический, но и практический интерес.

В основу рассмотрения психологических защит легли концепции З. Фрейда и А. Фрейд, Н. Мак-Вильямса, Г. Келлермана и Р. Плутчика. Из отечественных исследователей были рассмотрены позиции Ф.В. Бассина, Б.В. Зейгарник, В.К. Мягер.

Подходы к понятию депрессии, ее видов и проявлений рассмотрены в работах М. Кляйн, М.Е. Бруно, Д.А. Авдеева, З. Фрейда и других авторов.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных психологическим защитами и депрессии, как в зарубежной, так и в отечественной психологии мало исследований, посвященных проработке вопросов взаимосвязи данных феноменов. Определение значимых различий, общих и уникальных взаимосвязей механизмов защиты у женщин с разной выраженностью признаков депрессии определяет научную новизну исследования.

Целью исследования является выявление различий в механизмах психологических защит у женщин с разным уровнем депрессивности.

Метод.

Методики исследования: «Индекс Жизненного Стиля» Р. Плутчик и Х. Келлерман, в адаптации Л.И. Вассермана, О.Ф. Ерышева, Е.Б. Клубовой; «Шкала депрессии» А. Бека.

В качестве статистических методов обработки полученных данных использовались: кластерный анализ (k-means) метод сравнения групп по t-критерию Стьюдента.

По результатам кластерного анализа в первую группу вошло 10 участниц исследования. По результатам оценки выраженности признаков депрессивности, при использовании шкалы А. Бека, участницы набрали количество баллов от 12 до 37. Во вторую группу, по результатам кластерного анализа, вошло 30 участниц исследования. По результатам оценки выраженности признаков депрессивности при использовании шкалы А. Бека участницы набрали количество баллов от 2 до 10. Таким образом, статистически подтверждено, что в первой группе признаки депрессии более выражены.

Далее был проведен сравнительный анализ выраженности психологических защит у женщин с различным уровнем проявления депрессивных признаков.

Результаты исследования.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что среди женщин с различным уровнем проявления депрессивных признаков имеются статистически значимые различия по шкале «Регрессия» ($t=0,042$). При этом у женщин с выраженными депрессивными признаками результаты по шкале выше (среднее $107,10 \pm 3,107$), чем у женщин с менее выраженными признаками депрессивности (среднее $105,10 \pm 2,426$).

Обсуждение.

Таким образом, женщины, имеющие высокие показатели депрессии, прибегают к использованию более ранних и менее зрелых форм защитного поведения. Так, при наличии потребностей, которые не могут быть удовлетворены, женщины с признаками депрессии более склонны регрессировать, уходить в более ранние модели поведения.

У женщин с менее выраженными признаками депрессии данная тенденция проявляется в меньшей степени: они в меньшей степени используют возвращение к детским формам поведения и реакциям.

При этом важно отметить, что различия в проявлении данного признака не являются значимыми (статистически подтверждена разность, однако средние величины по показателю не отражают сильных различий в проявлении признака – 107,1 и 105,1).

Заключение.

На основании качественного и статистического анализа можно отметить, что в использовании психологических защит имеются некоторые различия, однако гипотеза о наличии явных различий в психологических защитах требует дополнительного анализа и проверки.

Полученные данные в проведенном исследовании не позволяют сделать однозначный вывод о значимых и достоверных различиях в психологических

защитах у женщин с разной выраженностью признаков депрессии. Проверка данной гипотезы требует дополнительного исследования.

Библиографический список

1. Бассин Ф.В. Сознание, «бессознательное» и болезнь // Вопросы философии. – № 9. – 1971. – С. 90-102.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. – М.: МГУ, 2013. – 187 с.
3. Гаранян Н.Г. Депрессия и личность: обзор зарубежных исследований. Часть II // Социальная и клиническая психиатрия. – 2009. – №3.
4. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика – М.: Класс, 2010. – 480 с.
5. Субботина Л.Ю. Психология защитных механизмов личности: учебное пособие. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – 439 с.
6. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. – М.: Педагогика Пресс, 1993. – 160 с.

MECHANISMS OF PSYCHOLOGICAL PROTECTION IN WOMEN WITH SIGNS OF DEPRESSION

Aleksandrova Y.Y.

Scientific supervisor: Tallibulina M.T., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Annotation. The article presents the results of a study of the features of psychocological defense of women with signs of depression. 40 women aged 30-45 took part in the research. A hypothesis was put forward about the existence of apparent differences of psychological defense of women with different level of depressive manifestation.

Comparative analysis by Student's t-test method allowed to select some differences between groups of women with relatively high level of depression and relatively low level, however, a hypothesis about existence of clear differences in psychological defense requires additional analysis and verification.

Keywords: psychological defenses, depression, women.

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ПСИХОМЕТРИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ: «ПРОЕКТИВНАЯ МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ «КАРТА ГОРОДА»

Антропова А.В.

Научный руководитель: Смирнов Д. О., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В рамках исследовательской работы, посвященной изучению ценностных ориентаций в старшем школьном возрасте, была поставлена задача «разработать психометрическую проективную методику ценностных ориентаций «Карта города». Проведено два экспериментальных замера на выборке 120 человек 12 до 17 лет. Осуществлены процедуры статистической проверки на надежность и конструктивную валидность. Статья содержит данные стандартизации.

Ключевые слова: ценностные ориентации, конструктивная валидность, ретестовая надежность.

Продолжая линию исследований ценностных ориентаций в Пермской психологической школе В.С. Мерлина, мы, вслед за Н.А. Кирилловой, определяем данное явление, как «сложный социально-психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности личности, являющийся составной частью системы отношений личности, определяющий общий подход человека к миру, к себе, придающий смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам».

Подростковый и юношеский возраст – это период высокой сензитивности к формированию мировоззрения и целостной картины мира, в которой ценностные ориентации выступают как психологические новообразования. Однако психологические исследования, направленные на изучение ценностей в младших возрастах, встречают ряд сложностей: 1) социальная желательность ответов, 2) недостаточная мотивация участников, связанная с большим объемом «однообразных заданий». В ходе решения данной проблемы в рамках нашего исследования, нами была осуществлена попытка создания нового психометрического инструмента «Проективная методика изучения ценностных ориентаций «Карта Города»

Методика представляет собой разлинованную сетку 11x11, в центре которой находится условное обозначение «дом» - место, где живет участник исследования. Ему необходимо вокруг своего дома расставить определенные архитектурные объекты, расстояние определяется степенью значимости объекта для участника, таким образом, ценностные ориентации символически скрыты за архитектурными объектами:

- храм — духовная культура, религия, вера;
- физкультурно-оздоровительный центр — физическая культура;
- дом культуры и творчества — творчество;
- место проживания большинства друзей — дружба;

- место проживания близких родственников — семья;
- кинотеатр — развлечение, приятное времяпрепровождение;
- торговый центр — приобретение различных товаров;
- природа (наличие) — природа;
- школа — учебная деятельность;
- детский научно-исследовательский центр — научное познание;
- музей — история;
- больница — здоровье;
- служба МЧС — безопасность жизни.

Цель – стандартизация методики ценностных ориентаций «Карта города»

Задачи:

1. Провести проверку на ретестовую надежность первичных шкал методики, посредством проведения корреляционного анализа, между показателями шкал тестового и ретестового замера;

2. Определить конструктивную валидность нашей методики, методом факторного анализа, показателями первичных шкал.

Предмет – разработка и стандартизация методики ценностных ориентаций «Карта города».

Объект – ценностные ориентации, которые скрываются за определенными объектами (зданиями, личностями и др.)

Гипотеза – разработанная методика обладает достаточной степенью ретестовой надежности и конструктивной валидности.

Новизна – разработана методика ценностных ориентаций «Карта города».

Практическое значение – полученные валидные результаты на ретестовую надежность и конструктивную валидность, что позволяет при определенном исследовании изучать психометрические по ценностным ориентациям.

Методы:

Для осуществления проверки на ретестовую надежность было проведено два среза, на выборке школьников от 12 до 17 лет, с промежутком 2 недели. Ретестовая надежность, определялась методом установления коэффициента корреляции между показателями теста и ретеста.

Конструктивная валидность, определялась путем факторизации первичных шкал.

Были получены следующие результаты:

1. Показатели ретестовой надежности всех первичных шкал имеют значимые коэффициенты корреляций, варьирующиеся от 0,23 до 0,53. Однако, согласно диагностическим стандартам, полученные данные не могут считаться удовлетворительными: коэффициент ретестовой надежности шкалы должен превышать 0,7 (Анастаси, 1982).

2. Данные факторизации первичных шкал убедительно говорят о достаточной конструктивной валидности: однофакторное решение демонстрирует факт включения со значимыми весами всех показателей первичных шкал в единый фактор (доля объяснимой дисперсии 27%); при этом удовлетворяющее факторное решение с суммарной долей объяснимой дисперсии 57% определило

4 симптомокомплекса ценностных ориентаций: фактор-1 – «духовно – историческое пространство», фактор-2 – «развлечения», фактор-3 – «близкие отношения», фактор-4 – «актуальные активности».

Заключение.

Таким образом, разработанная методика ценностных ориентаций «Карта города»:

1) имеет тенденции к ретестовой надежности (но требует доработки в этом плане);

2) имеет достаточную конструктивную валидность, образуя общее ценностное пространство, при этом сохраняя дифференциацию ценностей, объединяющихся в 4 симптомокомплекса (при этом выделение вторичных шкал видится преждевременным, так как необходимы дополнительные исследования).

Библиографический список

1. Анастаси А. Дифференциальная психология. Индивидуальные и групповые различия. – М.: Апрель-Пресс; Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 425 с.

2. Анастаси А. Психологическое тестирование / Пер. с англ. – М.: Педагогика, 1982. – 320 с.

3. Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика: Учебник для вузов. — СПб: Питер, 2006. – 351 с. (Серия «Учебник нового века»).

4. Кирилова Н.А. Ценностные ориентации в структуре интегральной индивидуальности старших школьников [Электронный ресурс] – URL: <https://hr-portal.ru/article/cennostnye-orientacii-v-strukture-integralnoy-individualnosti-starshih-shkolnikov> (дата обращения: 22.04.2020).

STANDARDIZATION OF PSYCHOMETRIC TOOLS: "PROJECTIVE METHOD OF STUDYING VALUE ORIENTATIONS" CITY MAP»

Antropova A.V.

Scientific supervisor: Smirnov D.O., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. As part of the research work devoted to the study of value orientations in high school age, the task was set "to develop a psychometric projective method of value orientations "City Map". Two experimental measurements were carried out with a sample of 120 people aged 12 to 17 years. Statistical verification procedures for reliability and design validity were performed. This article contains standardization data.

Keywords: value orientations, design validity and retest reliability.

СТРУКТУРА ПОСЛЕДСТВИЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА В ГРУППАХ ИНТЕРНЕТ-НЕЗАВИСИМЫХ И СКЛОННЫХ К ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОМУ ПОВЕДЕНИЮ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В СВЯЗИ С ИХ БЫТИЙНОЙ УВЕРЕННОСТЬЮ

Анферова Ю.Н.

Научный руководитель: Коптева Н.В., д. психол. н., доцент,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация.

Для выявления различий в структуре нормативных последствий использования интернета и онтологической уверенности при разной степени выраженности интернет-зависимости были применены методики: двухуровневый эмпирический конструкт Н.В. Коптевой, созданный на основе концепции Р.Д. Лэйнга; методика оценки изменения психологических границ при нормативном пользовании техническими средствами «МИГ-ТС» авторского коллектива (В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова); тест «Шкала интернет-зависимости» S.-H. Chen в адаптации В.Л. Малыгина, К.А. Феклисовой. Выборка составила 123 человека в возрасте от 16 до 18 лет. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в отличие от интернет-зависимости, предполагающей снижение онтологической уверенности, ее связь с последствиями нормативного использования интернета в группах старшеклассников с разной степенью выраженности интернет-зависимости является неоднозначной. Установлена защитная роль симптомов и негативных последствий интернета при интернет-зависимости.

Ключевые слова: онтологическая уверенность; интернет-зависимость; нормативное использование интернета.

В психологии и смежных науках на сегодняшний день проведено большое количество исследований интернет-зависимого поведения. В частности, в Институте психологии ПГГПУ проблема интернет-зависимости изучается в связи онтологической уверенностью, которую Н.В. Коптева вслед за Р. Лэйнгом соотносит с психологическим здоровьем, чему посвящен ряд ее работ (Коптева, 2017), а также выпускных квалификационных работ студентов (В. Князев, Ю. Анфёрова, М. Лобова и др.). Однако изучения интернет-зависимости как следствия использования информационных технологий явно недостаточно для понимания психологического склада современного человека, которого сложно представить отдельно от интернета. Процессы обучения, общения опосредуются гаджетами с доступом в интернет, но справедливо ли рассматривать пользователей, в чью жизнь прочно вошли новые технологии, исключительно с точки зрения интернет-зависимости? В этой связи важным становится исследование не собственно интернет-зависимости, а тех последствий и изменений, которые влечет за собой нормативное использование интернета.

Начало исследования таких изменений положено в работах В.А. Емелина, А.Ш. Тхостова, Е.И. Рассказовой. В авторской модели психологических

последствий нормативного использования интернета четко прослеживаются четыре направления изменений. Центральным является расширение и размывание границ телесности за счет включения в них гаджетов, как точек входа в личное пространство. Помимо этого авторы отмечают изменение структуры потребностей человека – усиление субъективной значимости функций технических средств, переход их в потребности, которых не было до появления гаджета. Завершающим звеном модели выступает рефлексия происходящих изменений, в том числе субъективное переживание психологической зависимости. Здесь следует заметить, что субъективное ощущение зависимости и собственно интернет-зависимость не синонимичны. Субъективное переживание зависимости может подразумевать невозможность отказа от технологии и ввиду того, что многие виды деятельности опосредствованы интернетом. Когда у тебя под рукой гаджет с доступом в сеть, становится значительно легче и быстрее связаться с другом или научным руководителем. Отказ от технологии в этом случае означает потерю удобства и функциональности.

Ранее уже проводились исследования взаимосвязи онтологической уверенности с нормативными последствиями использования интернета (Коптева, 2020; Козлова, 2019). Наше исследование отличается тем, что предметом изучения является структура последствий использования интернета в группах интернет-независимых и склонных к интернет-зависимому поведению старшеклассников в связи с их онтологической уверенностью.

Для диагностики психологических последствий использования (нормативного и выходящего за границы нормы) информационных технологий в исследовании были использованы:

- методика оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами «МИГ-ТС» В.А. Емелина, Е.И. Рассказовой, А.Ш. Тхостова (2012).
- тест «Шкала интернет-зависимости» S.-H. Chen (Chen Internetaddiction Scale – CIAS (2003 г., Китай) в адаптации В.Л. Малыгина, К.А. Феклисовой (2011).

Для изучения онтологической уверенности использовался инструментарий, соответствующий общепсихологическому двухуровневому конструкту, созданному Н.В. Коптевой (2015) на основе концепции Р.Д. Лэйнга: методики «Онтологическая уверенность» (психометрическая методика) и «Онтологическая уверенность (основанная на принципе семантического дифференциала)».

Мы предположили, что в группах с отсутствием собственно зависимости от интернета с ростом выраженности симптомов интернет-зависимого поведения и соответствующих проблем онтологическая уверенность, то есть уверенность старшеклассников в себе и собственном существовании, снижается, в то время как связь нормативных последствий использования интернета с онтологической уверенностью является неоднозначной.

Для выявления групп, различающихся выраженностью последствий использования интернета, мы разделили выборку из 123 старшеклассников в возрасте от 16 до 18 лет согласно нормативным данным методики «Шкала интернет-зависимости S.-H. Chen». В первую группу вошли старшеклассники с минимальным риском возникновения зависимости от интернета (37% от общей выборки, общий CLAS-балл 36), вторую группу составили старшеклассники со склонностью к возникновению интернет-зависимого поведения (48%, общий CLAS-балл 51), третью группу образовали пользователи с выраженным и устойчивым паттерном интернет-зависимого поведения (18%, общий CLAS-балл 70). Обратим внимание на то, что среди учеников старших классов практически у каждого пятого (18%) были выявлены устойчивые паттерны интернет-зависимого поведения, что, несомненно, достаточно много. Несмотря на то, что методика МИГ-ТС предполагает изучение последствий нормативного использования интернета, ее авторы считают, что интернет-зависимость представляет собой искажение и усугубление процессов, происходящих в норме. Это подтверждают наши данные: самые высокие баллы по интегральным показателям методики выявлены у респондентов 3-й группы. Поскольку 3-я группа оказалась малочисленной для проведения анализа, мы сравнили факторную структуру последствий использования интернета группы 1 и группы 2.

Факторная структура онтологической уверенности и последствий использования интернета в обеих группах представлена двумя факторами.

В 1-й группе независимых пользователей интернета в первый фактор с ДОД 34,5% вошли интегральные показатели «Изменение психологических границ» (0,775 – ядро фактора), «Изменение потребностей» (0,493), «Ключевые симптомы интернет-зависимости» (0,599), «Проблемы, связанные с интернет-зависимым поведением» (0,73), «ОУ(ПМ)» (-0,516) и «ОУ(СД)» (-0,633). Фактор свидетельствует о том, что при отсутствии интернет-зависимости соответствующая ей слабо выраженная симптоматика и проблемы, связанные с нормативными последствиями использования интернета (прежде всего – изменение психологических границ) подрывают онтологическую уверенность.

Второй фактор в этой группе с ДОД 19,4 % составили показатели «Психологическая зависимость» (0,905 – ядро фактора), «ОУ(ПМ)» (-0,416), «ОУ(СД)» (0,505). Субъективное переживание невозможности отказа от гаджета, увеличение времени его использования, которые характеризуют ощущение психологической зависимости, мешают переживанию себя в качестве автономной, независимой личности. Киборгизация, слияние с гаджетом может обеспечивать уверенность в себе, в достижимых с легкостью людях и мире, переживание соответствующих бытийных опор. Фактор можно обозначить «Психологическая зависимость как последствие нормативного использования интернета, неоднозначно связанное с разными уровнями онтологической уверенности».

В группе респондентов с выявленной склонностью к интернет-зависимому поведению в первый фактор с ДОД 28,9% вошли интегральные показатели

«ОУ(СД)» (0,848 – ядро фактора), «(ОУ(ПМ))» (0,798), «Проблемы, связанные с интернет-зависимым поведением» (-0,655), «Изменение потребностей» (0,431). Заметим, что факторная структура онтологической уверенности и последствий использования интернета в этой группе однозначна в плане взаимосвязи онтологической уверенности и проблем, производных от использования интернета (последние с ростом онтологической уверенности ослабевают). Однако при этом снижается выраженность изменения психологических потребностей, связанных с использованием технологий (субъективная значимость удобства, функциональности устройства; представление о техническом средстве как о компоненте имиджа). Обозначим этот фактор «Проблемы, связанные с интернет-зависимостью, снижающие онтологическую уверенность обоих уровней в связи с изменением потребностей, производных от новых технологий».

Второй фактор, однополюсный, с ДОД 26,8%, включает в себя все интегральные показатели методики «МИГ-ТС» («Психологическая зависимость» 0,677, «Изменение психологических границ» 0,788 – ядро фактора, «Изменение потребностей» 0,620) и показатель «Симптомы, связанные с интернет-зависимостью» (0,580). Особенность фактора в том, что при включении в него всех нормативных последствий интернета и симптомов собственно интернет-зависимости проигнорированы показатели онтологической уверенности. Обозначим его «Психологические последствия нормативного использования интернета, отягощенные интернет зависимостью, автономные от онтологической уверенности обоих уровней».

Наше предположение о неоднозначности природы онтологической уверенности при нормативном использовании интернета и однозначной связи интернет-зависимости с онтологической уверенностью подтвердилось. Однако кажется необъяснимым то, что в группе интернет-независимых старшеклассников нормативные последствия использования интернета вместе с показателями зависимости снижают онтологическую уверенность, а в группе склонных к зависимости автономны по отношению к ней. Возможно склонность к зависимости (в отличие от интернет-независимости) выполняет защитную функцию, благодаря которой снижения онтологической уверенности не происходит (также как и роста).

Аналогичную защитную функцию в группе интернет-независимых старшеклассников выполняет «нормативная» психологическая зависимость от интернета. Она поддерживает переживание онтологической уверенности на недифференцированном ее уровне (связанном с наличием бытийных опор), но снижает уровень её дифференцированных переживаний (личностной автономии, витальных контактов с людьми и миром). В группе склонных к интернет-зависимости защитный характер обнаруживают оба фактора.

Библиографический список:

1. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека: учеб.-метод. пособие / Е.И. Рассказова, В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов. – М.: Акрополь, 2015. – 115 с.

2. Коптева Н.В. Психологические последствия использования информационных технологий в связи с онтологической уверенностью и воплощенностью «Я» (на материале исследования студентов гуманитарного профиля) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2020. – Вып. 1. – С. 95-105.

3. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность при разной выраженности интернет-зависимого поведения // Сибирский психологический журнал. – 2017. - № 65. - С. 6-21.

STRUCTURE OF CONSEQUENCES OF INTERNET USE IN GROUPS OF INTERNET-INDEPENDENT AND INTERNET-DEPENDENT BEHAVIOR OF HIGH SCHOOL STUDENTS IN CONNECTION WITH THEIR EXISTENTIAL SECURITY

Anferova Y. N.

Scientific supervisor: Kopteva N.V., D. psych. sciences
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract

To identify differences in the structure of the regulatory implications of the technologies and ontological security in different levels of severity of Internet addiction was used methods: a two-level empirical construct N. In.Kopteva created based on the concept of R. D. Laing; the method of assessment of changes of psychological boundaries while using technical normative means "MIG-TS" - by V. A. Emelin, A. S. Tkhostov, I. E. Rasskazova; Chen Internetaddiction Scale – CIAS (2003, China) in the adaptation of V. L. Malygin, K. A. Feklisova. The sample consisted of 123 persons from 16 to 18 y.o. The results obtained indicate that, in contrast to Internet addiction, which implies a decrease in ontological security, its relationship with the consequences of the normative use of the Internet in high school groups with varying degrees of Internet addiction is ambiguous. The protective role of the symptoms and negative effects of the Internet in Internet addiction has been established.

Keywords: ontological security; Internet addiction; normative use of the Internet

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДОУ В СВЯЗИ СО СМЫСЛОЖИЗНЕННЫМИ ОРИЕНТАЦИЯМИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТРУДОВОГО СТАЖА

Атарских Н.В.

Научный руководитель: Смирнов Д.О., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. Данная работа направлена на изучение эмоционального выгорания воспитателей дошкольного образовательного учреждения в связи со смысложизненными ориентациями. Проведен теоретический анализ исследования, запланирована работа по следующим методикам: «Диагностика уровня эмоционального выгорания» по В.В. Бойко; «Смысложизненные ориентации» (методика СЖО) Д.А. Леонтьева. Данные исследования будут проведены на базе муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад №14 «Колокольчик» (г. Чайковский, Пермский край).

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания; ценностно-смысловые ориентации.

Введение.

В последнее время проблема исследования эмоционального выгорания человека встала особенно остро, так как профессиональная деятельность педагогов дошкольных учреждений подвержена различным стрессогенными факторам – непрерывное и ответственное общение с маленькими детьми, их родителями, необходимость постоянного совершенствования своих компетенций и другое.

Актуальность темы настоящей работы состоит в том, что педагоги, работающие с детьми дошкольного возраста, сегодня решают новые творческие задачи, решать которые может лишь психологически здоровый и компетентный специалист. Вопросы, касающиеся указанной проблемы, нашли свое отражение в исследованиях российских и зарубежных ученых: Б.П. Ананьев, В.В. Бойко, Р. Лазарус, К. Маслач, В.Е. Орел и других. В исследованиях этих авторов явление «синдром эмоционального выгорания», а также влияние его на эффективность деятельности людей разных профессий рассматривались подробно. Вместе с тем недостаточно исследованы причины проявлений синдрома эмоционального выгорания у педагогов дошкольных учреждений. Ценности, как базальные, иначе – первичные (по Б.Г. Ананьеву) свойства личности, формируют ее установки, склонности и характер. В свою очередь, профессиональные установки являются важным аспектом общих жизненных установок и ценностей. Частные вопросы негативных вариантов развития личности в профессии – «профессиональные деформации», «деструкции», «отклоняющееся поведение», – выступают центральной темой в трудах С.П. Безносова, Р.М. Грановской, Н.С. Пряжникова, Д.В. Чумакова, А.И. Мельникова, Е.Н. Ткач, Е.С. Савенковой, Т.И. Ронгинской и др. Общие и частные вопросы психологической профилактики профессионального выгорания личности довольно широко освещены в

современных научных источниках, кандидатских и докторских диссертациях Н.Е. Водопьяновой, Г.С. Никифорова, Н.В. Пилипчевской и других. Профессиональная деятельность воспитателя и его личностные качества становились объектом исследования в трудах Н.С. Аринушкиной, Н.В. Ивановой и Е.Ю. Голубевой, Ю.А. Журавлевой, Е.А. Голоюс, М.А. Беляковой, М.Б. Калашниковой и других. С нашей точки зрения, проблема эмоционального выгорания наиболее объективно исследована в работах американского психиатра Х. Фреденбергера, социального психолога К. Маслач, в которых они определяют эмоциональное выгорание как физическое и эмоциональное истощение и утрату полноценного восприятия окружающей действительности, в том числе и в профессиональной деятельности.

Целью работы является исследование взаимосвязи синдрома эмоционального выгорания и ценностно-смысловых ориентаций у педагогов дошкольных образовательных учреждений в связи с педагогическим стажем.

Объект исследования – синдром эмоционального выгорания и ценностно-смысловые ориентации.

Предмет исследования – синдром эмоционального выгорания и ценностно-смысловые ориентации у педагогов дошкольных образовательных учреждений.

Гипотеза исследования: эмоциональное выгорание противопоставлено смысло-жизненным ориентациям у воспитателей дошкольных образовательных учреждений и не связано с педагогическим стажем.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. изучить психологические основы синдрома эмоционального выгорания;
2. рассмотреть содержание понятия «ценностно-смысловые ориентации»;
3. дать характеристику личностным качествам педагогов дошкольных образовательных учреждений;
4. обосновать методики для диагностических эмоционального выгорания и смысло-жизненных ориентаций у педагогических работников (воспитателей) дошкольного образовательного учреждения;
5. исследовать степени выраженности и особенности проявления синдрома эмоционального выгорания у воспитателей ДОУ;
6. исследовать различия уровней эмоционального выгорания у воспитателей ДОУ в зависимости от трудового стажа;
7. провести анализ взаимосвязи уровня эмоционального выгорания и смысло-жизненных ориентаций у воспитателей ДОУ.

Метод:

Участники исследования:

Исследования проводились на базе МБДОУ «Детский сад №14 «Колокольчик» города Чайковский. В исследовании приняли участие 60 педагогов и стажеров в возрасте от 20 лет до 65 лет.

Психодиагностический инструментарий:

С целью определения уровня эмоционального выгорания была проведена методика «Диагностика уровня эмоционального выгорания» по В. В. Бойко;

Методика «Определение психического выгорания» А.А. Рукавишников; Тест смысло-жизненные ориентации (методика СЖО), Д.А. Леонтьева.

Результат.

Анализ результатов исследования позволит сформулировать вывод о том, что эмоциональное выгорание противопоставлено смысло-жизненным ориентациям у воспитателей дошкольных образовательных учреждений и не связано с педагогическим стажем.

Библиографический список:

1. Алексеева В.Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психологический журнал, 1984. – Т.5. – № 5. – С.63-70.
2. Ананьев Б.Г. Избранные труды по психологии: в 2-х томах / под ред. Н.А. Логинова. – СПб: СПбГУ, 2007. – 412 с.
3. Аринушкина Н.С. Особенности эмоционального выгорания работников дошкольных образовательных учреждений // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. – 2017. – № 1 (13). – С. 70-73.
4. Бакурадзе А.Б. Ценности-цели и ценности-средства деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. –2015. – № 1. – С. 20-29.
5. Белякова М.А. Исследование особенностей эмоционального выгорания педагогов ДООУ в условиях введения ФГОС дошкольного образования // Проблемы современной науки и образования. – 2014. – №7. – С 17-22.
6. Блум Г. Психоаналитические теории личности / Пер. с англ. и вступ. ст. А.Б. Хавина. – М.: КСП, 1996. – 247 с.
7. Бойко В.В. Социально–психологический климат коллектива и личность. – СПб: Питер, 2009. – 207с.
8. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. – М.: Наука, 2010. – 154 с.
9. Большой психологический словарь [Электронный ресурс]. – URL: https://gufo.me/dict/psychologie_dict (дата обращения: 07.05.2020).
10. Братусь Б.С. Смысловая сфера личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб: Питер, 2000. – С. 130–139.

EMOTIONAL BURNOUT OF PRESCHOOL TEACHERS IN CONNECTION WITH LIFE ORIENTATIONS DEPENDING ON WORK EXPERIENCE

Atarskikh N. V.

Scientific supervisor: D. O. Smirnov, candidate of psychological Sciences, associate Professor

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Annotation. This work is aimed at studying the emotional burnout of preschool teachers in connection with life orientations. A theoretical analysis of the study was carried out, and work is planned on the following methods: "Diagnostics of the level of emotional burnout" by V. V. Boyko; Test meaning-life orientations (sozho method), D.

A. Leontiev. These studies will be conducted on the basis of the municipal budget preschool educational institution Kindergarten No. 14 "Bell" in the city of Tchaikovsky, Perm region.

Key words: emotional burnout syndrome; value-semantic orientations.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОНЯТИИ «ЭГО-ИДЕНТИЧНОСТЬ» В ТЕОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Баишева К.И.

Научный руководитель: Шилиева И.Ф., к. филос. н., доцент
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа

Аннотация. Статья посвящена осмыслению опыта исследования эго-идентичности как системообразующего феномена личности, а также обобщению и систематизации материала, накопленного учёными в период с конца XIX века по настоящее время. Анализируются особенности психологического содержания концепций эго-идентичности Э. Эриксона, Дж. Марсиа, Е.Л. Солдатовой, их структурные и динамические аспекты. Также затрагиваются теории, содержащие сходные по содержанию с эго-идентичностью понятия: «самость», «самоидентичность», «личностная идентичность»; прослеживается влияние этих теорий на формирование современного представления об исследуемом феномене.

Ключевые слова: идентичность; эго-идентичность; личность; кризис развития; «самость».

Введение. Проблема эго-идентичности в современном мире становится всё более актуальной. Изменения в социальной структуре общества, усложнение системы отношений, трансформация ценностных ориентаций, нарастающие процессы глобализации всё чаще приводят к неопределённости, диффузности, следствием чего является кризис идентичности. Поиск путей разрешения кризиса облегчит понимание фундаментальных основ вопроса, к тому же анализ современных научных публикаций позволяет констатировать, что в психологических исследованиях эго-идентичность редко становится самостоятельным предметом изучения и обычно выступает в роли коррелята других психологических феноменов. Так, И.А. Шляпниковой рассматривались вопросы о взаимосвязи эго-идентичности и личностной зрелости; Н.А. Суворовой – особенности эго-идентичности у лиц, зависимых от психоактивных веществ; Д.И. Савельевым и Н.Р. Гулиной – взаимосвязь личностных особенностей и статусов эго-идентичности и т.д. Кроме того, эго-идентичность выступает в качестве базисной структуры личностного развития теории нормативных кризисов развития личности Е.Л. Солдатовой. Таким образом, целью нашего исследования является обобщение опыта изучения

зарубежными и отечественными учёными эго-идентичности как чувства целостности, устойчивости, непрерывности, неповторимости собственного Я.

Метод. Специфика изучения исторического аспекта проблемы зачастую предполагает теоретические методы исследования. В настоящей статье в качестве основных методов нами были использованы теоретический анализ, изучение психологической и специальной литературы, метод логических обобщений.

Результаты теоретического исследования. Термин «идентичность» имеет латинские корни. Известное выражение «*semper idem*», что примерно означает «всегда один и тот же», использовалось ещё во времена Древней Греции. Учёные употребляли понятие «*idem*» применительно к неодушевлённым предметам, обозначая свойство вещей сохранять свою сущность вне зависимости от внешних обстоятельств. В русском языке долгое время вместо «идентичности» использовался термин «тождественность», произошедший от старославянского «тожде», что в современном варианте звучит как «тоже».

Английский философ Дж. Локк в XVII в. одним из первых начинает использовать понятие идентичности как характеристики личности. Он детально анализирует проблему тождества в работе «Опыт о человеческом разумении» (1689 г.). Непрерывность сознания и наличие памяти (а соответственно, и способность интегрировать предыдущие состояния) Локк считал основными критериями существования личности.

В XIX – начале XX в. в трудах исследователей появляется новый термин, описывающий основу и характеризующий целостность личности, - «Self», в русских переводах - «самость». Немецкий социолог Г. Зиммель описывал механизмы формирования «самости» посредством осознания индивидом своей принадлежности к определённым социальным группам и противопоставления другим (Зиммель, 1908). Американский философ Дж. Мид, представитель символического интеракционизма, в структуре «самости» («Self») выделил два взаимосвязанных компонента: «Me» (с англ. *me* - «меня») – совокупность общественных норм и правил поведения и «I» (с англ. *I* - «я») - индивидуальность, своеобразие личности (Мид, 1934). Американский социолог Ч. Кули, в свою очередь, предложил концепцию «зеркальной самости», основанную на конструировании индивидом представлений о себе на основе реакций окружения на его поведение (Кули, 1902). Г. Зиммель, Дж. Мид и Ч. Кули заложили основы понимания эго-идентичности как структуры, формирующейся в ходе тесного взаимодействия с социумом. Отметим, что самого термина «эго-идентичность» на тот момент ещё не существовало.

Понятие «идентичность» пришло на смену «самости» в середине XX в., когда его впервые употребил в своей книге «Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью» Э. Гоффман. Оно активно распространялось в среде социологических исследований. В психиатрии утверждается диагноз «кризис идентичности» как остро переживаемое чувство размывания или утраты собственной идентичности, потери самотождественности.

В психологии широкое распространение термины «идентичность» и «эго-идентичность» получили после публикации работы американского психолога, автора эпигенетической теории развития личности Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис» (Эриксон, 1996). Представляя взгляд Э. Эриксона на идентичность, А.В. Толстых пишет о том, что идентичность трактуется как «тождественность человека самому себе», а также как «твердо усвоенный и лично принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным «я», независимо от изменений «я» и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития».

Эриксон считает, что только в результате интеграции достижений формируется здоровая адаптированная личность: «Психологическая идентичность развивается из постепенной интеграции всех идентификаций» (Эриксон, 2000). Также он различает идентичность индивида, вводя понятие «эго-идентичности», и социальную идентичность. Идентичность индивида, по Э. Эриксону, основывается «на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими». Она формируется на базе социальной идентичности. Вводя понятие «эго-идентичности» как более узкого, глубинного конструкта, Эриксон подчеркивает, что оно «имеет отношение не просто к самому факту существования; это как бы качество существования, придаваемое ему этим эго».

Исследования Э. Эриксона продолжает канадский психолог Дж. Марсиа. Он определяет эго-идентичность как «внутреннюю, самостоятельно построенную, динамическую систему побуждений, способностей, убеждений и индивидуальной истории» (Марсиа, 1980). Вслед за Эриксоном он выделяет четыре статуса (состояния) идентичности личности: достигнутая идентичность, предрешённая идентичность, диффузная идентичность, мораторий. Статус достигнутой идентичности характеризуется состоянием сформированности значимых ценностей и целей, хорошей адаптивностью, чувством уверенности в своих силах, оптимистичным настроением. Предрешённая идентичность характерна для личности, чьи ценности и цели были сформированы не самостоятельно, а посредством идентификации со значимыми людьми, прежде всего, членами семьи. Мораторий – это состояние кризиса идентичности и активного поиска выхода из него. Диффузная идентичность – состояние личности, не имеющей устойчивых ценностей и целей и не пытающейся их утвердить в силу различных обстоятельств.

О «самоидентичности» пишет также американский психолог, разработчик теории черт личности Г. Олпорт. Он вводит понятие «проприума», понимая под ним «позитивное, творческое, стремящееся к росту и развивающееся свойство человеческой природы; это качество, осознаваемое как наиболее важное и центральное» (Олпорт, 2002). «Проприум», по Олпорту, включает в себя аспекты личности, формирующие чувство внутреннего единства. Ощущение

самоидентичности, согласно Олпорту, характерно для второго аспекта развертывания проприума (всего он выделил 7 таких аспектов). Оно наиболее очевидно тогда, когда посредством языка ребенок осознает самого себя в качестве определенного и постоянно важного лица. Наиболее важной отправной точкой для чувства целостности и непрерывности «Я» становится с течением времени собственное имя ребенка. Так же, как и Эриксон, Олпорт понимал, что самоидентичность непрерывно развивается до тех пор, пока не стабилизируется в зрелости.

Согласно концепции Е.Л. Солдатовой, эго-идентичность - это глубинная личностная структура, которая выполняет регулирующую, управляющую и оценивающую функции с целью сохранения тождественности себе, непрерывности и интегративности личности взрослого человека. Статус эго-идентичности у одного и того же человека может быть различным в различных сферах его жизни: в одной плоскости может фиксироваться достигнутая идентичность, в других – диффузная или мораторий (Солдатова, 2006). Эго-идентичность, понимаемая как процесс рефлексии личностью собственных изменений, актуализируется в нормативных кризисах развития взрослого человека. Динамика эго-идентичности связана с динамикой нормативного кризиса. Солдатова определяет соответствие между фазами нормативного кризиса и определенными статусами эго-идентичности. В дебюте кризиса возникает предрешенная эго-идентичность, заданная новой социальной ситуацией, внешними образцами и идеальной формой; в апогее кризиса - размытая или диффузная; в завершении кризиса - автономная или достигнутая эго-идентичность; для стабильных периодов развития характерен мораторий в поиске эго-идентичности (Солдатова, Шляпникова, 2010).

Заключение. Таким образом, первоначально вопрос идентичности как свойства вещей рассматривался ещё во времена Древности и Средневековья. Считается, что проблема идентичности личности впервые была поставлена английским педагогом и философом Дж. Локком в XVII в. Начиная с Нового времени, указанный термин стал применяться для характеристики ощущения личностью самоидентичности и непрерывности своего существования во времени и пространстве. Позже для обозначения феномена, создающего основу личности и обеспечивающего её единство, исследователи, наряду с идентичностью, начали использовать понятие «самость». Разрабатывая в середине XX века свою эпигенетическую теорию, Э. Эриксон ввёл понятие «эго-идентичность», означающее тождественность человека самому себе, устойчивость и адекватность образа Я во всем богатстве его проявлений. Более подробно данное понятие было описано Дж. Марсиа, создателем статусной модели идентичности. В современной психологической науке принято представление об эго-идентичности как внутреннем, субъективном состоянии индивида, в котором выражается осознание им себя как своеобразной, устойчивой личности. Таким образом, проанализировав научные труды и публикации на тему эго-идентичности и смежных понятий с XVII века по настоящее время, мы убедились в сложности и многомерности определения

данного понятия, представляющего большой научный интерес и широкое поле для дальнейшего изучения. Структура эго-идентичности также нуждается в более детальном изучении, анализе и обобщении опыта предыдущих исследователей. Представленные теоретические модели являют собой основу также и для эмпирических исследований.

Библиографический список

1. Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / сост. С.Я. Левит. – М.; СПб: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 416 с.
2. Кули Ч.Х. Избранное: Сб. переводов / сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев. – М., 2019. – 234 с.
3. Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т. 1. Опыт о человеческом разумении. - Москва: Мысль, 1985. – 621 с.
4. Марсиа Дж. Идентичность в подростковом возрасте / сост. Дж. Адельсон. – Нью-Йорк: Джон Уайли, 1980. – С. 100-131
5. Николаева В.Г., Мид Дж. Г. Разум, я и общество (главы из книги). G. H. Mead. Mind, self and society. - Chicago, 1934. - P. 135-144, 164-178, 192-200 [Электронный ресурс] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. - 1997. - №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/97-04-041-dzh-g-mid-razum-ya-i-obschestvo-glavy-iz-knigi-g-h-mead-mind-self-and-society-chicago-1934-p-135-144-164-178-192-200> (дата обращения: 10.05.2020).
6. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / общ. ред. и пер. с англ. Д.А. Леонтьева. - М.: Смысл, 2002. – 461 с.
7. Солдатова Е.Л. Эго-идентичность в нормативных кризисах взрослости // Вопросы психологии. – 2006. – № 5. – С. 74-84.
8. Солдатова Е.Л., Шляпникова И.А. Эго-идентичность как системообразующий фактор формирования личностной зрелости [Электронный ресурс] // Вестник ЮУрГУ. – 2010. – №27 (203). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ego-identichnost-kak-sistemoobrazuyuschiy-faktor-formirovaniya-lichnostnoy-zrelosti> (дата обращения: 25.04.2020).
9. Эриксон Э. Детство и общество / пер. с англ. А.А. Алексеева. – СПб: ИТД «Летний сад», 2000. – 416 с.
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / общ. ред. и пер. с англ. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

THE DEVELOPMENT OF IDEAS ABOUT THE CONCEPT "EGO-IDENTITY" IN THE THEORY OF PSYCHOLOGY

Baisheva K.I.

Scientific supervisor: Shilyaeva I.F., PhD in Philosophy, docent
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Ufa

Abstract. The article is devoted to understanding the experience of studying ego-identity as a system-forming phenomenon of personality, as well as generalization

and systematization of the material accumulated by scientists in the period from the end of the XIX century to the present. The article analyzes the features of the psychological content of the concepts of ego-identity of E. Erikson, J. Marcia, E.L. Soldatova, their structural and dynamic aspects. We also touch on theories containing concepts similar in content to ego-identity: «self», «self-identity», «personal identity»; the influence of these theories on the formation of a modern understanding of the phenomenon under study is traced.

Key words: identity; ego-identity; personality; development crisis; «self».

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА В НЕПОЛНОЙ СЕМЬЕ НА БАЗЕ РОДИТЕЛЬСКОГО КЛУБА «СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ»

Береснева Е.Н.

Научный руководитель: Крюкова Е.А., к. психол. н.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация: Статья посвящена организации работы с неполными семьями, имеющими детей младшего школьного возраста и констатирующими проблемы во внутрисемейных взаимоотношениях. Программа психолого-педагогического сопровождения для таких семей обобщает опыт практической работы автора и представляет собой попытку структурировать данный опыт.

Ключевые слова: неполная семья, воспитательный потенциал семьи, семейные ценности, психолого-педагогическое сопровождение семейных проблем.

Ни для кого не секрет, что социализация личности ребенка осуществляется в семье. Семья формирует первичные представления о жизни, опыт, отношения, интересы и потребности, влияет на ценностную систему, информирует, а затем требует выполнения социальных и культурных поведенческих норм, создает потенциал развития личности, преемственность в воспитании следующих поколений. Однако институт семьи меняется под влиянием ускорения темпов жизни, меняется семейный уклад, зачастую семья мельчает в качественном и в количественном отношении. Практика свидетельствует о том, что многие семьи не справляются со своими функциями, обедняются внутрисемейные отношения, при усложнении и развитии роли женщины в обществе в позитивную сторону, зачастую минимизируется и упрощается ее роль как жены и матери, смещаются акценты в жизни, начинают преобладать интересы дела, карьеры, лидерства, информированности, центрированность на себе. В то же время сокращаются внутренние ресурсы матери на самоотдачу в семье, сокращается забота о ребенке. Современные женщины могут изменить семейный статус неоднократно. В связи с этим, эмоциональные связи стали носить спутанный характер, детям не хватает внимания со стороны близких родственников, их

эмоциональное взаимодействие ограничивается, они путаются в родственных и псевдородственных отношениях.

Согласно исследованиям и статистике, процент распада семей высок, а в неполных семьях взрослым не хватает времени, сил и возможностей для осуществления полноценного развития ребенка (Гасанова, 2015). Появляются условно-неполные семьи, в которых эмоциональное взаимодействие ребенка с отцом практически отсутствует, границы между полной и неполной семьей стираются.

Изучением проблемы воспитания в неполных семьях занимаются И.Ф. Дементьева, Е.И. Комкова, М.А. Костенко, Л.Г. Лунякова, Б.Б. Нусхаева и др.

Статистика по категориям семей в Пермском крае констатирует факт многочисленности неполных и формально-неполных семей. Авторский интерес к созданию Программы развития воспитательного потенциала неполной семьи вызван тем, что таким семьям нужна разносторонняя психолого-педагогическая помощь и сопровождение (Коробкова, 2019). Работа выполнена с опорой на деятельность клуба «Семейный очаг» и направлена на повышение воспитательной культуры родителей, укрепление внутрисемейных связей, оптимизацию детско-родительских отношений в неполных или формально неполных семьях.

Особенности реализации программы. Психолого-педагогическое сопровождение осуществляется в течение учебного года. Участвуют семьи, имеющие детей младшего подросткового возраста. Решение заявленных в программе задач выстраивается в рамках традиционных для психологии направлений: диагностики, просвещения, организации коррекционно-развивающей работы, профилактики, консультирования. Каждое из заявленных действий описывается в данной последовательности, а также с точки зрения форм, методов, ожидаемых результатов.

Цель: Разработка Программы развития воспитательного потенциала неполной семьи для ее использования на базе семейного клуба.

Коротко приводим далее задачи, изложенные в Программе и предложения по их реализации.

Задача 1. Актуализировать необходимость соблюдения и выполнения членами семьи духовно-нравственных норм и принципов поведения в обществе.

Для выявления уровня развития духовно-нравственных норм и ценностей в семье можно применить методику для детей «Диагностика отношения к жизненным ценностям» (Т.А. Фалькович). По результатам диагностики, происходит информирование родителей и детей о значимости соблюдения членами семьи норм и принципов поведения. Работа осуществляется в форме семинара или круглого стола, организуется дискуссия и моделирование.

Развивать навыки соблюдения и выполнения членами семьи духовно-нравственных норм и принципов поведения в обществе, а также совершенствовать рефлексивные навыки можно, используя дневник наблюдений или рефлексивный дневник, медиа-технологии, метод тренинга. Для содействия

в решении проблем поведения подойдут методы беседы, разбор ситуаций, связанных с поведением ребенка.

Ожидаемый результат – родители и дети будут проинформированы, у части из них появится потребность в переоценке духовно-нравственных норм в своей семье. В семьях, которые примут активное участие в программе, актуализируются навыки соблюдения и выполнения духовно-нравственных норм и принципов поведения в обществе. На первых этапах будет достаточно акцентировать внимание на проблемах и стимулировать интерес к разрешению семейных проблем с помощью психолого-педагогических методов.

Задача 2. Сформировать ценностное отношение родителей к семье, к детям, к родительской роли.

Для решения второй задачи предлагается изучить отношение родителей и детей к семье, например, с помощью «Тест-опросника родительского отношения (ОРО)» (А.Я. Варга, В.В. Столин). Родителей информируют о результатах и вовлекают в новые формы организации работы, например, с помощью тренинга «Родительство», использования медиа-технологий и др. Родителей побуждают развивать ответственное отношение к родительской роли, внимательность к взаимоотношениям, к семейному микроклимату, в основе которого доверие и безопасность.

Практика показывает, что по результатам внутрисемейной диагностики от 30% до 50% родителей, участвующих в подобных программах, демонстрируют низкий уровень кооперации и принятия, до 60% высокий симбиоз, до 40% родителей демонстрируют высокий уровень гиперсоциализации, до 45% высокий уровень инфантилизации.

Проведение бесед и разъяснения педагога-психолога позволяют ожидать появления потребности в формировании семейных ценностей и традиций.

Задача 3. Проанализировать стиль семейного воспитания.

Изучение стиля семейного воспитания с помощью опросника «Какой Вы родитель?» и методики «Стратегии семейного воспитания» (С.С. Степанова в модификации И.И. Махониной) позволяет предметно разговаривать с родителями о стилях семейного воспитания, наиболее благоприятных для развития ребенка. Используются дискуссионные формы и игровое моделирование.

Большинство родителей (около 80% в совокупности), обращающихся в клуб, имеют крайности в виде либо авторитарного, либо либерального стиля воспитания, около 10% опрошенных – авторитетный, еще 10% - индифферентный. Родители получают разъяснения относительно стиля воспитания, в результате у части из них появляется понимание и потребность в изменении стиля.

Задача 4. Сформировать характер внутрисемейных отношений: детских, детско-родительских, между бывшими супругами.

Для изучения семейных отношений, используются «Тест-опросник родительского отношения» (А.Я. Варга, В.В. Столин), «Кинетический рисунок семьи» (КРС) Р. Бернса, С. Кауфмана, «Цветовой тест отношений» (ЦТО) А.М.

Эткинда, родительское сочинение. По результатам диагностики и с целями просвещения и профилактики происходит информирование родителей и детей о важности выстраивания благоприятных и доверительных отношений. Формы работы разнообразны, но они объединяют вместе родителей и детей.

По результатам первичной диагностики большинство обратившихся (75%) не удовлетворены внутрисемейными отношениями. Но в результате проведенной работы все получают необходимую психолого-педагогическую информацию по данному вопросу, и примерно треть из неудовлетворенных отношениями семей, повышает мотивацию к выстраиванию благоприятных и доверительных отношений. Ожидаемым результатом являются процессы сплочения семьи.

Задача 5. Повысить уровень самоорганизации семьи в быту, игровой деятельности, учебно-познавательной, культурно-досуговой деятельности.

Для диагностики можно использовать опросник «Изучение самоорганизации семьи». Затем происходит информирование родителей о способах самоорганизации, формируется соответствующая мотивация. Беседа выстраивается на разъяснении необходимости понимания значения самоорганизации и обсуждении последствий отсутствия данного навыка. К методам, используемым при решении нескольких первых задач, добавляется разработка совместных мероприятий, дел (родители плюс дети). Обычно, только 5% опрошенных обладают высоким уровнем социально-педагогической самоорганизации семьи, у 25% он средний, у 70 % в совокупности – низкий и очень низкий. В результате проведения психолого-педагогических мероприятий можно рассчитывать на то, что значительная часть родителей окажется проинформированной, ориентировочно половина из них задумается о необходимости самоорганизации в семье, примерно у трети из обратившихся произойдет повышение уровня понимания значения самоорганизации в семье.

Задача 6. Развить навык общения с социумом у родителей и детей.

Для реализации данной задачи необходимо изучить уровень социализации родителей и детей, это можно осуществить, например, с помощью теста «Уровни социализации личности» (версия Р.И. Мокшанцева). Работа выстраивается по традиционной схеме: информирование, проведение дискуссии, семинара-практикума для организации помощи в процессе социализации ребенка, использование игрового моделирования, тренинга «Родительство», медиа-технологий, побуждение членов семьи вести дневники наблюдений.

Даже при значительном количестве показателей среднего (30%) и низкого уровня (40%) у родителей, результаты взрослых в целом все равно выше, чем результаты детей (30%) и (60%) соответственно. Это создает возможность влияния одних на других, кроме того позитивно и влияние психолого-педагогической развивающей работы. В данном случае планируется, что большинство участников окажутся проинформированы, и можно предполагать, что, пытаясь решить проблемы детей, взрослые отчасти решат и свои проблемы. В любом случае, у половины обратившихся появляется мотивация менять ситуацию, у третьей части эта мотивация доходит до стадии активных действий.

Задача 7. Формирование благоприятного микроклимата.

При решении данной задачи приходится развивать навыки конструктивного разрешения конфликтов, и помимо уже названных выше методов используются демонстрация личных примеров, игровой и проективный методы, индивидуальные и групповые формы работы, родительская конференция, осуществляется поддержка готовности к саморазвитию, беседы имеют целью фиксацию позитивного опыта.

В целом, если у родителей повысится готовность к саморазвитию, и конфликты начнут более конструктивно разрешаться, можно будет считать, что это будет позитивным результатом проделанной работы.

Задача 8. Повышение психолого-педагогических компетенций родителей.

Изучаем уровень сформированности психолого-педагогических компетенций в рамках диагностической беседы, организованной в форме круглого стола, используем также метод анкетирования, «Методику диагностики уровня развития рефлексивности» (опросник А.В. Карпова).

Используя лекционно-семинарские формы, информируем родителей, обсуждаем и моделируем ситуации развития. Возможно проведение вебинара, организация семейного проекта или дела, приветствуется опыт анализа и демонстрации личных примеров.

На этом этапе важно развитие рефлексивных навыков участников, актуализация гуманистических ценностей, установок, убеждений, развитие аналитичности, организация совместного общения родителей и детей, актуализация успешного родительского опыта, повышение готовности к саморазвитию. Позитивный опыт важно зафиксировать и подвести итоги всей проделанной работы.

Вывод. В результате участия в Программе, большинство родителей в дальнейшем успешно реализуют свой воспитательный потенциал, изменяя внутрисемейную ситуацию. В целом должно произойти улучшение отношений в семье. Снизится эмоциональная нестабильность детей и родителей, появится опыт успешной социализации и социальная ответственность за свои действия, снизится агрессивность и конфликтность, что создаст почву для обретения членами семьи психологического здоровья, целостности, развития семейных ценностей, и традиций, укрепится воспитательный потенциал семьи.

Библиографический список

1. Гасанова П.Г., Даудова Д.М. Особенности родительско-детских отношений в неполной семье // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. – 2015. – Т.32. – №3. – С. 205.
2. Коробкова В.В. Система подготовки специалистов социально-педагогической сферы к работе с семьей в открытом образовательном пространстве (на примере Пермского края) // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 1. – С. 93-95.

THE PROGRAM OF DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL POTENTIAL

IN A SINGLE-PARENT FAMILY ON THE BASIS OF THE PARENT CLUB «FAMILY HEARTH»

Beresneva E. N.

Scientific supervisor: Kryukova E.A., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract: the Article is devoted to the organization of work with single-parent families with children of primary school age and stating problems in intra-family relationships. The program of psychological and pedagogical support for such families summarizes the author's practical experience and is an attempt to structure this experience.

Keywords: incomplete family, educational potential of the family, family values, psychological and pedagogical support of family problems

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ С РАЗНЫМ КОЛИЧЕСТВОМ ДЕТЕЙ

Береснева Е.Н.

Научный руководитель: Таллибулина М.Т., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация: Статья посвящена исследованию психологических особенностей подростков из полных и неполных семей с разным количеством детей. Исследование показало, что психологические особенности подростков из полных и неполных семей скорее схожи, чем различаются. Корреляционные связи в неполной семье практически идентичны корреляционным связям подростков из неполных семей с единственным ребенком, а корреляционные связи в полной семье идентичны корреляционным связям подростков из полных семей с двумя и более детьми.

Ключевые слова: психологические особенности, подростки, полная и неполная семья, сиблинги, количество детей.

Введение.

Современная система образования сталкивается с большим количеством проблем, связанных с эмоциональным неблагополучием ребенка: тревожность, страхи, агрессивность современных детей нарастают в геометрической прогрессии. Данные проблемы зачастую связаны с ситуацией в семье, в частности, ее составом (полная или неполная семья), а также с количеством детей в семье. В этой связи особое значение для практиков образования (в т.ч. психологов образования) имеют исследования, связанные с изучением психологических особенностей подростков в полных и неполных семьях с разным количеством детей, а также изучение взаимосвязи семейной ситуации и эмоционально-психологического состояния ребенка.

Теоретические и практические разработки, посвященные изучению семьи, семейной конфигурации, а также составу семьи таких исследователей, как А.И. Антонов, С.М. Голод, Е.А. Личко, О.А. Карабанова, М.С. Мацковский, В.М. Медков, М. Мид, В. Сатир, Т.М. Трапезникова, А.Г. Харчев и др.; положения о психолого-педагогических основах детско-родительских отношений, о типологии стилей семейного воспитания, о семейной социализации, о воспитании детей в семье (А. Адлер, А.Я. Варга, А.И. Захаров, Л. Ковар, П.Ф. Лесгафт, А.Е. Личко, А.С. Макаренко, В.М. Минияров, А.В. Петровский, Л.Г. Сагатовская, В. Сатир, Е.Т. Соколова, А.С. Спиваковская, В.В. Столин, В.А. Сухомлинский, и др.) дают возможность понять, что психологические особенности подростков, семейная ситуация, наличие или отсутствие сиблингов, стили семейного воспитания и т.д. безусловно оказывают огромное значение на формирование личности ребенка, особенно в подростковом возрасте.

Цель исследования: выявление психологических особенностей подростков в полных и неполных семьях с разным количеством детей.

Объект исследования: психологические особенности подростков.

Предмет исследования: особенности взаимосвязи психологических особенностей подростков в полных и неполных семьях, с разным количеством детей.

Гипотезы:

1. Имеются значимые различия в индивидуально-личностных свойствах (ведущих тенденциях) подростка, его эмоциональном состоянии в полных и неполных семьях с разным количеством детей.

2. Существует специфика во взаимосвязях между параметрами психологических особенностей подростка, его эмоциональным состоянием в полных и неполных семьях с разным количеством детей.

Задачи исследования:

1. Провести анализ литературных источников по теме: психологические особенности подростков в полных и неполных семьях с разным количеством детей.

2. Выявить особенности выраженности параметров психологических особенностей подростков в полных и неполных семьях с разным количеством детей.

3. Провести сравнительный анализ взаимосвязей параметров психологических особенностей подростков в полных и неполных семьях с разным количеством детей.

4. Разработать рекомендации родителям и учителям, направленные на повышение воспитательного потенциала семьи, а также на выстраивание детско-родительских отношений и отношений между учителями и подростком с учетом психологических особенностей ребенка в полных и неполных семьях с разным количеством детей.

Метод.

Эмпирическое исследование проводилось на базе МАОУ «СОШ №65 с углубленным изучением английского языка» г. Перми в октябре-ноябре 2018 г., феврале-марте 2019 г. и январе 2020 г.

Выборку составили 120 школьников в возрасте 12-15 лет. При этом, 30 человек проживают в полной семье с одним ребенком, 30 человек – в неполной с одним ребенком, 30 человек в полной семье с двумя и более детей и 30 – в неполной с двумя и более детей. К неполным мы отнесли семьи без постоянного присутствия отца. Отец живет отдельно, допускаются встречи ребенка с отцом. Факторы степени участия отца в воспитании ребенка в неполной семье, и наличие близкого друга у мамы также не учитывались, в связи с невозможностью выяснения данных параметров.

В процессе исследования были использованы следующие диагностические методики: Индивидуально-типологический опросник (Л.Н. Собчик); Тест «Склонность к девиантному поведению» (Э.В. Леус, А.Г. Соловьев); Тест уровня школьной тревожности Филлипса; Методика «Шкала приемлемости» (Н.В. Бахарева)

Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием электронных таблиц Excel, а также пакета статистических программ анализа данных Statistika 6.0. корпорации StatSoft.

Результаты.

Выявлено, что подростки из неполных семей более тревожны, что связано с реакцией на объективные трудности функционирования неполной семьи. Тогда как подростки из полной семьи более эмоционально нестабильны в связи со школьной ситуацией.

Подростки из полных семей с одним ребенком больше склонны к девиантному поведению, более чувствительны, эмоциональны, фрустрированы в достижении успеха, а также менее социализированы в обществе сверстников. Тогда как у подростков из полных семей с двумя и более детьми, более выражены эмоциональные переживания, связанные со школьной ситуацией.

Подростки из неполных семей, имеющие сибсов более тревожны, что связано предположительно с недостаточным вниманием со стороны родителя, а подростки, не имеющие сибсов, менее уверены в себе, им сложно выстраивать взаимоотношения, открываться, особенно публично.

Таким образом, гипотеза о различиях в выраженности параметров психологических особенностей подростков в полных и неполных семьях с разным количеством детей получила эмпирическую поддержку частично.

Выявлена специфика во взаимосвязях параметров психологических особенностей подростков в полных семьях. Так, склонность к суицидальному поведению у подростков из полных семей связана с личностными характеристиками подростков, такими как молчаливость, замкнутость и отгороженность, которые способствуют ее проявлению, а упорство и упрямство в достижении цели, общительность и ответственность в свою очередь, уменьшают проявление аутоагрессивного поведения. Агрессивное поведение подростка из полных семей связано с ситуацией в школе и в классе, его

принятием в классном коллективе и с таким свойством личности подростка, как преувеличение собственных проблем.

Обнаружена и специфика во взаимосвязях параметров психологических особенностей подростков в неполных семьях. Так, параметры суицидального поведения в основном связаны с внутренним эмоциональным состоянием подростка, его страхами, тревогами по поводу оценки как его знаний, так и личности в целом. Показатели агрессивного поведения связаны как со страхами, тревогами по поводу оценки как его знаний, личности в целом, так и с его личностными особенностями, такими как аггравация и агрессия. Социально обусловленное поведение подростков из неполных семей связано с экстраверсией и ригидностью подростка, только чем ниже данные проявления личности, тем выше предпротипротивоправное поведение. Аддикции, проявляющиеся у подростков из неполных семей связаны с его личностной особенностью преувеличения проблем.

Установлено, что в полных семьях с одним ребенком склонность к девиациям (делинквентному поведению и суицидальному поведению) связана такая личностная особенность подростка, как интроверсия. Агрессивное поведение подростка в полной семье с двумя и более детьми связано с ситуацией в школе и в классе, его принятием в классном коллективе и с таким свойством личности подростка, как преувеличение собственных проблем. Склонность к суицидальному поведению в полной семье с двумя и более детьми, также связана в большей степени со школьной ситуацией. Делинквентное поведение подростков из полных семей с двумя и более детьми связано с преувеличением своих проблем и подчеркиванием личностных особенностей. Аддикции же подростков из полных семей с двумя и более детьми связаны с уровнем тревожности и страхом не соответствовать ожиданиям окружающих. Социальная обусловленность поведения у подростков из полных семей с двумя и более детьми связана с личностной особенностью подростка, с интроверсией.

В группе подростков из неполных семей с одним ребенком прослеживается взаимосвязь агрессивного поведения с личностной особенностью подростка – агрессивностью, а также со школьной ситуацией, связанной со страхом самовыражения, не соответствием ожиданиям окружающих, а также фрустрацией потребностей в достижении успеха. Связи в показателе агрессивного поведения у подростков из неполных семей с одним ребенком практически полностью повторяют корреляции в целом по неполным семьям, из чего можно сделать вывод, что возможными причинами девиаций в обеих выборках являются одинаковые особенности подростков.

У подростков из неполных семей с единственным ребенком обнаружены связи проявления аутоагрессивного поведения со сложностями во взаимодействии с окружающими. В неполных семьях с одним ребенком подростки больше склонны к проявлению всех видов девиаций, причиной которых в равной степени являются как личностные характеристики подростков (аггравация, экстраверсия, агрессивность, ригидность), так и школьная ситуация, связанная со страхами проявления своих личностных особенностей. Данный

факт практически полностью повторяют картину корреляционных связей в неполной семье, что говорит об идентичных личностных особенностях подростков из неполных семей (независимо от количества детей) и подростков из неполных семей с единственным ребенком.

У подростков же из неполных семей с двумя и более детьми связи с девиантным поведением практически все отрицательные, что говорит о более стабильном эмоциональном состоянии подростков, личностные особенности не способствуют появлению девиаций.

Таким образом, гипотеза о существовании специфики во взаимосвязях между параметрами психологических особенностей подростков в полных и неполных семьях с различным количеством детей подтвердилась.

Заключение.

Психологические особенности подростков с полным и неполным составом семьи более схожи, чем различаются, а наличие или отсутствие сиблингов также не является существенным различием психологических особенностей подростков. Практически все девиации подростков из полных семей положительно коррелируют с аггравацией и интроверсией, т.е. с личностными особенностями подростков. Подростки из неполных семей склонны к проявлению всех видов девиаций, причиной которых в равной степени являются как личностные характеристики подростков (аггравация, экстраверсия, агрессивность, ригидность), так и школьная ситуация, связанная со страхами проявления своих личностных особенностей. Девиации у подростков из полных семей с одним ребенком в большей степени связаны с личностными характеристиками, у подростков же из полных семей с двумя и более детьми девиации связаны с эмоциональным состоянием ребенка, в различных формах его включения в школьную жизнь. Подростки из неполных семей с двумя и более детьми меньше, чем подростки из неполных семей с одним ребенком, склонны к девиантному поведению.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Изд-во «Смысл»; Изд-во «Эксмо», 2005. – 1136 с.
2. Гасанова, П.Г. Особенности родительско-детских отношений в неполной семье [Электронный ресурс] // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. – 2015. – №3 (32). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-roditelsko-detskih-otnosheniy-v-nepolnoy-semie>
3. Дурсунова, А.И. Особенности эмоционального развития в подростковом возрасте // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-1. – С. 80.
4. Дружинин В.Н. Психология семьи. — Екатеринбург, 2010 – 85 с.
5. Целуйко В.М. Психология современной семьи. – М., 2012. – 250 с.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF TEENAGERS RAISED IN FULL AND INCOMPLETE FAMILIES WITH DIFFERENT NUMBERS OF CHILDREN

Beresneva E. N.

Scientific supervisor: Tallibulina M. T., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract: The article is devoted to the study of psychological characteristics of teenagers from full and incomplete families with different numbers of children. The study showed that the psychological characteristics of teenagers from full and incomplete families are more similar than different. Correlations in a single-parent family are almost identical to correlations of teenagers from single-parent families with an only child, and correlations in a full family are identical to correlations of teenagers from full families with two or more children.

Keywords: psychological characteristics, teenagers, full and incomplete families, siblings, number of children.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ: ОТНОШЕНИЯ С РОДИТЕЛЯМИ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ЛЮБОВНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Биктагирова М.Ф.

Научный руководитель: Самбикина О.С. к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация: В данной статье обосновывается актуальность исследования малоизученной, но широко распространённой проблемы. Работа представляет собой теоретический обзор проблемы любовной зависимости в психологии семьи и семейных отношений. Проведен анализ различных теоретических подходов к данной теме. Рассмотрены разные точки зрения на феномен любовной зависимости, выделены инвариантные характеристики любовной аддикции. Обозначена необходимость изучения данной проблемы в русле детско-родительских отношений.

Ключевые слова: любовь, нехимические зависимости, любовная зависимость, аддикция, детско-родительские отношения.

Введение:

В современном мире стремительно растет интерес исследователей к разнообразным формам зависимостей. В психологической литературе выделяется две группы зависимостей: химические и нехимические. Объектом химической зависимости является психоактивное вещество, в то время как объектом нехимической – поведенческий паттерн. Одним из видов нехимической зависимости является любовная аддикция. Среди всего многообразия форм и видов аддикций, она остается замаскированной, неприметной и малоизученной сферой. Актуальность исследований в данной

области обозначается также рядом аспектов: широкая распространённость клиентского запроса в практике феномена любовной зависимости; высокий риск суицида при данном виде зависимости; любовная зависимость является распространённой проблемой людей молодого возраста и способна поражать и разрушать семьи, брачные пары; латентность протекания данной зависимости.

Под любовной аддикцией принято понимать межличностные отношения, характеризующиеся сильной страстью, плохо контролируемым поведением, а также навязчивой эмоциональной фиксацией на другом человеке. Обычно такие отношения возникают между двумя аддиктами; они получили название соаддиктивных или созависимых. К характеристикам любовной зависимости можно отнести ненасытную потребность в любви, непомерные требования по отношению к партнеру, а также патологическую ревность (Егоров, 2015).

Изучение любовной зависимости в отечественной психологии началось сравнительно недавно. Ее исследованием занимались такие психологи, как А.Ю. Егоров, Е.В. Емельянова, В.Д. Москаленко, В.Д. Менделевич, И.Н. Хмарук, А.Л. Федосова и др. Изучением эмоциональной зависимости занимались А. Фрейд, К. Хорни и др. Весомый вклад в исследование этой темы внесли Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева, выделив признаки любовной аддикции. С. Пибоди разработала классификацию любовных аддиктов. И.Н. Хмарук выявил, к каким последствиям для личности приводит любовная аддикция.

В.Д. Менделевич отмечает, что, несмотря на широкую распространённость феномена любовной аддикции, на настоящий момент отсутствует единое понимание природы, психопатологии, подходов к терапии и профилактике данного расстройства (Луценко, 2015).

Так, С. Сассмен считал, что любовная аддикция заключается в некотором «зацикливании» на первой стадии здоровой любви – на стадии влюбленности (цит. по: Луценко, 2015). К. Хорни говорила о том, что под любовной зависимостью в психоаналитическом подходе понимается обусловленность эмоционального самоощущения, настроения и переживаний человека воздействиями и ответными реакциями объекта зависимости (Хорни, 2009). Галютдинова утверждает, что «любовную зависимость» можно определить как частный случай зависимости из класса расстройств личности, при которых человек чересчур опирается на других людей. Делегируя им свою волю, в крайних случаях, человек становится неспособен вынести разлуку с объектом своей зависимости.

Любовная зависимость кроется и закладывается в межличностных отношениях. Последние в свою очередь всегда привлекали интерес отечественных и зарубежных психологов.

С. Джонсон считала, что человек эмоционально привязан и зависим от своего партнера не меньше, чем ребенок от родителя. Он также ждет заботы, утешения и защиты. Привязанность в зрелом возрасте, возможно, более взаимна и меньше нуждается в физическом контакте, но по характеру эмоциональной связи ничем не отличается. Парадоксально, что о любви говорят так двойственно: с одной стороны, это чувство описывают как основной источник

радостей и вдохновения многих из людей. С другой – это чувство называют могущественным и загадочным, способным разрушить жизни родителей и принести страдания в жизнь детей (Джонсон, 2019).

Вклад родителей в воспитание и развитие детей невозможно переоценить. Семья – это социальная среда ближайшего окружения ребенка, в которой он формируется, как личность, в которой он усваивает модели поведения, нравственные, моральные нормы и т.д. Анализ литературы показывает, что число исследований влияния детско-родительских отношений на формирование и возникновение любовной зависимости возрастает. Наряду с различными исследованиями диадических отношений мать-ребенок, особенное внимание уделяется исследованиям отцовской фигуры в развитии ребенка. Например, изучается взаимосвязь любовной аддикции девушек с их отношением к отцу, исследуются особенности межличностных отношений с отцом у девушек, страдающих любовной аддикцией (Цветкова, 2018; Шевелев, 2019). Опыт родительской семьи, ее сценарии и стили родительского воспитания во многом определяют процесс личностного самоопределения, сложившиеся установки и ценностные ориентации в сфере семейной жизни. Взаимоотношения с родителями могут играть огромную роль в формировании в дальнейшем любовной зависимости как у девушек, так и юношей.

Таким образом, целью нашего исследования является изучение влияния отношений с родителями разного пола на возникновение и формирование любовной зависимости молодых людей. Объектом исследования является любовная зависимость молодых людей (девушек и юношей). Предмет исследования: любовная зависимость молодых людей (девушек и юношей) в зависимости от отношений с матерями и отцами.

Заключение. Где, как не в семье, закладываются особенности характера ребенка, проявляется его индивидуальность, усваиваются и перенимаются ценности, установки, моральные принципы и т.д. Возникновение в зрелости любовной зависимости определяется не только индивидуальными факторами, но и семейными. Любовная зависимость кроет в себе огромный список трудных, тяжелых психологических проблем, которые тянутся из самого детства. К ним относятся проблемы с самооценкой, неспособность любить себя, трудности в установлении границ между собой и другими, трудности в выражении интимных чувств. Люди, страдающие любовной зависимостью, не уверены в себе, могут быть навязчивы в поведении, импульсивны в действиях, иметь повышенную тревожность. Слабая исследованность и порой табуированность данной темы делают ее чрезвычайно актуальной и требующей детального рассмотрения и изучения. Результаты данного исследования могут помочь в раскрытии особенностей и механизмов формирования любовной аддикции, что в свою очередь позволит приблизиться к более полному пониманию коррекции таких нарушений.

Библиографический список

1. Джонсон С. Обними меня крепче. 7 диалогов для любви на всю жизнь. – 2-е изд. – М.: Минн, Иванов и Форбур. – 2019. – 352 с.
2. Егоров А.Ю. Любовные аддикции // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. – 2015. – № 2. – С. 64-81.
3. Луценко Е.Л. Сексуальная и любовная зависимость: феноменология, психофизиологическая основа, методы коррекции (обзор) // Вестник психофизиологии. – 2015 – №3. – С. 21-36.
4. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. – СПб: Академический проект, 2009. – 208 с.
5. Цветкова Н.А., Рыбакова А.И. Особенности межличностных отношений с отцом у девушек, страдающих любовной аддикцией // Российский психологический журнал. – 2018. – Т. 15. – №3. – С. 116-142. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.6
6. Шевелев В.К. Исследование взаимосвязи любовной аддикции девушек с их отношением к отцу // Вопросы науки и образования . – 2019. – С. 141-144.

PROBLEM STATEMENT: RELATIONSHIPS WITH PARENTS AS ONE OF THE FACTORS OF LOVE ADDICTION

Biktagirova M.F.

Scientific supervisor: Sambikina O.S., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract: The article substantiates the relevance of the research a little-known but widespread problem. This work is a theoretical review of the problem of love addiction in the psychology of family and family relations. The analysis of various theoretical approaches to this topic is carried out. Different points of view on the phenomenon of love addiction are considered, and invariant characteristics of love addiction are highlighted. The necessity of studying this problem in the context of child-parent relations is indicated.

Keywords: love, non-chemical dependencies love addiction, addiction, child-parent relationships.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ КОММУНИКАЦИИ У ЛЮДЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ

Бондарчук В.В., Одияк Е.В.

Научный руководитель: Александрова А.А., старший преподаватель кафедры общей психологии и истории психологии
Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема коммуникации людей с близорукостью и дальновзоркостью. Актуальность данного исследования

обоснована тем, что, как правило, помощь в работе над коммуникативными способностями получают только слепые или слабовидящие. Таким образом, люди, страдающие низким уровнем зрения, не получают должного внимания к проблеме их коммуникации с обществом. Изучены основные понятия и способы коммуникации в межличностном взаимодействии. Проведена диагностика коммуникативных способностей у лиц, страдающих нарушением зрения, получены результаты и проведен их анализ. Также проведено анкетирование на лицах с нарушениями зрения, направленное на выяснение личного отношения каждого испытуемого к тому, есть ли у него проблемы с коммуникативными способностями. В статье содержится исследование, в котором подтверждается гипотеза о наличии проблем в коммуникации людей с нарушениями зрения.

Ключевые слова: коммуникация, нарушение зрения, трудности в общении, дальность, близорукость, межличностное общение.

Введение.

Зрительный канал информации – основной канал, с помощью которого мы получаем наибольшую часть информации из внешнего мира. При нарушениях зрения качество и количество получаемой информации снижается, следовательно, мы можем предположить, что люди, у которых зрение умеренно нарушено, имеют сложности не только в ощущении себя в пространстве, но и в общении с другими людьми. Мы знаем, что существует помощь людям слепым и слабовидящим, однако помощь людям, не относящимся к данным категориям, но имеющим умеренно ослабленное зрение, не оказывается и не предлагается в аспекте данной проблемы (Одинокова, 2018).

Для людей с ослабленным зрением наибольшей трудностью при общении выступает распознавание мимики и пантомимики. Основную часть информации мы получаем через зрительный канал, но если присутствует условие, что этот канал нарушен или недостаточно развит, то какая-то часть информации будет искажена или вовсе пропущена. Для того чтобы вся информация, образы и действия были увидены человеком в полной мере, используются различные средства. Помимо очков и линз, которые корректируют зрение на момент «здесь и сейчас», офтальмологи рекомендуют выполнять зрительные гимнастики, что позволяет развить мышцы глаза.

Если мы говорим про слабовидящих, то еще в школе таким детям нужна специальная программа обучения, в которой их будут учить таким же предметам и навыкам, что и остальных школьников, но при этом учитывая их особенные образовательные потребности. Л.И. Солнцева говорит о том, что недостатки коммуникативной деятельности общения, в целом можно компенсировать и корректировать в ходе специальной коррекционной работы, направленной как на коррекцию первичного дефекта медицинскими средствами, так и вторичных отклонений в ходе психолого-педагогического обучения, основанного на развитии зрительного восприятия (Солнцева, 1989).

На данный момент в школах реализуются приемы развития зрения (например, гимнастика для глаз) и предоставлены условия для обучающихся с

плохим зрением – такие, как близко расположенные к доске парты или специальные смарт-доски. Из-за плохого зрения ребенок часто может чувствовать себя дискомфортно при контакте с другими детьми. Если не обращать на это внимание, то такая проблема с коммуникацией перенесется и во взрослую жизнь. Главной задачей в таком случае становится придание ребенку уверенности путем поддержки и нахождению плюсов и уникальности в его особенности. Если работать с ребенком, у которого плохое зрение с детства, то проблему с коммуникацией возможно будет смягчить, поскольку ребенок не будет считать свое плохое зрение дефектом, что положительно скажется на его самооценке и уверенности, и научится использовать различные средства для того, чтобы самостоятельно корректировать данную особенность (Выготский, 1983).

Целью нашего исследования явилось выявление особенностей коммуникативных навыков у людей с дальностью и близорукостью.

Метод.

Общий объем выборки составил 40 человек, студенты в возрасте от 20 до 25 лет с дальностью или близорукостью.

Для достижения цели и проверки гипотезы использовались следующие методы:

1. Общенаучный метод: анализ литературы по проблеме, обобщение, сравнение и систематизация эмпирических и теоретических данных;
2. Эмпирический метод: тест оценки коммуникативных умений; анкетирование испытуемых на личное отношение к своим коммуникативным навыкам.

Результаты.

Согласно анализу средних значений по методике «Тест оценки коммуникативных умений», средний результат у всех испытуемых равен 43, что в соответствии с интерпретацией данной методики говорит об уровне коммуникативных способностей чуть ниже среднего (средний уровень по методике 55 баллов). Анализ анкетирования личного отношения к своим коммуникативным навыкам показал следующие результаты: 73% опрошенных на вопрос «плохое ли у них зрение» дали положительный ответ. Самой распространенной проблемой среди опрошенных оказалась близорукость. И около 70% опрошенных испытывают трудности в общении из-за своих особенностей зрения, и столько же испытывают трудности в жизненных ситуациях. Большинство опрошенных используют коррекцию зрения, т.е. ношение очков или линз, однако 80% считают, что возможно обходиться и без этой коррекции.

Обсуждение.

Таким образом, мы видим, что подавляющее большинство испытуемых испытывают трудности в жизненных ситуациях, а также в общении, однако всё же предпочитают обходиться без коррекции зрения. Можно предположить, что ношение очков или линз в социуме вызывает ощущение неуверенности в себе, что заставляет обходиться без них. Мы знаем, что всем людям необходимо

общение, развитие множества социальных контактов. Поэтому мы видим большую необходимость психологической поддержки людей с умеренно ослабленным зрением, хотя вывели лишь одно предположение, которое исходит только от особенностей отношения людей к коррекции своего зрения. Методика «Тест оценки коммуникативных умений» также подтвердила нашу гипотезу о существовании проблем в коммуникации у людей с нарушениями зрения, поскольку уровень их коммуникативных навыков оказался ниже среднего уровня.

Заключение.

Данным исследованием мы проверили и доказали актуальность вопроса о коммуникации у людей с ослабленным зрением, и следующим нашим шагом в изучении этого вопроса мы планируем более расширенное исследование, посвященное особенностям конкретно коммуникации этих людей. Также планируется разработка рекомендаций по улучшению навыков коммуникации для людей с ослабленным зрением.

Таким образом, существует работа и помощь для людей слепых и слабовидящих, однако, помощь для людей с умеренным нарушением зрения представлена только в виде коррекции самого зрительного анализатора. Однако психологическая помощь, направленная на коррекцию коммуникации таких людей, требует дальнейшей теоретической и практической проработки.

Библиографический список

1. Тест оценки коммуникативных умений // Психологические тесты / под ред. А.А. Карелина: В 2 т. – М., 2001. – Т.2. – С. 50-53.
2. Солнцева Л.И., Семёнов Л.А. Психолого-педагогические основы обучения слепых детей ориентированию в пространстве и мобильности. – М.: ВОС, 1989. – 80 с.
3. Выготский Л.С. Принципы социального воспитания глухонемых детей // Собр. соч. в 6 т. Т. 5. – М.: Педагогика, 1983. – С. 101–114.
4. Одиноква Н.А. Предупреждение трудностей пространственного ориентирования у детей со зрительными нарушениями [Электронный ресурс] // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». – 2018. – №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-trudnostey-prostranstvennogo-orientirovaniya-u-detey-so-zritelnyimi-narusheniyami> (дата обращения: 06.05.2020).

TO THE QUESTION OF THE PROBLEM OF COMMUNICATION IN PEOPLE VISUAL DISORDERS

Bondarchuk V.V., Odiyak E.V.

Academic Supervisor: Alexandrova A.A., Senior Lecturer, Department of General Psychology and the History of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk

Annotation. This article discusses the problem of communication of people with myopia and farsightedness. The relevance of this study is justified by the fact that, as a rule, only blind or visually impaired people receive assistance in working on communication skills. Thus, people with a low level of vision do not receive proper attention to the problem of their communication with society. The basic concepts and methods of communication in interpersonal interaction are studied. Diagnostic of communicative abilities in persons suffering from visual impairment was carried out, the results were obtained and their analysis was carried out. A survey was also conducted on persons with visual impairments, aimed at clarifying the personal attitude of each subject to whether he has problems with communicative abilities. The article contains a study that confirms the hypothesis that there are problems in the communication of people with visual impairments.

Keywords: communication, visual impairment, communication difficulties, farsightedness, myopia, interpersonal communication

ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОК РАЗНЫХ КУРСОВ И ПРОФИЛЕЙ ОБУЧЕНИЯ

Бородавкина М.М.

Научный руководитель: Кирилова Н.А., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье представлен краткий теоретический анализ проблемы учебной мотивации и ценностных ориентаций юношеского возраста. Результаты сравнительного анализа студенток разных курсов и профилей обучения, обучающихся по направлению 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование». Для студенток профиля обучения «Психология образования», более значимы мотивы, связанные с получением профессиональных знаний, они более ориентированы на учебу и овладение будущей профессией. Студентки, обучающиеся на профиле «Психология и социальная педагогика», склонны следовать правилам общества и избегать различных неудач.

Ключевые слова: мотивация; учебная мотивация; ценностные ориентации; терминальные ценности; юношеский возраст; студенты-психологи; студенты-социальные педагоги.

Вопросы изучения учебной мотивации находят свое отражение в работах Л.И. Божович, Т.П. Браун, Л.С. Выготского, И.С. Кона, Г.Ю. Любимовой, Р.К. Малинаускаса и др.

Мотивация – это процесс психической регуляции деятельности под воздействием конкретного мотива; совокупная система процессов, которые отвечают за побуждение и деятельность человека.

Мотивация по В.К. Виллюнасу – это совокупность факторов, механизмов и процессов, обеспечивающих возникновение на уровне психического отражения

побуждений к жизненно необходимым целям, т. е. направляющих поведение на удовлетворение потребностей (Вилюнас, 2012).

С точки зрения Х. Хекхаузена, различия между мотивом и мотивацией состоят в следующем: мотив обозначает потребность, побуждение. Мотивы формируются в процессе индивидуального развития в виде относительно устойчивого оценочного отношения человека к окружающему миру (Хекхаузен, 2013).

В современной педагогике рассматриваются два вида мотивации: внешняя и внутренняя. Внешняя мотивация характерна тем, что факторы ее вызывающие и дающие оценку успешности, находятся вне человека. Внешние мотивы исходят от родителей, педагогов, группы, в которой обучается студент, окружения или общества в виде намеков, указаний, подсказок, требований, принуждений. Особенностью внутренней мотивации является то, что факторы, вызывающие активность и оценивающие результат, находятся внутри человека и позволяют осуществлять саморазвитие в процессе обучения (Мельников, 2016). Т.е. внешняя мотивация ориентирована на награду или избегание неудач, а внутренняя – на процесс и результат деятельности.

Учебная мотивация определяется как частный вид мотивации, включенный в определенную деятельность, - в данном случае деятельность учения, учебную деятельность (Мельников, 2016).

Таким образом, мотивация в структуре личности понимается как движущая сила в поведении и деятельности человека, а учебная деятельность в студенческом периоде характеризуется внутренней мотивацией, саморазвитием, подкрепляясь внешними мотивами самоутверждения, достижения, престижности, статуса.

Существует множество определений понятия «ценностные ориентации».

Н.И. Непомнящая пишет: «Ценностные ориентации – это элементы структуры личности, которые характеризуют содержательную сторону ее направленности». По ее мнению, в форме ценностных ориентаций в результате обретения ценностей фиксируется существенное, наиболее важное для человека. Кроме того, Н.И. Непомнящая считает, что ценностные ориентации являются одним из личностных образований и выражают сознательно отношение человека к социальной действительности, определяют широкую мотивацию его поведения и оказывают существенное влияние на все стороны его деятельности (Непомнящая, 2000).

Согласно М. Рокичу, ценности делятся на терминальные и инструментальные. Терминальные ценности представляют предпочитаемые конечные цели существования. Эта категория включает в себя такие ценности, как свобода, равенство, мир и другие цели. Инструментальные ценности относятся к идеальным стандартам поведения, таким как: честный, амбициозный, ответственный и другие качества. Терминальные ценности разделяются на две подгруппы — социальные и личностные. Инструментальные ценности также делятся на две подгруппы: моральные и ценности компетентности (Рокич, 1997).

Юношеский возраст относится к числу критических этапов онтогенеза, в котором имеют место кардинальные преобразования в сфере сознания, деятельности, в системе межличностных отношений. Основу формирования новых психологических и личностных качеств составляет общение в ходе различных видов деятельности (учебная, производственная, творческая).

Как отмечает И.С. Кон, изменение социальной ситуации развития в юношеском возрасте связано с ориентацией поведения на нормы и ценности окружающего мира. Характерными новообразованиями в этот период являются развитие самосознания и самооценки, интереса юношей и девушек к себе, к своим возможностям и способностям, изменение Я-концепции, попытки понять себя и свои возможности (Кон, 2012).

На становление студентов как личности в целом и мотивационно-ценностной сферы в частности влияет ряд различных факторов. Такими факторами являются: влияние семьи, самооценка, межличностное общение, микро- и макросреда. Определяющими факторами, влияющие на личность в студенческом периоде, являются образовательная программа, формы организации обучения, взаимоотношения с преподавателями и в учебном коллективе, а также престижность ВУЗа.

Все вышесказанное обуславливает актуальность проводимого нами исследования. Целью исследования является сравнительное изучение ценностных ориентаций и учебной мотивации студенток, обучающихся на одном направлении, но на разных курсах и профилях обучения.

Наше экспериментальное исследование проходило на базе ПГГПУ. В исследовании приняли участие 58 студенток очного отделения 1-го и 4-го курса обучения. Все студенты обучаются на одном направлении 44.03.02 «психолого-педагогическое образование», но на разных профилях обучения «Психология образования» (далее «студентки-психологи») и «Психология и социальная педагогика» (далее «студентки-социальные педагоги»). 15 студенток-психологов 4-го курса, 20 студенток-психологов 1-го курса, 10 студенток-социальных педагогов 4-го курса и 13 студенток-социальных педагогов 1-го курса.

Для реализации поставленных задач в исследовании использовались следующие методики: методика для диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан, В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой); методика изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной; опросник терминальных ценностей И.Г. Сенина.

Для исследования различий учебной мотивации и ценностных ориентаций между выборками студенток 1 и 4 курсов и разных профилей обучения был выбран Т-критерий Стьюдента.

В результате сравнительного анализа групп разных курсов обучения было выявлено два статистически значимых различия показателей мотивации из 23 показателей учебной мотивации и ценностных ориентаций. Различий в терминальных ценностях выявлено не было. Т.к. групповые представления

студентов разных когорт о своей системе ценностей существенно не изменяются (Леонтьев, 1998).

В выборке студенток 4-го курса обучения, в отличие от выборки 1-го курса, показатель «Мотивы избегания неудачи» (методика для диагностики учебной мотивации студентов) выражен в большей степени. Т.е. у студенток последнего года обучения стремление избежать осуждения и наказания за плохую учебу выше, чем у студенток первого года. Вероятно, это связано с тем, что студенты 4-го курса обучения обеспокоены в большей степени подготовкой к предстоящим итоговым экзаменам, написанием и защитой своей выпускной квалификационной работы, поступлением в магистратуру или заботой о трудоустройстве. Студенты-выпускники стремятся показать наилучшие результаты, которые ждет от них общество. У студенток же 1-го курса есть возможность изменить или что-либо развить в плане учебы и себя, поэтому большую обеспокоенность такие проблемы у них не вызывают.

В выборке студенток 1-го курса, в отличие от выборки студенток 4-го курса, в большей степени выражен показатель «Учебно-познавательные мотивы» (методика для диагностики учебной мотивации студентов). Т.е. у первокурсниц выше стремление приобрести глубокие и прочные знания и заниматься научной деятельностью. Возможно, студентки 1-го курса с большим интересом относятся к учебному процессу, им в новинку вузовское обучение, новые формы организации учебного процесса и иные формы подачи знаний. У студенток же 4-го курса за годы обучения выраженность данного показателя уменьшилась. Возможно, это связано с нарастанием интереса к результату, а не к самому процессу обучения или же с ростом тревожности перед предстоящими итоговыми экзаменами и защитой выпускной работы.

Таким образом, мы можем наблюдать изменения в выраженности мотивов за годы обучения. На последнем году обучения студентками движет стремление избежать неудачи, особенно там, где результаты его деятельности воспринимаются и оцениваются другими людьми, в нашем случае в образовательном пространстве. Студентки же 1-го курса ориентированы на успешное обучение и приобретение глубоких и прочных знаний.

Обратимся к результатам сравнительного анализа групп обучающихся на одном направлении, но на разных профилях обучения. Нами было получено пять статистически значимых различия из 23 показателей. Из них 4 показателя мотивации и 1 – ценностных ориентаций.

У студенток - социальных педагогов показатель «Мотивы избегания неудачи» выражен в большей степени, чем у студенток-психологов. Т.е. они более ориентированы на избегание осуждения и наказания, им движет нежелание быть среди отстающих в учебе. Возможно, они меньше пробуют и меньше берут инициативы. У студентов-психологов этот показатель выражен в меньшей степени. Как нам кажется, будущие психологи пришли к пониманию неудач, как непостоянных событий, что в жизни неудач нельзя избежать, но можно извлечь из них урок. Для психологов важно уметь видеть позитивное и не глобализировать по отношению к неудачам.

В выборке студенток-психологов в большей степени выражены показатели, такие как «Профессиональные мотивы», «Учебно-познавательные мотивы» (методика для диагностики учебной мотивации студентов), «Овладение профессией» (методика изучения мотивации обучения в ВУЗе). Что может говорить о большей значимости для студентов-психологов желания в полной мере использовать имеющиеся задатки, склонности и способности к выбранной профессии, стать высококвалифицированным специалистом, обрести прочные и глубокие знания и сформировать профессионально важные качества. У студенток - социальных педагогов выраженность данных показателей в меньшей степени.

Единственным различием показателей терминальных ценностей является показатель «Собственный престиж». В выборке студенток - социальных педагогов он выражен в большей степени. Для них является важным завоевать признание в обществе путем следования определенным социальным требованиям. Возможно, они более ориентированы не на обучение, а на социальные процессы. У студенток-психологов данный показатель выражен в меньшей степени, что может говорить о желании продемонстрировать свою свободу от чужого мнения.

Подводя итоги психолого-педагогического исследования, можно сказать следующее. Для студенток профиля обучения «Психология образования», более значимы мотивы, связанные с получением профессиональных знаний, они более ориентированы на учебу и овладение будущей профессией. Студентки, обучающиеся по профилю «Психология и социальная педагогика», склонны следовать правилам общества и избегать различных неудач.

Данный вывод может говорить о том, что будущие психологи и социальные работники будут по-разному выстраивать свою деятельность в учебе или в своей будущей профессии.

Библиографический список

1. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. – М., 2012. – 288 с.
2. Кон И.С. Психология ранней юности: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 2012. – 252 с.
3. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. – 1998. – Т. 1. – С. 47.
4. Мельников В. Е. Мотивация к обучению студентов в вузе как психолого-педагогическая проблема // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2016. – №. 5 (96). С. 61-64.
5. Непомнящая Н.И. Ценность как личностная основа: типы, диагностика, формирование. – Воронеж: НПО МОДЭК, 2000. – 176 с.
6. Рокич М. Природа человеческих ценностей // Свободная пресса. – 1997. - №5. – С. 20-28.

7. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – СПб: Питер, 2013. – 408 с.

EDUCATIONAL MOTIVATION AND VALUE SYSTEM OF STUDENTS AND THEIR SPECIFICS

Borodavkina M.M.

Scientific supervisor: Kirilova N.A., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The work represents brief review theoretical analyze of educational motivation and values system. The results of research a problem students' educational motivation and values system studying in different courses and profiles.

Keywords: motivation; educational motivation; value orientations; terminal values; youthful age; students of psychology; students are social educators.

ПЕРЕХОД МОЛОДЁЖНЫХ СУБКУЛЬТУР НА ВИРТУАЛЬНЫЕ ПЛАТФОРМЫ

Брагин А.Н.

Научный руководитель: Курунов В.В., к. психол. н., доцент
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа

Аннотация. В статье рассматривается влияние сети Интернет на возможные изменения в среде молодежных объединений и его влияние на последующее их развитие в социальных сетях. Представлены результаты на основе метода наблюдения и личного опыта в средах предложенных наиболее популярных неформальных объединений в сети. Выявлены на основе истории развития социальных сетей причины перехода общественности на мессенджеры, рассмотрены наиболее популярные критерии поведения участников тех или иных молодежных объединений в сети. Выявлены положительные стороны данной тенденции – перехода из реального мира в виртуальный на основе известных морально-этических норм.

Ключевые слова: Общественность, интернет, молодёжь, переход, виртуальная платформа, объединения, субкультура.

Введение.

С приходом XXI века человечество успело в значительной части продвинуться вперёд по технологиям. Портативные компьютеры, ноутбуки, телефоны, переносные накопители данных – всё это появилось относительно недавно, но уже сейчас приносит огромную пользу людям. Однако, есть открытие, которое навсегда изменило общество – интернет. Огромный источник знаний, общения, а самое главное – источник влияния. Благодаря относительной анонимности и практически бесконечным возможностям коммуникации и творчества, интернет имеет огромное воздействие на личность человека. Если

раньше на него мог влиять только окружающий социум, то теперь это может сделать практически любой пользователь сети.

Особенно это касается подростков, которые в силу своего возраста и желаний самореализации подвергаются большему влиянию и манипулированию. Причем таким эффектам может подвергаться не один подросток, а целое формальное и неформальное молодёжное сообщество.

Большая часть нынешних популярных молодёжных групп направлена на активное взаимодействие в сети Интернет. Там они могут реализовать себя в большем объеме – общаться, создавать сообщества в социальных сетях, выкладывать творчество членов группы и т.п.

Первостепенной **задачей** нашего исследования стало рассмотрение причин перехода неформальных молодежных объединений на виртуальную платформу и постепенный отказ от реальных встреч.

Объектом теоретического исследования выступили подростки и современные молодёжные субкультуры, а предметом – влияние глобальной сети на личность подростка, включённого в систему отношений современного молодёжного движения.

Актуальность данной проблемы чрезвычайно важна, ведь Интернетом сейчас пользуется каждый, а его сила влияния на сообщество настолько огромна, что потеря сети может привести к мировому кризису и краху экономики, так как большая часть людей практически «живёт в нём».

Обсуждение.

Как уже говорилось, с появлением и развитием Интернета жизнь людей преобразилась. Как у любого социального и технического феномена, у Интернета есть свои преимущества и недостатки. Старшее поколение за 60 лет, возможно, выделит лишь один из его «плюсов» - доступность любой информации по щелчку мыши. Такие же, как чтение через Интернет, знакомства, шопинг, зачастую становятся причиной порицания молодежи. Можно ли сказать, что знакомство в сети есть отрицательный фактор Интернета? Прежде чем мы перейдем к основной теме статьи, рассмотрим этот вопрос.

На протяжении долгих лет опросы обычных людей показывали, что знакомства и приобретение друзей и партнеров зачастую происходило в общественных местах – в университете, барах, театрах, кружках по интересам и т.п. Иного способа, как личное знакомство, на тот момент не существовало, пока в 1995 году не появилась первая социальная сеть знакомств «Match.com». Она подарила обществу возможность охарактеризовать себя и свои интересы на личной странице, что значительно сократило знакомства-«котов в мешке». Находить единомышленников и родственные души для человека стало намного легче, и сеть приобрела широкую популярность в мире. Но и это не единственный плюс социальной сети. Она в принципе позволила убрать ограничивающие социумом рамки. Так, например, если раньше член элитарного общества не общался со слоями ниже него в силу некоторых стереотипов и личной безопасности, то в сети им позволено не только общаться, но и оставаться

анонимными до тех пор, пока один из участников чата не выдаст себя по собственному желанию.

С развитием мессенджеров появилась возможность создавать отдельные группы и беседы, посвященные одной теме. Продвигать собственные интересы и находить новых участников стало быстрее и легче. Приведем пример на одной из популярных субкультур 2007 года – «эмо». В группы, посвященные эмо-культуре, входит заинтересованная аудитория и получает контент, интересный только им – соответствующую музыку, фотографии, новости из мира «эмо», места возможных встреч. Гонения со стороны «гопников», привело подростков-эмо к частично виртуальному образу жизни.

Практически полный переход с реальных встреч на виртуальную реальность произошел с появлением бесплатного доступа к кинематографическим и мультипликационным зарубежным сериалам. Большую часть вклада в развитие неформальных объединений в Интернете внесла японская анимация – «аниме». Только в социальной сети «ВКонтакте» на 2020 год насчитывается свыше 300 000 групп (Важенина, 2018), посвященных аниме, как семантического источника. Изучив некоторые из групп, нам удалось выяснить, что подавляющее большинство подростков в группах аниме являются интровертами и находят знакомства по интересам исключительно из данных групп. Они проявляют активное участие в жизни группы, делясь изобразительным, прикладным, музыкальным искусством, связанным с любимой общей темой. Реальных встреч-анимешников и мест общего сбора не существует, за исключением тематических фестивалей, организованных крупными компаниями.

Мы хотим привести еще один пример перехода молодежи на виртуальную платформу общения. Рассмотрим набирающую популярность молодежное объединение «геймеров». Геймеры – молодежное объединение, связанное любовью к компьютерным играм. По проводимым исследованиям выяснилось, что 60% геймеров приходится на мужской пол, 37% - дети, 92% - получающие образование. Количество женского пола составляет 11% из общего количества опрошиваемых. На форумах геймеров отмечается низкая реклама компьютерных игр по ТВ и радио, узнать о новинках игровой индустрии представляется возможным только через Интернет. Знакомство, общение, участие в жизни игрового сообщества геймера может проходить только на специализированных для них площадках. В реальной жизни геймеры встречаются, как и «анимешники», на организованных предприятиями фестивалях или соревнованиях, в которых участвуют кибер-спортсмены. Последние известны только в кругах Интернет-сообщества и редко оказываются узнаваемыми в обществе.

Заключение.

Таким образом, представленный обзор двух молодежных субкультур позволяет сделать вывод о том, что развитие этих субкультур происходит именно в сети. Молодежь полностью удовлетворяет вкусовые потребности на виртуальных платформах. Мы считаем, что переход субкультур из реальности в

виртуальность является новым шагом в развитии гуманности и толерантности. Группы становятся более терпимы по отношению к другим сообществам, уменьшается количество общей агрессии и конфликты переходят в текстовый формат, исключая физическое насилие.

Библиографический список

1. Важенина Н.В., Жильцов А.И. Исследование социального портрета геймера [Электронный ресурс] // Вопросы науки и образования. – 2018. – №7 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sotsialnogo-portreta-geymera> (дата обращения: 08.05.2020).

2. Воронин Г.Л., Курячьева М.М. Интернет-пространство старшего поколения: анализ проблемы вхождения в цифровую эпоху [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2018. – №3 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-prostranstvo-starshego-pokoleniya-analiz-problemy-vhozhdeniya-v-tsifrovuyu-epohu> (дата обращения: 08.05.2020).

3. Иртрач К. Исследование: интернет-знакомства способствуют построению гармоничного общества [Электронный ресурс] // <https://itc.ua/blogs/issledovanie-internet-znakomstva-sposobstvuyut-postroeniyu-garmonichnogo-obshhestva/> (Дата обращения: 09.05.2020)

4. Осипенко А. Л. Информационно-психологическое влияние ресурсов сети «Интернет» на формирование социальных установок ее пользователей [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2006. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskoe-vliyanie-resursov-seti-internet-na-formirovanie-sotsialnyh-ustanovok-ee-polzovateley> (дата обращения: 08.05.2020).

5. Якоба И.А. Влияние виртуальных социальных сетей на молодежь [Электронный ресурс] // Вестник ИргТУ. – 2011. – №3 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-virtualnyh-sotsialnyh-setey-na-molodezh> (дата обращения: 08.05.2020).

TRANSITION OF YOUTH SUBCULTURES TO VIRTUAL PLATFORMS

Bragin A.N.

Scientific supervisor: Kurunov V.V., PhD in Psychology, docent
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa

Abstract. The article deals with the impact of the Internet on possible changes in the environment of youth associations and its impact on their subsequent development in social networks. The results are presented on the basis of the observation method and personal experience in the environments of the proposed most popular informal associations in the network. On the basis of history of development of social networks the reasons of transition of the public to messengers are found out, the most popular criteria of behavior of participants of this or that youth associations in a network are

considered. The positive sides of the given tendency - transition from the real world to the virtual one on the basis of known moral and ethical norms are revealed.

Keywords: Public, Internet, youth, transition, virtual platform, associations, subculture.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ НОРМАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОДИТЕЛЯ

Бульц М.В.

Научный руководитель: Курунов В.В., к. психол. н., доцент
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа

Аннотация. В статье рассматриваются особенности профессиональной деятельности водителя автотранспортного средства, а также влияние психологических особенностей водителя на нормативность поведения во время дорожного движения. Представлены результаты эмпирического исследования, подтверждающие положение о том, что на нормативность поведения в профессиональной деятельности оказывают влияние индивидуально-психологические характеристики личности, связанные с наиболее выраженными свойствами темперамента, особенностями принятия решений, степенью склонности к рискованному поведению, а также привычным стилем вождения. Выделены основные факторы, детерминирующие нормативное поведение при управлении автотранспортным средством.

Ключевые слова: водитель, автотранспортная психология, нормативное поведение, нормативность профессиональной деятельности, безопасное вождение.

Введение. Нормативное поведение в профессиональной деятельности является предметом изучения инженерной психологии и психологии труда на протяжении многих лет. Это связано с тем, что нормативное поведение как категория психологии имеет множество определений и субъективное понимание его границ, вследствие чего оно входит в число наиболее активно обсуждаемых проблем в науке. Спецификой нормативного поведения является и то, что оно имеет различные особенности проявления в зависимости от сферы профессиональной деятельности. В нашем исследовании мы остановимся на рассмотрении нормативного поведения водителей транспортных средств. Данная профессия является одной из наиболее востребованных, но при этом она связана с высоким риском для жизни и здоровья, и взята под особый контроль государственных органов.

Труд водителей имеет ряд особенностей, отличающий его от других видов профессиональной деятельности. Так, например, условия труда водителей отличаются спецификой рабочего места, рабочего времени и отдыха, в связи с

чем, они входят в категорию работников с особыми условиями труда и регламентируются соответствующими нормативно-правовыми актами (Ефимова, 2010).

Водитель, управляющий автотранспортным средством, часто выполняет функции, в которых высока вероятность допущения ошибок. К таким функциям относятся:

- необходимость воспринимать объекты окружающей среды в условиях, приближенных к физиологическим пределам возможностей оператора, либо в тех условиях, привычные действия в которых не соответствуют актуальной ситуации;

- необходимость совершения действий и ответных реакций на внешние факторы, зачастую затрачивающих предельно допустимые значения физических усилий, а также несоответствующие ранее выработанным навыкам. Сложность заключается и в том, что от водителя требуется такое ответное реагирование, которое удовлетворяет критериям безопасности, но при этом трудно контролируется и не имеет обратной силы в случае ошибочного решения;

- принятие решений, для обеспечения правильности которых необходимо чрезмерное напряжение внимания и памяти, и предшествующая им систематизация полученной информации;

- восприятие информации, не относящееся к выполняемой деятельности;

- решение задач, заведомо вызывающих нервно-психическую перегрузку или неправильное членение рабочих операций, что не позволяет своевременно контролировать обстановку (Фролов, 1970).

Кроме того, существуют следующие сложности при выполнении должностных требований: информационная перегрузка, отличающаяся неравномерностью распределения и быстрой сменяемостью; монотонность деятельности, вызывающая психическое напряжение водителя; высокий коэффициент стрессогенности труда, работа в условиях ограниченного пространства, видимости и времени, постоянную готовность к реагированию (Постовалова, 2006). Очевидно, что управление автотранспортным средством требует от оператора его полной физиологической, и как следствие, психологической самоотдачи.

Совокупное воздействие внешних факторов при выполнении профессиональных задач может привести к намеренному или непроизвольному отклонению водителя от принятых в процессе вождения норм и нарушений техники безопасности. Немаловажную роль здесь играет собственно личность водителя. Исследования в области автотранспортной психологии (Смирнова, 2014) позволяют заключить, что на безопасное вождение влияют такие личностные образования как адекватная самооценка, ответственность, бдительность и осторожность, эмоциональная устойчивость, интеллектуальная и поведенческая гибкость, склонность к сотрудничеству. Данные качества определяют нормативное поведение водителя, обеспечивающее безопасность при выполнении профессиональных задач.

Рассмотрев теоретические аспекты психологической детерминации нормативного поведения водителя, мы выдвинули гипотезу о том, что значимыми психологическими детерминантами нормативного поведения водителя при управлении автотранспортным средством являются индивидуально-психологические характеристики личности, связанные с наиболее выраженными свойствами темперамента, особенностями принятия решений, степенью склонности к рискованному поведению, а также привычным стилем вождения. С целью подтверждения или опровержения нашей гипотезы нами было проведено эмпирическое исследование.

Метод.

Эмпирическое исследование проводилось нами на базе частного учреждения дополнительного профессионального образования Учебно-научного центра «Геофизика» (ЧУДПО УНЦ «Геофизика»). Выборку составили профессиональные водители Октябрьской геофизической экспедиции АО «Башнефтегеофизика» (г. Октябрьский, Республика Башкортостан) в количестве 40 человек – мужчины с высшим и среднетехническим образованием по инженерным специальностям в возрасте от 24 до 62 лет, с опытом вождения от 6 до 42 лет.

В ходе исследования респондентам предлагалось ответить на вопросы психодиагностических методик, направленных на определение особенностей личности (методика Г. Айзенка), структуры темперамента (опросник структуры темперамента В.М. Русалова), склонности к рискованному поведению (методика Г. Шуберта), особенностей принятия решений (Мельбурнский опросник принятия решений), а также особенностей поведения на дороге (опросник «Стиль вождения» Ю.И. Лобановой, Л.В. Комковой, Н.Ю. Лебедевой).

Для выявления психологических детерминант нормативного поведения водителя при управлении транспортным средством нами был использован факторный анализ.

Результаты. Факторный анализ позволил объединить 18 показателей, характеризующих водителя как личность в три фактора, влияющих на нормативность поведения в профессиональной деятельности:

Фактор 1 – эмоциональность (вес 0,756). Согласно структуре первого фактора на нормативность водителя при выполнении профессиональных задач влияют его психическая устойчивость, способность стойко противостоять воздействию стрессогенам.

Фактор 2 – отношение к безопасности (вес 0,858). Второй фактор свидетельствует о том, что нормативное поведение водителя обеспечивается за счет его ответственного отношения к средствам безопасности, осторожности, бдительности и уважительного отношения к другим участникам дорожного движения.

Фактор 3 – склонность к риску (вес 0,679). Третий фактор характеризует нормативность водителя с точки зрения его склонности к риску, а также уровня агрессивности.

Полученные по результатам эмпирического исследования данные позволяют сделать вывод о том, что наше предположение о наличии психологических детерминант, определяющих нормативность водителя при управлении транспортным средством подтвердилось.

Обсуждение.

Выделенные детерминанты нормативного поведения водителя дают возможность рассматривать проблему обеспечения водителями безопасности дорожного движения более полно и конкретно именно с точки зрения психологии. Мы уже упоминали о том, кандидатам в водители практически не уделяется внимания на их психологическую подготовку. Кроме того, уже работающие водители, ежедневно находясь в состоянии напряжения, повышенной готовности и монотонии, имеют высокую степень предрасположенности к профессиональному выгоранию как на эмоциональном, так и на физиологическом уровне, однако не имеют навыков психологической работы с собственными состояниями. В связи с этим, мы считаем необходимым разработку и внедрение программы по профилактике ненормативного поведения водителя в профессиональной деятельности. Данная программа нацелена на психологическое просвещение водителей, диагностику их состояний, формирование навыков психической разгрузки и саморегуляции. Именно комплексная работа с водителями позволит снизить количество аварий и улучшить дорожную ситуацию повсеместно.

Заключение.

Водитель – ведущее звено в системе «водитель-автомобиль-дорога-среда», поскольку является активным субъектом, способным к преобразованию как самого себя, так и других звеньев. От него зависит безопасность на дороге больше, чем от какого-либо другого компонента среды, а поэтому заслуживает особого разностороннего рассмотрения. Данное исследование освещает лишь небольшой аспект изучения психологии водителя и его поведения на дороге. Несмотря на очевидную актуальность проблемы и ее неоднократное обсуждение представителями автотранспортной психологии, психологии труда и инженерной психологии, практическая организация психологической подготовки водителей все еще остается на низком уровне развития, а, следовательно, требует особого внимания.

Библиографический список

1. Ефимова Н.Е. Инженерная психология и профессиональная безопасность. – М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2010. – 152 с.
2. Постовалова А.И. Основы автотранспортной психологии: учебное пособие / Под ред. З.А. Шакуровой. – Челябинск: ЮУрГУ, 2006. – 164 с.
3. Смирнова С.В. Влияние личностных качеств на профессиональную успешность водителей пассажирского автотранспорта / С.В. Смирнова, М.Н. Дятлов, А.Н. Тодорев, Е.Е. Родин // Технические науки в России и за рубежом: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, июль 2014 г.). – М.: Буки-Веди, 2014. — С. 118-120.

4. Фролов В.С. Человек в системе управления самолетом. – М.: Воениздат, 1970. – 128 с.

RESEARCH OF PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF NORMATIVE BEHAVIOR IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE DRIVER

Bults M.V.

Scientific supervisor: Kurunov V.V., PhD in Psychology, docent
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa

Abstract. The article discusses the features of the professional activity of a driver of a vehicle, and the influence of the psychological characteristics of the driver on the normative behavior during road traffic. The results of an empirical study are presented, confirming the position that the individual psychological characteristics of a person are associated with the most pronounced properties of temperament, decision-making features, the degree of risk-taking behavior, as well as the usual driving style, that normative behavior in professional activity is influenced. The main factors determining normative behavior when driving a vehicle are identified.

Keywords: driver, motor vehicle psychology, normative behavior, normativeness of professional activity, safe driving.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ И УРОВНЯ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ У ПОДРОСТКОВ

Быстрых Е.В.

Научный руководитель: Ротманова Н.В., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье описаны результаты теоретического исследования, целью которого было выявление степени изученности и подходов к пониманию взаимосвязи между детско-родительскими отношениями и уровнем интернет-зависимости у подростков. Представлено обобщенное и систематизированное описание исследований данной проблемы в отечественной и зарубежной психологической литературе. Полученные результаты говорят о высокой важности и недостаточной изученности данной темы, что позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего объемного исследования.

Ключевые слова: детско-родительские отношения; интернет зависимость; подростки.

Семья является первичным институтом социализации личности, именно в семье закладываются жизненные стереотипы и тот жизненный сценарий, на основе которого ребенок усваивает нормы социума, и проблемы, возникшие у него при этом, скрываются, прежде всего, во взаимоотношения родителей и детей. Так же семья влияет на формирование и изменение социальных установок, и на выбор стратегии адаптивного поведения.

Именно поэтому **актуальность** приобретают исследования, связанные с изучением взаимосвязи детско-родительских отношений и склонности к чрезмерному использованию сети интернет, которая так прочно вошла в нашу жизнь. Так в исследовании М.А. Богомоловой отмечается, что высокие показатели интернет-зависимого поведения подростков положительно коррелируют с нарушениями процесса семейного воспитания. Наиболее сильная связь наблюдается в области эмоционального принятия-отвержения ребенка родителем и в сфере автономии и контроля за поведением ребенка (Богомолова, 2018). Также, на основе наших наблюдений в работе с зависимыми, высокую вероятность ухода в аддикцию имеют те дети, родители которых уделяют им недостаточное количество эмоционального внимания и осуществляют недостаточный контроль за жизнедеятельностью ребёнка. Таким образом, высокая значимость и недостаточная теоретическая и практическая проработанность данного вопроса делают наше исследование актуальным.

На данный момент, по данной проблеме проведено довольно небольшое количество исследований, так как большинство изучают собственно аддикцию и ее взаимосвязь с личностными особенностями респондентов, а не взаимосвязь зависимости с особенностями детско-родительских отношений. Анализ доступных нам источников Т.А. Бергис (2015), М.А. Богомолова (2018), А.И. Лаврович (2003), С.Ю. Ларионова (2013), Е.С. Набойченко (2016), Е.А. Смирнова (2011), А.О. Бухановский (2002), А.А. Закаблукова (2017), Н.И. Коптелова (2014), позволил выделить следующие закономерности:

1. При очень высоких значениях факторов враждебного, непоследовательного, автономного (отгороженного или дистанцированного) поведения родителей и очень низком значении фактора близости мы наблюдаем высокий уровень интернет-зависимости подростков.

2. Повышение вероятности интернет-зависимого поведения подростка положительно коррелирует с высокими показателями тревоги во взаимоотношениях с родителями. Таким образом если при общении подростков с родителями возникает чувство напряженности, досады -шансы развития интернет-зависимого поведения гораздо выше.

3. Чем меньше контроль со стороны родителей, обусловленный такими факторами как «директивность» и «критика», тем выше уровень интернет зависимости, что вероятно обусловлено дистанцированием родителей и безнадзорностью (гипоопекой).

4. Обратная связь враждебности и высокого уровня интернет – зависимости. Это связано с тем, что к подростку проявляется сочетание сверхтребовательности и эмоционально-холодное отношение, которое ведет к

нарушениям взаимоотношений и повышает уровень напряженности и нервозности у подростков.

5. Прямая значимая связь была выявлена между показателями шкалы автономности и высоким уровнем интернет-зависимости. Это связано с тем, что родители отгораживаются от подростка стеной непонимания, они не хотят вникать в жизнь ребенка и не занимаются его воспитанием.

6. Прямая значимая статистическая связь была выявлена между показателями шкала непоследовательности и высоким уровнем интернет-зависимости. Это связано с тем, что в семье происходит резкая смена стиля и приемов воспитания, представляющих собой переход от очень строгого – к либеральному и, наоборот, переход от психологического принятия ребёнка к эмоциональному отвержению, что приводит к фрустрации ребёнка.

На основе представленных данных мы показали, что проблема взаимосвязи детско-родительских отношений и уровня интернет зависимости освещена недостаточно, хотя является весьма важной и перспективной. Поэтому мы считаем необходимым провести эмпирическое исследование, что будет посвящено выявлению взаимосвязи детско-родительских отношений и уровня интернет-зависимости у подростков.

Таким образом, **целью** нашего исследования станет выявление взаимосвязи детско-родительских отношений и уровня интернет зависимости у подростков. В качестве **объекта** исследования будет выдвинут уровень интернет зависимости. **Предметом** нашего исследования станет взаимосвязь детско-родительских отношений и уровня интернет зависимости у подростков.

В соответствии с вышеизложенным, выдвинута следующая **гипотеза исследования**: существует положительная взаимосвязь между детско-родительскими отношениями и уровнем интернет зависимости у подростков.

Исходя из цели и гипотезы исследования, были сформулированы следующие **задачи**:

1. Изучить и проанализировать научную литературу по проблеме исследования;
2. Определить особенности детско-родительских отношений и уровня интернет зависимости у подростков;
3. Выявить взаимосвязь детско-родительских отношений и склонности к интернет-зависимости у подростков.

Проведенное нами пилотажное исследование на небольшой выборке семей учащихся МАОУ «СОШ №6» г. Перми, поддерживает выдвинутую гипотезу, что позволяет нам предположить обоснованность теоретических выводов и необходимость дальнейшего объёмного исследования данной темы.

Библиографический список

1. Бергис Т.А., Азизова Л.Р., Взаимосвязь интернет-зависимого поведения и особенностей межличностного общения личности раннего юношеского возраста // «Азимут научных исследований: педагогика и психология». – 2015. – №1. – С. 46-50

2. Богомолова М.А., Бузина Т.С. Интернет-зависимость: аспекты формирования и возможности психологической коррекции // Медицинская психология в России. – 2018. – №2(49).
3. Бухановский А.О. Зависимое поведение: клиника, динамика, систематика, лечение, профилактика. – Ростов-на-Дону, 2002. – 60 с.
4. Закаблукова А.А., Капустина Л.П. Психологические и физиологические признаки кибераддикции у подростков // Научный альманах. – 2017. - № 1-2 (27). – С. 330-333.
5. Коптелова Н.И. Особенности компьютерной игровой зависимости среди подростков // Молодой ученый. – 2014. – №20. – С. 547-549
6. Лаврович А.И. Интернет-аддикция в подростковом возрасте / А.И. Лаврович Т.А. Попкова // Социально-педагогическая работа. – 2003. - № 6. – С. 3-19.
7. Ларионова С.Ю. Интернет-зависимость у подростков // Психологическое образование в России. – 2013. – №2. – С. 241-247.
8. Набойченко Е.С., Окунева Л.И. Типология подростков, склонных к кибераддикции // Журнал «Педагогическое образование в России». – 2016. - № 1. – С. 94-98
9. Смирнова Е.А. Особенности семейного воспитания при Интернет-зависимости // Аддиктивное поведение: профилактика и реабилитация. 2011.

THE PROBLEM OF RELATIONSHIP OF CHILD-PARENT RELATIONS AND THE LEVEL OF INTERNET DEPENDENCE IN TEENAGERS

Bystrykh.E.V.

Scientific supervisor: Rotmanova N.V., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm

Abstract. The article describes the results of a theoretical study, the purpose of which was to identify the degree of knowledge and approaches to understanding the relationship between parent-child relationships and the level of Internet addiction in adolescents. A generalized and systematic description of studies of this problem in domestic and foreign psychological literature is presented. The results obtained indicate a high importance and insufficient knowledge of this topic, which allows us to conclude that further research is necessary.

Keywords: parent-child relationship; Internet addiction; teenagers.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРЕВОЖНОСТИ И АГРЕССИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ (9-10 ЛЕТ) С ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Власова Е.Н.

Научный руководитель: Кирилова Н.А., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье проанализированы теоретические основы взаимосвязи характера детско-родительских отношений и тревожности и агрессии младшего школьника. Актуальность исследования обусловлена тем, что уровень агрессии и тревожности играет важную роль в становлении личности младшего школьника. Проблема исследования тревожности и агрессии младшего школьника актуальна, поскольку в случае их высокого уровня затрудняется процесс саморегуляции учебной деятельности. Тревожность негативно влияет на развитие личности, с ней связаны различные психические расстройства, как истерия, фобии, навязчивые состояния.

Ключевые слова: тревожность младших школьников, агрессия младших школьников, детско-родительские отношения, агрессия детей, детская тревожность

Уровень эмоционального развития младших школьников во многом определяется степенью заинтересованности родителей и уровнем их эмоционального взаимодействия со своим ребенком.

Для подавляющего большинства детей с высоким уровнем тревожности и агрессии основным психотравмирующим фактором является семейная обстановка. Определённые особенности общения между родителями и детьми провоцируют появление определённых нарушений. Так, низкий уровень доверительности общения вызывает тревогу и внутреннюю напряжённость. Недостаток понимания приводит к развитию неуверенности в себе и зависимости, замкнутости и робости, стремления быть незаметным, подстраиваться. Чувство одиночества и стремление к выходу, изменению вызываются недостатком лёгкости общения между родителями и детьми, а различия во взглядах приводят к развитию вспыльчивости, агрессивности и внутренней напряжённости.

Таким образом, влияние особенностей общения между родителями и детьми на эмоциональную сферу ребёнка очевидно. Применительно к коррекции тревожности и агрессии детей это означает, что она обязательно должна предусматривать работу с родителями, направленную на минимизацию неблагоприятного влияния негативных особенностей их общения на эмоциональную сферу ребёнка.

Исследование теоретических источников по проблеме исследования показало, что среди причин, вызывающих детскую тревожность, на первом месте, по мнению Е. Савиной – это неправильное воспитание и неблагоприятные отношения ребенка с родителями, особенно с матерью.

Причиной возникновения тревоги всегда является внутренний конфликт, противоречивость стремлений ребенка, когда одно его желание противоречит другому, одна потребность мешает другой. Противоречивое внутреннее состояние ребенка может быть вызвано: противоречивыми требованиями к нему, исходящими из разных источников (или даже из одного источника: бывает, что родители противоречат сами себе, то позволяя, то грубо запрещая одно и то же); неадекватными требованиями, не соответствующими возможностям и

стремлениям ребенка; негативными требованиями, которые ставят ребенка в униженное, зависимое положение. Во всех трех случаях возникает чувство «потери опоры»; утраты прочных ориентиров в жизни, неуверенность в окружающем мире.

Одной из самых частых причин тревожности является завышенные требования к ребенку; негибкая, догматическая система воспитания, не учитывающая собственную активность ребенка, его интересы, способности и склонности. Выраженные проявления тревоги наблюдаются у хорошо успевающих детей, которых отличают добросовестность, требовательность к себе в сочетании с ориентацией на отметки, а не на процесс познания.

Тревожные дети нередко характеризуются низкой самооценкой, в связи с чем у них возникает ожидание неблагоприятного исхода со стороны окружающих. Это характерно для тех детей, чьи родители ставят перед ними непосильные задачи, требуя этого, что дети выполнить не в состоянии, причем в случае неудачи их, как правило, наказывают, унижают.

Подводя итог проделанной работы, можно говорить о том, что существует взаимосвязь с детско-родительскими отношениями уровня тревожности и агрессии младшего школьника.

Библиографический список:

1. Балашова Н.А. Содержание деятельности педагога по коррекции тревожности младшего школьника во взаимодействии с семьей // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. - 2010. - № 3. - С. 249-252.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. - М.: Директ-Медиа, 2012. – 612 с.
3. Гуров В.А. Тревожность и здоровье младших школьников // Вестник ТГПУ. 2009. - Выпуск 4 (82). - С. 56-60.
4. Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. - СПб: «Питер», 2009. - 304 с.
5. Родители и дети: Психология взаимоотношений / Под ред. Е.А. Савиной, Е.О. Смирновой. - М.: «Когито-Центр», 2003. - 230 с.
6. Смирнова, Е.О., Соколова М.В. Изменения в родительском отношении к дошкольнику за последние 10 лет // Социология образования. Труды по социологии образования. Т. XIV. Вып. XXIV / Под ред. В.С. Собкина. - М.: Институт социологии образования РАО, 2010. – 191 с.
7. Соколова, М.В. Особенности родительского отношения на разных возрастных этапах развития ребенка: дис. канд. психол. наук: 19.00.13. - М., 2002. – 155 с.
8. Социально-эмоциональное развитие ребенка в дошкольном периоде / доклад Т.И. Бабаевой / Материалы международного семинара. - СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. - С. 21-24.
9. Социальные отношения и эмоциональный мир ребенка. - Ставрополь: Сервисшкола, 2009. – 120 с.

10. Тажутдинова Г. Ш. Изучение проблемы детской тревожности // Международный научный журнал «Символ науки». - 2016. - №9. - С. 165-167.

INTERRELATION OF UNEASINESS AND AGGRESSION OF THE YOUNGER SCHOOLCHILD (9-10 Y.O.) WITH THE CHILD-PARENTAL RELATIONS

Vlasova E.N.

Research Advisor: Kirilova N.A., cand. of psychology, docent
Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm

Abstract. The article presents the results of the study of the relationship between the nature of the relationship between parents and the child and the peculiarities of the emotional and will sphere of the younger schoolchild. The relevance of the study is due to the fact that emotional development plays an important role in the formation of the personality of the younger schoolchild. The problem of studying the emotional sphere of a younger schoolchild is relevant, as if its development is insufficient, the process of self-regulation of educational activities becomes difficult.

Keywords: emotional sphere of the younger schoolchild, anxiety of the younger schoolchild, aggression of the younger schoolchild, child-parental relations

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВ ОТЦА И МАТЕРИ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БУДУЩЕМ СУПРУГЕ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Галимова А.И.

Научный руководитель: Нухова М.В., к. психол. н., доцент
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа

Аннотация. В статье представлены результаты исследования влияния образов отца и матери на представление о будущем супруге у юношей и девушек.

Ключевые слова: образ матери, образ отца, представление о будущем супруге.

Введение.

Семья всегда оказывала сильное влияние на формирование и развитие всех сторон жизни и деятельности подрастающего поколения. В современных психологических исследованиях широкое распространение получило изучение того, как взаимоотношения в родительской семье оказывают воздействие на выстраивание детьми собственных супружеских отношений. Получены данные о том, что образ матери и отца, который сформировался у ребенка, во многом определяет то, каким будет их будущий супруг. Особую актуальность проблема влияния образов отца и матери на представление о будущем супруге приобретает

в юношеском возрасте, поскольку именно в этом возрасте начинают формироваться романтические взаимоотношения с противоположным полом, возникает дружба, появляется влюбленность, что в последующем станет основой выбора брачного партнера.

Наличие образа матери в сознании человека характерно для всех культур. Исследуя коллективное бессознательное, К.Г. Юнг выделил различные архетипы, которые размещены в нём. По мнению К.Г. Юнга, архетип Матери относится к базовым архетипам личности. Чаще всего образ матери характеризуется через такие описательные характеристики, как: сочувствие, материнская забота, магическая власть женщины, доброта, поддержка, мудрость (Юнг, 1994). Н.С. Пивнева изучала особенности образа матери в русской православной культуре (Пивнева, 2003). Сравнивая образ матери, который сформирован в русских и европейских сказках, В.И. Мильдон приходит к выводу, что в образ русской женщины и матери включены такие характеристики, которые в европейских сказках полностью отводятся мужчине (Мильдон, 2001).

Вступление в брачные отношения – это одно из важнейших событий в жизни каждого человека. На процесс выбора супруга оказывают влияние такие факторы как собственный опыт взаимодействия с противоположным полом, опыт брачных взаимоотношений между родителями, а также представление об идеальном супруге. Исследования в данной области были проведены Л.И. Доевой, М.В. Захаровой, В.Е. Каганом, И.Г. Станиславской и др.

Основываясь на выделенных аспектах актуальности нашего исследования, мы поставили перед собой цель – изучить влияние образов отца и матери на представление о будущем супруге у юношей и девушек. В качестве гипотетического предположения была выдвинута идея о том, что существует взаимосвязь между образами отца и матери и представлениями о будущем супруге у юношей и девушек.

Метод.

Исследование проводилось на базе МБОУ «Лицей № 96» г. Уфы. В нем приняли участие 25 девушек и 25 юношей в возрасте 16-17 лет.

Для проверки выдвинутой гипотезы в работе были использованы следующие психодиагностические методики:

1) методика «Завершение предложения» (Sacks sentence completion test, SSCT), вариант Д. Сакса и Леви для диагностики отношения к отцу и матери;

2) методика «Представления об идеальном родителе» (Р.В. Овчарова, Ю.А. Дегтярева) для диагностики идеального образа отца и матери;

3) тест «Подростки о родителях» ADOR (Шафер, модификация З. Матейчика и П. Ржичана) для диагностики образа отца и матери;

4) методика «Определение согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре» (А.Н. Волкова) для диагностики представлений юношей и девушек о своем будущем супруге.

Статистическая обработка полученных результатов осуществлялась с помощью r_s -критерия ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение.

Исследование образа отца и матери в юношеском возрасте выявило следующие особенности. У юношей и девушек, независимо от пола, преобладает положительный образ отца и матери. При этом положительный образ матери более выражен в группе девушек.

При оценке идеальной матери девушки на первое место ставят доброту, теплоту, гордость за детей, умение извиниться при необходимости, а при оценке идеального отца – помощь, оказание влияния, невмешательство без необходимости в их жизнь. Для юношей одинаково важны все аспекты проявления идеальной матери: понимание с ее стороны, поддержка, доброта, забота, доверие, помощь и т.д. От идеального отца юноши в первую очередь ждут интерес, гордость за детей, теплоту.

При оценке отношения к родителям девушки выделили непоследовательность и враждебность со стороны матери, а юноши позитивный интерес со стороны матери, непоследовательность и директивность со стороны отца.

Исследование представлений о будущем супруге показало, что девушки ждут от будущего супруга помощи при организации быта семьи, а также хотят связать свою жизнь с человеком, который имеет серьезные профессиональные и карьерные намерения, принимает активную общественную позицию. Юноши в первую очередь ждут от своей избранницы выполнения функции воспитания детей, а также социальной активности в общественном и профессиональном плане.

Для проверки гипотезы о том, что существует взаимосвязь между образами отца и матери и представлениями о будущем супруге у юношей и девушек, мы провели корреляционный анализ с помощью r_s -критерия ранговой корреляции Спирмена.

В выборке девушек анализ корреляционных взаимосвязей между *образом матери* и *образом будущего супруга* позволили выделить

– *положительную* корреляционную связь между непоследовательностью со стороны матери и ожиданиями в отношении родительско-воспитательной функции мужа ($r_s=0,45$);

– *отрицательную* корреляционную связь между позитивным интересом со стороны матери и ожиданиями в отношении родительско-воспитательной функции мужа ($r_s=-0,50$).

Анализ корреляционных взаимосвязей между *образом отца* и *образом будущего супруга в выборке девушек* позволили выделить *положительные* корреляционные связи между:

– автономностью со стороны отца и ожиданиями в отношении мужа в хозяйственно-бытовой сфере ($r_s=0,42$);

– отношением к отцу и ожиданиями в отношении мужа в родительско-воспитательной сфере ($r_s=0,48$).

Отрицательные корреляционные связи выявлены между:

– представлениями о когнитивном компоненте восприятия отца и ожиданиями в отношении мужа в родительско-воспитательной сфере ($r_s=-0,48$);

– директивностью ($r_s=-0,53$), враждебностью ($r_s=-0,49$), непоследовательностью ($r_s=-0,40$) отца в воспитании дочери и ожиданиями в отношении мужа в сфере социальной активности;

– непоследовательностью отца в воспитании и ожиданиями девушек в отношении внешней привлекательности мужа ($r_s=-0,44$).

Таким образом, в юношеском возрасте у девушек выявлен ряд взаимосвязей между образами отца и матери и представлениями о будущем супруге. Хорошие отношения с собственным отцом сочетаются с высокими ожиданиями от будущего супруга как отца их будущих детей; автономность отца, отгороженность от проблем семьи стимулирует желание девушек иметь супруга, компетентного в хозяйственно-бытовой сфере; отсутствие директивности, враждебности и непоследовательности со стороны отца приводит к тому, что девушка ждет от будущего супруга социальной активности в профессиональной и общественной сферах; хорошо сформированный когнитивный образ идеального отца снижает ожидания от будущего супруга в сфере воспитания и родительства; непредсказуемость и непоследовательность отцов в воспитании девочек снижает требовательность девушек к внешней привлекательности супруга.

В выборке юношей корреляционных взаимосвязей между образом матери и образом будущей супруги выявлено не было. При этом выявлены корреляционные связи между образом отца и образом будущей супруги:

– *положительная* корреляционная связь между позитивным интересом со стороны отца и представлениями о социальной активности будущей супруги ($r_s=0,41$);

– *отрицательная* корреляционная связь между непоследовательностью и противоречивостью отца и ожиданиями в отношении жены в родительско-воспитательной сфере ($r_s=-0,60$).

Полученные корреляционные связи позволяют сделать вывод о том, что отсутствие непоследовательности со стороны отца приводит к тому, что юноша ждет от своей избранницы выполнения функции воспитания детей; позитивный интерес к юноше со стороны отца рождает в нем желание видеть с собой супругу, активную в профессиональном и общественном плане.

Выводы.

Таким образом, гипотеза о том, что существует взаимосвязь между образами отца и матери и представлениями о будущем супруге у юношей и девушек, нашла свое подтверждение.

Библиографический список:

1. Мильдон В.И. Сказка – ложь (вечно женственное на русской земле) // Вопросы философии. – 2001. – № 5. – С. 147.
2. Пивнева Н.С. Архетипические образы в русской культуре: автореферат дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-н/Д, 2003. – 21 с.
3. Юнг К.Г. О современных мифах / Пер. с нем., предисл. и примеч. Л.О. Акопяна; под ред. М.О. Оганесяна, Д.Г. Лахути. – М.: Практика, 1994. – 251 с.

INFLUENCE OF FATHER AND MOTHER IMAGES ON SUBMISSION ABOUT THE FUTURE WIFE OF YOUNG AND GIRLS

Galimova A.I.

Scientific supervisor: Nuhova M.V., PhD in Psychology, docent
Bashkir State Pedagogical University, Ufa

Abstract. The article presents the results of a study of the influence of images of father and mother on the idea of the future spouse of boys and girls.

Keywords: the image of the mother, the image of the father, an idea of the future spouse.

АДАПТАЦИОННЫЕ СПОСОБНОСТИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ, ПРЕДРАСПОЛОЖЕННЫХ К СОМАТИЧЕСКИМ НАРУШЕНИЯМ

Глухова Н.В.

Научный руководитель: Таллибулина М.Т., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье представлено исследование адаптационных способностей и копинг-стратегий у студентов, предрасположенных к соматическим нарушениям. Изложены данные эмпирического исследования по выявлению выраженности адаптационных возможностей и копинг-стратегий у студентов с разным уровнем расположенности к соматизации; особенностей взаимосвязи показателей соматизации с адаптационными способностями, копинг-стратегиями и личностными особенностями студентов; выраженности показателей соматизации, адаптационных способностей и копинг-стратегий у студентов разного пола.

Ключевые слова: адаптационные способности, копинг-стратегии, предрасположенность к соматическим нарушениям.

Введение.

Студенческий период – это время, когда человек ориентирован на профессиональное развитие и самореализацию, период, когда он сталкивается с множеством проблем: от трудностей в общении с одноклассниками до стрессовых состояний из-за интеллектуальных нагрузок в процессе обучения. Весь спектр возможных трудностей студента может привести к сбоям в процессах психологической адаптации, психического и соматического здоровья. В связи с этим актуальной представляется задача изучения соматизации,

адаптационных возможностей и использования студентами эффективных копинг-стратегий в процессе получения ими образования.

Проблема изучения указанных выше феноменов неоднократно поднималась разными авторами. Так, например, А.Г. Маклаков рассматривал адаптационные способности как совокупность индивидуально-психологических и интеллектуальных характеристик, определяющих успешность и эффективность адекватного «реагирования» индивида на воздействие психогенных факторов внешней среды (Маклаков, 2011). Копинг-стратегии как методы, способы и механизмы, способствующие наиболее успешной адаптации к экстремальной ситуации (Лазарус, 2008) подробно рассматривались такими авторами как Н.В. Волкова, Б.Х. Варданян и другие. Изучением соматических нарушений, развившихся на психологической основе, в науке занимались И.Г. Малкина-Пых, В.М. Блейхер и другие.

Исходя из вышеизложенного, *цель* данного исследования заключается в изучении особенностей выраженности и характера взаимосвязи адаптационных способностей, копинг-стратегий и проявлений соматизации у студентов. *Объектом* исследования выступают адаптационные способности, копинг-стратегии и соматические нарушения. *Предмет* исследования – адаптационные способности и копинг-стратегии студентов, предрасположенных к соматическим нарушениям.

В соответствии с целью данного исследования нами были сформулированы следующие *гипотезы*: 1) Существуют различия в уровне выраженности параметров адаптационных способностей, копинг-стратегий у студентов с разным уровнем расположенности к соматизации; 2) Показатели соматизации взаимосвязаны с показателями адаптационных способностей, копинг-стратегий и личностных особенностей студентов: чем выше показатели соматизации, тем ниже уровень адаптационных способностей и копинг-стратегий; 3) Существуют различия в выраженности параметров соматизации, адаптационных способностей и копинг-стратегий у студентов разного пола.

Метод.

Участники исследования.

Исследование проведено на выборке студентов 1-3 курсов, обучающихся в учебных заведениях г. Перми: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; Пермский институт (филиал) «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»; Краевой индустриальный техникум. Участниками выборки стали 40 человек – 19 юношей и 21 девушка. Возраст участников – от 15 до 23 лет.

Эмпирическое исследование осуществлялось с ноября 2019 года по январь 2020 года в групповой и индивидуальной форме. Испытуемым раздавались диагностические материалы, зачитывалась инструкция, проверялась правильность её понимания, далее каждый испытуемый заполнял бланки методик.

Психодиагностический инструментарий.

Для изучения уровня адаптационных способностей студентов нами

использовался многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермяниной. С целью выявления ведущих стратегий совладания со стрессом был выбран опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса и С. Фолкман (в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтык и М.С. Замышляевой). Для выявления уровня выраженности расположенности студентов к соматическим нарушениям использовался «Биографический опросник» Bottscher, Jager, Lischer (в адаптации В.А. Чикер).

Методы анализа данных.

При статистической обработке данных были использованы следующие методы: кластерный анализ (k-means), сравнительный анализ t-критерий Ч. Стьюдента; корреляционный анализ К. Пирсона.

Кластерный анализ использовался с целью деления выборки на группы по выраженности уровня расположенности к соматическим нарушениям.

T-критерий Ч. Стьюдента применялся с целью определения статистической значимости различий в выраженности показателей адаптационных способностей и используемых копинг-стратегий в группах студентов с разным уровнем предрасположенности к соматическим нарушениям, а также в выборках разного пола.

Корреляционный анализ К. Пирсона использовался для выявления значимых взаимосвязей между показателями соматизации, адаптационных способностей, используемых копинг-стратегий и личностными особенностями студентов.

Результаты.

С помощью кластерного анализа было выделено 2 кластера. Один – группа студентов с высоким уровнем предрасположенности к соматическим заболеваниям, другой – группа студентов с низким уровнем. Группа с высоким уровнем предрасположенности включила в себя 15 человек, а группа с низким уровнем – 25 человек.

В ходе анализа с применением t-критерия Стьюдента в группах студентов с высоким и низким уровнем предрасположенности к соматическим нарушениям, было выявлено единственное статистически значимое различие в одном из всех показателей – нейротизм.

В результате корреляционного анализа было выявлено, что предрасположенность к соматическим нарушениям в выборке связана с такими характеристиками личности студентов как нейротизм и социальная активность.

Корреляционный анализ К. Пирсона, проведённый в группе студентов с низким уровнем соматизации определил, что показатель соматизации взаимосвязан с социальной активностью личности. Этот же анализ, проведённый в группе студентов с высоким уровнем соматизации, выявил, что показатель расположенности к соматическим нарушениям взаимосвязан с одним из показателей копинг-стратегий – поиском социальной поддержки.

Сравнительный анализ с применением t-критерия Ч. Стьюдента, проводимый в группах студентов разного пола показал, что личностный адаптационный потенциал и нервно-психическая устойчивость в нашей выборке

выше у юношей, а использование копинг-стратегии «Бегство – избегание», проявление силы «Я» и нейротизма преобладает у девушек.

Обсуждение.

Выявленное в результате сравнительного анализа с применением t-критерия Стьюдента, статистически значимое различие (нейротизм), свидетельствует о том, что на уровне тенденций обе группы схожи, то есть люди, обладающие высоким и низким уровнем предрасположенности к соматизации, сходным образом адаптируются к новым условиям действительности и так же сходно действуют в стрессовых ситуациях. Их отличает лишь проявление эмоциональных реакций, тревожности и чувствительности по отношению к окружающей действительности. Отметим, что полученный результат исследования подтверждается в научных работах В.М. Попкова и К.Р. Сидорова.

Выявленные в результате корреляционного анализа взаимосвязи указывают на то, что расположенность к соматизации в представленной выборке связана с такими показателями как нейротизм и социальная активность. Это говорит о том, что эмоционально лабильные люди, обладающие сильными эмоциональными реакциями, общей психической неустойчивостью, неспособные устанавливать и поддерживать социальные контакты, более подвержены соматическим заболеваниям, чем относительно психически здоровые, уравновешенные люди с нормальными эмоциональными реакциями, способные к поддержанию контактов и обладающие отсутствием робости в раскрытии себя другим людям.

Низкий уровень соматизации, согласно результатам корреляционного анализа К. Пирсона, имеют социально активные студенты, обладающие способностью устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми, а также те, кто открыт для окружающих. Высокий же уровень расположенности к соматическим нарушениям свойственен тем студентам, которые имеют потребность в эмоциональной, информационной и действенной поддержке, то есть тем, кто ожидает от других постоянного внимания, сочувствия и совета. Стоит отметить, что подобные результаты относительно взаимосвязи высокого уровня соматизации с отсутствием социальной поддержки были получены в исследованиях Д. Маккея и П. Тойтса.

Результаты анализа с применением t-критерия Стьюдента в выборках женского и мужского пола объясняются, на наш взгляд, следующими фактами. Личностный адаптационный потенциал и нервно-психическая устойчивость юношей выше, чем у девушек потому, что первые в меньшей степени подвержены дезадаптации в стрессовых условиях, способны менее эмоционально проявлять себя в определённых условиях и лучше регулировать своё поведение в трудных ситуациях. Исследования Ю.А. Парамоновой и Е.А. Филатовой так же подтверждают, что мужчины более уравновешены, обладают способностью сознательно контролировать свои эмоции и использовать адекватные реакции в экстремальных ситуациях (Парамонова, 2017). Г.Ш. Габдреева же считает преждевременным вывод о лучшей адаптивности сильного пола, объясняя это тем, что актуализация

адаптированности мужчин и женщин базируется на разных основаниях. Так, мужчинам в связи с высокой выраженностью адаптивных качеств не требуется напряжения структуры с усилением интеграции показателей, тогда как именно это происходит в структуре женской выборки (Габдреева, 2016).

Частое использование девушками копинг-стратегии «Бегство-Избегание» можно объяснить, на наш взгляд, выраженностью такого показателя как нейротизм, то есть девушки обладают уклончивым стилем решения проблем в связи с их большим эмоциональным напряжением в проблемных ситуациях (Бартош, 2012). Преобладание такого показателя как сила «Я» в женской выборке объясняется, по нашему мнению, тем, что в относительно спокойных, не стрессовых условиях девушки способны уверенно двигаться в сторону достижения задуманного.

Заключение.

Таким образом, в ходе исследования нами определена выраженность параметров адаптационных способностей, копинг-стратегий у студентов с разным уровнем расположенности к соматизации, выявлен характер взаимосвязи показателей соматизации с адаптационными способностями, копинг-стратегиями и личностными особенностями студентов, а также определена выраженность показателей изученных феноменов у студентов разного пола.

В ходе эмпирического исследования нашла своё подтверждение гипотеза о различиях в выраженности параметров соматизации, адаптационных способностей и копинг-стратегий у студентов разного пола. Гипотеза о различиях в выраженности показателей этих феноменов в общей выборке испытуемых подтвердилась в части одного личностного параметра – нейротизм. Гипотеза о взаимосвязи показателей соматизации с показателями адаптационных способностей, копинг-стратегий и личностных особенностей студентов подтвердилась в части двух личностных показателей – нейротизм и социальная активность, а также в части одного показателя копинг-стратегий – поиск социальной поддержки.

Цель исследования, заключающаяся в изучении особенностей выраженности и характера взаимосвязи адаптационных способностей, копинг-стратегий и проявлений соматизации у студентов, в результате исследования была достигнута.

В дальнейшем мы планируем провести эмпирическое исследование на выборке студентов, получающих профессиональное образование по разным направлениям: гуманитарному и техническому. Такой состав выборки позволит сравнить особенности выраженности и характер взаимосвязи показателей адаптационного потенциала, используемых копинг-стратегий и проявлений соматизации у студентов в зависимости от их профессиональной направленности. Также мы планируем сравнить проявления соматизации у студентов высших и средних профессиональных учебных заведений.

Библиографический список

1. Бартош О.П., Бартош, Т.П. Возрастные и гендерные особенности копинг-поведения подростков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – №6. – С. 42-46.
2. Габдреева Г.Ш. Гендерные различия адаптивности личности // Филология и культура. – 2016. – №1. – С. 338-347.
3. Лазарус Р.С. Теория стресса и психофизиологические исследования. – М.: Смысл, 2008. – 310 с.
4. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал – 2011. – Т. 22.– №1. – С. 16–24.
5. Парамонова Ю.А., Филатова Е.А. Особенности эмоционального интеллекта студентов с разным уровнем нервно-психической устойчивости // Вопросы студенческой науки. – 2017. – №16. – С. 105-115.

ADAPTIVE ABILITIES AND COPING STRATEGIES OF STUDENTS PREDISPOSED TO SOMATIC DISORDERS

Glukhova N.V.

Scientific supervisor: *Talibulina M.T.*, associate Professor of the Department of theoretical and applied psychology, candidate of psychological Sciences
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The article presents a study of adaptive abilities and coping strategies in students who are predisposed to somatic disorders. The article presents data from an empirical study to identify the severity of adaptive capabilities and coping strategies in students with different levels of disposition to somatization; features of the relationship of somatization indicators with adaptive abilities, coping strategies and personal characteristics of students; and the severity of indicators of somatization, adaptive abilities and coping strategies in students of different genders.

Keywords: adaptive abilities, coping strategies, predisposition to somatic disorders.

СТИЛЬ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В ЗАВИСМОСТИ ОТ ОТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ К БОЛЕЗНИ РЕБЕНКА (НА ВЫБОРКЕ СЕМЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ С ЛЕГКОЙ СТЕПЕНЬЮ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТИ)

Горбунова Н.В.

Научный руководитель: Самбикина О.С., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье представлена постановка проблемы воспитания в семьях с детьми, имеющими легкую степень умственной отсталости. Автор рассматривает стиль семейного воспитания как ключевой аспект, формирующий

детско-родительские отношения и оказывающий влияние на психическое и личностное развитие ребенка. Поднят вопрос о влиянии отношения родителей к заболеванию ребенка с легкой степенью умственной отсталости на проявления дисгармоничных тенденций в процессе воспитания.

Ключевые слова: умственная отсталость; стиль семейного воспитания; детско-родительские отношения; отношение к болезни.

В современном мире внимание исследователей все чаще привлекает категория детей с особыми потребностями, иначе, детей с ограниченными возможностями здоровья. С каждым годом их численность увеличивается на 15-25 тысяч человек. Среди всех разновидностей наибольшее число отклонений приходится на интеллектуальные нарушения.

Согласно МКБ-10, умственная отсталость – это состояние задержанного или неполного умственного развития, которое характеризуется, прежде всего, снижением навыков, возникающих в процессе развития, и навыков, которые определяют общий уровень интеллекта (т.е. познавательных способностей, языка, моторики, социальной дееспособности). Умственная отсталость может возникнуть на фоне другого психического или физического нарушения либо без него [2].

Дети с лёгкой степенью умственной отсталости посещают специальные коррекционные учреждения: детские сады и школы. Дети со средней и глубоко выраженной отсталостью чаще всего воспитываются в семьях или помещаются в социальные интернаты, где находятся пожизненно.

Постановка ребенку диагноза «умственная отсталость», несомненно, нарушает привычный уклад жизни семьи, сказывается на психологическом климате, приводит родителей к состоянию дистресса. Родители, имеющие детей с интеллектуальными нарушениями, стремясь преодолеть трудности ребенка, находясь при этом в стрессовом состоянии, чаще всего ошибаются в выборе правильного воспитательного подхода. Стоит отметить, что зачастую родители, сами имеющие интеллектуальные отклонения, проще относятся к дефекту ребенку, они не видят в этом ничего страшного, воспринимая как норму, что негативно отражается на процессе воспитания.

Изучением стилей родительского воспитания занимались отечественные и зарубежные психологи, такие как А.С. Спиваковская, В.В. Столин, А.Я. Варга, Д. Баумринд, Э. Эриксон, Э.Г. Эйдемиллер, А.И. Захаров, А.Е. Личко и другие. Отдельные аспекты исследования семей с «особыми детьми» освещены в работах И.Ю. Левченко, И.И. Мамайчук, Е.С. Набойченко, Е.М. Мастюковой, В.В. Ткачевой, Л.М. Шипициной и других.

Авторы обращают внимание на различные стороны взаимодействия «особого ребенка» с окружающими, восприятия этого ребенка близкими для него людьми и развития самого ребенка как личности. Исследователи отмечают, что для семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья характерны такие же дисгармоничные стили воспитания, что и в семьях со здоровыми детьми.

Детско-родительские отношения в семьях, имеющих детей с легкой степенью умственной отсталости, складываются под воздействием нескольких факторов, но важнейшим из них является стиль родительского воспитания. Диагностика стиля воспитания дает возможность спрогнозировать его влияние на психическое и личностное развитие ребенка.

В исследовании нами рассматривается взаимосвязь между отношением родителей к заболеванию детей с легкой степенью умственной отсталости и дисгармоничными проявлениями в процессе воспитания.

Цель исследования: изучение зависимости стиля семейного воспитания от отношения родителей к болезни своего ребенка с легкой степенью умственной отсталости.

Объект исследования: детско-родительские отношения.

Предмет исследования: стили семейного воспитания в зависимости от отношения родителей к болезни ребенка, имеющего легкую степень умственной отсталости.

Гипотезы исследования:

1. Родители, воспитывающие детей с легкой степенью умственной отсталости, по-разному относятся к болезни своего ребенка.

2. Родители, по-разному относящиеся к болезни своего ребенка, имеющего легкую степень умственной отсталости, применяют разные стили семейного воспитания, при этом для большинства родителей, испытывающих высокое напряжение, связанное с болезнью ребенка, характерны дисгармоничные стили воспитания.

Задачи исследования:

1. Проанализировать литературу по проблеме детско-родительских отношений в семьях, имеющих детей с легкой степенью умственной отсталости.

2. Выделить выборки родителей, по-разному относящихся к болезни своего ребенка с легкой степенью умственной отсталости.

3. Осуществить сравнительный анализ стилей семейного воспитания родителей, по-разному относящихся к болезни своего ребенка с легкой степенью умственной отсталости.

4. Проанализировать структуру взаимосвязей между показателями отношения к болезни ребенка и показателями стилей семейного воспитания в выборках родителей, по-разному относящихся к болезни своего ребенка.

5. Разработать рекомендации, адресованные семьям, воспитывающим детей с легкой степенью умственной отсталости.

Новизна исследования определяется тем, что в нем углубляются представления об особенностях детско-родительских отношений в семьях, имеющих детей с легкой степенью умственной отсталости.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в курсах лекций по таким дисциплинам, как «Клиническая психология», «Специальная психология и коррекционная педагогика», «Психология семьи». Разработанные рекомендации могут быть использованы при работе с родителями, имеющими детей с легкой степенью

умственной отсталости.

Эмпирическая часть исследования осуществлялась в марте 2020 г. на базе МБОУ СКОШИ ЧГО (Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат для учащихся, воспитанников с ограниченными возможностями здоровья Чайковского городского округа»). Количество испытуемых на данный момент составило 17 человек (13 семей). Из них: 11 матерей и 6 отцов, имеющих детей с легкой степенью умственной отсталости в возрасте от 15 до 17 лет.

В эмпирическом исследовании были использованы следующие **методики**:

1. Для определения отношения родителей к заболеванию детей с легкой степенью умственной отсталости была использована методика «Отношение к болезни ребенка» (ДОБР) В.Е. Каган, И.П. Журавлева.

2. Для изучения того, каким образом родители воспитывают ребенка в семье, был использован опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис (1996).

На данный момент проведено эмпирическое исследование, происходит статистическая обработка полученных данных.

Выявленные взаимосвязи между отношением родителей к заболеванию детей с легкой степенью умственной отсталости и особенностями семейного воспитания будут способствовать разработке рекомендаций по работе с родителями, имеющими детей с интеллектуальными нарушениями.

Библиографический список

1. МКБ-10 – Международная классификация болезней 10-го пересмотра [Электронный ресурс]. – URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4380> (дата обращения: 18.02.2020)

2. Методика диагностики отношения к болезни ребенка (ДОБР; В.Е. Каган, И.П. Журавлева) [Электронный ресурс]. – URL: <https://vsetesti.ru/350/> (дата обращения: 22.02.2020)

3. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис, В.В. Анализ семейных взаимоотношений // ТЕСТотека [Электронный ресурс]. – URL: <http://testoteka.narod.ru/dro/1/07.html> (дата обращения: 22.02.2020)

THE STYLE OF FAMILY EDUCATION, DEPENDING ON THE ATTITUDE OF PARENTS TO CHILD'S DISEASE (ON THE SELECTION OF FAMILIES WITH CHILDREN WITH EASY MENTAL DEVICES)

Gorbunova N.V.

Scientific supervisor: Sambikina O.S., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The article presents the problems of parenting in a family with children with a mild degree of mental retardation. The author considers the style of family education as a key aspect that shapes parent-child relationships and affects the child's mental and personal development. The question is raised about the influence of

parents' attitude to the disease of a child with a mild degree of mental retardation on the manifestations of disharmonic tendencies in the process of upbringing.

Keywords: mental retardation, family education style, parent-child relationship, attitude towards the disease.

ОСОБЕННОСТЬ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ ОППОЗИЦИОНЕРОВ С ИХ СТРАТЕГИЯМИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ И ЛОКУСОМ КОНТРОЛЯ

Данилов Е.А.

Научный руководитель: Львов Д.Е., к. психол. н., доцент
Удмуртский государственный университет, Ижевск

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема исследования особенности взаимосвязей протестной активности личности оппозиционеров с их стратегиями поведения в конфликте и локусом контроля. Также, в статье приведены результаты анализа и сравнения взаимосвязей личностных особенностей оппозиционеров и представителей молодежного парламента.

Ключевые слова: протестная активность личности, оппозиция, стратегии поведения в конфликте, локус контроля.

Введение. На сегодняшний день исследователи утверждают, что современное российское общество характеризуется углублением социального расслоения молодежи, отсутствием четкой гражданской позиции. Отсутствие согласованности интересов по ключевым вопросам развития общества представляет собой объективную причину появления оппозиционного настроения. Одним из ключевых понятий данного настроения определяется протестная активность, выраженная, к примеру, в протестных акциях. В современном обществе протестная активность может стать причиной непрогнозируемых социальных противоречий (Иванова, 2011). Несмотря на то, что проблема протестной активности рассматривалась многими исследователями, всё же недостаточным остается изучение особенности взаимосвязей протестной активности личности оппозиционеров с их личностными особенностями (Лапин, 1997). Несмотря на то, что сейчас исследователи имеют представления об основных психологических факторах, которые запускают протестную деятельность для решения общественных проблем, все равно психология протестной деятельности остается одним из приоритетных направлений социальной психологии. Таким образом, на данный момент изучение особенностей обусловливания личными особенностями оппозиции протестной

активности является сложной задачей и остается актуальным направлением исследований.

Метод.

Участники исследования.

Исследование проводилось на базе Молодежного парламента Удмуртии в период с января по апрель 2020 года. Общий объем выборки составил 35 человек (16 девушек и 19 молодых людей). Возраст испытуемых 21 – 28 лет. Для участия в исследовании были отобраны лица мужского и женского пола, участвующие в деятельности Молодежного Парламента (15 человек – действующий состав) и пассивной оппозиционной деятельности (25 человек) – участники оппозиционных групп в социальной сети «ВКонтакте».

Психодиагностический инструментарий.

В исследовании использовались следующие методики:

Опросник «Протестная активность личности» (А.Ш. Гусейнов); тест-опросник «Стиль поведения в конфликте» (К. Томас, адаптация Н.В. Гришиной); методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина); тест-опросник на определение уровня субъективного контроля Дж. Роттера (Е.Ф. Бажин, С.А. Голынкина, А.М. Эткинд).

Методы анализа данных:

Для обработки экспериментальных данных использовался пакет прикладных программ математической обработки данных SPSS 11.0, а в самой программе были использованы следующие статистические методы: метод проверки на нормальность распределения Шапиро-Уилка, корреляционный анализ Спирмена, непараметрический критерий сравнения U-Манна-Уитни. Основой определения исследовательских техник в работе послужило соответствие эмпирического и методологического обеспечения.

Результаты.

Для определения метода данные были подвергнуты проверке наличия нормального распределения с помощью критерия Шапиро-Уилка. Далее был использован непараметрический критерий сравнения U-Манна-Уитни. В ходе анализа были выявлены статистически значимые различия членов молодежного парламента и оппозиционеров по показателям «нигилизм», ($U = 39,000$; $p < 0,05$); «стратегия избегания в конфликте» ($U = 71,500$; $p < 0,05$); «ориентация на альтруизм» ($U = 71,500$; $p < 0,05$); «оппозиционные установки» ($U = 0,000$; $p < 0,05$).

Далее был проведен корреляционный анализ взаимосвязей личностных особенностей оппозиционеров. Обнаружена значимая прямая взаимосвязь оппозиционного настроения оппозиционеров с негативизмом ($r = 0,643$; $p < 0,05$) и эскапизмом ($r = 0,590$; $p < 0,05$), а также обратная взаимосвязь с стратегией приспособления в конфликте ($r = -0,492$; $p < 0,05$) и с их ориентацией на труд ($r = -0,454$; $p < 0,05$).

Также были выявлены значимая прямая корреляция эскапизма оппозиционеров с их нигилизмом ($r = 0,638$; $p < 0,05$), ориентация на процесс с

ориентацией на альтруизм ($r = 0,736$; $p < 0,05$), а также обратная взаимосвязь стратегии избегания в конфликте со стратегией приспособления ($r = -0,456$; $p < 0,05$).

Затем был проведен анализ взаимосвязей личностных особенностей представителей молодежного парламента. Обнаружена значимая прямая корреляция эмансипации представителей Молодежного парламента со стратегией избегания в конфликте ($r = 0,563$; $p < 0,050$). Также, обнаружена значимая обратная взаимосвязь стратегии избегания со стратегией соперничества ($r = -0,536$; $p < 0,05$). Выявлена значимая обратная взаимосвязь нигилизма представителей Молодежного парламента с их общей интернальностью ($r = -0,796$; $p < 0,05$), областью достижений ($r = -0,691$; $p < 0,05$), областью неудач ($r = -0,565$; $p < 0,05$) и областью семейных отношений ($r = -0,546$; $p < 0,05$).

Обсуждение результатов.

Оппозиционеры склонны к отрицанию общезначимых социальных ценностей, традиций, морали, а также к безальтернативной интерпретация жизни. Оппозиционеры отличаются от представителей Молодежного парламента установкой на враждебность мира и восприятие реальности как источника всех страданий. Они в большей мере, чем представители Молодежного парламента, склонны к инфантилизму, подозрительности и постоянному поиску внешнего врага; к выбору отрицательных идеалов, идеологии, что подтверждает гипотезу H_1 .

Чем ниже нигилизм представителей молодежных организаций, тем выше их общая интернальность. Позитивное отношение к власти у представителей Молодежного парламента связано с общей интернальностью, с высоким уровнем субъективного контроля. По нашему мнению, обратная связь нигилизма и общей интернальности представителей молодежных организаций, может объясняться тем, что они, совместно с представителями власти, напрямую оказывают влияние на жизнь общества (в том числе и на политику). Поэтому представители молодежных организаций, могут осознавать, что их собственные важные события в жизни зависит от его личностных качеств (компетентности, целеустремленности, упорности, уровня способностей и т.п.) и являются закономерными следствиями их совместной деятельности с представителями власти.

Также замечено, чем ниже выраженность нигилизма, тем выше интернальность представителей молодежной организации в области семейных отношений. Чувство субъективного контроля по отношению к отрицательных событиям и ситуациям проявляется и в том, что представители молодежной организации считают себя ответственными за события, происходящие в их семейной жизни

Заключение.

Для решения поставленных в работе задач мы сравнили взаимосвязи личностных особенностей и стратегии поведения в конфликте оппозиционеров и представителей молодежного парламента. Оппозиционный настрой тесно

связан с нигилизмом и эскапизмом оппозиционеров, чаще всего ими используется стратегия избегания в конфликте. Несогласие и отсутствие потребности включенности во взаимодействие определяет их нежелание в поиске оптимального разрешения конфликта. Оппозиционеры легко поддаются управлению и манипулированию из-за сильной потребности во внешнем контроле, сочетаемой со стремлением возложить ответственность за совершенные действия на других, например руководство или правительство. Оппозиционеры, несмотря на неспособность самостоятельно решить проблему, не принимают постороннюю помощь

Для представителей молодежного парламента характерно же стремление к альтруизму, заботе о стабильности и благосостоянии общества. Также, представители молодежного парламента отличаются значениями общей интернальности, областей достижений, неудач и семейных отношений, что снижает их нигилизм, развито чувство субъективного контроля. Стараются разрешить проблему, не избегая её, что объясняется их высокой ответственностью. Представители молодежных организаций, могут осознавать, что их собственные важные события в жизни зависят от его личностных качеств (компетентности, целеустремленности, упорности, уровня способностей и т.п.) и являются закономерными следствиями их совместной деятельности с представителями власти.

Библиографический список

1. Иванова Е.М. Протестное участие как форма имобильного политического поведения (социологический подход) // Известия Саратовского университета. – 2011. – Т.11. Сер. «Социология. Политология». – Вып. 2. – С. 7-10.

2. Лапин Н.И. Ценности, группы интересов и трансформация Российского общества // Социологические исследования. – 1997. – № 3. – С. 14-24.

FEATURE OF INTERRELATIONS OF PROTEST ACTIVITY OF OPPOSITIONISTS WITH THEIR STRATEGIES OF BEHAVIOR IN CONFLICT AND LOCUS OF CONTROL

Danilov E.A.

Scientific supervisor: Lvov D.Ye., candidate of psychology, associate professor
Udmurt State University, Izhevsk

Abstract. This article deals with the problem of studying the features of interrelations between the protest activity of the oppositionists' personalities with their strategies of behavior in conflict and the locus of control. Also, the article presents the results of analysis and comparison of interrelations of personal characteristics of oppositionists and representatives of the youth Parliament.

Key-words: individual protest activity, opposition, strategies of behavior in conflict, locus of control.

ПРОФИЛАКТИКА СТРАХОВ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Даутова Л.М.

Научный руководитель: Нуриманова Ф.К., к. психол. н., доцент
Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмиллы, Уфа

Аннотация. Статья содержит в себе определения понятий, смежных «страху», в частности, различия между страхом и боязнью. Рассматриваются отличия невротических и возрастных страхов по степени и характеру воздействия на человека, по механизму возникновения. А также описаны виды страхов, свойственных младшему школьному возрасту. Кроме того, составлен список из рекомендаций родителям по предотвращению страхов у детей, которые будут полезны при воспитании ребенка.

Ключевые слова: младший школьный возраст; страх; эмоция; возрастной страх; невротический страх.

Введение. Каждый человек в течение своей жизни регулярно испытывает страх. Это может «изматывать» человека, приводить его в состояние стресса, негативно влиять на физиологические механизмы, поддерживающие оптимальное состояние организма и работоспособность. Страх может вызвать психические расстройства, заболевания разного типа. Однако страх является защитным механизмом организма. Он помогает избежать опасной ситуации, сигнализируя о возможной угрозе и мобилизуя энергетические резервы организма, тем самым помогая эффективно защититься.

Исследованием данной проблемы занимались А.И. Захаров, С.Г. Зубанова, А.С. Зубкова, Е.П. Ильин и др. А среди зарубежных ученых: Г.С. Салливен, З. Фрейд, С. Холл и т.д. А.И. Захаров рассматривает страхи, а вместе с тем и тревожность в генезе неврозов, подробно изучает возрастные особенности, причины ее появления, способы диагностики и коррекции, а также дневные и ночные страхи детей. Г.С. Холл, как приверженец биогенетического закона, говорил, что дети в течение своего развития переживают сначала страхи животных, а потом – людей на различных этапах антропогенеза.

Несмотря на разнообразие работ, недостаточно изученными остаются следующие аспекты: грань между нормой и патологией, причины появления, коррекция детских страхов, и т.д. Проблему страхов детей младшего школьного возраста важно исследовать, так как при негативном воздействии их (страхов) на ребенка, психическое, физическое развития его могут нарушиться, возможны появления и психических заболеваний. Для того чтобы младший школьник развивался гармонично (и в целом все дети), необходимо углубленное изучение этой проблемы и дальнейшее применение полученных знаний на практике с целью предотвращения развития тревоги ребенка, разработки способов самообладания в случаях неконтролируемого страха.

Целью данного исследования является профилактика развития страхов у младших школьников.

Методы. Методы анализа данных: обзор литературы, анализ, обобщение.

Результаты. Теоретическое исследование проблемы показало, что существует немало понятий, смежных «страху»: тревога, боязнь, испуг, паника и т.д. Они отличаются друг от друга степенью выраженности (Ильин, 2009). А.И. Захаров выделяет следующую «иерархию»: волнение, беспокойство, опасение, тревога, собственно страх, испуг и ужас. Однако нужно отметить, что страх и боязнь не тождественные понятия. Боязнь (опасение) представляет собой, скорее, негативную установку по отношению к некоторым объектам. Можно чего-то бояться, при этом не испытывая страх (я говорю, что боюсь пауков, но в данный момент мне не страшно), также можно сформировать боязнь, без предшествующего опыта страха. «Это знаемый страх, зафиксированный в эмоциональной памяти вместе с вызвавшим его объектом, но не обязательно переживаемый» (Ильин, 2017).

А.И. Захаров отмечает, нужно различать страх, вызванный онтогенетическим развитием – возрастной страх и невротический страх. Возрастной страх появляется в определенном периоде жизни и через некоторое время исчезает, он не оказывает негативное влияние на человека. Невротический же страх, наоборот, препятствует гармоничному развитию личности, ориентирует его на травмирующее прошлое, ведет к социальной дезадаптации и т.д. (Захаров, 2000).

Так какие же существуют страхи в младшем школьном возрасте? Младшему школьному возрасту характерны снижение эгоцентричности ребенка, развитие воображения и появление новой социальной роли ученика (Водяха, 2018). В связи с чем возникают следующие страхи: смерть родителей, мистические страхи (привидения, вампиры и т.д.), «быть не тем, кем надо», выговор со стороны учителя, опоздать в школу, получить плохую оценку... По сути, все эти перечисленные страхи являются адекватными для этого возраста, но часто, при неблагоприятных ситуациях развития ребенка, страхи развиваются в сторону патологии (Захаров, 2005).

Обсуждение. Страх представляет собой эмоцию, возникающую в ситуациях мнимой или настоящей опасности, также существуют «разновидности» страха, отличающиеся друг от друга степенью выраженности; нужно отличать боязнь от них, которая является, скорее, установкой. Бывают страхи возрастные и невротические: вторые негативно влияют на развитие ребенка, являются патологическими, возрастные же – следствие онтогенетического развития. К возрастным страхам младших школьников относятся: смерть родителей, опоздание в школу, замечание со стороны учителя, «быть не тем, кем надо», мистические страхи.

Заключение. Нами были составлены рекомендации родителям для профилактики развития страхов ребенка. Рекомендации составлены на основе анализа работ А. И. Захарова (Захаров, 2000; Захаров, 2005).

1. Следует контролировать количество конфликтных ситуаций в семье. Исследования показывают, в семьях, где отношения между членами семьи напряженные, уровень тревожности детей выше.
 2. Нельзя смеяться над имеющимися страхами ребенка, наказывать его из-за них, наоборот, стоит вместе с ним обсуждать их.
 3. Не стоит ограничивать общение детей с их сверстниками, тем более, если это единственный ребенок в семье, т.к. может возникнуть, например, страх одиночества.
 4. Необходимо самим родителям сохранять свой уровень тревожности в норме, иначе тревожность может «передаться» детям.
 5. Исследователи утверждают о большей напряженности детей с неадекватным уровнем самооценки, поэтому следует «держаться» уровень самооценки в пределах нормы.
 6. Помогите ребенку найти подходящее увлечение.
 7. Не стоит чрезмерно опекавать ребенка.
 8. Ограничить просмотр, чтение материалов, не предусмотренных возрастом дитя.
 9. Родителям следует проявлять любовь, заботу к ребенку, нужно уделять ему достаточное количество внимания.
 10. Научить ребенка конструктивно реагировать на стресс.
- Таким образом, важно обсуждать страхи детей вместе с ними, не высмеивать их из-за наличия страхов, стоит поработать над самооценкой ребенка и т.д., которые будут полезны при воспитании ребенка.

Библиографический список

1. Захаров А. И. Дневные и ночные страхи у детей. – СПб: Речь, 2005. – 320 с.
2. Захаров А.И. Происхождение детских неврозов и психотерапия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 448 с.
3. Ильин Е.П. Психология страха. – СПб: Питер, 2017. – 288 с.
4. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. — СПб: Питер, 2009. – 155 с.
5. Психология младшего школьника [Электронный ресурс]: учебно-методическое пособие / Урал. гос. пед. ун-т ; авт.-сост. Ю. Е. Водяха, С. А. Водяха. – Электрон. дан. – Екатеринбург: [б. и.], 2018.

PREVENTION OF FEARS IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Dautova L.M.

Scientific supervisor: Nurimanova F.K., PhD in Psychology, docent
Bashkir state pedagogical University named after M. Aknulla,
Ufa

Abstract. The article deals with definitions of fear and related concepts; differences between neurotic and age-related fears by the degree and nature of their impact on a person, by the mechanism of occurrence. It also describes the types of fears

inherent in primary school age. There is a list of recommendations for parents to prevent fears in children has been compiled.

Keywords: primary school age; fear; emotion; age-related fear; neurotic fear.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В ПРОЦЕССЕ РЕШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАДАЧ

Дмитриев М.Д.

Научный руководитель: Курунов В.В., к. психол. н., доцент
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
г. Уфа

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме, касающейся особенностей проявлений функциональных состояний в процессе решения профессиональных задач. Рассмотрены научные представления о функциональных состояниях в современной психологии, психофизиологические показатели и психологические характеристики функциональных состояний, виды функциональных состояний человека. Разобрано понятие «функциональное состояние». Особое внимание в статье уделено проблемам и трудностям сотрудников в различных условиях. В конце данной статьи автор показывает, что профессиональная деятельность определяется совокупной системой внешних и внутренних факторов. Такой взгляд на данную проблематику будет интересен специалистам для совершенствования рабочего процесса.

Ключевые слова: функциональное состояние; профессиональная деятельность; психические состояния; формы усталости; процесс работы.

Введение.

Понятие «функциональное состояние человека» является одним из наиболее неопределенных. Существует огромное количество определений, раскрывающих данное понятие. Это связано с большим количеством проблем в этой области и различающимися подходами к исследованию и использованию методов.

С позиций системного подхода функциональное состояние можно определить несколькими способами, каждый из которых имеет право на жизнь:

1. Функциональное состояние человека – возможность выполнять конкретный вид деятельности с учетом влияния на здоровье человека.

2. Функциональное состояние человека – динамичный результат взаимодействия различных подсистем организма.

3. Функциональное состояние человека – сложная системная реакция организма на деятельность, ответ организма на внешние и внутренние факторы деятельности.

Теоретические подходы.

Стоит подчеркнуть, что понятие функционального состояния вводится для характеристики эффективной стороны деятельности или поведения человека.

Г.Л. Апанасенко отмечает, что речь идет о возможности человека, находящегося в том или ином состоянии, выполнять определенный вид деятельности (Апанасенко, 2015).

Например, человеческая жизнь полна чрезвычайных и стрессогенных ситуаций, поэтому люди часто испытывают стресс и нервно-психическое напряжение. Например, факторами риска для студентов являются большой поток информации, отсутствие системной работы в семестре и, как правило, стресс в период сессии.

В процессе выполнения профессиональных задач стрессорами для работников могут быть: большая интеллектуальная нагрузка, недостаточность времени, в том числе на отдых и сон, необходимость адаптации к новой организации рабочего процесса, неопределенность трудоустройства в условиях постоянных изменений рынка труда, стрессовые переутомления (Алексеев, 2012). Во время систематической перегрузки нервной системы возникает переутомление, для которой характерны чувство усталости до начала работы, отсутствие интереса к ней, апатия, повышенная раздражительность, ухудшение аппетита, головокружение и головная боль.

И.Л. Баскакова и Л.Д. Закаева в своей работе показывают пример того, что важным стрессовым фактором для молодежи является экзаменационная сессия. Известно, что стресс на экзаменационных испытаниях влияет на нервную, сердечно-сосудистую и иммунную системы студентов. По мнению ученых, во время экзамена у участников возникали различные нарушения, среди которых зафиксировано автономное регулирование сердечно-сосудистой системы, проявляющееся в повышенном пульсе, повышенном артериальном давлении, увеличении мышц и психоэмоциональном стрессе (Баскакова, 2019).

Среди факторов, влияющих на функциональное состояние работников, являются факторы рабочей среды (физический, физиологический, социальный, психологический, биологический, эстетический); факторы социальной среды в сочетании с целями рабочей деятельности; факторы процесса работы (тяжесть и интенсивность работы); индивидуальные особенности (Березин, 2018; Бермант-Полякова, 2016).

В таких условиях для психической деятельности характерны ограничения внимания, отторжение, стресс памяти, большое количество стресса, подвижность, вынужденная поза. Все это приводит к застойным явлениям в мышцах ног, органах брюшной полости и малого таза, ухудшает подачу кислорода мозгу, увеличивает потребность в глюкозе. Также ухудшаются функции визуального анализатора, а именно стабильность четкого зрения,

острота зрения, визуальная эффективность и время визуально-моторной реакции увеличивается.

Большинство авторов считает, что на состояние здоровья современных работников негативное влияние оказывает их образ жизни, малая двигательная активность, высокий уровень нервно-психического напряжения, распространенность в социальной среде вредных привычек.

Итак, среди проблем и трудностей в жизни человека могут быть: новые условия работы и проживания; недостаточность времени для сна; невыполнение работы в установленные сроки; ошибки в выполнении поставленных профессиональных задач; перегрузки или очень малая рабочая нагрузка; конфликт ролей, который может возникнуть в результате различий между нормами неформальной группы и требованиями формальной организации; отсутствие интереса к дисциплине или работе; плохие условия для работы (отклонение в температуре помещения, плохое освещение или чрезмерный шум).

Острые и хронические формы усталости могут быть обусловлены различными причинами, которые можно свести к пяти основным группам - физиологические, психологические, медицинские, материально-технические и спортивно-педагогические. Физиологические причины усталости проявляются в нарушении функций ЦНС и процесса передачи нервного импульса к мышцам, в недостаточном энергоснабжении мозга, в невысокой мощности, емкости и эффективности систем энергообеспечения, в нарушении периферического кровообращения и тому подобное.

Психологические причины усталости обнаруживаются в неуверенности, снижении работоспособности и эффективности результатов, рассеянности, плохом микроклимате в команде, снижении мотивация и тому подобное.

Медицинские причины усталости – переутомление, перетренированность, хронические травмы, наличие хронических инфекционных заболеваний, снижение иммунитета и др.

Материально-технические причины, обуславливающие усталость, могут быть связаны с недостаточным качеством одежды и обуви, с неудовлетворительным состоянием спортивных сооружений или рабочих инструментов, с плохими погодными и климатическими условиями, с неполноценным питанием, с отсутствием средств восстановления и др.

Спортивно-педагогические причины усталости – нерациональные средства и методы подготовки, недостатки в планировании нагрузки и отдыха, плохой учет возрастных, половых и индивидуальных особенностей спортсменов и др.

Восстановление – процесс, протекающий как реакция на усталость и направленный на восстановление нарушенного гомеостаза и работоспособности.

Успешность профессиональной деятельности человека определяется совокупными внешними и внутренними факторами – содержанием решаемых профессиональных и иных задач; рабочим окружением (оборудование, физическая и социально-организационная среда); мотивацией, когнитивными

процессами, функциональным состоянием. Под функциональным состоянием мы понимаем характеристики нейрофизиологических механизмов, обеспечивающих согласованную активность психических, соматических и вегетативных функций в процессе деятельности или поведения человека.

Заключение.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что проблема систематизации функциональных состояний появилась одновременно с введением в психологию данного понятия. Эта синхронность обусловлена тем, что новое понятие имеет большой объем, то есть включает в себя много понятий о различных состояниях. Все они различаются условиями и факторами их возникновения, структурой, механизмами проявления и рядом других показателей. Описание этих понятий возможно лишь на основе их четкой классификации и эмпирического изучения взаимного обусловливания при влиянии различных факторов на процесс реализации профессиональной деятельности, что и станет предметом нашего дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Апанасенко Г.Л., К проблеме трактовки механизмов восстановления физической нагрузки // Теория и практика физической культуры. – 2015. – № 6. – С. 49–52.
2. Алексеев Е.М., Прохоров А.О. Психология психических состояний: Сборник статей. Вып. 4 / Под. ред. проф. А.О. Прохорова. – Казань: Изд-во "Центр инновационных технологий", 2012. – С. 131-144.
3. Баскакова, И.Л., Закаева Л.Д. Внимание как показатель работоспособности в норме и патологии / Вопросы психологии познавательной деятельности. – М.: 2019. - С. 10-14.
4. Березин, Ф.Б. Психическая и психофизическая адаптация человека. – Л.: Наука, 1988. – 295 с.
5. Бермант-Полякова О.В. Посттравма: диагностика и терапия. – СПб: Речь, 2016. – 248 с.

FEATURES OF MANIFESTATION OF FUNCTIONAL STATE IN THE DECISION PROCESS PROFESSIONAL TASKS

Dmitriev M.D.

Scientific supervisor: Kurunov V.V., PhD in Psychology, docent
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Ufa

Abstract. This article is devoted to topics related to the features of manifestations of functional states in the process of solving professional problems. Scientific concepts of functional states in modern psychology, psychophysiological indicators and psychological characteristics of functional states, types of functional states of a person are considered. The concept of a functional state is analyzed. Particular attention is paid to the problems and difficulties of employees in different

conditions. At the end of this article, the author shows that professional activity is determined by external and internal factors.

Such a look at this issue will be of interest to specialists for improving workflow.

Keywords: Functional condition; professional activity; mental states; forms of fatigue; work process.

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ ПРИВЯЗАННОСТИ К МАТЕРИ

Дорофеева П.В.

Научный руководитель: О.С. Самбикина, к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье рассмотрены основные положения теории привязанности ребенка к матери, описаны четыре типа привязанности и их характерные особенности. Опираясь на труды Д. Боулби, М. Эйнсворт и др., автор описывает взаимосвязь качеств и особенностей поведения, демонстрируемых матерью, и типа привязанности, который формируется у ребёнка. Привязанность ребёнка к матери рассматривается как основа формирования готовности ребёнка к успешному и безопасному включению в систему общественных связей и отношений, а так же как феномен, удовлетворяющий потребность ребёнка в безопасности внутри семьи.

Ключевые слова: Привязанность к матери, типы привязанности, детство, семья, родительство, детско-родительские отношения, психологическая безопасность.

Проблема привязанности уже более полувека остается актуальной как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Ее экспериментальная разработка началась в 40 – 50-е гг. XX в. (Дж. Боулби, А. Фрейд, С. Дан).

Дж. Боулби, родоначальник изучения феномена привязанности ребёнка к матери и связанной с ним проблематики, под «привязанностью» понимал модель поведения ребёнка, которая обеспечивает ему близкий контакт с матерью (значимым взрослым) и удовлетворяет его фундаментальную потребность в безопасности. В своих исследованиях он основывался на эволюционной и этологической теориях.

Следующей вехой в развитии теории привязанности стали исследования М. Эйнсворт, проведенные в конце 60-х годов прошлого века. В них опытным путем изучались стили привязанности у детей в возрасте от года до полутора лет. Результатом этих исследований стал вывод о том, что история развития ребёнка и особенности поведения матери могут повлиять на характер привязанности ребёнка к матери, который имеет качественно своеобразные черты. В результате своих экспериментов М. Эйнсворт выделила три разных типа привязанности ребёнка к матери: надёжная (безопасная) привязанность и

две тревожных – тревожно-избегающая и тревожно-амбивалентная (протестующая) привязанности. В дальнейшем она дополнила классификацию типов привязанности четвёртым, тревожно-дезорганизованным типом (Эйнсворт, 1991). Данные типы привязанности ребёнка к матери были выделены на основании особенностей эмоциональной связи «ребёнок-взрослый» и близости взаимодействия ребёнка и матери, а так же на основании характера данного взаимодействия. В качестве критериев для формирования классификации видов привязанности ребёнка к матери М. Эйнсворт так же применила реакцию ребёнка на сепарацию и воссоединение с матерью и познавательную активность ребёнка.

Надёжная привязанность полностью удовлетворяет потребность ребенка в безопасности, характеризуется высокой степенью позитивного эмоционального взаимопринятия, близостью и интенсивностью взаимодействия, реакцией дистресса на сепарацию и положительной эмоциональной реакцией на воссоединение, высокой степенью познавательной активности ребенка. Мать ребёнка с надёжным типом привязанности заботлива и внимательна, принимает своего ребёнка и его эмоции, в том числе агрессию, терпелива и спокойна. Такая мать придерживается демократического стиля воспитания, в общении с ребёнком стремится к обеспечению психологических условий для его позитивного личностного развития.

Тревожно-амбивалентная (протестующая) привязанность характеризуется неуверенностью ребенка в получении помощи и поддержки со стороны взрослого, тревожностью как основной характеристикой эмоциональной связи, поведенческой стратегией поиска контакта и близости со взрослым, реакцией выраженного дистресса на отделение от взрослого и амбивалентным реагированием (радостью и гневом) на воссоединение с объектом привязанности, реакцией резкого снижения познавательной активности в угрожающей ситуации, т.е. в ситуации разлуки с близким взрослым. Реакции протеста на разлуку со взрослым ярко выражены либо в форме «мнимой смерти», либо импульсивно-агрессивного поведения. Мать ребёнка с тревожно-амбивалентным типом привязанности непредсказуема и непоследовательна в своих действиях и решениях, может обладать такими качествами как тревожность, депрессивность, не проявляет по отношению к ребёнку должных терпения и принятия.

При тревожно-избегающем типе привязанности, как и при тревожно-амбивалентном, главной характеристикой эмоциональной связи является тревожность. Ребенок склонен к ожиданию отвержения со стороны взрослого, к уверенности в отсутствии помощи со стороны взрослого. Для матери ребёнка с тревожно-избегающим типом привязанности свойственны такие качества как тревожность, отчуждённость, безразличие. Такая мать не проявляет эмпатии, чуткости и интереса к переживаниям ребёнка. В силу этого ребенок предпочитает стратегию избегания взрослого, что находит отражение в особенностях его реагирования на сепарацию и воссоединение со взрослым. При воссоединении ребенок демонстрирует избегание или отвержение взрослого.

Познавательная активность ребенка также оказывается ограниченной стратегией избегания.

Тревожно-дезорганизованный тип привязанности отличается восприятием ребенком мира как враждебного и угрожающего. Страх вызывает и близкий взрослый, и предметная ситуация. Доминирование тревоги и страха вызывает дезорганизацию, непредсказуемость и хаотичность поведения ребенка.

Наиболее благоприятным для развития ребёнка является надёжный тип привязанности к матери (Филиппова, 2012). Для формирования данного типа привязанности мать должна проявлять ряд качеств: чуткость, эмпатия, заботливость, терпение к проявлениям агрессивности, способность оказывать поддержку, хорошая интуиция. Кроме того для матери, способной сформировать надёжную привязанность у ребёнка, характерны искренние проявления к нему любви, принятия и уважительного отношения. Отсутствие данных качеств у матери порождает риск формирования у ребенка одного из ненадёжных типов привязанности. Если матери присущи ипохондрия, депрессивность, истерия, психопатия, паранойяльность, тревожность и гипомания, у ребёнка может быть сформирован тревожно-амбивалентный, тревожно-избегающий или дезорганизованный тип привязанности. При тревожно-амбивалентном типе привязанности поведение матери непоследовательно и непредсказуемо, при тревожно-избегающем мать проявляет отчуждённость по отношению к ребёнку. Углубленное изучение того, какие из качеств личности матери детерминируют каждый из типов привязанности у ребенка, представляет интерес для дальнейших исследований.

К. Роджерс и А. Маслоу рекомендуют матерям использовать на практике модель конгруэнтной коммуникации с ребёнком, главная цель которой состоит в обеспечении психологических условий для позитивного личностного развития ребенка. Конгруэнтная коммуникация предполагает установление взаимопонимания между ребенком и взрослым, формирование отношений доверия и сотрудничества, уважения и равенства на основе безусловного эмпатического принятия ребенка. Демократичное, конгруэнтное общение матери с ребёнком способствует его гармоничному и эффективному развитию ребёнка в обществе взрослых и сверстников. Способность ребенка устанавливать адекватно тесные и продолжительные отношения с близким окружением позволяет наиболее эффективно преодолевать кризисы и противостоять трудностям (Лапшина, 2017).

Согласно результатам исследований, первичный, самый ранний опыт взаимодействия ребёнка со своей матерью представляет собой матрицу всех дальнейших отношений человека с окружающими его людьми и социальными группами. Интроецированные в детстве модели внутренних объектных отношений определяют особенности межперсонального взаимодействия не только на протяжении жизни индивида, но и, через феномен межличностной передачи, влияют на систему объектных отношений последующих поколений.

Анализ литературных источников, позволил нам прийти к заключению о том, что, несмотря на интерес ученых к проблеме привязанности, вопрос о характере влияния типа привязанности к матери на формирование личности ребенка пока остается мало изученным.

Целью нашего будущего исследования является изучение личностных особенностей старших дошкольников с разными типами привязанности к матери.

Библиографический список

1. Лапшина Е.А., Дуда И.В. Характеристика стилей семейного воспитания [Электронный ресурс] // Universum: психология и образование. – 2017. - №9 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-stiley-semeynogo-vozpitaniya>.
2. Филиппова Г.Г. Психология материнства и ранний онтогенез. – М., 2012. – 192 с.
3. Эйнсворт М. Обратим ли процесс депривации? // Лишенные родительского попечительства: хрестоматия / ред.-сост. В.С. Мухина. – М.: Просвещение, 1991.

TO THE PROBLEM OF RESEARCH OF PROPERTIES OF PERSONALITY OF PRESCHOOLERS WITH DIFFERENT TYPES OF ATTACHMENT TO MOTHER

Dorofeeva P.V.

Scientific adviser: Sambikina O.P., Ph.D. in Psychology, Associate Professor
Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm

Abstract. The article considers the main provisions of the theory of the child's attachment to the mother, describes four types of attachment and their characteristic features. Based on the works of D. Bowlby, M. Ainsward, and others, the author describes the relationship between the qualities and behavioral features demonstrated by the mother and the type of attachment that forms in the child. The child's attachment to the mother is considered as the basis for the formation of the child's readiness for successful and safe inclusion in the system of public relations and relations, as well as a phenomenon that satisfies the child's need for safety within the family.

Keywords: Attachment to mother, types of attachment, childhood, family, parenthood, parent-child relationships, psychological safety.

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ 1 И 4 КУРСОВ

Дудина Е.В.

Научный руководитель: Кирилова Н.А., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация: Статья посвящена исследованию ценностных и смысложизненных ориентаций студентов 1 и 4 курсов факультетов психологии и правового и социально-педагогического образования. На основе анализа литературных источников в статье раскрываются понятия ценностных и смысложизненных ориентаций. Определена проблема и выдвинута гипотеза о различиях в выраженности ценностных и смысложизненных ориентаций студентов 1 и 4 курсов, верификации которой посвящено исследование. Значительное внимание уделяется описанию проведенного исследования, с целью проверки выдвинутой гипотезы, а также представлению результатов и их описанию. В заключении сделаны общие выводы и определены перспективы дальнейшего исследования данной темы.

Ключевые слова: ценностные ориентации, смысложизненные ориентации, студент, ценности, смысл жизни.

Введение.

Человеческие ценности – вечная тема для философских дискуссий, для психологических исследований и размышлений. Во-первых, это связано с тем, что каждый человек расставляет приоритеты по-своему. Проанализировав систему ценностей одного конкретного человека, мы можем легко понять, на какие жизненные принципы он опирается, каким мировоззрением и нравственными установками он обладает. Во-вторых, мы живем в постоянно изменяющемся обществе, которое зачастую диктует нам все новые и новые ценности.

Ценностные ориентации представляют собой важнейший компонент структуры личности, так как определяют ее поведение и отношение к окружающему миру. Ценностные ориентации выступают как звено, связующее различные подходы и системы знаний о поведении человека, как категория, с которой соотносятся различные понятия, привлекаемые философией, психологией личности, социальной психологией и социологией при изучении механизмов регуляции поведения (Камбарова, 2016).

Смысложизненные ориентации – это целостная система сознательных и избирательных связей, отражающая направленность личности, наличие жизненных целей, осмысленность выборов и оценок, удовлетворенность жизнью (самореализацией) и способность брать за нее ответственность, влияя на ее ход (Каунова, 2006).

Важным условием в достижении жизненного и профессионального самоопределения студента становится формирование смысложизненных ориентаций в системе образования. Это связано с тем, что данный возрастной период сензитивен для образования смысловой сферы, смысложизненных ориентаций как системы связей, отражающих направленность личности, формирующей мировоззрение человека (Гончар, 2012).

В каждый момент своего существования человек совершает ценностный выбор, принимает нравственное решение. Он разрешает моральный конфликт, модифицирует нормы культуры, подвергает изменениям собственные

принципы, устанавливая на какое-то время непротиворечивую систему смысловых универсалий. Только таким образом он осознанно, ответственно и свободно формирует значимое-для-себя сейчас, наполняет смыслом бытие (Шапунтова, 2007).

Актуальность данной темы обусловлена тем, что мы живем в постоянно изменяющихся условиях, к каждому поколению предъявляются разные требования и создаются разные условия для существования в обществе. Студенчество является своеобразным фильтром, который подвергает оценке сложившиеся порядки, различные компоненты культуры и принимает те из них, которые в большей степени удовлетворяют современные интересы и потребности человека. Мы выбрали именно юношеский возраст, т.к. в данный возрастной период повышается ценностно-смысловая активность личности и осуществляется процесс формирования устойчивых ценностных и смысложизненных ориентаций. А также, в настоящее время в обществе процесс социализации современной молодежи сопровождается неустойчивостью в ценностных ориентациях и потерей смысла жизни (Лобза, Конончук, Эгамбердиева, 2017).

Новизна нашего исследования заключается в том, что исследование проводилось дистанционно, в условиях самоизоляции, введенной правительством для обеспечения безопасности граждан и предотвращения распространения коронавируса.

Объект – ценностные и смысложизненные ориентации студентов

Предмет – особенности ценностных и смысложизненных ориентаций студентов 1 и 4 курсов.

Цель – изучить особенности ценностных и смысложизненных ориентаций студентов 1 и 4 курсов.

Гипотеза: мы предполагаем, что у студентов 1 и 4 курсов есть различия в выраженности ценностных и смысложизненных ориентаций.

Задача: изучить особенности ценностных и смысложизненных ориентаций студентов 1 и 4 курсов.

Теоретическое значение работы заключается в обобщении и систематизации знаний о ценностных и смысложизненных ориентациях студентов.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что полученные в ходе исследования данные могут помочь в подтверждении и дополнении теоретических знаний, могут быть полезными в организации психологической помощи студентам. Данные, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в работе психологов, которые консультируют студентов и в работе студентов, которые занимаются изучением данной темы.

Метод.

В исследовании приняли участие 50 студентов Пермского Государственного Гуманитарно-Педагогического Университета. Все участники женского пола. Возраст испытуемых варьировался от 18 до 23 лет. И в группе первокурсников, и в группе четверокурсников было одинаковое количество

студентов – по 25 человек. Все студенты обучаются по направлению 44.03.02. «Психолого-педагогическое образование» (факультет психологии, факультет правового и социально-педагогического образования).

В исследовании были использованы 2 методики: «Опросник терминальных ценностей» (ОТеЦ) Г. Сенина, с целью изучения жизненных ценностей студентов, и тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, с целью изучения смысложизненных ориентаций студентов.

Данные подверглись анализу в статистическом пакете Statistica 10. Для изучения значимых различий показателей ценностных и смысложизненных ориентаций студентов 1 и 4 курсов был использован t-критерий Стьюдента. Выбор данного вида анализа обусловлен тем, что при проверке на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова-Смирнова более чем у 50% показателей присутствовало нормальное распределение, следовательно, метод анализа должен быть параметрическим.

Результаты и обсуждение.

В результате сравнительного анализа выявлено, что число статистически значимых различий по показателям ценностные и смысложизненные ориентации между выборками студентов 1 и 4 курсов обучения составляет 16% (3 показателя из 19).

Различия между выборками 1 и 4 курсов обучения были выявлены в таких показателях как «Развитие себя», «Сохранение собственной индивидуальности» и «Увлечения». Во всех трех показателях уровень выраженности был выше у 4 курсов. Мы можем предположить, что такие результаты обусловлены тем, что обучение студентов подходит к концу и четвертым курсам предстоит поиск работы, поэтому им важнее использовать свое хобби для лучшей реализации своих потенциальных возможностей, при этом не ограничиваясь одним видом деятельности, а пробуя свои силы в различных занятиях. При этом увлечение для студентов четвертых курсов не просто времяпрепровождение, а способ подчеркнуть и выразить свою индивидуальность. Часто такое стремление приводит к созданию очень редких и интересных вещей. Также выраженность полученных показателей может объясняться, тем, что обучение в ВУЗе повлияло на ценностные ориентации студентов четвертого курса.

По показателям «Собственный престиж», «Высокое материальное положение», «Креативность», «Активные социальные контакты», «Достижения», «Духовное удовлетворение», «Профессиональная жизнь», «Обучение и образование», «Семейная жизнь», «Общественная жизнь» (ОТеЦ) не было выявлено значимых различий. Базовые ценности очень устойчивые образования, которые не меняются за 3-4 года, изменения происходят более длительное время. Поэтому, явных различий в показателях ценностных ориентаций студентов 1 и 4 курсов обучения мы не выявили.

Все различия относятся к опроснику терминальных ценностей, а явных различий в показателях «Цели в жизни», «Процесс жизни», «Результат жизни», «Локус контроля-Я» и «Локус контроля-жизнь» (СЖО) не было выявлено. «Цели в жизни», «Процесс жизни», «Результат жизни» - эти показатели говорят об

осмысленности жизни студента, о его целях на будущее, о его перспективах, об интересе к жизни и о том, насколько его удовлетворяет тот отрезок жизни, который он прожил. Показатели «Локус контроля – Я» и «Локус контроля – жизнь» говорят о представлении себя сильной либо слабой личностью, о том насколько студент может контролировать события, происходящие в его жизни, а так же о том насколько он готов и способен свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Мы предполагаем, что такой результат обусловлен тем, что студенты первого курса и студенты четвертого курса находятся в одной среде, которая влияет на их личность, на их временные перспективы, которые говорят о целях на будущее, на их отношении к настоящему, к событиям, происходящим в данный момент жизни, на их оценку продуктивности и осмысленности прошлого, которое способно придать смысл будущему, а также на их способность контролировать свою жизнь, принимать решения, воплощать в жизнь поставленные цели.

Вывод: таким образом, в результате сравнительного анализа значимых различий по показателям ценностных ориентаций между выборками студентов 1 и 4 курсов обучения выявлено преобладание всего трёх показателей из тринадцати у четвертых курсов. Значимых различий среди показателей смысложизненных ориентаций не выявлено.

На основе полученных данных, мы можем сделать вывод о том, что студенты 1 и 4 курсов не будут иметь различий в выраженности ценностных и смысложизненных ориентациях. Гипотеза не нашла свое эмпирическое подтверждение.

Заключение.

В результате анализа литературы мы пришли к выводу, что ценностные ориентации – это важнейший компонент структуры личности, так как определяют ее поведение и отношение к окружающему миру (Камбарова, 2016), а смысложизненные ориентации – это целостная система сознательных и избирательных связей, отражающая направленность личности, наличие жизненных целей, осмысленность выборов и оценок, удовлетворенность жизнью (самореализацией) и способность брать за нее ответственность, влияя на ее ход (Каунова, 2006).

В результате проведенного исследования, мы не получили подтверждения нашей гипотезе, но мы выяснили, что для студентов четвертых курсов важнее развивать себя, свои увлечения и свою индивидуальность.

В перспективе дальнейшего исследования ценностные и смысложизненные ориентации будут рассмотрены в связи с самоотношением студентов 1 и 4 курсов. На данном этапе проведен анализ литературы по теме самоотношения и выдвинута гипотеза. Мы предполагаем, что существует взаимосвязь самоотношения с показателями ценностных и смысложизненных ориентаций студентов 1 и 4 курсов. Будет проведен корреляционный анализ и будут описаны результаты, полученные в ходе анализа.

Библиографический список.

1. Гончар С.Н. Особенности развития смысложизненных ориентаций современных студентов-первокурсников // Современная психология: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Пермь, июнь 2012 г.). – Пермь: Меркурий, 2012. – С. 17-19.

2. Камбарова К.У. Ценностные ориентации — важнейший компонент структуры личности [Электронный ресурс] // Молодой ученый. — 2016. — № 11 (115). — С. 1808-1810. — URL: <https://moluch.ru/archive/115/30381/> (дата обращения: 02.05.2020).

3. Каунова Н.Г. Исследование смысложизненных ориентаций и значимости смысла жизни современной молодежи (на материале Молдовы). Автореферат дис. ...канд. психол. наук. – М., 2006.

4. Лобза О.В., Конончук И.В., Эгамбердиева Е.В. Ценностные и смысложизненные ориентации современных российских студентов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. - №11. – Часть 2.

5. Шпунтова В.В. Ценности и смысл жизни // Психологические проблемы смысла жизни и акме. Материалы XII симпозиума / Под ред. Г.А. Вайзер, Н.В. Волковой. – М.: ПИ РАО, 2007. – 247 с.

FEATURES OF VALUE AND LIFE-MEANING ORIENTATIONS OF STUDENT 1 AND 4 COURSE

Dudina E.V.

Scientific adviser: N. Kirilova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Psychology.
Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm

Abstract: The article is devoted to the study of differences in the value and meaning-life orientations of 1st and 4th year students of the faculties of psychology and legal and socio-pedagogical education. Based on the analysis of literary sources, the article reveals the concepts of value and meaning-life orientations. The authors identified the problem and put forward a hypothesis about the differences in the severity of value and meaning-life orientations among students of 1 and 4 courses. Considerable attention is paid to the description of the study in order to test the hypotheses put forward, as well as the presentation of the results and their description. In conclusion, general conclusions are drawn and prospects for further research on this topic are determined.

Key words: value orientations, life-meaning orientations, student, values, meaning of life.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОМПОНЕНТОВ МАТЕРИНСКОЙ ПОЗИЦИИ И УЧЕБНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОК

Жданова А.Л.

Научный руководитель: Самбикина О.С., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье представлены основные результаты исследования взаимосвязи между компонентами материнской позиции и параметрами учебной активности студенток. Результаты свидетельствуют о том, что студентки с более высоким уровнем учебной активности больше внимания уделяют процессу социализации своих детей, меньше контролируют их, но при этом проявляют большую строгость в общении. Менее высокий уровень учебной активности демонстрируют студентки, в большей степени эмоционально включенные в воспитание ребенка.

Ключевые слова: учебная активность, материнская позиция, студенчество, родительство, обучаемость.

Современные тенденции в модернизации высшего образования ориентируют вузы на подготовку компетентного саморазвивающегося специалиста, конкурентоспособного на мировом рынке труда. На этапе обучения в вузе личностно-профессиональное становление специалиста осуществляется, прежде всего, в учебной деятельности, направленной на освоение профессии, интеллектуальное и личностное развитие. При этом особого внимания заслуживает не только уровень учебной активности, но и ее динамика, отражающая способность студентов развивать деятельность как средство собственного личностного и профессионального роста.

На наш взгляд, важным субъективным компонентом учебной активности являются переживания студентами тех трудностей, с которыми они сталкиваются в процессе овладения профессией, так как обучение в вузе часто сопровождается различными стрессовыми ситуациями, связанными как с учебным процессом, так и с личными взаимоотношениями.

Многочисленные исследования (А.Н. Леонтьев, Е.Ю. Коржова, Е.В. Бютюцкая) показали, что подавляющее большинство студентов испытывают комплекс трудностей (учебных, социальных, психологических, бытовых и др.), обуславливающих негативные переживания и отрицательно сказывающихся на учебной активности студентов.

Этап студенчества в жизни человека связан с формированием относительной экономической самостоятельности, сепарацией от родительской семьи, а иногда – образованием собственной семьи и рождением детей, что может отрицательно сказываться на учебной активности.

Идея материнства ярко представлена в концепции Г.Г. Филипповой (2002). Материнство при этом рассматривается не только как условие для развития ребенка, но и как особая потребностно-мотивационная составляющая психологии женщины, формирующаяся на протяжении всей жизни.

Одной из основных особенностей материнской сферы человека, по мнению Г.Г. Филипповой, является не фиксированное эволюционно, а прижизненно формирующееся наполнение ценностно-смыслового блока, потребностей и способов их удовлетворения. В этом отношении можно говорить о конкретно культурной модели материнства как содержании всех блоков материнской сферы женщины, которая ориентирована на развитие соответствующего конкретно-культурного варианта личности ребенка.

В качестве одного из важнейших факторов развития материнской сферы выступает родительская позиция. В работе Р.В. Овчаровой (2005) родительские позиции представляют собой реальную направленность взаимодействия с ребенком, в основе которой лежит сознательная или бессознательная оценка ребенка. Родительские позиции реализуются в подвижных коммуникативных позициях, прогностической способности родителей строить взаимоотношения с детьми.

По мнению Р.В. Овчаровой, родительская позиция формируется и реализуется через следующие ее компоненты:

1. Когнитивный компонент содержит представления о различных способах и формах взаимодействия с ребенком, знания и представления о целевом аспекте этих взаимоотношений, а также убеждения в приоритетности тех направлений взаимодействия с ребенком, которые реализуют родители.

2. Эмоционально-чувственный компонент включает оценки и суждения о различных типах родительского отношения, а также доминирующий эмоциональный фон, сопровождающий поведенческие проявления родительского отношения.

3. Поведенческий компонент представляет собой формы и способы поддержания контакта с ребенком, формы контроля, воспитание взаимоотношениями путем определения дистанции общения.

Целью нашего исследования является изучение взаимосвязи параметров учебной активности и компонентов материнской позиции у студенток.

Теоретико-методологической основой исследования стали теория учебной активности А.А. Волочкова (2007), концепция материнства Г.Г. Филипповой (2002) и теория родительства Р.В. Овчаровой (2005).

Объект исследования – учебная активность и материнская позиция.

Предмет исследования – взаимосвязь учебной активности и материнской позиции у студенток.

В качестве одной из гипотез нами было выдвинуто предположение о существовании взаимосвязи между параметрами учебной активности и компонентами материнской позиции студенток.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут помочь оптимизировать образовательный процесс у студенток, имеющих детей.

Эмпирическая часть исследования осуществлялась на базе Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, в период с января

по апрель 2020 года. В исследовании приняли участие студентки заочной формы обучения, имеющие детей. Общая численность выборки – 61 человек.

Для изучения параметров учебной активности использовался «Вопросник учебной активности студента (ВУАСТ)» А.А. Волочкова (2003).

Диагностика эмоционально-чувственного компонента материнской позиции осуществлялась с помощью «Опросника родительской любви и симпатии» Е.В. Милюковой и Р.В. Овчаровой.

Для исследования когнитивного компонента материнской позиции применялась методика «Измерения родительских установок и реакций (PARI)» Е.С. Шефера и Р.К. Белла в адаптации Т.Н. Нещерет.

Поведенческий компонент материнской позиции изучался с помощью «Опросника «Взаимодействие родитель — ребенок» И.М. Марковской.

В результате корреляционного анализа были выявлены статистически значимые взаимосвязи показателей учебной активности (УА) со всеми тремя компонентами материнской позиции, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

Наибольшее количество взаимосвязей с показателями УА обнаружено у показателей «Оберегание ребенка от трудностей» и «Товарищеские отношения между родителями и детьми». Причем в обоих случаях связи имеют обратный характер: чем выше учебная активность студенток, тем менее они склонны оберегать детей от трудностей, и тем менее они ориентированы на товарищеские отношения с ними. И наоборот: студентки, более ориентированные на оберегание ребенка от трудностей и на выстраивание товарищеских отношений с детьми, имеют менее высокий уровень учебной активности.

Интересным кажется и тот факт, что показатели компонентов учебной активности студенток имеют прямые взаимосвязи с такими параметрами, характеризующими поведенческий компонент материнской позиции, как строгость, эмоциональная близость, принятие и удовлетворенность отношениями с ребенком, и обратные – с показателями контроля и воспитательной конфронтации в семье.

Таким образом, в ходе проведенного корреляционного анализа между параметрами учебной активности и компонентами материнской позиции было выявлено, что чем больше мама-студентка проявляет учебную активность, тем ближе она к ребенку эмоционально, тем больше она социализирует его, и тем меньше контролирует.

Вероятно, поскольку мама, активная в учебной деятельности, реализует себя социально через образование, опираясь на такие качества как самоконтроль, мобильность и интенсивность в реализации учебной деятельности, то на это же она ориентирована в воспитании ребенка, проявляя строгость и не контролируя излишне, формируя у него самостоятельность.

Таким образом, гипотеза о существовании взаимосвязи между параметрами учебной активности и компонентами материнской позиции студенток нашла эмпирическое подтверждение.

Библиографический список:

1. Бергум В. Моральный опыт беременности и материнства // Человек. – 2000. – № 2. – С. 44-51.
2. Волочков А.А. Активность субъекта и развитие учащегося: теория, диагностика и проблемы развивающих технологий. – Пермь: ПОИПКРО, 2003. – 100 с.
3. Волочков А.А. Активность субъекта бытия: Интегративный подход. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2007. – 375 с.
4. Губайдуллина А. Возможна ли любовь без уважения? // Психологические проблемы смысла жизни и акме. – 2020. №XXV. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhna-li-lyubov-bez-uvazheniya> (дата обращения: 17.04.2020).
5. Корчак Я. Как любить ребенка. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 384 с.
6. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. – М.: Педагогика, 1986. – 144 с.
7. Овчарова Р.В. Психология родительства. – М.: Эксмо-Пресс, 2005. – 300 с.
8. Филиппова Г.Г. Психология материнства. – М: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 240 с.

RELATIONSHIP OF EDUCATIONAL ACTIVITY AND COMPONENTS OF MOTHER'S POSITION

Zhdanova A.L.

Scientific adviser: Sambikina OS, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Psychology Perm State Pedagogical University, Perm

Annotation: The article presents the main results of a study of the relationship between the components of the maternal position and the parameters of the educational activity of students. Moms, who are actively involved in educational activities, socialize the child more in society and control it less, but they show severity and severity of measures in communication. At the same time, a great emotional inclusion in the upbringing of the child reduces educational activity. But the better the mother understands her feelings and emotions, the better the relationship with the child is built on an emotionally-sensual level.

Keywords: educational activity, maternal position, students, parenthood, learning ability.

ПРОБЛЕМНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА: НОВЫЙ ТЕРМИН ИЛИ НОВЫЙ ПОДХОД К ПОСЛЕДСТВИЯМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Иваницкая Е.С.

Научный руководитель: Коптева Н.В., д. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация: В современном мире человек не может представить себе жизнь без компьютера и телефона, воспринимая их как часть себя. В статье обсуждается вопрос о психологических последствиях как нормативного, так и зависимого использования информационных технологий. Расширение психологических границ, феномены киборгизации и инвалидизации, интернет-зависимость – это лишь часть психологических последствий использования информационных технологий. Предпринята попытка определить место феномена проблемного использования интернета в разрезе от последствий нормативного использования до формирования интернет-аддикций.

Ключевые слова: информационные технологии; интернет-аддикции; интернет-зависимость; киборгизация; инвалидизация; расширение психологических границ; проблемное использование интернета.

Характерной чертой современности являются интенсивно развивающиеся информационные технологии, охватывающие практически все сферы человеческой жизни. Поэтому они все чаще становятся предметом междисциплинарных исследований, попадая в сферу интересов философии, экономики, социологии и других наук. В то же время остро стоит проблема психологических последствий технического прогресса. Новые технологии открывают новые возможности, меняя наш мир и делая его более удобным. Одновременно мы становимся все более зависимыми от них, что актуализирует угрозу психологической безопасности.

На данный момент наиболее изученными последствиями использования информационных технологий являются интернет-аддикции.

А. Голдберг впервые в 1995 году определил феномен интернет-зависимости, предложив набор критериев для его констатации. К. Янг продолжила работу над понятийным и инструментальным аппаратом проблемного использования интернета, создав в 1999 году модель ACE (Accessibility, Control, and Excitement). В соответствии с ней доступность, контроль и возбуждение играют ведущие роли в развитии интернет-зависимости (Янг, 2000).

М. Гриффитсом был предложен термин «технологические зависимости» для определения нехимических (поведенческих) зависимостей, которые включают в себя взаимодействие человека и машины. С его точки зрения, зависимым может стать любое поведение, за которое человек получает позитивное подкрепление (например, удовольствие), а это возможно и без употребления психоактивных веществ. При этом награда за поведение носит немедленный и краткосрочный характер, тогда как его долгосрочные последствия поведения негативны. (Гриффитс, 2009) Он также выделил шесть основных признаков интернет-зависимости:

- значимость (доминантность) интернет-деятельности для человека, предполагающая что, когда он занят иной деятельностью, его мысли все равно обращаются к компьютеру;
- изменение настроения во время интернет-деятельности;
- толерантность (увеличение времени пребывания в сети);
- абстинентный синдром (эффекты, возникающие при прекращении использования интернета, например, дрожь, капризность, раздражительность);
- конфликтность, выражающая в межличностных и внутриличностных противоречиях;
- рецидив или возвращение к деятельности в сети после некоторого воздержания.

Наличие у человека всех шести признаков может свидетельствовать, по мнению М. Гриффитса, о зависимости. (Гриффитс, 2009)

Однако, не совсем ясно, как отделить зависимое поведение от желания человека «идти в ногу со временем» и нормативного использования информационных технологий. В.А. Емелин установил соответствующие ему последствия, к которым относит такие группы феноменов как киборгизация и инвалидизация, с одной стороны, и изменение границ телесности, изменение структуры потребностей — с другой. Понятие телесности, в данном случае, трактуется в широком смысле слова и касается не только физического тела, но и тела социального, включая различные аспекты формирования самосознания и самоидентичности. В предельном случае, в психологические границы включается все, что человек считает «своим», а внутренним критерием «своего» является контролируемость окружающих объектов. (Емелин, 2016)

Чем чаще для использования информационных технологий (интернета) прибегают к техническому средству, тем быстрее происходит киборгизация – встраивание «гаджета» в телесность. Другой стороной проявления феномена киборгизации является феномен инвалидизации. Привычка использовать технологию становится настолько сильной, что человек не может отказаться от нее. Отсутствие технического средства вызывает беспокойство, раздражение. В результате нормативного использования технологий формируется более или менее выраженная психологическая зависимость от них.

Изменение границ телесности в широком понимании происходит в двух основных формах. Во-первых, это расширение границ, связанное с формированием представлений о достижимости окружающих людей и объектов. Далекое и физически недостижимое становится частично доступным контролю и переживается как близкое и доступное. Проблема заключается в том, что возможности созданного таким образом контроля частичны и нередко иллюзорны. Во-вторых, происходит «размывание» границ, поскольку достижимость лишь частична и координируется принятыми в обществе правилами. В физическом мире контролируемость определяется легко проверяемыми законами, она эмпирически понятна субъекту. В мире, дополненном техническим прогрессом, контролируемость задается целой серией случайностей и принятыми в обществе конвенциями. Утрата приватности –

процесс, дополняющий два вышеперечисленных (Емелин, 2016). В связи с расширением и «размыванием» границ человек становится легко доступным для окружающих. Используя информационные технологии, в том числе интернет, практически в любой момент времени возможно связаться с человеком, нарушив его уединение.

Другая попытка уйти от клинической модели последствий использования информационных технологий заключается в замене термина интернет-зависимость менее стигматизирующим — «проблемное использование интернета». (Герасимова, Холмогорова, 2018). При этом остается не вполне ясным, стоит ли за новым термином новое понятие, содержательно отличное от интернет-зависимости.

В. Колесников, Ю. Мельник и Л. Теплова – авторы опросника «Проблемное использование интернета» рассматривает использование интернета не в дихотомии нормы и патологии, а в континууме от беспроблемного к проблемному. «Проблемное использование интернета», определяется авторами как чрезмерная степень пользования интернетом, которая при соответствующих факторах может стать интернет-зависимостью. (Колесников и др., 2019). Авторы предложили структуру проблемного использования интернета. Однако она включает проявления, напоминающие симптоматику интернет зависимости (приведены в скобках):

- «снижение настроения при отсутствии возможности войти в сеть»: беспокойство, злость, тоска и скука при невозможности войти в интернет (напоминает клинические симптомы отмены при интернет зависимости);
- «фрустрация витальных потребностей»: забывание о еде и сне при длительном нахождении в сети (в несколько иной формулировке представлена М. Орзак как критерий интернет зависимости);
- «предвкушение вхождения в сеть» (сближается с изменением настроения во время интернет-деятельности по М. Гриффитсу);
- «потеря контроля над временем»: трудность в планировании времени нахождения в интернете, неадекватная оценка длительности нахождения в сети (в эмпирическом конструкте С.Х. Чена присутствует одноименная шкала интернет-зависимости);
- «снижение ценности происходящего в реальной жизни»: интерес к онлайн-среде, отказ от реальной жизни ради виртуальной среды, сеть как референтная среда (Колесников и др., 2019).

Таким образом, в отличие от последствий, составляющих векторы модели нормативного использования информационных технологий В.А. Емелина, в которой только один вектор (психологическая зависимость) сближается с интернет-зависимостью, проблемное использование интернета в целом представляется скорее ее смягченной версией.

Цель нашего дальнейшего исследования состоит в эмпирическом сопоставлении конструкта «проблемного использования интернета» с конструктами интернет-зависимости и последствий нормативного использования интернета. Возможно, оно приблизит нас к ответу на вопрос идет

ли речь лишь о новом термине или новом подходе к последствиям применения информационных технологий.

Библиографический список:

1. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Т. 26. – № 3. – С. 56-79.

2. Гриффитс М. Избыточное применение Интернета: онлайнное аддиктивное поведение // Интернет-зависимость. Психологическая природа и динамика развития / под ред. А.Е. Войскунского. – М.: Акрополь. – 2009. – С. 253-257.

3. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал. – 2012. - № 17. – С. 81–87.

4. Емелин В.А. Технологии как фактор трансформации идентичности: становление НОМО TECHNOLOGICUS // Национальный психологический журнал. – 2016. – №1 (21). – С.9-18.

5. Колесников В.Н., Мельник Ю.И, Теплова Л.И. Интернет–активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1(33). – С. 34–46.

6. Янг К. С. Диагноз: интернет-зависимость // Мир Интернет. – 2000. – Т. 2. – С. 24-29.

PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCES OF USING INFORMATION TECHNOLOGIES

Ivanitskaya E.S.

Scientific supervisor: Kopteva N.V., doctor of psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract: In the modern world, a person can no longer imagine life without a computer and a phone, perceiving them as part of themselves. This article describes the psychological consequences of both normative and dependent use of information technologies. The expansion of psychological boundaries, the phenomena of cyborgization and disability, and Internet addiction are parts of the psychological consequences of using information technologies. An attempt is made to determine the place of the phenomenon of problematic Internet use in the context of the consequences of normative use to the formation of Internet addictions.

Keywords: information technologies; Internet addictions; Internet dependence; cyborgization; disability; expansion of psychological boundaries; problematic use of the Internet.

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГОВ В СВЯЗИ С ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРОЙ

Ильиных А.А.

Научный руководитель: Смирнов Д.О., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. Управление как психологический феномен чаще рассматривается в сфере менеджмента. В современном обществе педагог начинает выступать не только, как носитель знаний, но и управленец коллективом учащихся. Предполагается, что существует связь между управленческой компетентностью и ценностно-смысловой сферой педагога. Произведен теоретический анализ литературы: рассмотрены подходы к определению ценностно-смысловой сферы в трудах зарубежных и отечественных авторов, рассмотрены понятия «ценности» и «смыслы», определены авторы, изучающие управленческую компетентность, дано определение управленческой компетентности педагога в образовательном учреждении.

Ключевые слова: управление; управленческая компетентность; ценностно-смысловая сфера личности.

Введение.

Переход системы высшего образования на Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) значительно актуализировал проблему становления профессиональной компетентности будущего педагога. Компетентностный подход, как новая парадигма образования, предполагает формирование активной профессиональной и жизненной позиции будущего учителя, обеспечение его профессионально-личностного развития.

Целостный подход к подготовке современного менеджера-педагога можно разработать только на базе такого понятия, как «управленческая компетентность», объединяющего деятельностные и личностные аспекты работы педагога, требующего универсальной управленческой подготовки и опыта организаторской деятельности.

Теоретико-методологические основы формирования ценностно-смыслового самоопределения как ядра мотивационно-потребностной сферы, мировоззрения и мироощущения, заложенные в трудах известных психологов и педагогов (Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, Л.М. Божович, Л.С. Выгодский, В.В. Давыдов, А. Маслоу, Д.И. Фельдштейн), позволили рассмотреть структуру и последовательность формирования профессионализма вообще и учителя, педагога в частности, определив место ценностей в мотивации профессиональной деятельности.

Управленческие аспекты профессиональной педагогической деятельности рассматриваются в научных трудах Ю.В. Васильева, В.С. Лазарева, В.П. Симонова, В.А. Сластенина, В.А. Трайнева, Т.И. Шамовой, В.А. Якунина и др.

Управленческой компетенции педагога посвящены исследования О.Ю. Заславской, Н.Г. Киселевой, Л.М. Павловой, И.Б. Сенновского, Н.П. Шаминой и других авторов.

Цель: изучение связи управленческой компетентности педагогов с особенностями их ценностно-смысловой сферы.

Задачи:

1. Определить уровень управленческой компетентности педагогов.
2. Установить специфику ценностно-смысловой сферы педагогов.
3. Выявить взаимосвязь управленческой компетентности с особенностями ценностно-смысловой сферы.

Гипотезы: существует связь управленческой компетентности с ценностно-смысловой сферой. Вероятно, педагоги с разным уровнем управленческой компетентности имеют разную структуру ценностно-смысловой сферы.

Теоретическая значимость: развитие научного представления о возможностях формирования ценностно-смыслового профессионального самоопределения учителей в процессе повышения их квалификации, с целью формирования управленческой компетентности учителя, что в свою очередь, обогащает теоретическую и методическую базу профессионально-педагогической переподготовки учителей и их адаптации к требованиям современной образовательной системы.

Практическая значимость исследования состоит в том, что внедрение его результатов в практику позволит повысить профессионально-педагогическую компетентность учителя за счет изменения его ценностно-смыслового самоопределения, тем самым увеличения управленческой компетентности учителя.

Теоретико-методологические основания изучения связи управленческой компетентности и ценностно-смысловой сферы педагога.

Ценностно-смысловая сфера личности включает в себя два компонента – ценностные ориентации и система смыслов человека. Весомую роль в изучении внесли работы гуманистических психологов. К. Роджерс говорил о внешних и внутренних ценностях, способствующих адаптации личности к социуму (Роджерс, 1997), А. Маслоу разработал пирамиду потребностей (Маслоу, 1999), В. Франкл понимал под ценностями смыслы, выстроившиеся человечеством в процессе развития истории (Франкл, 1990). Отечественная психология основой ценностных ориентаций предполагала социальные отношения. Это обосновывалось тем, что общество задает ценностную решетку, которую личность воспринимает и усваивает (Анцыферова, 1989).

Понятие «смысл» наравне с ценностными ориентациями выступает как объемное понятие, которое имеет место во многих гуманитарных науках. С психологической точки зрения, понятие «смысл» связано с гармонично развивающейся личностью. Личностный смысл – индивидуализированное отражение действительного отношения личности к объектам, ради которых происходит деятельность, осознаваемое как значимость для субъекта

усваиваемых знаний о мире, включающих в себя имения, действия, поступки, социальные нормы, роли, идеалы.

Мотивационно-потребностная сфера деятельности педагога может быть проинтерпретирована в терминах его центрации, по А.Б. Орлову. Центрация понимается в гуманистической психологии как особым образом построенное взаимодействие учителя и учащихся, основанное на эмпатии, безоценочном принятии другого человека и конгруэнтности переживаний и поведения.

В гуманистической психологии наиболее разработана гуманистическая центрация – это педагогическая направленность учителя на следующие ценностные ориентации:

- на себя;
- на детский коллектив;
- на средства педагогического воздействия;
- на цели педагогической деятельности – гуманистическая стратегия, творческое преобразование средств и объекта деятельности.

Управление – новейшая наука и древнейшее искусство. Специалисты в области управления уверены, что управление – это часть больших политических, экономических, технологических, социальных и этических систем, которая основывается на собственных концепциях, принципах и методах, то есть имеет собственный научно-методический фундамент.

Управление, в широком смысле, - непрерывный процесс воздействия на объект управления для достижения оптимальных результатов при наименьших затратах времени и ресурсов. Объектом управления выступает личность, коллектив, технологический процесс, предприятие, государство. Каждый специалист в области управления должен владеть теорией, практикой и искусством управления, уметь четко определять цели, стратегию и тактику деятельности, принимать управленческие решения и нести за них ответственность (Кнорринг, 2001).

Управление в деятельности педагога – это процесс целенаправленного воздействия педагога на обучающихся для достижения предметных, метапредметных и личностных результатов деятельности.

Компетентность преподавателя характеризуется его готовностью к выполнению профессиональных функций, гармоничным единством социальных установок и его психолого-педагогической подготовки. Управленческая компетентность стала основным понятием в теории управления человеческими ресурсами.

Управленческая компетентность определяется как составная часть профессиональной компетентности педагога.

Наиболее известны два подхода к определению управленческой компетентности (Салгшан, 1998):

- функционально-аналитический (разработан Инициативной Хартией Менеджмента Великобритании);
- подход, основанный на личностных характеристиках (подход Бояциса).

При использовании функционально-аналитического подхода в определении управленческой компетентности устанавливается точное и подробное определение того, что означает удовлетворительное исполнение обязанностей и каковы критерии ее оценки. В этом случае формируются списки характеристик компетентности, сгруппированных вокруг главных функций или ключевых ролей.

При использовании второго подхода (по Бояцису) процесс анализа определения компетентности движется от выделения личностных «блоков компетентности» к выполнению определенных управленческих функций и задач.

Основные составляющие управленческой компетентности определяются как совокупность умений и навыков, мотивов поведения и социальных ролей. Для педагога составляющие его управленческой компетентности могут быть сформированы в пять блоков: управление целями и действиями, лидерство, управление коллективом учащихся, руководство коллективом учащихся, сосредоточение внимания на других, наряду со специальными знаниями.

Управленческая компетентность – интегральная характеристика личности, определяющая готовность педагога решать управленческие проблемы и задачи в реальной профессиональной управленческой деятельности на основе знаний, умений, личного опыта, с учетом профессионально-личностных качеств.

Заключение.

Управление как психологический феномен чаще рассматривается в сфере менеджмента. В современном обществе педагог начинает выступать не только, как носитель знаний, но и управленец коллективом учащихся. Тем самым, управленческая компетентность, как одна из частей профессиональной компетентности педагога, в настоящее время наиболее актуальна для изучения. При этом исследований по связи управленческой компетентности педагога с особенностями его ценностно-смысловой сферы нет, хотя, несомненно, связь существует.

В следующем году в русле данного теоретического исследования планируется провести практическое исследование с целью изучения взаимосвязи управленческой компетентности и особенностей ценностно-смысловой сферы педагога.

Библиографический список

1. Анцыферова Л.И. Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук. – М., 1989. – С. 426-433.
2. Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления. Учебник для вузов по специальности "Менеджмент". — 2-е изд., изм. и доп. — М.: Издательство НОРМА, 2001. — 528 с.
3. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999.
4. Роджерс К. Клиентцентрированная терапия. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. – 320 с.
5. Салгшан Г. Развитие управленческой компетенции: Учеб. пособие.

Жуковский, 1998. 54 с.

6. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник./ под общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. – М., Прогресс, 1990. – 368 с.

MANAGEMENT COMPETENCE OF TEACHERS IN CONNECTION WITH VALUE AND SENSE SPHERE

Ilinykh A.A.

Scientific supervisor: Smirnov D.O., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. Management as a psychological phenomenon is more often considered in the field of management. In modern society, the teacher begins to act not only as a carrier of knowledge, but also as a manager of a collective of students. It is assumed that there is a connection between managerial competence and the value-semantic sphere of the teacher. A theoretical analysis of the literature has been carried out: approaches to determining the value-semantic sphere in the works of foreign and domestic authors are examined, the concepts of “values” and “meanings” are considered, authors studying managerial competence are identified, a definition of the managerial competence of a teacher in an educational institution is given.

Keywords: management; managerial competence; value-semantic sphere of personality.

СВЯЗЬ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ И ОСОБЕННОСТЕЙ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦ, ПРАКТИКУЮЩИХ ВЕГЕТАРИАНСТВО

Исмагилова Л.Р.

Научный руководитель: Вихман А.А., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация.

В статье рассматривается проблема взаимосвязи аксиологической сферы личности и особенностей пищевого поведения в группе лиц, практикующих вегетарианский и традиционный тип питания, мы предполагаем, что между данными феноменами существует корреляция. По результатам корреляционного анализа выявлены взаимосвязи между исследуемыми феноменами, однако, в группе лиц, практикующих традиционный тип питания, установлено больше взаимосвязей, чем в группе лиц, практикующих вегетарианский тип питания

Ключевые слова: вегетарианство; пищевое поведение; аксиологическая сфера; ценности; пищевое нарушение.

Введение

Вегетарианство как образ жизни существует издавна, а сегодня вегетарианство становится все популярнее, данная тема все чаще становится

предметом научных исследований разных областей знания: «Вегетарианство в России: индивидуальный выбор против традиции» (Зарубина, 2016), «Взаимосвязь агрессивности и ценностные ориентации в структуре личности вегетарианца» (Трефилова, 2016).

Вегетарианство непосредственно связано с пищевым поведением. Проводится достаточно много исследований, посвященных изучению психологических причин пищевого поведения, однако, вегетарианство как психологический феномен пищевого поведения изучается довольно редко. Переход на вегетарианство имеет в своей основе разные причины: медицинские, этические, религиозные, экологические и др. Выбор данного образа питания может быть обусловлен изменением в системе ценностей и мировоззрения личности. Таким образом, актуальность данного исследования связана с необходимостью изучать аксиологическую сферу личности вегетарианцев с целью формирования здоровой стратегии пищевого поведения.

Изучению аксиологической сферы личности и пищевого поведения вегетарианцев посвящено несколько исследований: «Вегетарианство в России: индивидуальный выбор против традиции» (Зарубина, 2016), «Vegetarianism as a social identity» (Nezlek, Forestell, 2019), «Vegetarian diet and mental disorders: results from a representative community survey» (Michalak, Zhang, Jacobi, 2012).

Проблема исследования является то, что вегетарианский тип питания выбирает все больше людей (по данным «vegetarian journal» численность вегетарианцев в России в 2003 г. составляло 0,7%, а в 2014 г. уже 4%), однако, наблюдается дефицит исследований аксиологической сферы личности вегетарианца, как отечественных, так и зарубежных авторов. Таким образом, эта категория людей является малоизученной.

Цель нашего исследования – определить характер взаимосвязи аксиологической сферы личности и особенностей пищевого поведения лиц, придерживающихся вегетарианства в сравнении с лицами, придерживающихся традиционного типа питания. Объектом данной работы является аксиологическая сфера и особенности пищевого поведения лиц, придерживающихся вегетарианского и традиционного типа питания. Предметом исследования стала связь аксиологической сферы и особенностей пищевого поведения лиц, придерживающихся вегетарианского и традиционного типа питания.

Гипотезы исследования:

1. Лица, придерживающиеся вегетарианского и традиционного типа питания, статистически значимо различаются в показателях аксиологической сферы: дружелюбия в процессе общения с другими людьми и соблюдения этических норм (мы предполагаем, что эти показатели будут выше у группы с вегетарианским типом питания);

2. Существует специфика взаимосвязей между аксиологической сферой и особенностями пищевого поведения в группе лиц, придерживающихся вегетарианства и в группе лиц, придерживающихся традиционного типа питания.

Метод.

Исследование проводилось в течение 2019-2020 гг. на базе социальной сети «В контакте». Методики предъявлялись испытуемым в электронном виде на платформе «Online Test Pad», с соответствующими инструкциями и пояснениями. Общее количество испытуемых составило 148 человек, среди которых 62 респондента придерживаются вегетарианского типа питания (из них 14 мужчин и 48 женщин) и 86 респондентов придерживаются традиционного типа питания (из них 16 мужчин и 70 женщин). Средний возраст испытуемых 25 лет.

Для диагностики аксиологической сферы личности нами была выбрана методика А.В. Капцова «Аксиологическая направленность личности». Для диагностики особенностей пищевого поведения мы использовали методику «Шкала оценки пищевого поведения» (ШОПП) в адаптации О.А. Ильчика, С.В. Сивухи, О.А. Скугаревского и С. Суихи.

Результаты исследования обрабатывались посредством пакета прикладных программ статистической обработки Statistica 8.0. Обработка данных осуществлялась методами математической статистики с использованием сравнительного анализа U-критерия Манна-Уитни и корреляционного анализа по Спирмену. Для проверки гипотезы о наличии статистически значимых различий по показателям аксиологической направленности личности в группе лиц, придерживающихся традиционного питания в сравнении с лицами, придерживающимися вегетарианского типа питания, был использован U-критерий Манна-Уитни. Для сравнения специфики связей компонентов аксиологической направленности личности и особенностей пищевого поведения в группе лиц, придерживающихся традиционного типа питания в сравнении с лицами, придерживающимися вегетарианского типа питания, был использован корреляционный анализ Спирмена.

Результаты.

В результате сравнительного анализа по U-критерию Манна-Уитни нами были получены достоверные данные о различиях в показателях аксиологической направленности личности. Таким образом, различия были выявлены по 5 шкалам: Профессия, Креативность (творчество), Материальное благополучие на уровне значимости $p < 0,05$ и Достижения, Прагматическая направленность личности на уровне значимости $p < 0,01$.

В ходе корреляционного анализа Спирмена мы получили следующие результаты для группы лиц, придерживающихся традиционного типа питания: показатели Жизнедеятельность ($r=0,29$) Гуманистическая направленность личности ($r=0,28$), Материальное благополучие ($r=0,24$) и Прагматическая направленность личности ($r=0,28$) прямо пропорционально связаны со шкалой Недоверия в межличностных отношениях для уровня значимости $p < 0,05$. Для группы лиц, придерживающихся вегетарианского типа питания мы получили следующие результаты: показатели Духовная удовлетворенность ($r= -0,29$), материальное благополучие ($r= -0,34$) и индивидуальность ($r= -0,27$) обратно

пропорционально связаны со шкалой Интероцептивная некомпетентность для уровня значимости $p < 0,05$.

Обсуждение.

Согласно сравнительному анализу группе с традиционным типом питания свойственна более прагматическая направленность личности, а группе лиц, придерживающихся вегетарианского типа питания больше свойственна гуманистическая направленность личности, а именно: направленность личности на самосовершенствование, необходимости добиваться более полной реализации своего внутреннего, творческого потенциала; стремление к получению морального удовлетворения от того, что он совершает, а также к соблюдению этических норм, дружелюбия в процессе общения с другими людьми.

Закономерности, выявленные в процессе проведения нашего исследования, установлены впервые, и не обнаружено работ, которые могут подтвердить или опровергнуть наши результаты. Однако взаимосвязь аксиологической сферы личности и особенностей пищевого поведения подтверждается в нескольких исследованиях. Так, Н.В. Разживина и И.А. Прокудин утверждают: существует мнение, что нарушение пищевого поведения личности является следствием сложившейся диспозиции, сформированной ценностными ориентациями на предшествующем этапе возрастного развития (Прокудин, Разживина, 2013). Согласно научной работе «Границы психологического пространства личности как фактор нарушений пищевого поведения» (Жедунова, Волдаева, 2014), компоненты структуры психологического пространства личности при нарушении пищевого поведения взаимосвязаны друг с другом, где наибольший вес имеет категория ценностей. Исследование зарубежного автора Maercker подтверждают наши результаты о том, что ценности положительно коррелируют с особенностями пищевого поведения (Maercker, 2001).

Таким образом, наша гипотеза о том, что существует специфика взаимосвязей между аксиологической сферой и особенностями пищевого поведения в группе лиц, придерживающихся вегетарианства и в группе лиц, придерживающихся традиционного типа питания подтвердилась.

Заключение.

Мы выявили, что согласно сравнительному анализу группе лиц с традиционным типом питания свойственна более прагматическая направленность личности, а группе лиц, придерживающихся вегетарианского типа питания больше свойственна гуманистическая направленность личности. Нами было установлено, что лица, практикующие вегетарианский и традиционный тип питания, различаются по структуре взаимосвязей показателей аксиологической сферы личности и особенностей пищевого поведения, а именно, в группе лиц, практикующих традиционный тип питания, показатели аксиологической направленности личности более взаимосвязаны с показателями особенностей пищевого поведения, чем в группе лиц, практикующих вегетарианский тип питания.

Ограничением данной работы является то, что исследование проводилось в электронной форме, это стало причиной невозможности создания одинаковых условий тестирования для всех респондентов, также важным фактором является участие в тестировании многих друзей и знакомых исследователя, что могло повлиять на искренность ответов респондентов или принадлежность к группе со схожими ценностями.

К перспективам исследования можно отнести изучение аксиологической сферы личности веганов и вегетарианцев отдельно.

Библиографический список

1. Трефилова Д.В. Взаимосвязь агрессивности и ценностные ориентации в структуре личности вегетарианца // Материалы XIII межрегиональной научно-практической конференции ЯНПИС / отв. ред. А.А. Вихман – Пермь, Изд-во ПГГПУ, 2016. – С. 33-34

2. Жедунова Л.Г., Волдаева А.С. Границы психологического пространства личности как фактор нарушений пищевого поведения // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. – С. 237-241. УДК 149.9

3. Зарубина Н.Н. Вегетарианство в России: индивидуальный выбор против традиций // Историческая психология и социология истории. – 2016. – Т. 9. - № 2. – С.137-154.

4. Прокудин И.А., Разживина Н.В Соотношение смысло-жизненных ориентаций и склонности к зависимому поведению // Акмеология. – 2013. - № 1. – С. 53–57.

5. Maercker A. Association of Cross-Cultural Differences in Psychiatric Morbidity With Cultural Values: A Secondary Data Analysis // German Journal of Psychiatry 4(1), 2001. P. 16-24. DOI: 2002-14021-003

6. Nezlek John B., Forestell Catherin A., Vegetarianism as a social identity // Journal Pre-Proof. – 2019. – p.16-40. DOI: 10.1016/j.cofs.2019.12.005

7. Michalak J., Zhang X.C., Jacobi F. Vegetarian diet and mental disorders: results from a representative community survey, Int J Behav Nutr Phys Act, 9 (2012), p. 67. DOI: 10.1186/1479-5868-9-67.

VEGETARIANS: THE CONNECTION BETWEEN AXIOLOGICAL ORIENTATION OF PERSONALITY AND EATING BEHAVIOR

Ismagilova L.R.

Scientific supervisor: Vihman A.A., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract.

The article considers the problem of the relationship between the axiological sphere of personality and the characteristics of eating behavior in a group of people who practice vegetarian and traditional types of nutrition, we assume that there is a correlation between these phenomena. According to the results of the correlation

analysis, the relationships between the studied phenomena were revealed, however, in the group of people practicing the traditional type of food, more relationships were found than in the group of people practicing the vegetarian type of food.

Keywords: vegetarianism; eating behavior; axiological sphere; values eating disorder.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРЕВОЖНОСТИ И СОЦИОМЕТРИЧЕСКОГО СТАТУСА В КЛАССЕ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Кадочникова Е.М.

Научный руководитель: Смирнов Д.О., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация.

Противоречие между возрастающим интересом к вопросам взаимосвязи таких личностных характеристик младших школьников, определяющих их социометрический статус, как тревожность, самооценка, акцентуации характера, и малой степенью разработанности данной области научного знания. Существует взаимосвязь тревожности, самооценки и акцентуаций характера младших школьников, специфика которой определяет их социометрический статус в учебном коллективе. Анализ результатов показал, что выявлена отрицательная взаимосвязь таких показателей как «тревожный тип акцентуации» и «самооценка». Также выявлена положительная связь таких показателей как «тревожный тип акцентуации» и «общая тревожность в школе».

Ключевые слова: гипертимный тип акцентуации, самооценка, переживание социального стресса, тревожность, межличностное общение.

Введение.

Проблема исследования состоит в имеющемся противоречии между возрастающим интересом к вопросам взаимосвязи таких личностных характеристик младших школьников, определяющих их социометрический статус, как тревожность, самооценка, акцентуации характера, и малой степенью разработанности данной области научного знания.

Объект работы – эмоционально-личностное развитие ребенка.

Предмет работы – взаимосвязь тревожности, самооценки и акцентуаций характера младших школьников.

Гипотеза исследования – существует взаимосвязь тревожности, самооценки и акцентуаций характера младших школьников, специфика которой определяет их социометрический статус в учебном коллективе.

Цель работы – изучить особенности взаимосвязи тревожности, самооценки и акцентуаций характера младших школьников.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ психолого-педагогической литературы по проблеме исследования.

2. Рассмотреть возрастные особенности младшего школьного возраста, понятие статуса как фактора развития личности ребенка, его связь с тревожностью.

3. Изучить особенности взаимосвязи тревожности, самооценки и акцентуаций характера младших школьников.

4. Разработать рекомендации педагогам и родителям по снижению уровня тревожности младших школьников, оптимизацию их психоэмоционального состояния, повышение самооценки.

Метод.

Методологическая основа исследования: культурно-историческая теория Л.С. Выготского и, в частности, утверждение о важности роли среды в развитии психики ребенка, подход Л.И. Божович к формированию личности ребенка младшего школьного возраста, подходы к изучению социометрического статуса (Я.Л. Коломинский, А.Л. Рассказова и др.), подходы к изучению детской тревожности (Н.Г. Брей, А.М. Прихожан, А.И. Захаров, А.В. Микляева, П.В. Румянцева и др.), подходы к изучению самооценки ребенка (Л.И. Божович, В.В. Давыдов, И.С. Кон, М.И. Лисина и др.), подходы к изучению акцентуаций характера (К. Леонгард и др.).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов исследования в психолого-педагогической работе с детьми младшего школьного возраста, а также в разработке практических рекомендаций родителям и педагогам по оптимизации эмоционального состояния, снижению уровня тревожности у детей.

Методы исследования:

- теоретические (анализ литературы, систематизация);
- эмпирические (наблюдение, диагностика); методы статистической обработки данных (корреляционный анализ).

Исследование проводилось в феврале 2020 г., в нем принимали участие 60 детей младшего школьного возраста (8-9 лет).

Методики предъявлялись детям в письменном виде, с соответствующими инструкциями и пояснениями.

Исследование проводилось в несколько этапов:

1. На первом этапе осуществлялся подбор диагностического инструментария, измеряющего особенности тревожности, самооценки и акцентуаций характера младших школьников.

2. На втором этапе после проведения диагностики первичные данные были сведены в таблицу исходных данных, далее результаты диагностики были обработаны.

3. На третьем этапе исследования полученные при статистической обработке данные были проинтерпретированы.

Результаты.

Для изучения взаимосвязей тревожности, самооценки и акцентуаций характера младших школьников был применен корреляционный анализ.

Анализ результатов показал, что выявлена отрицательная взаимосвязь таких показателей как «тревожный тип акцентуации» и «самооценка». Можно предположить, что чем больше младших школьников характеризует выраженность таких характерологических черт как склонность к повышенному беспокойству, тревожащим мыслям, тем менее положительной является оценка детьми своих способностей, возможностей, качеств. Это может быть обусловлено неуверенностью ребенка в своих силах, отсутствием поддержки окружения, постоянными сомнениями ребенка в себе.

Также выявлена положительная связь таких показателей как «тревожный тип акцентуации» и «общая тревожность в школе».

Можно предположить, что чем более младшим школьникам свойственна выраженность таких характерологических черт как склонность к повышенному беспокойству, тревожащим мыслям, тем в большей степени они склонны испытывать тревогу в ситуации школьного обучения, при проверке знаний, в ситуации межличностного общения как с педагогами, так и со сверстниками.

Также анализ результатов показал, что выявлена отрицательная взаимосвязь таких показателей как «гипертимный тип акцентуации» и «переживание социального стресса». Можно предположить, что чем больше младших школьников характеризует выраженность таких характерологических черт как жизнерадостность, активность, инициативность, высокий жизненный тонус, тем меньше они склонны остро переживать стрессовые события и факторы среды. Это может быть связано с уверенностью в себе, сформированной стрессоустойчивостью, а также с широким кругом общения, поддержки.

Также выявлена положительная связь таких показателей как «гипертимный тип акцентуации» и «самооценка».

Можно предположить, что чем более младшим школьникам свойственна выраженность таких характерологических черт как жизнерадостность, активность, инициативность, высокий жизненный тонус, тем в большей мере они характеризуются положительной оценкой своих возможностей и личностных качеств. Это может объясняться социальной активностью, высоким социометрическим статусом среди сверстников, а также внутренней уверенностью младших школьников, которая формируется на основе поддержки значимого окружения.

Обсуждение.

Анализ результатов эмпирического исследования позволяет сформулировать следующее:

1) в ходе корреляционного анализа выявлена отрицательная взаимосвязь таких показателей как «тревожный тип акцентуации» и «самооценка». Можно предположить, что чем больше у младших школьников проявляется выраженность таких характерологических черт как склонность к повышенному беспокойству, тревожащим мыслям, тем менее положительной является оценка детьми своих способностей, возможностей, качеств. Это может быть

обусловлено неуверенностью ребенка в своих силах, отсутствием поддержки окружения, постоянными сомнениями ребенка в себе;

2) выявлена положительная связь таких показателей как «тревожный тип акцентуации» и «общая тревожность в школе». Можно предположить, что чем более младшим школьникам свойственна выраженность таких характерологических черт как склонность к повышенному беспокойству, тревожащим мыслям, тем в большей степени они склонны испытывать тревогу в ситуации школьного обучения, при проверке знаний, в ситуации межличностного общения как с педагогами, так и со сверстниками;

3) выявлена отрицательная взаимосвязь таких показателей как «гипертимный тип акцентуации» и «переживание социального стресса». Можно предположить, что чем больше младших школьников характеризует выраженность таких характерологических черт как жизнерадостность, активность, инициативность, высокий жизненный тонус, тем меньше они склонны остро переживать стрессовые события и факторы среды. Это может быть связано с уверенностью в себе, сформированной стрессоустойчивостью, а также с широким кругом общения, поддержки;

4) выявлена положительная связь таких показателей как «гипертимный тип акцентуации» и «самооценка». Можно предположить, что чем больше младшим школьникам свойственна выраженность таких характерологических черт, как жизнерадостность, активность, инициативность, высокий жизненный тонус, тем в большей мере они характеризуются положительной оценкой своих возможностей и личностных качеств. Это может объясняться социальной активностью, высоким социометрическим статусом среди сверстников, а также внутренней уверенностью младших школьников, которая формируется на основе поддержки значимого окружения.

Заключение.

Анализ литературы показал, что изучение вопросов взаимосвязи таких личностных характеристик младших школьников, определяющих их социометрический статус, как тревожность, самооценка, акцентуации характера, являются актуальным и требует дальнейшего исследования.

Тревожность как индивидуально-психологическая особенность, проявляющаяся в склонности ребенка к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги, оказывает значительное влияние на учебную деятельность, успеваемость и самоощущение ребенка в ситуации школьного обучения, снижает самооценку. Эмоциональное самочувствие ребенка, проявляющееся в повышенной тревожности, блокирует его личностное развитие, в частности познавательную активность и творческую инициативу ребенка.

Подводя итог проделанной работы, можно говорить о том, что выдвинутая нами исследовательская гипотеза нашла свое эмпирическое подтверждение.

Библиографический список

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М.: Смысл, 2016. – 400 с.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. – М.: Директ-Медиа, 2016. – 612 с.
3. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. – М.: Эксмо, 2015. – 508 с.
4. Дружинин В.Н. Психология семьи. – СПб: Питер, 2016. – 176 с.
5. Коломинский Я.Л. Психология взаимоотношений в малой группе. – Минск, 2016. – 432 с.
6. Леонгард К. Акцентуированные личности. – Ростов на Дону: Изд-во «Феникс», 2015. – 311 с.
7. Личко А.Е. Психопатии и акцентуация характера у подростков. – СПб: Речь, 2016. – 256 с.
8. Немов В.С. Психодиагностика (диагностика познавательной активности младших школьников). – М.: Владос, 2016. – 631 с.
9. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. – М.: Владос, 2016. – 255 с.
10. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. – СПб: Речь, 2016. – 656 с.

THE RELATIONSHIP BETWEEN ANXIETY AND SOCIOMETRIC STATUS IN THE CLASSROOM IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Kadochnikova E. M.

Scientific supervisor: D. O. Smirnov, Ph. D. in psychology, associate Professor
Perm state University for the Humanities and education, Perm

Abstract.

The contradiction between the growing interest in the relationship of such personal characteristics of primary school children that determine their sociometric status, such as anxiety, self-esteem, character accentuations, and the low degree of development of this field of scientific knowledge. There is a relationship between anxiety, self-esteem and character accentuations of younger students, the specificity of which determines their sociometric status in the educational team. Analysis of the results showed that there was a negative correlation between such indicators as "anxiety type of accentuation" and "self-esteem". There was also a positive relationship between such indicators as "anxiety type of accentuation" and "General anxiety in school".

Keywords: hyperthymic type of accentuation, self-esteem, social stress, anxiety, interpersonal communication.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ УЧАЩИХСЯ КАДЕТСКИХ КЛАССОВ

Касимова А.К.

Научный руководитель: Хотинец В.Ю., д. психол. н., профессор
Удмуртский государственный университет, Ижевск

Аннотация. В статье проведен краткий обзор изучения проблемы, понимания категорий «смысложизненные ориентации», «ценности», «социокультурные представления» в отечественной и зарубежной психологической науке. Представлены результаты исследования, направленного на определение комплекса культурных ценностей и социокультурных представлений и выявление смысложизненных ориентаций в связи с комплексом культурных ценностей и социокультурных представлений в кадетских и общеобразовательных классах. Результаты проведенного исследования показали, что ориентации на достижение поставленных целей в жизни у учащихся из кадетских классов обусловлены ценностями социально-ответственного поведения, тогда как продуктивность и осмысленность жизни учащихся из общеобразовательных классов будет обеспечиваться ими за счет личных достижений и поддержания оптимального уровня жизненной активности.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, культурные ценности, социокультурные представления, кадетский класс.

Введение.

Глобальные изменения приоритетов в государственном устройстве России, которое ориентировано на восстановление интеллектуальных и духовных ценностей (Хотинец, 2011; 2018; 2019) личности, обусловили формирование социального заказа на возрождение кадетского образования, представляющее собой новое явление системы российского образования. Кадетское образование, как одно из актуальных направлений модернизации современного образования, направлено на возрождение в молодежной среде духа патриотизма, гражданского достоинства, ценности дружбы, желания служить Родине. Оно создает условия для воспитания принципиально нового, демократического типа личности, которая способна к инновациям, к управлению собственной жизнью и деятельностью, делами общества. Особое значение в процессе кадетского образования имеют социокультурные основания смысложизненных ориентаций личности кадет, выступающие в виде ценностей и социокультурных представлений, как одни из векторов развития полноценной и самостоятельной личности.

Так, Д.А. Леонтьевым дается следующее определение смысложизненных ориентаций: «Смысложизненные ориентации каждого человека – это набор свойственных только данной личности ценностей и целей, которые она выбрала как основополагающие своего существования» (Леонтьев, 2003). Согласно Ш. Шварцу, «ценности – это желаемые, трансситуационные цели, значимость

которых меняется и которые функционируют в виде руководящих принципов в жизни группы или людей. Каждая из ценностей имеет некоторые мотивационные цели или тенденции» (Шварц, 2008). М. Бонд и К. Леунг: рассматривают социальные аксиомы как социотипичные представления относительно себя. Социальные аксиомы – это наиболее общие верования относительно себя, других людей, социального окружения, духовного или физического мира. Они являются главными в системе убеждений личности, и их роль заключается в обеспечении выживания и деятельности личности в социокультурном мире (Татарко, 2011).

Нами было проведено эмпирическое исследование с целью определения социокультурных оснований смысложизненных ориентаций учащихся из кадетских и общеобразовательных классов.

Объект исследования: смысложизненные ориентации. *Предмет исследования:* социокультурные основания смысложизненных ориентаций учащихся кадетских классов.

Проблема исследования: каковы основания выбора дальнейшего жизненного пути учащимися кадетских классов с целью прогнозирования будущей профессии, связанной со службой в Вооруженных силах РФ.

Гипотеза исследования заключается в следующем предположении о том, что смысложизненные ориентации связаны с культурными ценностями и социокультурными представлениями.

Метод.

Участники исследования. Учащиеся (70 чел.) в возрасте от 15-18 лет, кадетских (32 человека, из них мальчиков (19 чел.) и девочек (13 чел.) и общеобразовательных (38 человек, из них мальчиков (20 чел.) и девочек (18чел.) 9 и 11 классов МБОУ №76 «Школа безопасности имени Героя Советского Союза Блинова П.Ф.» г. Ижевска.

Психодиагностический инструментарий. Тест Д.А. Леонтьева «Смысложизненные ориентации» (Леонтьев, 2000), опросник индивидуальных ценностей Ш. Шварца в переводе Н.М. Лебедевой (Татарко, 2011), опросник «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга (Татарко, 2011).

Методы анализа данных. Методы математико-статистической обработки эмпирических данных: описательная статистика, факторный анализ, корреляционный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение.

Для решения задачи – установление комплекса культурных ценностей и социокультурных представлений в кадетских и общеобразовательных классах – был проведен факторный анализ по методу главных компонент показателей в основной группе (кадетский класс) и группе сравнения (общеобразовательный класс). Факторный анализ показателей в основной группе выявил 4 значимых фактора. Первый фактор с учетом максимальных факторных нагрузок был назван – «Цели» (29,286%). Данный фактор включил следующие показатели: общий показатель осмысленности жизни (0,923), цели (0,849), результат (0,831), локус контроля – жизнь (0,828), религиозность (0,788), локус контроля – Я

(0,764), процесс (0,727), конформность (0,711), традиция (0,421), благожелательность (0,419). Второй фактор – «Власть» (17,999%) включил следующие показатели: власть (0,881), гедонизм (0,763), самостоятельность (0,686), достижение (0,645), стимуляция (0,544), социальный цинизм (0,526), традиция (-0,474). Третий фактор был назван «Универсализм» (11,097%). В этот фактор вошли следующие показатели: универсализм (0,586), благожелательность (0,561), контроль над судьбой (0,529), безопасность (0,503), конформность (0,469), традиция (0,440). В четвертый фактор «Контроль над судьбой» (8,511%) вошли следующие показатели: контроль над судьбой (-0,584), награда за усилия (0,568), социальная сложность (0,499), стимуляция (0,458). В итоге выявлен комплекс культурных ценностей и социокультурных представлений в кадетских классах: Цели, Власть, Универсализм, Контроль над судьбой.

Факторный анализ показателей в группе сравнения выявил 4 значимых фактора. Первый фактор с учетом максимальных факторных нагрузок был назван – «Результат» (34,422%). Данный фактор включил следующие показатели: общий показатель осмысленности жизни (0,927), результат (0,871), локус контроля – жизнь (0,866), локус контроля – Я (0,860), процесс (0,833), цели (0,789), достижение (0,741), гедонизм (0,605), стимуляция (0,591), социальный цинизм (-0,549), власть (0,511), благожелательность (0,462), самостоятельность (0,437), религиозность (0,423), социальная сложность (-0,405). Второй фактор – «Самостоятельность» (13,399%) включил следующие показатели: благожелательность (0,589), стимуляция (0,562), гедонизм (0,552), власть (0,540), самостоятельность (0,538), социальная сложность (0,418), цели (-0,410). Третий фактор был назван «Нонконформизм» (12,244%). В этот фактор вошли следующие показатели: конформность (0,830), безопасность (0,786), универсализм (0,608), религиозность (0,580). В четвертый фактор «Контроль над судьбой» (8,059%) вошли следующие показатели: контроль над судьбой (0,886), награда за усилия (-0,640). Тем самым выявлен комплекс культурных ценностей и социокультурных представлений в общеобразовательных классах: Результат, Самостоятельность, Нонконформизм, Контроль над судьбой. Таким образом, в результате факторизации показателей получен комплекс культурных ценностей и социокультурных представлений в кадетских классах (Цели, Власть, Универсализм, Контроль над судьбой) и в общеобразовательных классах (Результат, Самостоятельность, Нонконформизм, Контроль над судьбой).

Для решения следующей задачи – установление смысложизненных ориентаций в связи с комплексом культурных ценностей и социокультурных представлений в кадетских и общеобразовательных классах, - был проведен корреляционный анализ показателей в основной группе и группе сравнения.

По результатам корреляционного анализа показателей в кадетских классах выявлены связи между показателями: «цель» и «конформизм» ($r=0,594$, $p=0,0001$), «цель» и «награда за усилия» ($r=0,380$, $p=0,032$), «цель» и «религиозность» ($r=0,719$, $p=0,0001$). Тем самым, с повышением показателей «конформизм», «награда за усилия», «религиозность» повышается показатель

смыслоразностных ориентаций – ориентация на цели в жизни. Наличие в жизни личности целей в будущем, придает жизни осмысленность, направленность и перспективу. Такие ценности и социокультурные представления, как потребность личности гармонично взаимодействовать с другими людьми; убежденность в том, что трудности жизни могут быть преодолены личными усилиями; вера в судьбу и надежда на случайный успех и везение в сложных ситуациях – могут, так или иначе, способствовать достижению поставленных целей в жизни учащихся кадетских классов.

По результатам корреляционного анализа показателей в общеобразовательных классах выявлены связи между показателями: «результат» и «стимуляция» ($r=0,344$, $p=0,034$), «результат» и «гедонизм» ($r=0,460$, $p=0,004$), «результат» и «достижение» ($r=0,405$, $p=0,012$), «результат» и «социальный цинизм» ($r=-0,427$, $p=0,007$), «результат» и «религиозность» ($r=0,382$, $p=0,018$). Тем самым, с повышением показателей «стимуляция», «гедонизм», «достижение», «религиозность» и с понижением показателя «социальный цинизм» повышается показатель смыслоразностных ориентаций – ориентации на результативность жизни. Результативность жизни представляет собой оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть. Продуктивность и осмысленность жизни во многом зависят от следующих ценностей: полнота жизненных ощущений и переживаний, наслаждение самой жизнью, а также достижение личных успехов в деятельности. Здесь имеет место и социокультурное представление, а именно вера в судьбу и случайное везение, что, несомненно, может повлиять на результат. Вместе с тем, циничное отношение к социальному миру не является фактором осмысленности и продуктивности жизни.

Таким образом, в результате корреляционного анализа установлена связь показателей смыслоразностных ориентации с культурными ценностями и социокультурными представлениями учащихся из кадетских и общеобразовательных классов.

Заключение.

На основании проведенного исследования делаем вывод о том, что ориентации на достижение поставленных целей в жизни у учащихся из кадетских классов, обусловленные ценностями социально-ответственного поведения, позволят им профессионально определиться в будущей профессии в Вооруженных силах РФ и поступить в военные ВУЗы. В свою очередь продуктивность и осмысленность жизни учащихся из общеобразовательных классов будет обеспечиваться ими за счет личных достижений и поддержанием оптимального уровня жизненной активности.

Ограничения исследования. Результаты проведенного исследования получены нами с участием выпускников одной из общеобразовательных школ Удмуртской Республики. В перспективе было бы интересно сравнить с данными старшеклассников из школ других регионов РФ.

Библиографический список

1. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 2003. — 487 с.
2. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. — М.: Смысл, 2000. — 18 с.
3. Татарко А. Н. Методы этнической и кросскультурной психологии: учебное пособие / А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева. — Москва: Высшая школа экономики, 2011. — 260 с.
4. Хотинец В.Ю. Развитие поликультурной компетентности старшеклассников в ходе проектно-исследовательской деятельности// Инновационные проекты и программы в образовании. — 2011. — № 5. — С.43-47.
5. Хотинец В.Ю., Кожевникова О.В., Вяткин Б.А., Вологодина В.А. Ценностные предикторы особенностей взаимодействия родителей с детьми в финно-угорских и русских семьях//Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. — 2019. — Т. 16. — № 1. — С.7-19.
6. Хотинец В.Ю., Плетников А.И. Согласованность индивидуальных и культурных ценностей как фактор защищенности подростков от буллинга в школьной среде// Психологический журнал. — 2018. — Т. 39. — №4. — С. 72-85.
7. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал ВШЭ. — 2008. — №2. — С. 37-67.

SOCIO-CULTURAL BASES OF LIFE ORIENTATIONS OF STUDENTS OF CADET CLASSES

Kasimova A.K.

Scientific supervisor: Khotinets V.Y., ScD (Psychology), Professor
Udmurt State University, Izhevsk

Abstract. The article provides a brief overview of the study of the problem and understanding of the categories "life orientations", "values", "socio-cultural representations" in domestic and foreign psychological science. The article presents the results of a study aimed at determining the complex of cultural values and socio-cultural representations and identifying life orientations in connection with the complex of cultural values and socio-cultural representations in cadet and General education classes. The results of the study showed that the orientation to achieve goals in life of students from cadet classes is determined by the values of socially responsible behavior, while the productivity and meaningfulness of life of students from General education classes will be provided by them due to personal achievements and maintaining an optimal level of life activity.

Keywords: life orientations, cultural values, socio-cultural representations, cadet class.

НАРЦИССИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ В ГРУППАХ СТУДЕНТОВ, РАЗЛИЧАЮЩИХСЯ ВЫРАЖЕННОСТЬЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОБИЛЬНОГО ТЕЛЕФОНА

Клусс А.В.

Научный руководитель: Коптева Н.В., д. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье рассматриваются такие феномены как «нарциссические черты личности» и «информационные технологии (мобильный телефон)». Приводятся результаты эмпирического исследования, которые позволяют восполнить дефицит знаний относительно взаимосвязи данных феноменов на примере студенчества.

Ключевые слова: нарциссические черты личности, информационные технологии, психологические последствия.

Введение.

Проблематика нарциссизма исследуется в отечественной (Е.Т. Соколова, Е.П. Чечельницкая, А.Б. Холмогорова) и зарубежной психологии (З. Фрейд, К. Хорни, Х. Кохут) давно, однако в последнее время нарциссизм привлекает к себе все больше внимания в силу его видимого нарастания и распространения во всем мире. По мнению Е.Т. Соколовой, повышенный интерес к нарциссизму в психологической науке и практике стимулирован становлением, так называемой культуры нарциссизма с ее ценностями в обществе потребления (Емелин, 2013). Существует представление, что одним из факторов, которые могут оказать влияние на активное проявление нарциссических черт личности, является использование современных информационных технологий (Шамшикова, 2010). Однако подтверждающих его эмпирических исследований практически не существует. Исключение составляет статья Кристофера Карпентера «Нарциссизм на Фейсбуке: самореклама и антисоциальное поведение».

Цель исследования: изучение взаимосвязи использования современных технологий (мобильной связи) и нарциссизма.

Гипотеза исследования: существует положительная связь между использованием современных технологий (мобильной связи) и нарциссизмом.

Метод.

В эмпирической части исследования приняли участие 72 студента в возрасте от 17 до 23 лет, обучающиеся в ВУЗах города Перми, среди которых Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермский государственный национально исследовательский университет и Пермский государственный медицинский университет имени академика Е.А. Вагнера.

Для выявления аспектов нарциссических черт личности применялся опросник «Диагностика нарциссизма» (оригинальное название *Narzissmusinventar*) Ф.-В. Денеке, Б. Хильгенштока, Р. Мюллера в адаптации О.А. Шамшиковой, Н.М. Клепиковой (Рассказова, 2015). Опросник позволяет

изучать защитно-компенсаторные механизмы или регулятивный модус нарциссизма, доступный для самонаблюдения.

В целях выявления психологических изменений при использовании технологий (мобильный телефон) применялась методика «Оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами определялась по методике (МИГ-ТС-2) Е.И. Рассказовой, В.А. Емелина, А.Ш. Тхостова (Соколова, 2009).

Чтобы установить структуру нарциссических черт личности и психологических последствий использования современных технологий был предпринят факторный анализ по методу главных компонент Г. Хотеллинга (без вращения) с последующим Varimax-вращением показателей вышеизложенных методик.

Для выявления групп студентов, различающихся выраженностью последствий нормативного использования мобильного телефона был предпринят кластерный анализ.

Результаты и их обсуждение

В результате факторного анализа выделился один фактор, с объяснимой долей дисперсии 51,5%. Ядро фактора составляет «Нарциссизм» (-0,722), в фактор на тот же полюс так же вошли «Психологическая зависимость» (-0,720), «Изменение психологических границ» (-0,719) и «Изменение потребностей» (-0,709).

Психологическая зависимость, как одно из последствий использования мобильного телефона предполагает нарастание частоты использования и невозможность отказа от технического средства. Действительно, частое использование мобильного телефона способно вызывать зависимость и тем самым, вероятно, подпитывать развитие нарциссических черт личности и нарциссизма в целом, так как в мобильном телефоне человек способен найти удовлетворение своего внутреннего «Я» в дополнительной жажде похвалы и подтверждения своей собственной значимости.

Изменение психологических границ представляет собой расширение и размывание личных границ человека. Безусловно, с появлением мобильных телефонов, каждый из нас, в определенной мере, стал более достижимым и доступным для окружающих. Личные границы постепенно начали стираться, и тенденция к этому увеличивается изо дня в день. Многие стали считать, что люди обязаны быть доступными в любое время суток, независимо от их личных интересов и возможностей. Некое ощущение долженствования в ситуациях контакта с окружающими способно породить в людях нарциссические черты.

Использование мобильных телефонов так же предполагает изменение потребностей человека, где, в первую очередь, изменения связаны с созданием имиджа. Для человека с нарциссическими чертами личности в использовании мобильного телефона становится важными не столько его основная функция, сколько его внешний вид, уровень «навороченности», его фирма и производитель. Ему не важна чрезмерная загруженность гаджета ненужными и избыточными функциями – главное, чтобы телефон был современным, дорогим,

модным и вызывал со стороны других людей повышенное внимание, высокий уровень уважения и признания со стороны его обладателя.

В общей выборке респондентов, с ростом всех проявлений нарциссизма растет психологическая зависимость от мобильного телефона, происходит изменение потребностей и меняются психологические границы. Нарциссизм и нормативные последствия использования мобильной связи составили общий единый фактор.

В результате кластерного анализа выборка поделилась на две группы (кластера): группа (N=41) с высоким уровнем выраженности психологических последствий нормативного использования мобильного телефона и группа (N=31) с более низким уровнем выраженности психологических последствий нормативного использования мобильного телефона.

Таким образом, в студенческой выборке несколько преобладает группа с более высокими показателями использования современных технологий (мобильный телефон).

Заключение

Можно заключить, что нарциссизм в совокупности со своими основными чертами, предполагает проявление всех изучаемых авторами психологических последствий использования мобильной связи. Для современного студента мобильный телефон становится не просто вещью, а необходимостью, для того, чтобы выстраивать свою повседневную жизнь.

Библиографический список

1. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Мобильная связь: факторы и механизмы воздействия на человека // *Credo new.* – 2013. – №1(73). – С. 142-162.
2. Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека. – М., Акрополь, 2015. – 116 с.
3. Соколова Е.Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // *Вопросы психологии.* – 2009. – №1. – С. 67-80.
4. Шамшикова О.А., Клепикова Н.М. Опросник «Нарциссические черты личности» // *Психологический журнал.* – 2010. – Т. 31. – №2. – С. 114-128.

NARCISSISTIC PERSONALITY TRAITS IN GROUPS OF STUDENTS WHO DIFFER IN THE SEVERITY OF MOBILE PHONE USE

Kluss A.V.

Scientific supervisor: Kopteva N.V., Doctor of psychological Sciences, Professor of the Department of practical psychology
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The article deals with such phenomena as narcissistic personality traits and information technology (mobile phone). The results of an empirical study are

presented, which make it possible to fill in the lack of knowledge about the relationship of these phenomena on the example of students.

Keywords: narcissistic personality traits, information technology, psychological consequences.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Кокарева К.В.

Научный руководитель: Кирилова Н. А., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей личности младшего школьника в зависимости от типа детско-родительских отношений на материале полных и неполных семей. Актуальность исследования обусловлена тем, что одним из наиболее важных факторов, влияющих на развитие личности ребенка, является семья. В настоящее время институт семьи переживает состояние кризиса, современные родители в большей степени уделяют время профессиональному развитию, что в определенной степени способствует эмоциональному отстранению от детей. Проведенное исследование подтверждает гипотезу, что у младших школьников из полных семей выше самооценка, у детей из неполных семей выше тревожность, чем у детей из полных семей.

Ключевые слова: личность младшего школьника, тревожность младших школьников, дети из полной и неполной семьи, детско-родительские отношения, развитие личности ребенка.

Введение.

Важным институтом развития и воспитания личности ребенка является родительская семья. Семья играет главную роль в формировании личностных особенностей ребенка на протяжении многих лет. Можно говорить о том, что семья является фундаментальной основой личности ребенка. Тот опыт, который ребенок получает в детско-родительских отношениях, он пронесет через всю последующую жизнь.

Дети из полных и неполных семей имеют разный опыт и модель взаимоотношения в первичной микросоциальной группе – в семье. В дальнейшем этот первый опыт, как образец взаимоотношений, распространится на другие межличностные и социальные взаимодействия. Поскольку в младшем школьном возрасте психосоциальные характеристики еще только формируются, важно предупредить психосоциальную дезадаптацию, дисгармоничное развитие личности.

Детско-родительские отношения изучены уже достаточно широко, однако недостаточно изученной, на наш взгляд, остается область взаимосвязи

личностных параметров младших школьников с характером их отношений с родителями. В этой части данное исследование вносит некоторый вклад в имеющийся объем эмпирических фактов.

Актуальность темы обусловлена тем, что одним из наиболее важных факторов, влияющих на развитие личности ребенка, является семья. Именно в семейной атмосфере ребенок приобретает базовые установки во взгляде на мир, на самого себя, на взаимоотношения с другими людьми. В младшем школьном возрасте формируются основы личностного развития, в связи с чем внимание, участие взрослых является необходимым для ребенка.

Цель работы – изучить особенности личности младшего школьника в зависимости от типа детско-родительских отношений на материале полных и неполных семей.

Объект исследования – свойства личности и самооценка младшего школьника, взаимодействие «родитель – ребенок».

Предмет исследования – особенности личности младшего школьника в зависимости от типа детско-родительских отношений на материале полных и неполных семей.

Гипотезы исследования – мы предполагаем, что:

- у младших школьников из полной семьи выше самооценка, у детей из неполной семьи выше тревожность, чем у их сверстников из полных семей, и напрямую зависит от типа детско-родительских отношений;

- есть особенности взаимосвязи детско-родительских отношений в полных и неполных семьях.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить теоретический анализ литературы по проблеме исследования.
2. Исследовать самооценку свойства личности младшего школьника и детско-родительские отношения в полных и неполных семьях.
3. Выявить особенности личности младшего школьника в полных и неполных семьях.
4. Выявить особенности детско-родительских отношений в полных и неполных семьях.
5. Выявить специфику взаимосвязи детско-родительских отношений.

Практическая значимость заключается в том, что результаты данной исследовательской работы могут быть учтены педагогами и школьными психологами для разработки коррекционных программ, тренингов, направленных на развитие детско-родительских отношений и личности младших школьников.

Метод.

Целью эмпирической части исследования было изучить особенности личности младшего школьника в зависимости от типа детско-родительских отношений на материале полных и неполных семей.

Участники исследования:

Исследования проводились на базе МАОУ «Школа бизнеса и предпринимательства» города Перми. В исследовании приняли участие дети в возрасте 9 лет в количестве 30 человек (15 детей из полных семей – 13 девочек и 12 мальчиков, 15 детей из неполных семей – 11 девочек и 14 мальчиков). Также в участии приняли 30 родителей (15 родителей из полных семей, 15 родителей, воспитывающих ребенка самостоятельно).

Для достижения цели и задач исследования были использованы следующие психодиагностические методики:

1. Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской.
2. Методика «Многофакторный личностный опросник Кеттелла» (детский вариант, адаптирован Э.М. Александровской).
3. Диагностика самооценки Дембо-Рубинштейн.

Результаты.

Сравнительный анализ по U-критерию Манна–Уитни показал значимые различия во взаимодействии родителей с младшими школьниками из полных и неполных семей.

Так, большинство факторов опросника «Взаимодействие родитель – ребенок» (И.М. Марковская) находятся в зоне значимости или зоне неопределенности. Это говорит о том, что отношения родителей с детьми в полных семьях отличается от отношений в неполных семьях. Отличающимися факторами являются «нетребовательность-требовательность» (42,5), «автономность - контроль» (51,5), «непоследовательность – последовательность» (48), «воспитательная конфронтация в семье» (45) и «удовлетворенность отношениями с ребенком» (39,5).

Все факторы методики «Многофакторный личностный опросник Кеттелла» (детский вариант, адаптирован Э.М. Александровской) находятся в зоне незначимости. Это говорит о том, что отношения родителей к детям не имеет значимых различий. Связано это с тем, что взгляды родителей и из полных семей, и из неполных семей, имеющих детей – младших школьников, наиболее близки к социально одобряемому нормативу детско-родительского взаимодействия.

Почти все результаты диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн также находятся в зоне значимости. Однако, наиболее выраженными являются: «волевой самоконтроль» (45,5), «независимость» (31) и «потребность в общении» (38,5).

С целью подтвердить нашу гипотезу, а также данные, полученные при сравнительном анализе, был проведен статистический анализ при помощи ранговой корреляции Спирмена.

Проведение ранговой корреляции Спирмена показало, что не все показатели проведенных методик находятся в зоне значимости. Так, значимые различия показали лишь «нетребовательность-требовательность» (0,77), «автономность - контроль» (0,089), «воспитательная конфронтация в семье» (-0,143), «независимость, самостоятельность» (-0,319) и «уровень притязаний» (-0,188).

Анализ результатов исследования позволяет сформулировать вывод о том, что существуют определенные взаимосвязи между особенностями родительского отношения и характеристиками личностного развития детей младшего школьного возраста.

Подводя итог проделанной работы, можно говорить о том, что выдвинутая нами исследовательская гипотеза нашла свое эмпирическое подтверждение. А именно, существует взаимосвязь с детско-родительскими отношениями и особенностями и личностной сферы младшего школьника.

Итак, полученные в ходе исследования данные дополняют, уточняют и расширяют имеющиеся на сегодняшний день результаты научных исследований о специфике детско-родительских отношений младших школьников с родителями в зависимости от их личностных особенностей. Тем самым, работа вносит вклад в разработку отдельных вопросов психологии образования.

Библиографический список:

1. Акулина Н.В. Взаимодействие родителей и детей младшего школьного возраста // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. – 2014. - № 5 (7). – С. 43-46.
2. Беккер И.Л., Дубовицкая С.В. Воспитывающая среда как фактор становления и развития личности // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2011. - № 24. – С. 631-638.
3. Бутина-Гречаная С.В. Теоретические подходы к анализу детско-родительских отношений // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогика и Психология. – 2010. - № 5. – С. 244-247.
4. Гамаюнова И.Н. Взаимосвязь детско-родительских отношений к различным видам деятельности младших школьников // Научно-практический журнал «Гуманизация образования». – 2010. - №6. – С. 29-34.
5. Инеткина С.Е., Ботова Э.К. Детско-родительские отношения - основной фактор развития ребенка // Гуманитарные науки и образование. -2013. - № 1(13). -С. 53-56.
6. Николаева Л.А. Детско-родительские отношения как фактор развития ребенка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2012. – Т. 2. - № 2. – С. 187-193.
7. Радионова Т.Н. Особенности детско-родительских отношений в младшем школьном возрасте // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых - сборник научных статей 3-й Международной молодежной научной конференции: в 2-х томах. - 2014. – С. 327-329.
8. Сизаева В.Э., Лисинецкая А.А. Проблема детско-родительских отношений и их влияние на представления о своей семье // Наука и современность. – 2012. - № 15. – С. 162-166.
9. Тулупова О.В. Основные подходы к изучению детско-родительских отношений в зарубежной психолого-педагогической литературе // Перспективы науки. – 2014. - № 1(52). – С. 157-159.

10. Шаповалова И.А. Детско-родительские отношения как фактор социализации младших школьников // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2013. - № 3. – С. 48-52.

FEATURES OF THE PERSONALITY OF THE YOUNGER SCHOOLCHILD DEPENDING ON THE TYPE OF CHILD-PARENTAL RELATIONS ON THE MATERIAL TWO-PARENT AND LONE-PARENT FAMILIES

Kokareva K.V.

Research Advisor: Kirillova N.A., Cand. of Psychol. Sciences, Associate Professor Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm

Abstract. The article presents the results of the study of the characteristics of the younger schoolchild depending on the type of child-parental relations on the material two-parent and lone-parent families. The relevance of the study is due to the fact that one of the most important factors affecting the development of the child's personality is the family. At present, the institution of the family is going through a state of crisis, modern parents are giving more time to professional development, which to some extent contributes to emotional exclusion from children. The study confirms the hypothesis that younger schoolchildren from a two-parent family have higher self-esteem, children from a lone-parent family have higher anxiety than children from two-parent families.

Keywords: the identity of the younger schoolchild, anxiety of the younger schoolchild, children two-parent and lone-parent families, the child parental relations, personal development of the child.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПОДРОСТКОВ И ТИПА РОДИТЕЛЬСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Колчанова Ю.С.

Научный руководитель: Ротманова Н.В., к. психол. н., доцент Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. Исследование посвящено изучению взаимосвязи особенностей формирования эмоционального интеллекта подростков и типа родительского воспитания. Эмпирическая часть работы проведена с помощью методик по оценке эмоционального интеллекта (тест MSCEIT v.2.0 в адаптации И.Н. Андреевой, тест ЭМИн Д.В. Люсина) и опросника «Поведение родителей и отношение подростков к ним» Е. Шафера в части определения превалирующего типа родительского воспитания. Проведена систематизация подходов к определению термина эмоционального интеллекта, теоретический анализ концепций структуры данного феномена и методик его оценки.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; детско-родительские отношения; модели эмоционального интеллекта; подростки.

Исследование эмоционального интеллекта — достаточно новое направление развития психологической науки. Предметное изучение данного феномена началось в 1990-е гг. в США. Прикладная значимость темы стала причиной возникновения высокого интереса к данной тематике и способствовала увеличению количества исследований в других странах, в том числе, в России. Различные аспекты эмоционального интеллекта рассматривались в работах зарубежных (Дж. Мейер, П. Сэловей, Д. Карузо, Д. Гоулман, Г. Орме, Д. Слайтер, Х. Вейсингер, Р. Стернберг, Дж. Блок и др.) и отечественных ученых (Д.В. Люсин, И.Н. Андреева, Е.А. Сергеева, И.Н. Мещерякова, М.А. Манойлова, Т.П. Березовская, А.П. Лобанов, Э.Л. Носенко, Н.В. Коврига, Г.В. Юсупова, А.С. Петровская, Т.П. Березовская и др.).

В современной психологической науке исследование эмоционального интеллекта является актуальным и востребованным направлением. Однако проведя анализ литературы по теме, можно согласиться с Р.В. Кишиковым, который отмечает, что «при всей значимости эмоционального интеллекта в системе социального и межличностного взаимодействия, сфера его изучения и по времени, и по углубленности в проблему весьма ограничена» (Кишиков, 2013).

Относительная новизна данного направления исследований обуславливает наличие пробелов научного знания в указанной области. В частности, отсутствует единство позиции по отношению к определению термина эмоционального интеллекта и его структуре. Первая трактовка термина была предложена американскими учеными Мэйером и Сэловеем, которые определяли эмоциональный интеллект как «способность отслеживать собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать эту информацию для направления мышления и действий» (Salovey, Mayer, 1990). В отечественном научном пространстве термин эмоциональный интеллект впервые был упомянут Г.Г. Гарсковой (Гарскова, 1999). По мере исследования феномена эмоционального интеллекта, сформировались различные подходы к его определению и пониманию его структуры.

Одной из задач нашего исследования является систематизация имеющихся научных концепций и анализ методик измерения эмоционального интеллекта. Теоретический анализ позволил выявить два основных типа моделей структуры эмоционального интеллекта. Первая группа рассматривает данный концепт как совокупность когнитивных способностей (так называемые модели способностей), вторая — как сочетание когнитивных способностей и личностных характеристик (смешанные модели).

Кроме того, критерием классификации моделей эмоционального интеллекта могут являться подходы к его измерению (Petrides, Furnham, 2000). В настоящее время можно выделить два основных типа методик: опросники, основанные на самоотчете испытуемого, и объективные тесты. При проведении научных исследований применяются методики обеих групп. Кроме того, нередко

опросники, основанные на самоотчете, и интеллектуальные тесты используются в комплексе. Именно такой подход позволяет составить наиболее полное представление о предмете исследования. Одним из сторонников данного комплексного подхода к оценке эмоционального интеллекта является Д.В. Люсин, который отмечает: «оптимальным является использование в практической и исследовательской работе одновременно разных методических подходов для оценки эмоционального интеллекта» (Люсин, 2006).

В нашем исследовании мы придерживаемся указанного подхода и используем методики обоих типов. Из группы опросников нами выбрана наиболее авторитетная в России методика, разработанная Д.В. Люсиным — тест ЭмИн. Из группы объективных тестов мы планируем использовать модификацию самой первой и единственной признанной на международном уровне методики MSCEIT V2.0 Мэйера-Сэловея-Карузо, предложенной И.Н. Андреевой. Использование принципиально различных методик оценки эмоционального интеллекта позволит составить наиболее полное представление об особенностях его развития, а также даст возможность сравнить полученные результаты и сделать выводы о том, какой из вариантов методик может быть рекомендован к использованию при оценке особенностей формирования эмоционального интеллекта старших подростков. Выявление преобладающего типа родительского воспитания осуществляется с помощью методики «Поведение родителей и отношение подростков к ним» Е. Шафера.

Таким образом, мы планируем достичь поставленной цели исследования, которая заключается в изучении различий в показателях эмоционального интеллекта у подростков в семьях с различным преобладающим типом воспитания. Основная гипотеза исследования подразумевает существование положительной взаимосвязи между особенностями эмоционального интеллекта подростка и преобладающим типом родительского воспитания в его семье. В рамках второй гипотезы мы предполагаем, что у подростков, в семьях которых преобладает тип воспитания, характеризующийся позитивным интересом и низким уровнем враждебности, наблюдаются более высокие показатели развития эмоционального интеллекта. В качестве третьей гипотезы нами выдвинуто утверждение о наличии гендерных различий в отдельных показателях эмоционального интеллекта. Основанием для этого являлись результаты зарубежных и российских исследований, которые свидетельствуют о наличии различий в показателях эмоционального интеллекта у девочек и мальчиков. Однако зарубежные исследования устанавливают меньшие различия по сравнению с российскими. Кроме того, большинство работ подразумевают оценку эмоционального интеллекта взрослых, тогда как задачей нашего исследования является изучение эмоционального интеллекта старших подростков. Предложенная выборка, в том числе, обуславливает актуальность нашей работы. Мы считаем, что исследование особенностей формирования эмоционального интеллекта, которое происходит в том числе в подростковом возрасте, является перспективной задачей, т.к. позволяет выявить факторы, влияющие на данный процесс, и сформулировать рекомендации по коррекции

некоторых показателей в целях полноценного и гармоничного развития личности.

В целом, на наш взгляд, изучение эмоционального интеллекта и особенностей его формирования является крайне перспективным направлением психологии личности. Изначально интерес к данной теме был обусловлен именно высокой практической значимостью результатов исследования. Было установлено, что высокие показатели развития эмоционального интеллекта являются признаком наличия развитой способности к осознанию и пониманию как своих эмоций, так и эмоций других людей, а также свидетельствуют об умении управлять эмоциональной сферой. В свою очередь, данные качества и характеристики личности, способствуют достижению высокой эффективности межличностной коммуникации и успешной адаптивности (Андреева, 2006), что является необходимым условием социальной успешности индивида. Учитывая практическую значимость рекомендаций, содержащихся в научных работах, посвященных изучению эмоционального интеллекта, исследование данной темы является актуальным и востребованным с точки зрения социума. В частности, многие прикладные исследования посвящены изучению феномена как фактора, способного повысить показатели результативности лиц, занимающих руководящие должности. Учитывая значимость развития эмоциональной сферы для полноценного развития личности, в научной сфере уделяется большое внимание развитию эмоционального интеллекта у детей. Наша работа также вписывается в данное направление психологических исследований и посвящена актуальному аспекту: изучению особенностей формирования эмоционального интеллекта у старших подростков, в частности, влияния на процесс преобладающего типа родительского воспитания. Реализация задач исследования позволит установить наличие корреляции между различными показателями методик и сформировать практические рекомендации по их коррекции, которые в дальнейшем могут быть использованы для повышения уровня развития эмоционального интеллекта в целом и отдельных его компонентов.

Решение поставленных в работе задач планируется осуществлять экспериментальным путем. Эмпирической базой исследования является МАУ ДО «Центр детского творчества «Ритм»» г. Перми. Объем выборки — 40 человек, в том числе 20 мальчиков и 20 девочек в возрасте 15-17 лет.

Таким образом, изучение взаимосвязи особенностей формирования эмоционального интеллекта подростков и типа родительского воспитания является перспективной задачей и имеет высокую теоретическую и практическую значимость. Выполнение задач исследования позволит расширить представления о феномене эмоционального интеллекта, систематизировав существующие в научной среде теоретические концепции и проанализировав основные подходы к пониманию его структуры. Проведение эмпирической части исследования даст возможность выявить факторы, определяющие особенности формирования эмоционального интеллекта старших

подростков, и сформулировать практические рекомендации по коррекции отдельных показателей.

Библиографический список

1. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 78–86.
2. Гарскова Г.Г. Введение понятия «эмоциональный интеллект» в психологическую теорию // Ананьевские чтения: тезисы научно-практической конференции. – СПб: изд-во СПбГУ, 1999. – С. 25–26.
3. Кишиков Р.В. Эмоциональный интеллект как предиктор коммуникативной компетентности менеджера // Актуальные проблемы современной науки. – 2013. – № 4. – С. 102–106.
4. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3–22.
5. Petrides K.V., Furnham A. On the dimensional structure of emotional intelligence // Personality and Individual Differences. – 2000. – V. 29. – P. 313–320.
6. Salovey P., Mayer J.D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition, and Personality. – 1990. – V. 9. – P. 185–211.

INTERRELATION OF FEATURES OF FORMATION OF EMOTIONAL INTELLIGENCE OF TEENAGERS AND TYPE OF PARENT-CHILD RELATIONSHIP

Kolchanova Y.S.

Scientific supervisor: Rotmanova N.V., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The aim of the study is to examine whether parent-child relationships has any impacts on the development of emotional intelligence. The method we applied included measuring the level of emotional intelligence and determining the type of parent-child relationship. Research methods were used as follows: EmIn questionnaire for emotional intelligence of Lusin D.V., Mayer – Salovey – Caruso Emotional Intelligence Test in I.N. Andreeva's version and the method ADOR E. Schaefer. Approaches to the definition of the emotional intelligence, theoretical analysis of the concepts of the structure of this phenomenon and methods of its evaluation are analysed.

Keywords: emotional intelligence; parent-child relationships; models of emotional intelligence; adolescents.

ПРОБЛЕМА МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЖИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Кочкина С.П.

Научный руководитель: Курунов В.В., к. психол. наук, доцент
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа

Аннотация: в данной статье анализируются теоретические и эмпирические исследования феномена лжи в психологии, и дается оценка существующему диагностическому инструментарию исследования феномена лжи в отечественной науке. Выдвигается проблема нехватки диагностического материала для анализа получаемой информации на предмет ее правдивости или ложности.

Ключевые слова: психологический феномен лжи, теоретический анализ лжи, классификации лжи, диагностический инструментарий исследования лжи.

Исследование феномена лжи в отечественной психологии приобрело свою актуальность намного позже, чем за рубежом. Причиной этому являлось неприятие лжи как компонента межличностного взаимодействия при социализме. В связи с этим, диагностический материал исследования склонности и проявления лжи практически не разработан. Однако актуальность этой проблемы заключается в необходимости диагностического инструментария во многих профессиональных сферах, таких как: криминалистика, социология, психология и, помимо этого, в повседневной жизни.

Объектом нашего теоретического исследования служит диагностический инструментарий исследования и распознавания лжи. В статье будут рассмотрены не только специфические, но и другие методики, которые могут служить сопутствующими при диагностике феномена лжи. Нами выдвигается следующая гипотеза: существующий диагностический инструментарий исследования лжи не является полноценным для практической деятельности специалистов и требует дополнений. Использовались следующие методы теоретического исследования: анализ, систематизация, обобщение теоретических данных.

Теоретические аспекты феноменологии лжи рассматривались как зарубежными, так и отечественными психологами: П. Экманом, О. Фраем, В.В. Волковым, В.В. Знаковым, И.А. Ильиным, Я.С. Кротовой, Л.Б. Филоновым, А.Р. Лурией, Б.Г. Ананьевым и др. Эмпирические исследования проводились гораздо меньшим числом исследователей, среди которых стоит выделить И.П. Шкуратову, Е.А. Душину, Ю.А. Гоцеву, Е.В. Зинченко, Е.Л. Крикало и др.

Ложь является важным и неотъемлемым регулятором межличностных отношений. Так, С.И. Симоненко в своем автореферате выделил несколько функций лжи: регуляционно-коммуникативную, аффективно-коммуникативную, информационно-коммуникативную и инструментальную (Симоненко, 1988). Каждый человек использует это средство для достижения своих целей. При этом используемые формы ложной информации могут быть

различны. Исследователями выделяются несколько классификаций лжи. И.П. Шкуратова выделила следующие виды лжи с учетом ее последствий, мотивов и характера: ложь как атрибут профессии, ложь-предательство, мошенничество, ложь-наговор, ложь-розыгрыш, ложь-самопрезентация, ложь-фантазия, ложь-заблуждение, ложь во благо, этикетная ложь, сокрытие и умолчание (Шкуратова, 2007). Чарльзом Фордом была разработана иная классификация, основанная на мотивах, которыми руководствуется лжец: спасительная, истеричная, защитная, компенсирующая, недоброжелательная, патологическая и скрытая ложь, а также ложь из любовного опьянения и сплетни (Спирица, 2015).

Подобные классификации способствуют структурированию теоретической информации о феномене лжи, благодаря чему упрощается дальнейшее исследование этого явления. Например, анализируя данные типологии, можно сделать вывод, что чаще всего люди прибегают к пассивной лжи, то есть, умолчанию. Профессор Калифорнийского университета в Сан-Франциско Пол Экман обосновал эту особенность тремя причинами. Во-первых, пассивная ложь менее энергозатратна, нежели активная. Искажая информацию, лжец должен придумать новую, отличную от реальности легенду. Для умолчания в дополнительных вариантах искаженной реальности нет необходимости. Помимо этого, лжецу будет легче не проявлять маркеры лжи. Во-вторых, умолчание не так социально наказуемо, как искажение. И, в-третьих, оправдаться в ситуации разоблачения лжи будет гораздо проще (Экман, 1999).

Однако, разоблачение лжеца – сложная диагностическая процедура. Диагностика речи на предмет наличия ложной информации имеет крайне маленький диагностический инструментарий. Как правило, психологи широкого профиля используют для этих целей как строгоформализованные, так и малоформализованные методики: личностные и проективные тесты, опрос, анкетирование, метод полярных профилей, диагностическую беседу, наблюдение и другие (Борытко, 2008). Естественно, достоверность использования данных методик крайне мала и зависит исключительно от специалиста.

Некоторые опросники направлены на выявление склонности личности использовать ложь в межличностных отношениях. Например, с помощью опросника «Честность» специалист может сделать вывод, свойственно ли испытуемому приукрашивать свой образ посредством лжи или нет. Данный опросник предназначен для лиц старше 16 лет и состоит из 34 утверждений, с которыми необходимо либо согласиться, либо не согласиться. Отвечая на провокационные вопросы, респондент проявляет социально неодобряемые черты своей личности.

Еще одна методика – «Виды лжи» И. П. Шкуратовой – тоже рассчитана на диагностику склонности личности к использованию лжи. Данный опросник состоит из 48 вопросов и в качестве заключения можно сделать вывод, к какому виду лжи испытуемый склонен больше всего. В качестве видов представлены те же типы лжи, что и в ранее обозначенной нами классификации (ложь как атрибут профессии, ложь-предательство и т.д.).

Конкретных диагностических методик, направленных на выявление ложности предоставляемой в данный момент информации, которые доступны для широкого использования специалистами разных областей, нет. На данный момент, существует несколько способов распознать ложь: с помощью полиграфа («Детектора лжи»), верификации или профайлинга.

Можно с уверенностью утверждать, что известное многим название «Детектор лжи» плохо подходит для полиграфа. Данное техническое устройство фиксирует физиологические изменения, которые происходят от эмоционального волнения испытуемого (например, артериальное давление, дыхание, кожно-гальваническая реакция и т.д.). Изменение данных показаний не свидетельствует исключительно о ложности информации. Любое напряжение, как эмоциональное, так и физиологическое, будет отображено устройством (Москаль, 2000). Помимо этого, полиграф – это дорогое техническое средство, приобретение которого может повлечь за собой финансовые трудности.

Верификация и профайлинг – это неинструментальные методы, которые способствуют диагностике как самого испытуемого, так и его речи. С помощью профайлинга специалист может спрогнозировать дальнейшее поведение исследуемого на основе его вербального и невербального поведения, а также на анализе наиболее информативных внешних признаков (Кулик, 2016). Верификация также основана на анализе вербального и невербального поведения, однако благодаря этой методике нельзя прогнозировать поведение личности. Она направлена исключительно на определение достоверности транслируемой человеком информации (Мадянов, 2016). Обе методики сложны в применении, не имеют стандартизированных показателей и опираются часто на опыт и интуицию верификатора-профайлера, из-за чего специалисты широкого профиля без дополнительного обучения данным технологиям не могут ими пользоваться. К тому же эти технологии совершенно не подходят для использования в целях научных изысканий как диагностический инструмент в связи с несоответствием психометрическим требованиям к психологическим диагностическим материалам.

Анализируя теоретические и эмпирические исследования лжи, мы пришли к выводу, что специального диагностического инструментария диагностики информации на предмет истинности/ложности нет. Актуальность в подобных методиках обосновывается необходимостью получения правдивой информации специалистами разных отраслей: психологами, криминалистами, политологами и другими. В связи с этим, мы сформулировали проблему, решение которой необходимо будет найти - разработка надёжной и валидной диагностической методики исследования и распознавания лжи.

Библиографический список

1. Борытко Н.М., Моложавенко А.В., Соловцова И.А. Методология и методы психолого-педагогических исследований. М.: Академический проект, 2008. – 320 с.

2. Кулик А.В. Профайлинговые технологии в системе уголовного судопроизводства // Материалы Международной научно-практической конференции «Оптимизация предварительного следствия» (Академия Следственного комитета РФ, 19 мая 2016 г.). – М., 2016. – С. 245-252.
3. Мадянов А.В., Васильева Н.Ю., Болховитина С.Н. Использование методов профайлинга и верификации в ходе предварительного расследования // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2016. – №3-2.
4. Москаль Г.Г., Егоров В.И. Невербальное поведение и полиграф // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2000. - №2. – С. 41-49.
5. Симоненко С.И. Психологические основания оценки ложных и правдивых сообщений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1988.
6. Спирица Е.В. Психология лжи и обмана. Как разоблачить лжеца. – М., 2015. – С. 262-263.
7. Шкуратова И.П., Крикало Е.Л. Отношение студентов к разным видам свой и чужой лжи // Индивидуальные различия в познании общения. Ростов-на-Дону: Антей, 2007. С. 266-284.
8. Экман П. Психология лжи / под ред. В.В. Знакова. – СПб: Питер, 1999. – С. 266-268.

THE PROBLEM OF LYING RESEARCH METHODS IN DOMESTIC PSYCHOLOGY

Kochkina S. P.

Scientific supervisor: Kurunov V.V., PhD in Psychology, docent
Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla,
Ufa

Abstract: Theoretical and empirical studies of the phenomenon of lies in psychology are analyzed in this paper and the existing diagnostic tools for studying the phenomenon of lies in Russian science are assessed. The problem of lack of diagnostic material for analyzing the obtained information as to its truthfulness or falsehood is put forward.

Keywords: psychological phenomenon of a lie, theoretical analysis of a lie, classification of a lie, diagnostic toolkit of research of a lie.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СО СВОЙСТВАМИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ РАЗНОГО ПОЛА

Кузнецова Д.В.

Научный руководитель: Самбикина О.С. к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимосвязи субъективного благополучия с личностными свойствами студентов разного пола. По результатам корреляционного анализа выявлены взаимосвязи между исследуемыми феноменами у обоих полов. Были обнаружены как общие признаки, характерные для обеих выборок, так и специфика каждой.

Ключевые слова: личность, субъективное благополучие, психологическое благополучие, личностные характеристики, удовлетворенность жизнью.

В последние десятилетия проблема субъективного благополучия всё чаще становится предметом исследования в психологической науке. Подобная ситуация вызвана необходимостью решения ключевых вопросов, задач в определении того, что служит основанием для внутреннего равновесия личности, из чего оно складывается, какие эмоционально-оценочные отношения лежат в его основе, каким образом оно участвует в регуляции поведения (Кулик, 2016).

В ходе теоретического анализа научной литературы нами были выявлены разные взгляды авторов на определение понятия субъективного благополучия. При этом можно выделить общий вектор во всех исследованиях – под субъективным благополучием авторы понимают оценку и отношение человека к своей жизни и самому себе, которые характеризуются переживанием удовлетворенности, счастья, наличием позитивных аффективных переживаний и отсутствием проявлений негативных аффектов, а также по возможности полной самореализацией личности.

Субъективное благополучие исследовалось в зарубежной и отечественной психологии. Учеными были выделены факторы психологического благополучия, предложена его модель и структура (Рифф, 1995), выявлены его связи с осмысленностью жизни (Фесенко, 2005), ценностно-смысловыми образованиями (Леонтьев, 1997), толерантностью (Бахарева, 1999) и т.д.

Также в зарубежной психологии активно исследуются взаимосвязи личностных черт и показателей субъективного благополучия. Наибольшее число работ связано с исследованием темпераментальных характеристик и личностных факторов, входящих в «Большую пятерку».

Цель исследования – изучение взаимосвязи субъективного благополучия и личностных свойств студентов разного пола.

Гипотеза: существуют различия в характере взаимосвязей показателей субъективного благополучия и личностных свойств студентов разного пола.

Исследование проводилось в 2020 году на базе российских вузов. В исследовании приняли участие студенты высших учебных заведений г. Перми, г. Москвы и г. Екатеринбурга. Все испытуемые являются студентами 1-4 курсов бакалавриата очного отделения. Общее количество испытуемых составило 50 человек в возрасте 18-22 лет. Из них 26 девушек и 24 юноши.

В ходе эмпирической части исследования использовались следующие психодиагностические методики: опросник уровня субъективного контроля УСК (Реан, 2001); Пятифакторный личностный опросник (Big five) в адаптации А.Б. Хромова (Хромов, 2000); опросник «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Лепешинского (Лепешинский, 2013).

Для первичной обработки данных использовался Excel 2010, далее результаты исследования обрабатывались на персональном компьютере с помощью программного пакета «STATISTICA 10.0».

Для изучения специфики во взаимосвязях показателей субъективного благополучия с личностными свойствами студентов разного пола был использован корреляционный анализ К. Пирсона.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что наибольшее количество значимых взаимосвязей с показателем субъективного благополучия в выборке девушек имеют такие свойства личности, как экстраверсия и эмоциональная устойчивость, что соответствует результатам, полученными в исследованиях П. Сталема; И. Шмидта; Й. Шульца (P. Steel, J. Schmidt, J. Shultz, 2008). Показатель экстраверсии, кроме того, имеет прямую корреляцию с показателями психологического благополучия, позитивных отношений, автономии, личностного роста и цели в жизни.

В выборке юношей показатель субъективного благополучия имеет прямые корреляции с показателями самоконтроля - импульсивности и эмоциональной устойчивости - неустойчивости. Показатель самоконтроля – импульсивности, в свою очередь, имеет прямую корреляцию с показателями автономии, личностного роста и самопринятия.

Показатель эмоциональной устойчивости – неустойчивости в обеих выборках имеет обратную корреляцию со следующими показателями субъективного благополучия: «Психологическое благополучие», «Автономия», «Управление средой» и «Цели в жизни». Также значимая корреляция с показателями субъективного благополучия в обеих выборках была обнаружена у показателей общей интернальности, интернальности в области достижений и интернальности в области межличностных отношений, что полностью соответствует результатам, полученными К. ДеНив (DeNeve, 1999), которая считала, что счастливые люди, как правило, имеют крепкие отношения, и особое значение придавала тому, как люди думают и объясняют события.

Показатель общей интернальности и у девушек, и у юношей коррелирует с показателями психологического благополучия, автономии, управления средой и цели в жизни, но значимость коэффициентов корреляций при этом различается. У девушек наиболее значимыми оказались корреляции «общей интернальности» с «Автономией» ($r=0,50$; $p<0,05$) и «Целями в жизни» ($r=0,69$; $p<0,05$), у юношей

с «Психическим благополучием» ($r=0,75$; $p<0,05$) и «Управлением средой» ($r=0,82$; $p<0,05$). Из чего можно сделать вывод, что высокий уровень субъективного контроля имеет большое значение в ощущении благополучия у обоих полов.

Показатель интернальности в области достижений у студентов обоего пола коррелирует с показателями психологического благополучия и управления средой. Однако, у девушек он кроме этого коррелирует с показателем цели в жизни, а у юношей – с показателями личностного роста и самопринятия.

С показателем интернальности в области межличностных отношений в обеих выборках коррелируют показатели «Психологическое благополучие», «Автономия», «Управление средой», «Личностный рост» и «Самопринятие». В выборке девушек, кроме того, выявлена значимая взаимосвязь у этого показателя с показателем цели в жизни. Как уже упоминалось ранее, межличностные отношения и ответственность за их построение является важным аспектом субъективного благополучия.

Не было обнаружено ни одной значимой взаимосвязи у показателей интернальности в семейных отношениях и интернальности в отношении здоровья с показателями субъективного благополучия, что, вероятно, обусловлено возрастом и семейным положением респондентов.

В ходе исследования подтвердилась гипотеза о различии в характере взаимосвязей показателей субъективного благополучия и личностных свойств студентов разного пола. Как и предполагалось, в выборке девушек было обнаружено большее количество взаимосвязей, нежели в выборке юношей.

Из полученных результатов можно выявить черты личности, характерные для студентов с высоким уровнем субъективного благополучия. Для девушки это, прежде всего, общительность, эмоциональная устойчивость, высокий уровень субъективного контроля в целом, и в частности, за свои собственные достижения и неудачи, а также самостоятельно выстроенные межличностные отношения. Для юношей с высоким уровнем субъективного благополучия характерны следующие качества: высокий уровень самоконтроля, эмоциональная устойчивость, интернальность в области личных достижений и межличностных отношений.

Таким образом, результаты исследования показали, что между показателями личностных свойств и показателями психологического благополучия в группе девушек-студенток было обнаружено большее количество значимых взаимосвязей, чем в группе юношей-студентов. При этом в обеих выборках наибольшее количество взаимосвязей выявлено у таких показателей шкал субъективного благополучия, как: «Психологическое благополучие» и «Управление средой» с показателями шкал свойств личности: «Экстраверсия», «Эмоциональная устойчивость», «Шкала общей интернальности», «Шкала интернальности в области достижений», «Шкала интернальности в области межличностных отношений». Кроме того в выборке девушек ядерным показателем оказался показатель «Цели в жизни», а в выборке юношей – показатель «Автономия». Примечательно, что в выборке юношей

наименьшее количество значимых взаимосвязей обнаружено с показателем шкалы «Цели в жизни», что диаметрально противоположно результатам, полученным в выборке девушек.

Библиографический список

1. Бахарева Н.К. Взаимосвязь толерантности и субъективного благополучия // Культура. Образование. Наука. – Хабаровск: ХГИИК, 1999. – С. 98-103.
2. Кулик А. А., Акимова А. А. Субъективное благополучие молодёжи (на примере студентов первых и выпускных курсов) // Ученые записки ЗабГУ Сер. «Педагогика. Психология». – 2016. – Т. 11. - № 2. – С. 170-177.
3. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности (статья вторая) // Вестник Московского университета. Сер. 14 «Психология». – 1997. - №1. – С. 20-27.
4. Лепешинский Н.Н. Адаптация опросника «Шкалы психологического благополучия» К.Рифф // Психологический журнал. – 2013. – №3. – С. 24-37.
5. Реан А.А. Практическая психодиагностика личности: Учеб. пособие. – СПб; Изд-во СПбГУ, 2001. – 224 с.
6. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2000. – 23 с.
7. Фесенко П.П. Имеет ли понятие психологического благополучия социально-культурную специфику? // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2005. – Т.2. - №4. – С. 132-138.
8. DeNeve, Kristina M. "Happy as an Extraverted Clam? The Role of Personality for Subjective Well-Being" // Current Directions in Psychological Science. – 1999. - № 8 (5). – p. 141-144.
9. Steel, Piers; Schmidt, Joseph; Shultz, Jonas. "Refining the relationship between personality and Subjective well-being" // Psychological Bulletin. – 2008. - №134 (1). – p. 138-161.

THE RELATIONSHIP BETWEEN SUBJECTIVE WELL-BEING AND PERSONAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS OF DIFFERENT GENDERS

Kuznetsova D. V.

Scientific supervisor: Sambikina O.S., Ph. D. in psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract.

The article deals with the problem of the relationship of subjective well-being with the personal properties of students of different genders. According to the results of correlation analysis, the relationships between the studied phenomena in both sexes were revealed. We found both common features characteristic of both samples, as well as the specifics of each.

Keywords: personality, subjective well-being, psychological well-being, personal characteristics, life satisfaction.

ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ МЕТАКОГНИТИВНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ, ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И СИСТЕМА ЖИЗНЕННЫХ СМЫСЛОВ У ЛИЦ С ПРИЗНАКАМИ ПСИХОТРАВМАТИЗАЦИИ

Кузнецова Е.Г.

Научный руководитель: Таллибулина М.Т., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. Феномен психической травмы и проблема отсроченного влияния психотравмирующих событий детства на жизнь взрослого человека привлекает внимание исследователей. В статье представлены материалы эмпирического исследования детских психических травм у взрослых людей. Рассматриваются возможные причины отсроченного влияния травмирующих событий, которые произошли в возрасте до 18 лет, на параметры жизнестойкости, системы жизненных смыслов, а также последствия травмы в виде дисфункциональных метакогнитивных убеждений.

Ключевые слова: детская психотравма; травма развития; дисфункциональные метакогнитивные убеждения; система жизненных смыслов; жизнестойкость.

Введение.

Проблема психотравматизации, ее отсроченных последствий и путей ее преодоления в последнее время все больше интересует исследователей. Наше исследование посвящено изучению потенциальных детских психотравм и вариантов их возможного негативного воздействия на метакогнитивные убеждения, жизнестойкость и систему жизненных смыслов взрослого человека.

Описание феноменов травмы часто определяется деятельностью самого исследователя, его общетеоретической, методологической позицией. В нашей работе влияние травматического опыта рассматривается с позиций метакогнитивной, экзистенциальной и психоаналитической теорий.

Согласно соматической теории П. Левина, травма – это прорыв в барьере, который защищает человека от воздействий, сопровождающихся очень сильным чувством беспомощности и испуга, переживаемого человеком при столкновении с внезапным, угрожающим его жизни событием, которое превосходит его возможности и которое он не способен эффективно отразить или контролировать. Это шоковая травма. Даже самые незначительные на первый взгляд события могут оказать травмирующее воздействие на психику ребенка.

Люди, которые на протяжении долгого времени подвергались жестокому обращению, особенно внутри семьи, могут переживать *травму развития*. Причинами этой травмы чаще всего является негативное родительское влияние или искаженное представление о воспитании в важные периоды развития ребенка. Несмотря на то, что природа этих двух травм сильно отличается друг от друга, пренебрежение и жестокое обращение могут вызывать те же симптомы, что и

шоковая травма. Поэтому у людей, испытавших травму развития, могут быть проблемы, которые переплетаются с травматическими реакциями.

В психоаналитических теориях травма рассматривается как сильное переживание, вызывающее нестерпимую психическую боль и тревогу у ребенка. Согласно З. Фрейду у психики есть *защитный барьер против стимулов*, и если защитные меры не справляются со стимулами, то переживание становится непереносимым. К подобным проявлениям относят детский абьюз, кумулятивную травму, вызванную неудовлетворенными потребностями в достаточно хорошем холдинге, уходе и отношениях зависимости, депривацию в младенчестве, которые Д. Винникотт назвал *примитивными агониями, невысказанным переживанием*. Отличительной чертой такой травмы является переживание невыразимого ужаса, связанного с угрозой исчезновения целостного я, то, что Х. Кохут назвал «тревогой дезинтеграции» (Калшед, 2015).

Восприятие события как травмирующего зависит от множества факторов: от внешних и внутренних ресурсов, прошлого опыта, самого события, его интенсивности и продолжительности, жизненных обстоятельств в момент травматического события, наличия поддержки, индивидуальных особенностей, способности к обучению и других факторов в том числе способности противостоять опасности. Субъективный фактор восприятия события как травмирующего играет ключевую роль в формировании травмы.

В нашей работе мы рассмотрим травму развития, связанную с физическим, эмоциональным или сексуальным насилием в семье, в других социальных группах и в обществе в целом, а также их возможные последствия в виде уровня жизнестойкости и дисфункциональных метакогнитивных убеждений, которые поддерживают неадаптивные стили мышления у взрослых людей.

Целью исследования является изучение дисфункциональных метакогнитивных убеждений, жизнестойкости и системы жизненных смыслов у мужчин и женщин в возрасте 35-50 лет с признаками психотравматизации.

Были поставлены следующие задачи.

Теоретические:

- рассмотреть и сравнить подходы к изучению дисфункциональных метакогнитивных убеждений в когнитивной и метакогнитивной теориях;
- провести теоретический анализ существующих подходов к изучению феномена психической травмы;
- рассмотреть концепт жизнестойкости;
- рассмотреть подходы к изучению системы жизненных смыслов.

Эмпирические:

- выявить различия в выраженности параметров метакогнитивных убеждений, уровня жизнестойкости, системы жизненных смыслов у лиц в возрасте от 35 до 50 лет с неблагоприятным детским опытом (эмоциональное, физическое, сексуальное насилие) в возрасте до 18 лет и у лиц с фактом отсутствия данного опыта;

- выявить взаимосвязь параметров уровня жизнестойкости и неблагоприятного детского опыта (эмоциональное, физическое, сексуальное насилие) у лиц в возрасте от 35 до 50 лет.

Научная новизна работы состоит в том, что рассматривается важная и малоизученная тема в отечественной психологии – дисфункциональные метакогнитивные убеждения, уровень жизнестойкости и система жизненных смыслов у взрослых людей как возможные отсроченные последствия психической травмы, связанной с эмоциональным, физическим или сексуальным насилием в возрасте до 18 лет.

Гипотезы:

1. Существуют различия в выраженности параметров метакогнитивных убеждений, уровня жизнестойкости, системы жизненных смыслов у лиц в возрасте от 35 до 50 лет с неблагоприятным детским опытом в возрасте до 18 лет, в сравнении с лицами, в жизни которых данный опыт отсутствовал.

2. Существует взаимосвязь параметров уровня жизнестойкости и неблагоприятного детского опыта у лиц в возрасте от 35 до 50 лет.

Материал и методы исследования.

В рамках эмпирического исследования было опрошено 29 человек в возрасте от 35 до 50 лет. В выборку женщин вошли 18 человек, средний возраст испытуемых составил 37 лет. В выборку мужчин вошли 11 человек, средний возраст – 40 лет.

В качестве методов исследования выступили: краткая версия опросника метакогнитивных убеждений Э. Уэлса (Wells, 2011), тест жизнестойкости С. Мадди (апробация Д.А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой, 2006), Международный опросник для изучения распространенности насилия над детьми, ICAST-retrospective (валидизация Е.В. Волкова и др., 2014), русскоязычная версия международного опросника неблагоприятного детского опыта, WHO ACE-IQ (валидизация Е.А. Катан и др., 2018) (Катан, 2018), методика «Система жизненных смыслов» В. Ю. Котлякова.

Результаты эмпирического исследования.

Для выявления различий в выраженности параметров метакогнитивных убеждений, уровня жизнестойкости, системы жизненных смыслов у лиц в возрасте от 35 до 50 лет были выделены две крайние группы респондентов – с наличием факта неблагоприятного опыта в возрасте до 18 лет и отсутствием данного факта по одному параметру неблагоприятного опыта – сексуальное насилие.

Результаты Т-критериального анализа показали наличие статистически значимых различий в профиле жестокого обращения, метакогнитивных убеждений, параметрах жизнестойкости и системы жизненных смыслов у лиц с наличием факта неблагоприятного сексуального опыта в возрасте до 18 лет и отсутствием факта насилия.

В результате корреляционного анализа были выявлены взаимосвязи только по одному из трех параметров неблагоприятного детского опыта, сексуальному насилию с уровнем жизнестойкости. Взаимосвязи параметров жизнестойкости с

такими параметрами неблагоприятного детского опыта как физическое и эмоциональное насилие выявлено не было.

Обсуждение результатов.

Полученные данные позволяют предполагать, что людей, переживших неблагоприятный сексуальный опыт в возрасте до 18 лет, отличает более высокая степень воздействия такого неблагоприятного фактора как семейная дисфункция. Также их отличает большая склонность к негативным метакогнитивным убеждениям о неконтролируемости, опасности или важности мыслей и чувств ($t=2,939$, при $p \leq 0,01$), что ведет к поддержанию непродуктивного паттерна мышления.

Стоит отметить, что данная группа респондентов в меньшей степени доверяет своей памяти, а также памяти в том, что касается слов, имен, мест и действий. Люди, пережившие насилие, более подвержены искаженному непродуктивному стилю мышления, используют малоадаптивные стратегии мышления, которые могут привести к психическим расстройствам.

Те, кто не был подвержен сексуальному насилию в возрасте до 18 лет, больше убеждены в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. В то время как, люди, имеющие неблагоприятный детский опыт, более склонны к ощущению собственной беспомощности. Они меньше ощущают, что сами выбирают собственную деятельность, свой путь.

Людам, не имевшим в детстве опыта сексуального насилия, в большей степени свойственно переживание своих действий и происходящих вокруг событий «как интересных и радостных» (вовлеченность), как результатов личного выбора и инициативы (контроль) и как важного стимула к усвоению нового (принятие риска)» (Maddi, 1999, p. 85) ($t = -2,246$, при $p \leq 0,01$). Респонденты, имеющие в анамнезе негативный сексуальный детский опыт, в меньшей степени способны и готовы активно и гибко действовать в ситуации стресса и трудностей. Они менее склонны к оптимальному переживанию ситуаций неопределенности и тревоги. Жизнестойкость связана не только с оценкой ситуации, но и с активностью человека в преодолении этой ситуации (выбор копинг-стратегии).

Респонденты с неблагоприятным детским сексуальным опытом игнорируют в своей системе жизненных смыслов статусные смыслы, которые основаны на потребности человека занимать высокое положение в обществе, активно строить карьеру, добиваться успеха и признания в глазах окружающих ($t = -2,256$, при $p \leq 0,01$). Люди, не имеющие негативного сексуального опыта в возрасте до 18 лет, более склонны относить статусные смыслы к категории нейтральных. Данный факт может свидетельствовать о том, что люди с признаками психотравматизации склонны вытеснять из своей индивидуальной системы представлений жизненных смыслов такие важные социальные аспекты как общественное признание, причастность к социальной группе, вера в свой успех и утверждение его в социуме. Люди, не имевшие в детстве опыт сексуального насилия, в большей мере относят семейные смыслы к категории

ведущих жизненных смыслов, в то время как другая группа склонна относить эти смыслы к категории нейтральных.

Профиль компонента эмоционального насилия имеет ярко выраженные статистически значимые различия, они в большей степени представлены в выборке людей, которые имели детский негативный сексуальный опыт: эмоциональное насилие ($t= 3,898$, при $p \leq 0$). По результатам Т-критериального анализа, люди, подверженные сексуальному насилию в возрасте до 18 лет, также больше были подвержены эмоциональному насилию, а именно оскорблениям, унижениям, издевательствам. Такие дети часто подвергались опасностям и угрозам, им могли присваивать клички, угрожать физической расправой, ущербом, криком, проявлением гнева, отказом во взаимоотношениях (вербальная и эмоциональная изоляция), давлением и принуждением выполнять то, что ребенок не может или не хочет.

Заключение.

Результаты исследования отражают наличие статистически значимых различий в профиле метакогнитивных убеждений, параметрах жизнестойкости и системы жизненных смыслов у лиц с наличием только одного фактора неблагоприятного детского опыта – сексуального насилия в возрасте до 18 лет. Гипотеза о том, что существует взаимосвязь между параметрами жизнестойкости и неблагоприятным детским опытом, представленным в виде физического, эмоционального и сексуального насилия, подтверждена частично. Очевидна необходимость дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Калшед Д. Внутренний мир травмы / под ред. В.А. Агарковой. – М., 2015. – 398 с.
2. Катан Е.А. Опыт жестокого обращения в детстве у наркологических больных и методы его ретроспективной оценки // Вопросы наркологии. – 2018. - № 9. – С. 169.
3. Wells A. Metacognitive Therapy for Anxiety and Depression. – New York, 2011. – P. 316.

DYSFUNCTIONAL METACOGNITIVE BELIEFS, HARDINESS, SYSTEM OF LIFE MEANINGS OF PEOPLE WITH PSYCHOTRAUMATIC FEATURES

Kuznetsova E.G.

Scientific supervisor: Tallibulina M.T., PhD in Psychology, docent Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The phenomena of psychotrauma and the problem of the long-term mental effects due to adverse childhood experiences recently started to interest researchers. The article presents the materials of the empirical study of psychological traumas experienced by adults during their childhood. The possible long-term effects of psychotraumatic events and variants of their negative impact on person's hardiness, system of life meanings and trauma consequences such as dysfunctional metacognitive

beliefs are described in detail.

Keywords: children's psychotrauma; developmental trauma; dysfunctional metacognitive beliefs; system of life meanings; hardiness.

ПОСЛЕДСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА В СВЯЗИ С ОТЧУЖДЕНИЕМ

Лобова М. С.

Научный руководитель: Коптева Н.В., д. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. Предпринята попытка эмпирического изучения последствий использования (нормативного и зависимого) интернета в связи с отчуждением (в разных сферах жизни и формах). Установлено, что из последствий нормативного использования интернета психологическая зависимость как невозможность отказа сближается с симптоматикой интернет-зависимости и предполагает отчуждение в различных сферах, прежде всего частных (от семьи и от собственной личности), и формах (прежде всего в наиболее тяжелой – вегетативности и нигилизма, характерного для юношеского возраста. Вместе с тем в совокупности нормативные последствия использования интернета, среди которых доминирует изменение психологических границ на фоне менее выраженных фоне симптомов интернет-зависимости, оказываются автономными по отношению к отчуждению в различных формах и сферах жизни.

Ключевые слова: интернет – зависимость; отчуждение; нормативное использование информационных технологий.

Введение.

Вопрос о том, каковы психологические последствия использования современных информационных технологий, остается открытым и вызывает массу споров. Особенно актуален он в контексте возможности развития технических зависимостей, схожих с зависимостями от психоактивных веществ и патологическим гэмблингом (Гриффитс 2005). К их числу относится интернет-зависимость. Однако ее трудно отличить от стремления «идти в ногу со временем», ввиду того, что прогресс сдвигает границы нормы и патологии.

В свете констатации факта размывания границы между нормой и технологическими зависимостями появляются попытки представить использование интернета в иных категориях и терминах, например, присутствия в виртуальной реальности (Войскунский, 2015). Актуальной представляется модель «нормативного» использования технологий (Емелин, Тхостов, Рассказова). По мнению Емелина В.А., Рассказовой Е.И., Тхостова А.Ш. (2015) из психологических последствий современных медиа наиболее изучена интернет – зависимость, и лишь немногие акцентируют внимание на том, по каким механизмам (а не у каких людей, или при какого типа пользовательской

активности) происходит формирование интернет-зависимости. Накоплено множество фактов, указывающих на то, что применение информационных технологий может приводить к изменениям не только в жизни человека, но и в структуре его самости, самосознании.

В своем исследовании мы соотносим нормативное использование интернета и интернет-зависимость с феноменом отчуждения, который Э. Фромм (2017) рассматривал в частности, в связи с техническим прогрессом и экономическими факторами. Он писал «При капитализме... все человеческие усилия должны быть направлены на увеличение темпов роста экономической системы, умножения капитала, причем не ради собственного благополучия, а ради самого капитала...». Информационные технологии предполагают, что отношения между людьми осуществляются с помощью технических средств, означает ли это, что они уподобятся отношениям вещей?

С. Мадди толковал феномен отчуждения как экзистенциальный невроз. Однако в дальнейшем, выделяя четыре формы, в которых проявляется отчуждение в порядке от наиболее к наименее тяжелой: **вегетативность, бессилие, нигилизм, авантюризм.**

Гипотеза эмпирического исследования заключается в предположении, что не только интернет-зависимость, но и нормативные последствия использования интернета связаны с отчуждением в различных сферах жизни человека и формах

Цель работы: изучение взаимосвязи нормативного использования информационных технологий и интернет-зависимости с различными измерениями отчуждения

Метод.

Участники исследования.

В исследовании приняты участие воспитанники ФГКОУ «ППКУ войск национальной гвардии имени Героя России Ф. Кузьмина». Были опрошены 52 человека (юноши-кадеты) 11-х классов. Также были опрошены студенты ПГПУ 46 человек (13 юношей и 35 девушек). Возраст респондентов от 17 до 19 лет.

Методы анализа данных и психодиагностический инструментарий.

Для обработки эмпирических данных был использован факторный анализ по методу главных компонент Г. Хотеллинга с последующим Varimax-вращением интегральных показателей.

- Методики оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами, форма для Интернета («МИГ-ТС-2») В.А. Емелина, Е.И. Рассказовой, А.Ш. Тхостова (2015) и

- Тест шкалы интернет-зависимости Чена «Chen Internetaddiction Scale – CIAS» (Chen, 2003) в адаптации К.А. Феклисова, В.Л. Малыгина, 2011 г. (Малыгин, 2011); а также

- Частные показатели Опросника субъективного отчуждения С. Мадди (ОСотч). Адаптация для юношеского возраста Е.Н. Осина (Осин, 2011).

Результаты и обсуждение

В ходе факторного анализа была выявлена факторная структура состоящая из двух факторов с ДОД 69,8%. Первый фактор, с ДОД 45,5%, является

смешанным, однополюсным и состоит из показателей: психологической зависимости, как нормативного последствия использования интернета (0,551); симптомов интернет-зависимости (0,521), проблем связанных с интернет – зависимостью (0,603); и отчуждения в различных сферах: от общества (0,776), учебы (0,769), в межличностных отношениях (0,868), в семье (0,887), от собственной личности (0,876). Ядром фактора является показатель сферы отчуждения в семейной жизни (0,887).

То есть отчуждение во всех сферах жизни от широких до частных образует общую структуру не только с симптоматикой интернет-зависимости и сопутствующими ей личностными и внутриличностными проблемами, но и с характерной для каждого пользователя психологической зависимостью от интернета.

Надшкальный показатель *симптомы (IA-Sym)* включает компульсивные симптомы, симптомы отмены и толерантности. Он свидетельствует о состоянии дистресса. *Проблемы (IA-RP)* связанные с интернет-зависимым поведением, объединяют проблемы с управлением временем и нарушения социальной, профессиональной и других значимых областях жизни (Малыгин, 2011).

Критерии «нормативной» психологической зависимости от интернета, отличаются от приведенных выше измерений интернет-зависимости скорее в количественном, чем в качественном отношении. К ним относятся трудности отказа от технических средств, ввиду их функциональности и удобства, частота использования (чем чаще используется техническое средство, тем быстрее происходит процесс киборгизации), чрезмерное использование даже в тех случаях, когда в этом нет необходимости или пренебрежение делами, интересами и обязанностями из-за технических средств. (Рассказова, Емелин, Тхостов, 2015).

Наибольшими факторными весами представлено отчуждение в частных сферах *в семье и от собственной личности*. Можно предположить, что это связано с возрастом респондентов, предполагающим отрыв от семьи, замену которой они ищут на просторах интернета, при этом, однако, теряя себя. Притом, что выборку составляет учащаяся молодежь, *отчуждение от учебы* растет не только по мере выраженности зависимого поведения, но сближающейся с ней «нормативной» психологической зависимостью. В связи с этим встает проблема использования современных коммуникативных технологий в образовании. Обычно их применение приветствуется, однако пребывание учащихся online очевидно, скорее конкурирует с деятельностью, претендующей на роль ведущей.

Обсуждаемые последствия использования интернета предполагают также рост *отчуждения от общества и в межличностных отношениях*.

Второй фактор, с ДОД 24,3% , является смешанным, однополюсным и состоит из показателей последствий нормативного использования интернета: психологическая зависимость (0,639), изменение психологических границ (0,793), изменение потребностей (0,771), а также симптомов интернет–зависимости (0,599) и проблем связанных с ней (0,483). Ядром фактора является показатель изменения психологических границ (0,793).

Таким образом, в факторе представлены как нормативные, так и не укладывающиеся в норму последствия использования интернета. *Изменение психологических границ* диагностируется по субъективному ощущению достижимости и доступности окружающих (в этих случаях человек уверен, что они должны быть «на связи»), а также по переживанию собственной «открытости» другим людям, достижимости для них. *Изменение потребностей* предполагает ценность для респондентов основной функции Интернета, ключевую роль наличия доступа в Интернет для создания имиджа, ценность технической сложности и дополнительных функций. Возможно с силу того, что в факторе доминируют последствия нормативного использования интернета, он оказался автономен по отношению к отчуждению.

Во втором варианте факторного анализа те же показатели последствий использования интернета изучались в связи с различными формами отчуждения. Была выявлена факторная структура, состоящая из двух факторов с ДОД 73,1%.

В данном случае, второй фактор схож со вторым фактором предыдущего факторного анализа, поэтому в этом анализе мы рассмотрим только первый фактор.

Первый фактор, с ДОД 48,4%, является смешанным, однополюсным и состоит из показателей: психологическая зависимость (0,590); симптомы интернет-зависимости (0,547) и проблемы связанные с интернет-зависимостью (0,638); форм отчуждения: вегетативность (0,912), бессилие (0,892), нигилизм (0,916), авантюризм (0,840).

Ядра фактора составляют показатели форм отчуждения: нигилизм (0,916) и вегетативность (0,912).

Нигилизм представляет из себя убеждение в отсутствии смысла и соответствующую активность, направленную на его утверждение путем занятия деструктивной позиции. Эта форма экзистенциального недуга включает в себя переживание некоторого смысла — пусть это и парадоксальный антисмысл — и связана с активностью по его реализации, что позволяет считать нигилизм менее серьезной формой экзистенциального недуга, чем вегетативность и бессилие. Э. Эриксон (2017) указывал, что в юности человек отчаянно нуждается в ценностях. Однако, если необходимые ценности труднодоступны или оказываются неприемлемыми, молодые люди прибегают к отрицанию всякой значимости смысла.

Вегетативность – это неспособность поверить в истину, важность или ценность любой реально осуществляемой или воображаемой деятельности. С одной стороны, вегетативный человек может находить ценность и смыслы в виртуальном мире, однако виртуальные смыслы не способны возместить наличие смыслов в обычной жизни.

Авантюризм – компульсивный поиск жизненности, вовлеченности в опасных, экстремальных видах деятельности, в силу переживания бессмысленности повседневной жизни. Эта форма экзистенциального недуга является наименее серьезной, поскольку связана с активностью, поиском новых ощущений.

Бессилие – утрата человеком веры в свою способность влиять на жизненные ситуации, однако при сохранении ощущения их важности, что позволяет считать бессилие менее серьезной формой экзистенциального недуга, нежели вегетативность.

Таким образом, можно сказать, что психологическая зависимость, как последствие нормативного использования интернета, сближается с интернет-зависимостью, способствуя росту отчуждения в формах вегетативности («овощеподобного» состояния) и нигилизма, в юности соотносимого с негативной идентичностью.

Заключение.

Гипотеза о том, что не только интернет – зависимость, но и нормативные последствия использования интернета связаны с отчуждением в различных сферах жизни человека и формах подтвердилась частично. Нами было выявлено, что отчуждение в различных сферах (прежде всего от семьи и собственной личности) и формах (вегетативности, как наиболее тяжелой и нигилизма) связаны с психологической зависимостью, как невозможностью отказа от интернета, сближающейся с симптоматикой интернет-зависимости. Однако нормативные последствия использования интернета, среди которых доминирует изменение психологических границ, на фоне менее выраженных симптомов интернет-зависимости, оказываются автономными по отношению к отчуждению.

Библиографический список

1. Войскунский А.Е. Концепции зависимости и присутствия применительно к поведению в Интернете [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – N 4(33). – С. 6. – URL: http://mprj.ru/archiv_global/2015_4_33/nomer07.php (дата обращения: 24.04.2020).
2. Мадди С. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – №. 6. – С. 87-101.
3. Емелин В.А., Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Психологические факторы развития и хронификации технологических зависимостей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2015. – №1. – С. 1-16. – Режим доступа: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2013_1_3262.pdf (дата обращения: 29.03.2020).
4. Малыгин В.Л. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: Учебное пособие / В.Л. Малыгин, К.А. Феклисов, А.А. Антоненко, Е.А. Смирнова, Н.С. Хомерики. – М.: МГМСУ, 2011. – 33 с.
5. Осин Е.Н. Опросник субъективного отчуждения // Психология общения. Энциклопедический словарь. – М., Cogito-Centre – IPRAS PublishingHouse, 2011. – С. 526-527.
6. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А.В. Александровой. – М: Издательство АСТ, 2017. – 288 с. – (Эксклюзивная классика).

7. Эриксон Э. Философские сюжеты: переводы работ американского психоаналитика / под общ. ред. П.С. Гуревича – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. – 416 с.

8. Янг К.С. Диагноз – Интернет-зависимость // Мир Интернет. – 2000. - № 2. – С. 24-29.

CONSEQUENCES OF USING THE INTERNET IN CONNECTION WITH ALIENATION

Lobova M. S.

Scientific supervisor: Kopteva N. V., D. psych. sciences
Perm state University for the Humanities and education, Perm

Annotation. The article describes an attempt to consider the phenomenon of alienation (its spheres and forms) against the background of Internet addiction. It was found that the consequences of using the Internet are the emergence of psychological dependence, such as the inability to abandon technical means and use the Internet; changing psychological boundaries, such as constant (round – the-clock) access to others, and changing needs, moving away from universal needs to more primitive and accessible-the Internet. Against the background of Internet addiction, there is alienation in various spheres and forms. Vegetativity and nihilism on the Internet creates alienation in all social spheres of human life.

Keywords: Internet addiction; alienation; normative use of information technologies.

СТИЛЬ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССОМ И ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

Медведева Е.П.

Научный руководитель: Таллибулина М.Т., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация.

В статье рассматривается проблема взаимосвязи стиля совладающего поведения, личностных особенностей и толерантности к неопределенности у студентов с разным уровнем креативного мышления. Результаты показали многочисленные и неоднозначные связи совладающего поведения и исследуемых характеристик в группах с разным уровнем креативного мышления. Делая выводы, мы говорим о том, что уровень креативного мышления может быть связан с продуктивными стилями совладания.

Ключевые слова: совладающее поведение, стиль совладания со стрессом, креативность, креативное мышление.

Введение.

Исследование проблем совладающего поведения актуально как существенная составляющая адаптивного поведения в связи с нестабильностью условий жизнедеятельности, существованием противоречивых тенденций социального развития и большой степенью неопределенности. В последнее время большинство исследований в области совладающего поведения направлены на выявление ресурсов личности, необходимых для оценки и поиска стилей психологического совладания, наиболее эффективных для каждой личности (Крюкова, 2013).

Способность к творчеству расширяет возможности развития личности и совершенствования любой деятельности (Д.Б. Богоявленская, Дж. Гилфорд, А.М. Матюшкин, Я.А. Пономарев, В.Д. Шадриков). Все чаще в требованиях современной социальной реальности находит отражение креативность студенчества: студенческие сообщества при учебных заведениях, создающие и предлагающие обществу новые идеи. Способность к инновациям начинает приобретать большее значение, чем репродукция готовых форм. При этом исследования в направлении изучения роли творческих способностей в повышении эффективности совладающего поведения немногочисленны и неоднозначны (Хазова, 2009).

В нашем исследовании мы опирались на концепцию креативности С. Медника. Здесь ядром креативности являются ассоциации. По Меднику, креативность – способность устанавливать отдаленные ассоциации, соответствующие условиям, или же способность соединять разрозненные ассоциативные элементы в целое. Т.е. насколько человек способен уходить от стереотипного мышления и проявлять креативность в определенных ситуациях.

В зарубежных и отечественных исследованиях совладающего поведения установлено, что факторами, влияющими на выбор стилей и стратегий совладания со стрессом, могут быть как особенности ситуации, воспринимаемый контроль над ней, так и особенности личности (Крюкова, 2013).

Поэтому в нашем исследовании мы придерживаемся следующих целей:

1. Исследовать особенности различий выбора стиля совладающего поведения у студентов с разным уровнем креативного мышления;
2. Исследовать особенности взаимосвязи стиля совладающего поведения, личностных особенностей и толерантности к неопределенности у студентов с разным уровнем креативного мышления.

Объектом исследования являются стили совладающего поведения, свойства личности, толерантность к неопределенности и креативное мышление.

Предмет исследования – взаимосвязь стиля совладания со стрессом с личностными особенностями, толерантностью к неопределенности у студентов с разным уровнем креативного мышления.

Гипотезы исследования:

1. Существуют различия в выборе стиля совладающего поведения, личностных особенностях и выраженности показателей толерантности к неопределенности у студентов с разным уровнем креативного мышления.

2. Существует взаимосвязь между выбором стиля совладающего поведения, личностными особенностями и толерантностью к неопределенности у студентов с разным уровнем креативного мышления.

Метод.

В исследовании принимали участие студенты Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета очной формы обучения с 1 по 4 курс. Общая выборка составила 62 человека. В исследовании приняли участие, прежде всего, девушки (92 % всех испытуемых), поскольку именно они составляют основной контингент педагогического университета. Возраст испытуемых – от 18 до 23 лет.

Использовались следующие психодиагностические методики: «Тест вербальной креативности» С. Медника (адаптация А.Н. Воронина), «Опросник интуитивного стиля» Эпстайна (адаптация Т.В. Корниловой), «Пятифакторный опросник личности» (Big-5) Р. МакКрае и П. Коста (адаптация А.Б. Хромова, 2000), «Шкала толерантности к неопределенности» Д. МакЛейна (MSTAT-1) (адаптация Д.А. Леонтьева), «Опросник совладающего поведения» Р. Лазаруса (адаптация Т.Л. Крюковой).

Для первичной обработки данных использовался пакет Excel 2010, далее результаты исследования обрабатывались на персональном компьютере с помощью программного пакета «STATISTICA 10.0».

Для проверки полученных данных на нормальность распределения использовались средства описательной статистики и критерий Колмогорова-Смирнова. Результат анализа показал нормальное распределение по большинству шкал, поэтому в нашем исследовании используются параметрические процедуры математической статистики: сравнительный анализ Т-критерий Ч. Стьюдента, корреляционный анализ К. Пирсона и кластерный анализ (k-means).

Результаты.

Обратимся к краткому изложению основных результатов исследования.

С помощью кластерного анализа были выделены 2 группы студентов: группа 1 – студенты с низким уровнем креативного мышления (n=37); группа 2 – студенты с высоким уровнем креативного мышления (n=25).

Далее при сравнении результатов диагностики различия в выраженности параметров стиля поведения в стрессовой ситуации, личностных особенностей, толерантности к неопределенности у студентов с разным уровнем креативного мышления, с помощью t-критерия Стьюдента были обнаружены статистически достоверные различия по двум шкалам: «поиск социальной поддержки» и «положительная переоценка».

Для определения специфики во взаимосвязях стиля поведения в стрессовой ситуации, личностных особенностях и толерантности к неопределенности в группах студентов с разным уровнем креативного мышления, был использован корреляционный анализ К. Пирсона.

Выявлено, что у студентов с относительно низким уровнем креативного мышления положительные корреляции наблюдаются между шкалами

«конфронтационный копинг» и «эмоциональность», а также шкалами «положительная переоценка» и общим уровнем «толерантности к неопределенности». Отрицательные взаимосвязи между шкалами: «дистанцирование» и «отношение к сложным задачам»; «бегство-избегание» и «предпочтение неопределенности».

Тогда как в группе студентов с высоким уровнем креативного мышления отрицательная взаимосвязь наблюдается между шкалами свойств личности: «экстраверсия», «привязанность», «экспрессивность» и шкалами поведения в стрессовых ситуациях: «самоконтроль», «планирование решения проблемы» и «бегство-избегание». Прямая корреляция между показателями «контролирование» и «конфронтационный копинг». Также обратные корреляции выявлены между показателями поведения в стрессовых ситуациях и толерантностью к неопределенности: «конфронтационный копинг» и «отношение к новизне»; «самоконтроль» и «отношение к неопределенным ситуациям». И положительная корреляция между шкалами «конфронтационный копинг», «принятие ответственности» и «отношение к сложным задачам».

Обсуждение.

Результаты проведенного нами эмпирического исследования позволяют заключить, что студенты с высоким уровнем креативного мышления в стрессовой ситуации менее склонны к поиску социальной поддержки, чем студенты с относительно низким уровнем креативного мышления. И более склонны к положительной переоценке стрессовой ситуации, чем студенты с относительно низким уровнем креативного мышления.

Респонденты с относительно низким уровнем креативного мышления не всегда способны самостоятельно справиться со стрессовой ситуацией и предпочитают прибегать к социальной поддержке со стороны родных, друзей. В то время как студенты с высоким уровнем креативного мышления способны самостоятельно найти или сгенерировать разные способы поведения для выхода из сложившейся ситуации. Таким образом, установлено, что высокий уровень креативного мышления способствует более эффективным способам совладания со стрессом, помогает рассмотреть стрессовую ситуацию с различных сторон, и таким образом найти больше возможностей для благоприятного и оптимального решения проблем. Данный факт согласуется с результатами, полученными в исследовании С.А. Хазовой. В исследованиях С.А. Хазовой показано, что высокий уровень креативности способствует совладанию и фокусирует внимание на решении проблемы, разработке идей (Хазова, 2009). Таким образом, креативность является копинг-ресурсом личности.

Кроме того, нами было показано, что в группе студентов с высоким уровнем креативного мышления наблюдается больше значимых связей стиля совладания, личностных особенностей и толерантности к неопределенности, что свидетельствует о большем разнообразии способов совладания со стрессом, и как следствие большей возможности найти оптимальный выход из ситуации.

Заключение.

В группах с разным уровнем креативного мышления были обнаружены статистически значимые различия по двум стилям совладающего поведения: «поиск социальной поддержки» и «положительная переоценка». Таким образом, гипотеза о различиях нашла свое частичное подтверждение.

Гипотеза о взаимосвязи стиля совладающего поведения с личностными особенностями, толерантностью к неопределённости у студентов с разным уровнем креативного мышления нашла свое подтверждение. В группах с разным уровнем креативного мышления наблюдаются значимые взаимосвязи. При этом в группе с высоким уровнем креативного мышления наблюдается больше значимых связей стиля совладания, личностных особенностей и толерантности к неопределенности, что свидетельствует о большем разнообразии способов совладания со стрессом, и как следствие большей возможности найти оптимальный выход из ситуации. Таким образом, креативное мышление можно назвать копинг-ресурсом личности.

В дальнейшем планируется исследование стиля совладающего поведения, личностных особенностей и толерантность к неопределенности у студентов с разным уровнем интуитивной способности. Будет ли являться интуитивная способность копинг-ресурсом личности?

Библиографический список

1. Крюкова Т.Л. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. – 2007. – № 3. – С. 93-112.
2. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы // Вестник Костромского государственного университета. – 2013. – №5. – С. 184-188.
3. Пономарев А.Я. Психология творчества: проблемы и исследования / А.Я. Пономарев, И.Н. Семенов, В.А. Елисеев // Вопросы психологии. – 1983. – №1. – С. 167-170
4. Хазова С.А. Опыт исследования роли креативности в совладающем поведении субъекта // Субъектный подход в психологии / под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. – М.: «Институт психологии РАН». 2009. – С. 421-433.

COPING STYLE AND PERSONALITY OF STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF CREATIVE THINKING

Medvedeva E.P.

Scientific supervisor: Tallibulina M.T., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The article discusses the problem of the relationship between the style of coping behavior, personal characteristics and tolerance to uncertainty among students with different levels of creative thinking. The results showed numerous and ambiguous relationships of coping behavior and the studied characteristics in groups

with different levels of creative thinking. Drawing conclusions, we say that the level of creative thinking can be associated with more productive coping styles.

Keywords: coping behavior, style of coping behavior, creativity, creative thinking.

ОСОБЕННОСТИ КОРРЕЛЯЦИОННЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ БАЗОВЫХ ЧЕРТ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОДРОСТКОВ

Меркурьева Ю.В.

Научный руководитель: Митрофанова Е.Н., к. психол. н.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье рассматривается значение базовых черт личности (экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, невротизм, открытость опыту) и межличностных отношений в подростковом возрасте. Приводятся результаты эмпирического исследования с помощью корреляционного анализа по Ч. Спирмену базовых черт личности подростков и особенностей их межличностных отношений.

Ключевые слова: базовые черты личности, «Большая пятерка», межличностные отношения, подростковый возраст.

Введение

Межличностное общение – совершенно необходимое условие жизнедеятельности людей, без него невозможно полноценное формирование личности (Ковалев, 2013). Эта социальная потребность возникает и начинает отчетливо проявляться уже с самых ранних этапов человеческой жизни. Почва для ее развития, как отмечал Л.С. Выготский (Выготский, 2004), заключается в том, что любая потребность младенца становится потребностью в другом человеке. Со временем данная потребность заставляет ребенка искать эмоциональный контакт не только со взрослыми, но и со сверстниками, с другими детьми.

В подростковом возрасте наиболее актуальным становится групповое межличностное взаимодействие, общение в компании ровесников. Степень «включенности» в группу определяет, как стиль межличностного взаимодействия, так и направленность личностного развития. Частыми причинами затруднений общения, по мнению исследователей, могут выступать индивидуально-психологические особенности общения, включая интеллектуальные, волевые, личные проявления человека (Манакова, 2019).

Напряженная обстановка в системе межличностных отношений сказывается на психологическом благополучии подростка, его самооценке и может быть причиной тревожности и дискомфорта. Такая ситуация оказывает негативное влияние на развитие личности и формирование самосознания подростка.

В связи с вышесказанным представляется важным выяснить, с какими базовыми чертами личности связаны межличностные отношения подростков. Учитывая эти данные, можно будет построить оптимальную систему взаимоотношений в группе с учетом социально-психологических особенностей ее членов и осуществить адекватную психологическую помощь по профилактике и коррекции социально-психологического климата в малых учебных группах.

Цель исследования: изучение особенностей межличностных отношений подростков в зависимости от базовых черт личности.

Гипотеза исследования: базовые черты личности подростков значимо связаны с особенностями их межличностных отношений.

Метод

В эмпирической части исследования приняли участие 65 школьников 9-ых классов в возрасте 15-16 лет, обучающиеся в МБОУ «Уинской средней общеобразовательной школе», с. Уинское Пермского края.

Для выявления базовых черт личности применялся тест «Большая пятерка» Р. МакКрае, П. Коста (в адаптации Б. Хромова). Представляет собой набор из 75 парных, противоположных по своему значению, стимульных высказываний, характеризующих поведение человека. Стимульный материал имеет пятиступенчатую оценочную шкалу Лайкерта (-2; -1; 0; 1; 2), с помощью которой измеряется степень выраженности каждого из пяти факторов (экстраверсия – интроверсия; привязанность – обособленность; самоконтроль – импульсивность; эмоциональная неустойчивость – эмоциональная устойчивость; экспрессивность – практичность) (Хромов, 2000).

Особенности межличностных отношений определялись по следующим методикам: 1) опросник К. Томаса «Стиль поведения в конфликте», который предназначен для изучения личностной предрасположенности к конфликтному поведению; 2) диагностика межличностных отношений (ДМО) Т. Лири, с помощью которой выявляется преобладающий тип отношений к людям в самооценке и взаимооценке (Бурлачук, 2003). Для определения значимых связей между показателями «базовые черты личности» и межличностных отношений подростков была использована процедура корреляционного анализа по Ч. Спирмену.

Результаты и их обсуждение

В результате проведенного корреляционного анализа были обнаружены следующие значимые корреляционные взаимосвязи.

Так, показатель «Экстраверсия – интроверсия» имеет положительные связи с показателями «Соперничество» ($r = 0,34, p < 0,01$), «Авторитарный» ($r = 0,46, p < 0,001$). Это говорит о том, чем общительнее, увереннее подросток, тем чаще он всех наставляет, поучает, во всем стремится полагаться на свое мнение, не умеет принимать советы других и чаще в конфликтной ситуации прибегает к стратегии соперничество. Возможно это связано с тем, что подростки, проявляющие соперничество чаще, встречаются с агрессией в их адрес, и тем самым проявляют более выраженную агрессивность сами.

Показатель «Привязанность – отделенность» имеет положительные связи с показателями «Приспособление» ($r = 0,36, p < 0,01$), «Дружелюбный» ($r = 0,32, p < 0,01$), «Альтруистический» ($r = 0,38, p < 0,01$). Это свидетельствует о том, что подросток, испытывающий потребность быть рядом с другими людьми, как правило, дружелюбный, умеющий сопереживать, терпимо относиться к недостаткам других людей, чаще всего прибегает к стратегии приспособление. Вероятно, это связано с тем, что такой подросток старается избегать разногласий, не любит конкуренции, умеет подбодрить и успокоить окружающих.

Показатель «Контролирование – естественность» имеет положительные связи с показателями «Авторитарный» ($r = 0,26, p < 0,05$), «Альтруистический» ($r = 0,29, p < 0,05$). Другими словами, чем больше подросток придерживается порядка, моральных принципов, настойчив в деятельности, тем чаще он уверен в себе, энергичен, компетентен, требует к себе внимание, навязчивый в своей помощи и слишком активный по отношению к окружающим. Это можно объяснить тем, что добросовестность и сознательность подростка сочетаются с хорошим самоконтролем, со стремлением к утверждению общечеловеческих ценностей.

Показатель «Повышенная эмоциональность – эмоциональная сдержанность» имеет положительные связи с показателями «Подозрительный» ($r = 0,64, p < 0,001$), «Подчиняемый» ($r = 0,38, p < 0,01$), «Альтруистический» ($r = 0,32, p < 0,01$). Это говорит о том, что чем меньше подросток способен контролировать свои эмоции и импульсивные влечения, чувствует себя беспомощными, неспособным справиться с жизненными трудностями, тем больше у него проявляется закрытость в отношениях с другими людьми, склонность уступать всем и во всем. Он не имеет собственного мнения, всегда приносит в жертву свои интересы и стремится помочь, сострадать всем. Это можно объяснить тем, что такой подросток чаще других испытывает отрицательные эмоции и переживает длительный стресс по различным поводам.

Показатель «Игривость – практичность» положительно коррелирует с показателями «Агрессивный» ($r = 0,30, p < 0,05$), «Альтруистический» ($r = 0,29, p < 0,05$). Другими словами, чем выше у подростка наблюдается легкое отношение к жизни, тем чаще он во всем стремится полагаться на свое мнение, навязчивый в своей помощи и слишком активный по отношению к окружающим.

Показатель «Экстраверсия – интроверсия» отрицательно коррелирует с такими показателями, как «Избегание» ($r = - 0,28, p < 0,05$), «Подозрительный» ($r = - 0,40, p < 0,01$), «Подчиняемый» ($r = - 0,44, p < 0,001$). То есть, чем ярче у подростка выражено отсутствие уверенности в отношении правильности своего поведения и невнимание к происходящим вокруг событиям, тем чаще он старается уходить от взаимодействия с окружающими, скептичен, разочарован в людях, всегда ставит себя на последнее место и осуждает себя, в конфликтной ситуации использует стратегию избегания. Это можно объяснить тем, что подросток озабочен своими личными проблемами и переживаниями, а не тем, что происходит вокруг него.

Показатель «Привязанность – отделенность» имеет отрицательную связь с показателями «Агрессивный» ($r = - 0,27, p < 0,05$), «Подозрительный» ($r = - 0,28, p < 0,05$). Это говорит о том, что чем больше подросток стремится к независимости и самостоятельности, тем больше он проявляет жестокость, враждебность, а также критичен по отношению ко всем социальным явлениям и окружающим людям. Возможно это связано с тем, что в данном возрасте формируется «чувство взрослости».

Заключение

Таким образом, на основе проведенного нами анализа можно сделать следующие выводы:

1. Подростки, проявляющие общительность, добросовестность, ответственность, в межличностных отношениях со сверстниками авторитарны, стремятся к альтруистическому поведению, в конфликтной ситуации имеют склонность к соперничеству.

2. Замкнутые, неуверенные в себе, неспособные контролировать свои эмоции подростки, в межличностных отношениях со сверстниками в большой степени проявляют подозрительность, подчиняемость, в конфликтной ситуации склонны к избеганию.

3. Подростки, которые производят впечатление беззаботных и безответственных, стремящихся быть независимыми и самостоятельными, в межличностных отношениях склонны к агрессивности.

4. Отзывчивые подростки, испытывающие потребность быть рядом с другими людьми, в межличностных отношениях проявляют дружелюбность, альтруистическое поведение, в конфликтной ситуации применяют стратегию приспособление.

На основании полученных данных можно предложить ряд рекомендаций педагогу-психологу и учителю по работе с подростками, направленных на улучшение социально-психологического климата в малых учебных группах:

1) необходимо ставить цели и создавать условия для организации совместной деятельности детей, информировать их о ходе реализации совместных задач, поощрять активность, инициативу, креативность;

2) привнесение общечеловеческих ценностей в жизнь классного коллектива подростков, поощрение к открытости, доброжелательности, конструктивным способам разрядки негативных эмоций (Григорьева, 2008);

3) для профилактики агрессивного поведения необходимо научить подростков навыкам позитивного общения, взаимодействия с другими членами социума, научить контролировать свои эмоции и поступки, привить умения находить альтернативные мирные пути решения конфликтов (Сторожук, 2010);

4) при работе с «закрытыми» подростками необходимо стараться привлекать их к коллективной работе в классе, обязательно хвалить и поощрять в присутствии всех, давать им поручения, для того чтобы они проявляли себя.

Для достижения данных рекомендаций можно использовать различные методы и средства: дискуссию, тренинги, арт-терапию, игры и др.

Подводя итог, следует отметить, что результаты нашего исследования дополняют и уточняют имеющиеся на сегодняшний день данные об особенностях личности и межличностных отношениях подростков. В данном исследовании была обнаружена специфика взаимосвязей между показателями базовых черт личности подростков и особенностями их межличностных отношений. Следовательно, гипотеза нашла свое подтверждение.

Библиографический список

1. Бурлачук, Л.Ф. Психодиагностика: учебник для вузов. — СПб: Питер, 2003. — 351с.
2. Выготский, Л.С. Психология развития ребенка. — М.: Изд-во. Смысл, 2004. — 512 с.
3. Григорьева, Т.Г. Основы конструктивного общения / Т.Г. Григорьева, Л.З. Линская, Т.П. Усольцева. — Новосибирск: Издательство НГУ. — М.: Совершенство, 2008. — 198 с.
4. Ковалев, Г.А. О возможностях «активной» коррекции межличностных отношений. Семья и формирование личности. — М., 2013. — 319 с.
5. Манакова, М.В. Психолого-педагогические условия развития межличностных отношений в подростковом возрасте // Проблемы современного педагогического образования. — 2019. — №62 — С. 3.
6. Сторожук, С.И. Основы психолого-педагогической коррекции агрессивных подростков // Преподаватель XXI век. — 2010. — №1.
7. Хромов, А.Б. Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. — 2000. — 23 с.

FEATURES OF CORRELATIONS OF THE MAIN CHARACTER TRAITS AND INTERPERSONAL RELATIONSHIPS OF ADOLESCENTS

Merkureva Y.V.

Scientific supervisor: Mitrofanova E.N., PhD in Psychology
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The article discusses the importance of interpersonal relationships in adolescence. The results of an empirical study of interpersonal relationships in a group of teenagers with different basic personality traits are presented.

Keywords: basic personality traits, "Big five", interpersonal relationships, adolescence.

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ УСПЕХЕ И САМОЭФФЕКТИВНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Мирхазова К.В.

Научный руководитель: Нухова М.В., к. психол. н., доцент
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа

Аннотация. В статье представлены результаты исследования динамики представлений об успехе и самооффективности в юношеском возрасте.

Ключевые слова: представления об успехе, самооффективность.

Введение.

Проблема самооффективности является на сегодняшний день достаточно актуальной и часто упоминаемой как в научной, так и в популярной психологической литературе. Предложены различные взгляды на определение понятия «самооффективность», однако единого мнения относительно данного феномена нет. Наблюдается и недостаток исследований динамики представлений о собственной успешности и самооффективности как в теоретическом, так и в эмпирическом плане.

По нашему мнению, самооффективность и представления об успехе наиболее значимы в юношеском возрасте, поскольку именно на этом возрастном этапе происходит определение с будущей профессией. Важно, чтобы девушки и юноши делали этот выбор максимально осознанно, с учетом своих реальных способностей и склонностей, что во многом зависит от того, как человек оценивает свои потенциальные возможности на успех в той или иной профессии, или насколько считает себя оффективным. Еще более значимой является проблема изучения динамики представлений об успехе и самооффективности в юношеском возрасте, поскольку полученные результаты позволяют определить, какие изменения претерпевают данные показатели от момента обучения в старших классах школы к моменту обучения на младших курсах среднего или высшего учебного заведения.

В последнее десятилетие проведено достаточно много исследований, в центре которых оказались представления об успехе и самооффективности человека (Г.Е. Гудим-Левкович, З. Зиглар, Л.И. Дементий, Г.Л. Тульчинский, Э. Фромм и др.). Согласно Л.И. Дементий, успех представляет собой многоаспектное явление, обусловленное многочисленными факторами и включающее в себя два компонента – социальные ориентиры личности и её ресурсы (Дементий, 2005). Основная особенность подхода, предложенного Г.Е. Гудим-Левкович, заключается в том, что жизненный успех разделён на личные и социальные типы (Гудим-Левкович, 2003). З. Зигларом было выделено семь компонентов, которые определяют успех человека в жизни (Зиглар, 2000). Э. Фромм подчеркивает, что для современного человека характерен рыночный тип, основная цель которого «выгодно продать себя обществу» (Фромм, 2010).

Целью нашего исследования было изучение динамики представлений об успехе и самооффективности в юношеском возрасте. Мы предположили, что представления об успехе и самооффективности на протяжении юношеского возраста претерпевают изменения: учащиеся старших классов школы и студенты младших курсов университета отличаются уровнем общей самооффективности и самооценки успешности, а также имеют различия в представлениях о том, что такое успех.

Метод.

Исследование проводилось на базе МБОУ «Лицей №96» г. Уфа, а также факультета психологии ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы» г. Уфа. В исследовании приняли участие 25 учащихся 10-11 классов лицея (16-17 лет) и 25 студентов 1-2 курса университета (19-20 лет).

Для проверки выдвинутой гипотезы в работе были использованы следующие психодиагностические методики:

1. Шкала общей самооффективности (Р. Шварцер, М. Ерусалем в адаптации В. Ромека).
2. Тест определения уровня самооффективности (Дж. Маддукс, и М. Шеер, модификация Л. Бояринцевой под руководством Р. Кричевского).
3. Методика «Определение успеха» (Д.А. Бухаленкова).
4. Методика «Исследование самооценки успешности» (Д.А. Бухаленкова).

Статистическая обработка полученных результатов осуществлялась с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни.

Результаты и их обсуждение.

По Шкале общей самооффективности (Р. Шварцер, М. Ерусалем в адаптации В. Ромека) для большинства студентов и школьников характерны следующие особенности: они редко справляются со сложными жизненными ситуациями, не верят в свои возможности при решении сложных вопросов, чаще всего не контролируют ситуацию. Выявлены значимые различия между школьниками и студентами по показателю «Общая самооффективность» ($U_{\text{эмп}}=190$, при $p=0,02$) свидетельствующие о том, что студенты в сравнении со школьниками чаще находят решение даже сложным проблемам, уверены в том, что могут справиться с трудностями, способны при необходимости держать ситуацию под контролем, при неудачной попытке решения проблемы не отступают, а, напротив, вновь стараются ее решить.

Тест определения уровня самооффективности (Дж. Маддукс, и М. Шеер, модификация Л. Бояринцевой под руководством Р. Кричевского) показал, что большинство школьников и студентов в процессе деятельности часто могут останавливаться при возникновении трудностей, не всегда доводят начатое до конца, если видят, что задание сложное, то могут и не взяться за его выполнение. При этом большинство школьников легко устанавливают контакт, заводят новых знакомых, в случае неудачной попытки общения, не прекращают его, а вновь пытаются установить контакт, уютно чувствуют себя в больших компаниях. В то время как большинство студентов время от времени избегают шумных компаний, не всегда могут первыми начать знакомство, скорее будут ждать инициативы от другого человека, у них не всегда получается установить контакт с другими людьми. Выявлены значимые различия между школьниками и студентами по показателю «Самооффективность в сфере межличностного общения» ($U_{\text{эмп}}=165$, при $p=0,00$). Школьники в сравнении со студентами чаще легко устанавливают контакт, заводят новых знакомых, в случае неудачной

попытки общения, не прекращают его, а вновь пытаются установить контакт, уютно чувствуют себя в больших компаниях.

По методике «Определение успеха» (Д.А. Бухаленкова), для большинства школьников успех – это везение, удача (средний балл 3,3), популярность в обществе (средний балл 3,3), радость (средний балл 3,1). Для большинства студентов успех – это воплощение способностей (средний балл 3,7), преодоление препятствий (средний балл 3,3), удовлетворение от результата работы (средний балл 2,9). Школьники меньше всего ассоциируют успех с признанием авторитетными людьми (средний балл 0,8). Для студентов успех в большей степени не связан с везением и удачей (средний балл 1,8). Выявлены значимые различия между школьниками и студентами: по показателям «Везение, удача» ($U_{эмп}=75,5$, при $p=0,00$), «Популярность в обществе» ($U_{эмп}=134,5$, при $p=0,00$), «Признание авторитетными людьми» ($U_{эмп}=70,5$, при $p=0,00$), «Радость» ($U_{эмп}=209$, при $p=0,05$), «Преодоление препятствий» ($U_{эмп}=56,5$, при $p=0,00$), «Воплощение способностей» ($U_{эмп}=104$, при $p=0,00$). Таким образом, между студентами и школьниками есть различия в том, каким они видят успех. Школьники в сравнении со студентами чаще ассоциируют успех с удачей и везением в каких-либо делах, с популярностью в обществе, чаще всего это друзья, с переживанием радости после какого-то события. Студенты в сравнении со школьниками чаще ассоциируют успех с тем, что их признают значимые для них авторитетные люди (друзья, преподаватели), с тем, что смогли при решении сложной проблемы преодолеть препятствия и добиться положительного результата, а также с тем, что смогли реализовать свои способности при решении жизненной задачи.

По методике «Исследование самооценки успешности» (Д.А. Бухаленкова) выявлены значимые различия между школьниками и студентами по показателю «Самооценка успешности» ($U_{эмп}=134,5$, при $p=0,00$). Студенты в сравнении со школьниками чаще отмечают свои успехи в учебе, другие достижения, ссылаясь не только на собственное мнение, но и мнение окружающих (друзья, преподаватели).

На основании результатов статистического анализа данных, мы можем заключить, что выявлены существенные различия в уровне самоэффективности и успешности школьников и студентов. Это позволяет нам говорить об определенной динамике данных показателей на протяжении от старшего школьного к студенческому возрасту.

Выводы.

Выдвинутая нами гипотеза о том, что представления об успехе и самоэффективности на протяжении юношеского возраста претерпевают изменения, нашла свое подтверждение. В частности, учащиеся старших классов школы и студенты младших курсов университета отличаются уровнем общей самоэффективности и самооценки успешности, а также имеют различия в представлениях о том, что такое успех.

Библиографический список:

1. Гудим-Левкович Г.Е. Религиозная идентичность и представления об идеальном духовном человеке, смысле жизни и жизненном успехе // Религиоведение. – 2003. – № 1. – С. 79-92.
2. Дементий Л.И. Ответственность как ресурс личности. – М.: Информ-Знание, 2005. – 188 с.
3. Зиглар З. Умение добиваться успеха для «чайников». – М.: Вильмас, 2000. – 224 с.
4. Фромм Э. Человек для самого себя. Исследование психологических проблем этики. – М.: АСТ, 2010. – 350 с.

SUCCESS REPRESENTATION DYNAMICS AND SELF-EFFICIENCY IN YOUTH

Mirkhazova K.V.

Scientific supervisor: Nuhova M.V., PhD in Psychology, docent
Bashkir State Pedagogical University, Ufa

Abstract. The article presents the results of a study of the dynamics of ideas about success and self-efficacy in adolescence.

Keywords: notions of success, self-efficacy.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВАЦИИ НОМО TECHNOLOGICUS

Найданова М.М.

Научный руководитель: Коптева Н.В., д. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить структуру психологических последствий нормативного использования технических средств (мобильного телефона и интернета) в связи с экзистенциальными мотивациями на примере выборки студентов психологического факультета. Мы опираемся на концепцию четырех фундаментальных мотиваций, разработанную А. Лэнгле и модель психологических последствий нормативного использования технических средств, разработанную В.А. Емелиным. В результате проведенного эмпирического исследования получен вывод о том, что последствия нормативного использования технических средств не отражаются на уровне выраженности экзистенциальных мотиваций, однако на фоне роста интернет-зависимости вероятно могут негативно влиять на них.

Ключевые слова: интернет-зависимость, экзистенциальные мотивации, последствия нормативного использования технических средств (мобильного телефона и интернета).

Введение. Психологов давно интересует, что движет человеком, что лежит в основе его мотивационной структуры. В прошлом веке был разработан ряд мономотивационных теорий (З. Фрейд, А. Адлер, В. Франкл). Чуть позже

отношения человека с миром начали рассматривать через систему мотиваций – появились полимотивационные теории (Г. Салливан, К. Хорни, Э. Фромм, А. Маслоу, А.Н. Леонтьев и др.). Одним из направлений психологической теории, в рамках которых изучались экзистенциальные мотивации, стал феноменологический подход. В рамках этого подхода изучалось, как экзистенциальные мотивации представлены в субъективном пространстве переживаний человека, какое влияние оказывают на его представления о себе и мире. Субъективное переживание качества собственной жизни в экзистенциальной традиции описывают термином «исполненность» (fulfilment) — чувство согласия с важнейшими аспектами бытия (В.Франкл, А.Лэнгле).

Экзистенциальная философия утверждает, что людям присуще стремление прожить хорошую жизнь. В этом контексте она изучает условия экзистенции, которые необходимы для хорошей, исполненной жизни. В отсутствии этих условий человек переживает неудовлетворенность своей жизнью и страдание.

А. Лэнгле и П. Экхардт создали тест экзистенциальных мотиваций (ТЭМ), который позволяет измерять, в какой степени человек переживает свою актуальную жизнь как исполненную или дефицитарную. Тест был разработан на базе структурной модели четырех фундаментальных мотиваций А. Лэнгле и представляет собой интегральный показатель исполненности как сумму показателей по четырем фундаментальным мотивациям.

Даная структурная модель включает в себя следующие экзистенциальные мотивации:

1. Принятие и выдерживание реальности (отношения с миром) – 1 ФМ;
2. Открытая обращенность к ценностям и отношениям (отношения с жизнью) – 2 ФМ;
3. Уважительное и справедливое обращение с собой и другими (включая отношения с собственным уникальным началом) – 3 ФМ;
4. Согласование со смыслом (отношения с будущим) – 4 ФМ.

В данном исследовании мы пытаемся выделить структуру психологических последствий использования технических средств (мобильного телефона и интернета) в связи с экзистенциальными мотивациями человека. Похожее исследование уже проводилось в ВКР Козловой Л.А. (2019), но в нем рассматривались последствия использования только одного технического средства (интернета) и проводилось на учащихся колледжа. В целом мы считаем данную область малоизученной в связи с тем, что, в отличие от активно исследуемой интернет-зависимости, психологические последствия нормативного использования Интернета изучены мало, в частности в связи с экзистенциальными мотивациями.

Гипотеза: Интернет-зависимость снижает экзистенциальные мотивации, а последствия нормативного использования интернета и мобильного телефона связаны с экзистенциальными мотивациями неоднозначно.

Предмет исследования – психологические последствия использования технических средств (мобильного телефона и интернета) в связи с экзистенциальными мотивациями студентов психологического факультета.

Методы исследования.

Участники исследования. В исследовании приняли участие 68 человек в возрасте от 18 до 25 лет. Все они являются бакалаврами и магистрантами Института Психологии в ПГГПУ. Выборка преимущественно женская.

Психодиагностический инструментарий. В исследовании использовались следующие методики:

- МИГ-ТС2 – формы для мобильного телефона и интернета – В.А. Емелина., Е.И. Рассказовой, А.Ш. Тхостов (2015) — для выявления психологических последствий нормативного использования технических средств (интернета и мобильного телефона);
- Методика измерения Интернет-зависимости С.Х. Чена (шкала CIAS) (Chen Internetaddiction Scale – CIAS (2003, Китай), адапт. В.Л. Малыгина, К.А. Флекисова (2011) для выявления интернет-зависимости;
- Тест экзистенциальных мотиваций (ТЭМ) А. Лэнгле, П. Экхардт, адапт. В.Б. Шумский, Е.М. Уколова, Е.Н. Осин, Я.Д. Лупандина (2016).

Метод анализа данных. Для выявления структуры психологических последствий использования информационных технологий (мобильного телефона и интернета) студентами и их экзистенциальных мотиваций был предпринят факторный анализ по методу главных компонент Г. Хотеллинга с последующим Varimax-вращением.

Результаты. Установлена двухфакторная структура (объяснимая дисперсия 72,4%).

Рассмотрим первый фактор ДОД 37,3%. Фактор однополюсный, ядро фактора – *изменение потребностей вследствие использования интернета* (0,870). В фактор вошли и другие последствия использования мобильного телефона: изменение потребностей (0,809), психологическая зависимость (0,735), изменение границ (0,629), и интернета: изменение психологических границ (0,487), психологическая зависимость (0,379), а так же общий CIAS балл (0,459).

Раскроем смысл показателей психологических последствий нормативного использования такого технического средства как мобильный телефон.

1. Изменение потребностей свидетельствует о том, что индивиду главное, чтобы устройство не только выполняло основные функции, но и имело определенное количество дополнительных функций. Например: выход в Интернет, наличие определенных социальных сетей, определенный интерфейс и т.д. Чем чаще человек пользуется телефоном, тем сильнее и быстрее возрастают соответствующие потребности.

2. Психологическая зависимость от телефона и интернета заключается в том, что индивиду сложно представить себя и свою жизнь без него. К этой категории относятся изменения, которые В.А. Емелин и его соавторы называют киборгизацией и инвалидизацией.

3. Изменение психологических границ означает их расширение. Метафорическая «близость» создает ощущение контроля за физически неконтролируемыми, «далекими» людьми и предметами. Проблема заключается

в том, что возможности созданного таким образом контроля частичны и нередко иллюзорны. Иными словами, расширение психологических границ чрезмерно и во многом субъективно.

Рассмотрим психологические последствия нормативного использования интернета:

1. Изменение потребностей. Технический прогресс создает новые потребности и изменяет структуру уже существующих, что легко иллюстрируется в психологии рекламы. Мобильный телефон, компьютер отчасти самостоятельно, отчасти усилиями работников в сфере рекламы приобретают дополнительные смыслы – они создают имидж человека, указывают на его социальный статус, знание техники.

2. Изменение границ Интернета указывает не только на их расширение, но и стирание. Расширение психологических границ и их размывание взаимосвязаны. В физическом мире контролируемость определяется легко проверяемыми законами, она эмпирически понятна субъекту. В мире, дополненном техническим прогрессом, контролируемость задается целой серией случайностей и принятыми в обществе конвенциями. Недоступность абонента, отсутствие ответа на электронную почту может иметь множество различных объяснений – начиная от технических проблем, заканчивая утерей технического средства, нахождением «не дома» и т.д.

3. Психологическая зависимость от Интернета характеризуется тем, что человек не может обойтись без Интернета. Он постоянно думает о том, что сейчас происходит в интернете, у него возникает ощущение, что он может что-то упустить и пропустить.

Общий CIAS-балл – интегральный показатель, являющийся суммой баллов всех шкал методики: шкалы компульсивных симптомов, шкалы симптомов отмены, шкалы толерантности, шкалы внутриличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем, и шкалы управления временем. Этот балл является общим показателем наличия интернет-зависимого поведения.

Таким образом, фактор свидетельствует о том, что чем более выражены изменения потребностей, изменения психологических границ и психологическая зависимость от использования телефона и интернета, тем более выражена интернет-зависимость.

Первый фактор можно назвать: *«Психологические последствия нормативного использования мобильного телефона и Интернета относительно автономные от характеристик экзистенции».*

Рассмотрим второй фактор ДОД 35,1%. Фактор двухполюсный, ядро фактора – *общий показатель экзистенциальных мотиваций (-0,831)*. В фактор также вошли некоторые показатели последствий нормативного использования Интернета: психологическая зависимость (0,774), изменение психологических границ (0,713), и телефона: изменение психологических границ (0,535), психологическая зависимость (0,424) и общий CIAS балл (0,712).

Раскроем смысл общего показателя экзистенциальных мотиваций. Общий показатель ТЭМ выявляет степень исполненности жизни личности, ее согласия

в отношении проживания четырех тем экзистенции: фундаментального доверия, фундаментальной ценности, самооценности и смысла жизни. Он также показывает степень свободы и ответственности человека при принятии решений и в обращении с данностями мира.

Таким образом, фактор свидетельствует о том, что показатель общей экзистенциальной мотивации снижается с ростом общего CIAS балла, психологической зависимости от интернета и телефона и изменения психологических границ вследствие использования интернета и телефона.

Второй фактор можно назвать: *«Психологические последствия нормативного использования мобильного телефона и Интернета на фоне выраженной интернет-зависимости, снижающие экзистенциальную исполненность».*

Таким образом, в ходе факторного анализа выделились два фактора. В первом доминируют психологические последствия нормативного использования технических средств (мобильного телефона и Интернета) вне связи с экзистенциальными мотивациями. Во втором факторе психологическая зависимость и изменение психологических границ вследствие нормативного использования мобильного телефона и интернета на фоне высоких показателей интернет-зависимости снижают уровень экзистенциальных мотиваций.

Выводы. Выдвинутая гипотеза нашла поддержку. Преобладание нормативного использования интернета и мобильного телефона, не отражается на экзистенциальных мотивациях, а интернет-зависимость вместе с рядом последствий «нормативного» использования снижает уровень экзистенции как «хорошей жизни».

Библиографический список

1. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Разработка и апробация методики оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами (МИГ-ТС) // Психологические исследования. – 2012. - № 2(22). – С. 5.
2. Емелин В.А. Технологии как фактор трансформации идентичности: становление НОМО TECHNOLOGICUS // Национальный психологический журнал. – 2016. - № 1(21). – С. 9-18.
3. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики (учеб.пособие) / сост. В.Л. Малыгин, К.А. Феклисов, А.С. Искандирова, А.А. Антоненко, Е.А. Смирнова, Н.С. Хомерики. – М., МГМСУ, 2011. – 32 с.
4. Шумский В.Б., Уколова Е.М., Осин Е.Н., Лупандина Я.Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – Т. 13. - №4. – С. 763-788.

EXISTENTIAL MOTIVATIONS HOMO TECHNOLOGICUS

Naydanova M.M.

Scientific adviser: Kopteva N.V., Doctor of Psychology, Professor, Department of Practical Psychology.

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm

Annotation. This article attempts to identify the structure of the psychological consequences of the normative use of technical means (mobile phone and the Internet) in connection with existential motivations using an example of a sample of students of the psychological faculty. In our work, we rely on the structure of four fundamental motivations developed by A. Langle and the structure of the psychological consequences of the normative use of technical means developed by V.A. Emelin. As a result of the study, we came to the conclusion that the normative use of technical means may not affect existential motivations, but may negatively affect them against the background of Internet addiction.

Keywords: Internet addiction, existential motivation, consequences of the normative use of technical means (mobile phone and the Internet).

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЗАИМОСВЯЗИ КРЕАТИВНОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ У ЮНОШЕЙ (НА ВЫБОРКАХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ И РУССКИХ)

Ососова А.А.

Научный руководитель: Вихман А.А., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье описывается этнический аспект особенностей взаимосвязи креативности и социально-психологической адаптации. Научная новизна исследования заключается в акценте на этнические характеристики в выявлении связи между креативностью и социально-психологической адаптации. Основное внимание уделяется выявлению общих и специфических свойств креативности и социально-психологической адаптации у русских студентов и студентов коми-пермяков. В результате показатели креативности и социально-психологической адаптации студентов коми-пермяков и студентов русских в зависимости от принадлежности к разным этническим группам имеют значимые различия по степени выраженности изучаемых показателей и корреляционных связей между ними.

Ключевые понятия: креативность, социально-психологическая адаптация, способность, этнический аспект.

Изучению креативности и социально-психологической адаптации в связи с этническими аспектами уделяется мало внимания. Чаще в исследованиях можно увидеть связь креативности с этничностью, либо связь адаптации с особенностями этнического самосознания. Так, например, Е.Е. Будалина в своем исследовании рассматривает динамику психологической адаптации удмуртов и

коми-пермяков к иной социокультурной среде (Будалина, 2004). А в работе Н.Н. Поповой представлен факторный анализ кросскультурного исследования этнических особенностей креативности и выявлена взаимосвязь между этническими характеристиками респондентов и их показателями креативности (Попова, 2009).

В психологии есть много эмпирических исследований, направленных на изучение психологических особенностей коми-пермяков. О.С. Самбикина в своем исследовании отразила этнопсихологические особенности ценностных ориентаций подростков и взаимодействия между родителями и детьми в русских и коми-пермяцких семьях (Вяткин, 2017). А.А. Краузе совместно с А.В. Епановым в своем исследовании изучили специфику этнической идентичности коми-пермяков. В результате, природа признается коми-пермяками основным индексом этнической идентичности, в котором очерчены территориальные, конституционно-правовые, бытовые, социальные, эмоциональные, духовные смыслы коми-пермяцкого этнического дискурса (Краузе, Епанов, 2013).

По данным последней переписи населения в Пермском крае проживает 2635,3 тыс. человек, представляющих 126 национальностей. Третье место занимают коми-пермяки (3,2%). В связи с этим, к числу актуальных и приоритетных проблем на сегодняшний день относится кросскультурное исследование, направленное на изучение особенностей взаимосвязи социально-психологической адаптации и креативности (Вяткин, Хотинец, 1996) у юношей на выборках коми-пермяков и русских. В данной статье освещены результаты исследования, касающиеся изучения взаимосвязи креативности и социально-психологической адаптации у коми-пермяков и русских.

Гипотезы исследования:

- Взаимосвязи креативности и социально-психологической адаптации опосредуются этническими особенностями
- Взаимосвязи креативности и социально-психологической адаптации не опосредуются этническими особенностями

Метод.

Участники исследования: в исследовании приняло участие 60 студентов первого курса – девушек в возрасте от 18 до 19 лет. 30 русских студентов и 30 студентов коми-пермяков.

Опрос испытуемых проводился с помощью опроса в Google Форме. После чего результаты обрабатывались в Microsoft Excel.

Исследование проводилось в несколько этапов:

1. На первом этапе осуществлялся подбор диагностического инструментария, измеряющего особенности креативности и социально-психологической адаптации студентов ВУЗов и СПО.

2. На втором этапе полученные данные были подвергнуты статистической обработке в программе Statistica версии 10.0 для персонального компьютера с помощью корреляционного анализа Пирсона и t-критериального анализа Стьюдента.

3. На третьем этапе исследования, полученные при статистической обработке данные, были проинтерпретированы, на основе чего были сформулированы выводы.

Психодиагностический инструментарий. Для достижения цели и задач исследования были использованы следующие психодиагностические методики:

1. Методика диагностики личностной креативности (Е.Е. Туник)

2. Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда (SPA) в адаптации А.К. Осницкого (Фетискин, 2002)

Результаты.

Из полученных данных мы можем заметить, что у студентов коми-пермячков существуют значимые различия по одному показателю методики личностной креативности (Е.Е. Туник) любознательность ($p < 0,05$), а так же по одному показателю методики диагностики социально-психологической (К. Роджерса и Р. Даймонда (SPA), в адаптации А.К. Осницкого) самопринятие ($p < 0,05$).

В других показателях креативности и социально-психологической адаптации не выявлены существенные различия, что свидетельствует о том, что студенты, независимо от принадлежности к разным этническим группам, имеют схожие результаты по оставшимся шкалам.

В результате сравнения характера взаимосвязей между параметрами креативности и социально-психологической адаптации у русских студентов не были обнаружены значимые взаимосвязи. Для русских студентов уровень креативности не имеет взаимной связи с уровнем социально-психологической адаптации. Можно предположить, что комплекс этнических особенностей русских в большей степени не влияет на социально-психологическую адаптацию. А так же, уровень социально-психологической адаптации не способствует повышению или снижению уровня креативности.

В свою очередь, у студентов коми-пермячков наблюдаются три значимые взаимные связи между показателями креативности и социально-психологической адаптации. Критерий креативности «воображение» имеет отрицательную связь с показателем социально-психологической адаптации «Эмоциональная комфорт», критерий креативности «Воображение» имеет отрицательную связь с показателем «Стремление к доминированию» социально-психологической адаптации, а так же положительную связь имеет критерий креативности «Сложность» с показателем социально-психологической адаптации «Адаптация»

Обсуждение. Анализируя выявленные взаимосвязи характеристик креативности и социально-психологической адаптации у коми-пермячков, необходимо отметить, что интерес к сложным явлениям, желание самостоятельно решать трудные задачи, проявлять настойчивость в достижении цели оказывают положительное воздействие на приспособление человека к существованию в обществе в соответствии с требованиями этого общества и с собственными потребностями, мотивами и интересами, что, безусловно, активизирует адаптационный потенциал личности коми-пермячков.

Помимо этого выявлены и отрицательные взаимосвязи: например, фактор личностной креативности «воображение» имеет отрицательные связи с интегральными характеристиками социально-психологической адаптации «Интернальность» и «Стремление к доминированию». В данном случае высокий творческий потенциал личности снижает риск дезадаптации, неудовлетворённости индивида своими личностными чертами, исключает эмоциональный дискомфорт и связанные с этим эмоциональные переживания, позволяет быстро и эффективно разрешать возникающие проблемы, способствует улучшению взаимоотношений с окружающими, снижая барьеры в общении и т.д.

Исходя из полученных результатов, проблемы воспитания и образования детей побуждают к разработке новых технологий социализации и адаптации коми-пермяков и русских, вооружая их гибкими стратегиями саморазвития личности, развития рефлексивного и критического мышления по отношению к внешним воздействиям, развития креативных черт личности, с использованием доступных и надежных для представителей той или иной этнической общности «культурных средств» (Хотинец, 2011). Полученные результаты могут быть использованы в ходе разработки психологических технологий, включающих в себя алгоритмы успешной адаптации растущего человека, с помощью развития креативных черт личности.

Заключение.

Данная работа, согласно целям и задачам исследования, была направлена на изучение взаимосвязи креативности и социально-психологической адаптации в связи с принадлежностью к разным этническим группам (коми-пермяки, русские) в возрасте 18-19 лет. В научных трудах имеются различные результаты исследований, связанных с выявлением взаимосвязи креативности и социально-психологической адаптации, но все эти работы не имеют этнического аспекта.

По результатам нашего исследования нам удалось полноценно подтвердить выдвигаемую гипотезу. Взаимосвязь между креативностью и социально-психологической адаптацией и ее специфика были обнаружены. А так же имеются значимые различия между ними по показателям уровня креативности (у студентов коми-пермяков выше) и показателям социально-психологической адаптацией.

Таким образом, в заключение можно сказать, что показатели креативности и социально-психологической адаптации студентов коми-пермяков и студентов русских в зависимости от принадлежности к разным этническим группам имеют значимые различия по степени выраженности изучаемых показателей и корреляционных связей между ними.

Библиографический список

1. Будалина Е.Е. Психологическая адаптация к иной социокультурной среде (на материале исследования удмуртского и коми-пермяцкого этносов): Дис. ... канд. психол. наук. – Ижевск, 2004 – 96 с.

2. Вяткин Б.А., Хотинец В.Ю. Этническое самосознание как фактор развития индивидуальности // Психол. журнал. – 1996. – Т. 17. - № 5.

3. Краузе А.А., Епанов А.В. Специфика этнической идентичности на примере коми-пермяков, проживающих в городе Кудымкаре Пермского края // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия №3. Гуманитарные и общественные науки. Вып. 2: Исследование региональной идентичности в этническом, религиозном, политическом и культурном контекстах: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (28 ноября 2013 г., г. Пермь, Россия). – Пермь, ПГГПУ, 2013. – С. 93-97.

4. Попова Н.Н. Взаимодействие этнических и личностных особенностей как факторов креативности. // Вестник ЧитГУ. – 2009. – №2. – С. 43-48.

5. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М., изд-во Института Психотерапии, 2002. – 43 с.

6. Хотинец В.Ю. Развитие поликультурной компетентности старшеклассников в ходе проектно-исследовательской деятельности // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2011. – №5. – С. 43-47.

7. Этнопсихологические особенности семейного воспитания коренных народов Урала / Б.А. Вяткин, В.В. Попова, О.С. Самбикина, В.Ю. Хотинец // XXXII Мерлинские чтения: Способности. Одаренность. Индивидуальность: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (20–21 октября 2017 г., г. Пермь, Россия) / ред. кол.: А.А. Вихман, А.Ю. Калугин; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2017. – С. 67-69.

ETHNIC ASPECT ON THE RELATIONSHIP BETWEEN CREATIVITY AND SOCIAL- PSYCHOLOGICAL ADAPTATION IN YOUNG MEN (ON SAMPLES OF KOMI-PERMYAKS AND RUSSIANS)

Ososova A.A.

Scientific adviser: Vihman A.A., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The article describes the ethnic aspect of the relationship between creativity and socio-psychological adaptation. The scientific novelty of the research lies in the emphasis on ethnic characteristics in identifying the relationship between creativity and socio-psychological adaptation. The main attention is paid to the identification of General and specific properties of creativity and socio-psychological adaptation in Russian and Permian students.

As a result, the indicators of creativity and socio-psychological adaptation of Komi-Permian and Russian students, depending on their belonging to different ethnic groups, have significant differences in the degree of severity of the studied indicators and correlations between them.

Keywords: creativity, socio-psychological adaptation, ability, ethnic aspect.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБНОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ С ЛИЧНОСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Паниных Г.В.

Научный руководитель: Ротманова Н.В., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. Исследование посвящено изучению гендерных особенностей взаимосвязи копинг-стратегий с личностными характеристиками старшеклассников. Эмпирическая часть работы проведена с помощью методики «Индикатор копинг-стратегий», копинг-теста Р. Лазаруса, Фрайбургского личностного опросника и опросника В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» («СПП-98»). Проведена систематизация подходов к определению терминов, теоретический анализ концепций структуры феномена и методик его оценки.

Ключевые слова: гендерные особенности; копинг-стратегии; личностные характеристики; старшеклассники.

Проблема, связанная с копинг-стратегиями как системой устойчивых характеристик личности, позволяющих справиться со сложными жизненными ситуациями и стрессом, в последнее время привлекает к себе все больше внимания и требует дальнейшего изучения. Учебная деятельность старшеклассников предполагает немало стрессовых ситуаций: новая социальная ситуация, новые условия и социальная роль, возможная смена места жительства и сложная в эмоциональном плане ситуация экзаменов. Наличием названных явлений обусловлена актуальность данного исследования.

Новизна исследования заключается в том, что на данный момент разработка проблемы, связанной с совладающим поведением, ведется активно, но что касается юношей и девушек старшего школьного возраста и взаимосвязи личностных характеристик, то эта сторона вопроса мало изучена и требует дальнейшего раскрытия, что представило для нас немалый интерес.

Гипотеза исследования: мы предполагаем, что сложившиеся различные копинг-стратегии у старшеклассников по-разному связаны с их личностными свойствами, саморегуляцией, конфликтностью в ситуации повседневной жизни и учебной деятельности, а именно:

- 1) половые различия проявляются в стратегиях совладающего поведения и личностных свойствах;
- 2) структура взаимосвязей копинг-стратегий у юношей и девушек отличается;
- 3) существуют различия в стратегиях совладающего поведения и личностных свойствах у групп с разным уровнем фемининности-маскулинности;
- 4) существуют различия в группах юношей и девушек, отличающихся по уровню фемининности-маскулинности.

Задачи:

1. Провести анализ литературных данных по проблеме исследования.
2. Подобрать методы и методики исследования.
3. Провести диагностику в исследуемой группе и статистическую обработку полученных данных.
4. Выявить сходства и различия в изучаемых параметрах в выборках юношей и девушек.

В нашем исследовании мы изучали копинг-стратегии и их связь с личностными свойствами, а именно с саморегуляцией и конфликтностью у обучающихся старшего школьного возраста в повседневной учебной деятельности.

Цель исследования: выявить гендерные особенности взаимосвязи копинг-стратегий с личностными характеристиками старшеклассников

Описание выборки:

Исследование проводилось на базе МАОУ «Экономическая школа №145» г. Перми в параллели десятых и одиннадцатых классов. Исследование проводилось в ноябре-декабре 2019 г. Выборка составила 70 человек, из них 27 – юноши, 43 – девушки.

В соответствии с целью и задачами исследования использовались следующие методики:

1. Методика «Индикатор копинг-стратегий» (Д. Амирхан).
2. Копинг-тест Р. Лазаруса.
3. Фрайбургский личностный опросник.
4. Методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса.
5. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» («ССП - 98»).

После обработки результатов исследования нами были получены следующие данные. В стратегиях совладающего поведения обнаружены половые различия и было выявлено три значимых различия между юношами и девушками в показателях совладающего поведения по шкалам: поиск социальной поддержки, разрешение проблем и избегание. Эти характеристики более выражены у девушек и проявляются в том, что в случае возникновения стрессовой ситуации девушки склонны в большей степени обращаться к другим людям за информационной, эмоциональной и деловой поддержкой, стремятся к уходу от проблемы, отстранению и отвлечению от нее, но при этом ориентированы на поиск решения. Наибольшие различия в средних значениях наблюдаются по показателю поиск социальной поддержки, что позволяет предполагать, что обращение к другим в наибольшей степени будет выражено как доминирующая стратегия совладания со стрессом.

Проведенный статистический анализ позволил установить, что в свойствах личности существуют различия между юношами и девушками по пяти характеристикам: невротичность, депрессивность, застенчивость, эмоциональная неустойчивость и маскулинность. При этом все личностные

свойства в большей степени выражены у девушек, чем у юношей, за исключением маскулинности.

Для установления взаимосвязей стратегий совладающего поведения и личностных свойств использовался корреляционный анализ по Пирсону. Следующим этапом нашей работы была проверка гипотез о том, что существует специфика в проявлении стратегий совладающего поведения и их взаимосвязях со свойствами личности и особенностями саморегуляции. Для выделения групп с различным уровнем фемининности-маскулинности использовался кластерный анализ по переменной «фемининность-маскулинность», метод К-средних (K-means). В результате анализа было выделено два кластера: фемининный и маскулинный. Различия по личностным свойствам между фемининными и маскулинными более явные, что подтверждается в литературе. Так выявлено, что фемининные испытуемые более невротичны, депрессивны, эмоционально неустойчивы и застенчивы, т.е. склонны к частой смене эмоций, переживанию бурных и негативных эмоций. При этом они характеризуются замкнутостью, отстраненностью от окружающих, чувствуют скованность в социальных контактах. Вывод, который можно сделать на основе этих данных, таков, что различия по психологическому полу проявляются прежде всего в личностных свойствах, а не в стратегиях совладающего поведения.

Для выявления значимых различий в группах фемининных и маскулинных юношей и девушек использовался t-критерий Стьюдента. В результате были обнаружены следующие различия между фемининными и маскулинными юношами: между фемининными и маскулинными юношами обнаружены различия по следующим показателям: поиск социальной поддержки, конфронтация, дистанцирование и бегство. Фемининные и маскулинные девушки отличаются друг от друга по показателям: бегство, конфронтация и положительная переоценка.

В целом можно утверждать, что фемининные девушки в ситуации стресса в большей степени проявляют стратегии ухода, а маскулинные девушки ориентированы на адекватную оценку проблемы и планирование ее решения. Независимо от психологического пола и фемининные и маскулинные девушки обращаются к помощи других в решении проблем. Маскулинные юноши больше склонны к активному решению проблем, но, в отличие от маскулинных девушек, меньше оценивают, анализируют и продумывают решение проблемы.

Выводы.

1. Половые различия в стратегиях совладающего поведения проявляются в том, что в случае возникновения стрессовой ситуации девушки склонны в большей степени обращаться к другим людям за информационной, эмоциональной и деловой поддержкой, стремятся к уходу от проблемы, отстранению и отвлечению от нее, но при этом ориентированы на поиск решения. Это подтверждает первую гипотезу. Сопоставляя результаты сравнительного анализа по характеристикам совладающего поведения и личностным свойствам у юношей и девушек, можно предполагать, что проявление личностной тревожности, депрессивности и эмоциональности

приводят к тому, что наиболее эффективной является стратегия совладания со стрессом – обращение за поддержкой.

2. Сходными в выборах юношей и девушек являются следующие взаимосвязи показателей совладающего поведения: самоконтроль и принятие ответственности, а также поиск социальной поддержки и принятие ответственности. Можно утверждать, что данные связи являются общими, т.е. независимыми от пола. Таким образом, получается, что взаимосвязи показателей совладающего поведения у юношей описывают общие характеристики реагирования на стресс, а у девушек структура взаимосвязей показателей совладающего поведения характеризуется тем, что показатели самоконтроля, положительной переоценки и планирования решения составляют центр структуры копинг-поведения. Это подтверждает вторую гипотезу.

3. Взаимосвязи личностных свойств и копинг-стратегий у девушек и юношей различаются в том, что личностные свойства у девушек в большей степени взаимосвязаны с особенностями поведения в стрессе, в отличие от юношей. Сходная ситуация обнаруживается и для взаимосвязей показателей саморегуляции и совладающего поведения.

4. Различия по психологическому полу проявились прежде всего в личностных свойствах, а не в стратегиях совладающего поведения. Выявлено, что фемининные испытуемые более невротичны, депрессивны, эмоционально неустойчивы и застенчивы, характеризуются замкнутостью, отстраненностью от окружающих, чувствуют скованность в социальных контактах. Это позволяет говорить, что третья гипотеза не нашла своего подтверждения.

5. Внутригрупповые различия проявились в том, что, независимо от психологического пола, и фемининные и маскулинные девушки обращаются к помощи других в решении проблем. Фемининные девушки в ситуации стресса в большей степени проявляют стратегии ухода, а маскулинные девушки ориентированы на адекватную оценку проблемы и планирование ее решения. Маскулинные юноши больше склонны к активному решению проблем, а фемининные юноши обладают наиболее низкими значениями показателей совладающего поведения. Это подтверждает четвертую гипотезу.

Библиографический список

1. Дементий Л.И. К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии. – 2004. – № 3. – С. 20-25.

2. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. – Кострома: Авантитул, 2007.– 64 с.

3. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. - № 5. – С. 20-30.

4. Хекхаузен Х. Личностные и ситуационные подходы к объяснению поведения. – СПб: Питер, 2001. – 263 с.

GENDER PECULIARITIES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN COPING STRATEGIES AND PERSONAL CHARACTERISTICS OF HIGH SCHOOL STUDENTS.

Paninyh G.V.

Scientific supervisor: Rotmanova N.V., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The research is devoted to the study of gender characteristics of the relationship between coping strategies and personal characteristics of high school students. The empirical part of the work carried out using Medici "Indicator coping strategies", the coping test R. Lazarus, Freiburg personal questionnaire and questionnaire V. I. Morosanova "style of self-regulation of behavior»("SPP-98"). The systematization of approaches to the definition of terms, theoretical analysis of the concepts of the structure of the phenomenon and methods of its evaluation.

Key words: gender peculiarities, coping strategies, personal characteristics , high school students.

МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Перебатова В.А.

Научный руководитель: Митрофанова Е.Н., к. психол. н.
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме педагогической психологии, изучению особенностей мотивационной сферы детей младшего школьного возраста. Мотивация обучения в начальных классах неоднородна и может включать в себя ряд смежных мотивов. Эти мотивы переплетаются, дополняют друг друга, находятся в определенном соотношении между собой. Представленный анализ дает возможность сделать вывод об особенностях мотивационной сферы обучающихся начальных классов сельской школы. Мотивация во многом определяет успешность освоения ребенком школьной программы, может становиться причиной тревожности. Педагогам необходимо строить учебный процесс так, чтобы обучающийся «видел» свое движение вперед, свое ежедневное обогащение знаниями, умениями.

Ключевые слова: мотивация, мотивационная сфера младших школьников, познавательные мотивы, социальные мотивы, позиционные мотивы.

Введение.

Актуальность темы подтверждается тем, что в новом Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования устанавливаются требования к образовательным результатам обучающихся, говорится о том, что одним из личностных результатов обучения является

сформированность мотивации к обучению и познанию. Исходным звеном учения являются мотивы учения. Необходимо понять, что такое мотивационная сфера, как она проявляется в младшем школьном возрасте? Какие мотивы доминируют, движут ребенком, чтобы достичь результатов учения?

Цель работы: изучение особенностей мотивационной сферы детей младшего школьного возраста.

Гипотеза исследования: мотивационная сфера младших школьников разнообразна. Мотивация обучения в начальных классах не однородна и может включать в себя ряд смежных мотивов (игровой, социальный и др.).

Особенности выборки.

Исследование проводилось на базе Хохловского филиала МАОУ «Кондратовская средняя школа». В исследовании принимали участие обучающиеся 1-4-х классов сельской школы в количестве 40 человек (20 девочек и 20 мальчиков).

Для исследования уровня школьной мотивации использовалась методика «Изучение мотивации обучения у младших школьников». Методика разработана в 1988 г. М.Р. Гинзбург, экспериментальные материалы и система оценок – в 1993 г. И.Ю. Пахомовой и Р.В. Овчаровой (Эльконин, Венгер, 1988).

Все полученные данные исследования были подвергнуты статистической обработке с использованием непараметрического критерия Манна – Уитни (U-критерий) для изучения различий учебной мотивации у младших школьников разных классов.

Описание результатов исследования.

Предварительно укажем на то, что для данной выборки характерно полное отсутствие внешнего мотива учебной деятельности.

Итак, в данной выборке общий мотив учения от первого ко второму классу остается на одном и том же высоком уровне. Далее наблюдается резкий спад учебной мотивации в третьем классе по сравнению с уровнем учебного мотива во втором классе ($p \leq 0,03$). Далее в данной выборке мотивация четвероклассников начинает расти по сравнению с третьим классом ($p \leq 0,05$) и становится выше уровня мотивации 1–2 классов. Мы считаем, что это может быть объяснено тем, что стиль руководства данным 4-м классом – демократический, учебная мотивация развивается при относительно высокой успешности учения (Гани, 2009).

Итак, учебный мотив третьеклассников по проективному тесту гораздо ниже, чем в остальной младшей школе. Особенно сильно он отличается от уровня учебной мотивации 1-2 и 4 классов.

К третьему классу по сравнению со вторым повышается уровень социальной мотивированности учения ($p \leq 0,10$). Это означает, что у школьников возникает собственная сфера жизни, появляется особенный интерес к мнению товарищей. Велико значение мотивов осознания социальной необходимости, долга и ответственности.

К 4-му классу снижается мотивация обучения отметкой, по сравнению с остальными классами начальной школы ($p \leq 0,10$). Это может быть объяснено

тем, что у детей начинает складываться ориентация на собственно познавательный процесс (Гани, 2009).

Важно отметить, что игровой мотив как составная часть мотивации обучения сохраняется на высоком уровне на протяжении всего школьного детства, что в целом подтверждается многочисленными исследованиями (Дементьева, 2017, Крылова, 2016).

Позиционный мотив актуален только для учащихся 1 и 2 классов, в 3х и 4-х классах данный мотив становится неактуальным. Скорее всего, это связано с завершением формирования учеников как коллектива, малой группы.

Выводы

1. Для данной выборки характерно полное отсутствие внешнего мотива учебной деятельности.

2. Игровой мотив не теряет своей актуальности на протяжении всего младшего школьного детства.

3. К третьему классу по сравнению со вторым повышается уровень социальной мотивированности учения.

4. Позиционный мотив обучения характерен только для 1-2-классников.

5. К 4-му классу снижается мотивация обучения отметкой, по сравнению с остальными классами начальной школы

6. В целом мы можем наблюдать развитие мотивационной сферы младших школьников от высокого учебного мотива 1-2 классов к снижению в третьем классе и повышению мотивации к 4-му.

7. В рамках ведущей деятельности развиваются мотивационные аспекты личности младших школьников.

Гипотеза исследования подтвердилась. Мотивационная сфера младших школьников разнообразна. Мотивация обучения в начальных классах не однородна. Она может включать в себя ряд смежных мотивов (игровой, социальный, позиционный и др.), которые переплетаются, дополняют друг друга, находятся в определенном соотношении между собой. Важно строить учебный процесс так, чтобы обучающийся с самого первого дня учения в школе «видел» свое движение вперед, свое ежедневное обогащение знаниями, умениями, свое движение от незнания к знанию.

Библиографический список

1. Гани С.В. Развитие мотивации в младшем школьном возрасте: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. – М., 2009. – 26 с.

2. Дементьева Е.А. Развитие положительной мотивации учения младших школьников посредством интеллектуальных игр [Электронный ресурс] // Школьная педагогика. – 2017. – № 1 (8). – С. 23-26. URL: <https://moluch.ru/th/2/archive/53/2002/>

3. Крылова Д.А. Учебная мотивация младших школьников / Д. А. Крылова [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2016. – № 23 (127). – С. 437-439. URL: <https://moluch.ru/archive/127/35135/>

4. Особенности психологического развития детей 6-7-летнего возраста /

под ред. Д.Б. Эльконина, А.Л. Венгера. — М.: Педагогика, 1988. — 140 с.

MOTIVATIONAL SPHERE OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Perebatova V.A.

Scientific supervisor: Mitrofanova E.N., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The article is devoted to the actual problem of pedagogical psychology, the study of the features of the motivational sphere of children of primary school age. The motivation for learning in primary classes is not uniform and may include a number of related motives. These motives are intertwined, complement each other, and are in a certain relationship with each other. The presented analysis makes it possible to draw a conclusion about the features of the motivational sphere of primary school students in rural schools. Motivation in many ways determines the success of a child's school curriculum, and becomes a cause of anxiety. Teachers need to build the learning process so that the student «sees» their progress, their daily enrichment of knowledge and skills.

Keywords: motivation, motivational sphere of primary school children, cognitive motives, social motives, positional motives.

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ НОМО TECHNOLOGICUS

Пескишева А.В.

Научный руководитель: Коптева Н.В., д. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. Феномен жизнестойкости, концептуализированный С.Мадди, в отечественной психологии представлен в отечественной психологии в плане критики, в общепсихологическом плане, возрастных аспектах и т.д. Однако, поскольку сегодня природа человека определяется не только биологическими и социальными, но и технологическими факторами, возникает вопрос о связи жизнестойкости с последствиями применения информационных технологий. Причем не с достаточно хорошо изученной интернет-зависимостью, а в первую очередь с последствиями нормативного применения технических средств. В статье эмпирически установлено, что «обычная» психологическая зависимость, отягощенная интернет-зависимостью, снижает жизнестойкость, в то время как изменение потребностей и психологических границ автономны от нее.

Ключевые слова: жизнестойкость, Интернет-зависимость, последствия нормативного использования технических средств (Интернет и мобильный телефон).

Постановка проблемы. Жизнестойкость на сегодняшний день является одним из самых популярных в психологии конструктов. Жизнестойкость соотносят с психологическим здоровьем личности, его рассматривают как один

из факторов снижения негативных последствий стрессоров для физического и психологического здоровья личности. Понятие жизнестойкости в психологической науке является относительно новым, впервые его ввели американские психологи Сьюзен Кобейс и Сальвадор Мадди. Они разработали модель жизнестойкости (hardiness), которая включала «убеждения человека, которые позволяют ему оставаться активным и препятствуют негативным последствиям стресса (Леонтьев, Рассказова, 2011). С. Мадди выделил три компонента жизнестойкости:

- вовлеченность (commitment) как «убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности»;
- контроль (control) как убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован;
- принятие риска (challenge) как убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет опыта, как позитивного, так и негативного.

В отечественной психологии к концепции С. Мадди обращались Д.А. Леонтьев (2002), в плане критики А.Н. Кричевец, М.В. Солодушкина (2014), Д.Н. Сотниченко (в общепсихологическом плане, 2009), М.Ю. Кузьмин (в связи с кризисом идентичности, 2012), Е.И. Рассказова (2005) и Р.И. Стецишин (как личностно-психический ресурс, лежащий в основе мотивационной направленности, 2008). Жизнестойкость в студенческом возрасте изучали М.В. Логинова (2010), Е.Н. Митрофанова (2019) и другие. При этом мы не нашли исследований, в которых жизнестойкость соотносится с такой важной составляющей жизни человека, как технические средства и информационные технологии. В Институте психологии была защищена ВКР Т.В. Поповой, в которой среди экзистенциальных характеристик психологического здоровья студенчества жизнестойкость изучалась в связи с выраженностью интернет-зависимости (2016). Но поскольку информационные технологии стали частью жизни почти каждого человека, природа которого определяется уже не столько биологическими и даже социальными факторами – В.А. Емелин (2016) определяет его как НОМО TECHNOLOGICUS – гораздо больший интерес представляет связь жизнестойкости с последствиями их нормативного использования. Она является предметом настоящего исследования.

Его **гипотеза** заключается в предположении о том, что в отличие от Интернет-зависимости, предполагающей снижение жизнестойкости и ее характеристик, неоднозначные по своему смыслу последствия нормативного использования технических средств (Интернета и мобильного телефона) могут быть как связаны с ней (положительно или отрицательно), так и не связаны.

Целью исследования было выявление взаимосвязи психологических последствий нормативного использования технических средств и жизнестойкостью студентов факультета психологии ПГГПУ.

Методы исследования.

Для выявления психологических последствий нормативного использования информационных технологий была использована методика оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами («МИГ-ТС-2») В.А. Емелина, Е.И. Рассказовой, А.Ш. Тхостова, формы для Интернета и мобильного телефона (2015).

Для выявления интернет-зависимого поведения – Шкала интернет-зависимости S.H. Chen «Chen Internetaddiction Scale – CIAS» (2003) в адаптации В.Л. Малыгина, К.А. Феклисовой (2011).

Для изучения уровня жизнестойкости – методика диагностики жизнестойкости С. Мадди «Hardiness Survey» (Maddi, Kobasa, 1984) в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой.

Описание выборки испытуемых. Исследование проводилось в 2020 году, на выборке 68 человек в возрасте 19-25 лет, студентов психологического факультета.

Результаты исследования. В результате факторного анализа интегральных показателей приведенных выше методик выявилась структура, состоящая из двух факторов, ДОД 72,7%.

В первый двухполюсный фактор ДОД 38,5%. на одном полюсе представлен показатель *жизнестойкости* (-0,839), он же является ядром фактора. На противоположном полюсе находятся показатели *психологической зависимости* при нормативном использовании Интернета (0,828) и мобильного телефона (0,429), *психологических границ* обоих технических средств, соответственно (0,751) и (0,588), а также *общий CIAS балл* (0,737). Дадим описание шкал:

Психологическая зависимость показывает субъективное представление о возможности или невозможности отказа от технического средства, а также признаки психологической зависимости – чрезмерное использование технического средства и другие. А, в отличие от интернет-зависимости, она имеет просто меньше симптомов.

Изменение психологических границ показывает субъективную необходимость доступности других людей при помощи технического средства; показывает необходимость представления о быстрой доступности любой информации; показывает негативную эмоциональную реакцию на нарушение собственных психологических границ в результате пользования техническим средством.

Общий показатель интернет-зависимости объединяет ее симптоматику (компульсивность, симптомы отмены, толерантность) и производные внутрилличностные и межличностные проблемы.

Согласно нашим данным, чем выше жизнестойкость, тем ниже показатели психологической зависимости и изменения границ при нормативном использовании Интернета и мобильного телефона. И наоборот, когда растет *психологическая зависимость* от нормативного использования Интернета и мобильного, растет *изменение психологических границ* при использовании Интернета и мобильного телефона, то *жизнестойкость* падает.

Назовем фактор: *«Психологические последствия использования технических средств, снижающие жизнестойкость»*.

Второй фактор – однополюсный, ДОД 34,2%. Ядром являются психологические последствия использования технических средств: *изменение потребностей* при использовании Интернета (0,819), а также вошли показатели - *изменение потребностей* при использовании мобильного телефона (0,819), *изменение психологических границ* в связи с Интернет зависимостью (0,427) и использованием мобильного телефона (0,587) и общий CIAS балл (0,408).

Изменение потребностей предполагает ценность для респондентов (в нашем случае – студентов) основной функции Интернета, ключевую роль наличия доступа в Интернет для создания имиджа, ценность технической сложности и дополнительных функций или максимальной практичности, субъективную значимость функциональности, удобства и количества дополнительных функций, имиджа.

Назовем фактор *«Психологические последствия использования технических средств, автономные от жизнестойкости»*.

Фактор свидетельствует: чем больше *изменены потребности* при использовании Интернета и мобильного телефона, тем более выражена *психологическая зависимость* от этих технических средств и *изменены психологические границы* при их использовании. Все эти последствия, однако, не предполагают ни роста, ни снижения жизнестойкости.

Выводы. Таким образом, выдвинутая гипотеза подтвердилась отчасти, обнаружены как связанные с жизнестойкостью последствия нормативного использования технических средств (*психологическая зависимость* и *изменение психологических границ*) и интернет-зависимости (общий CIAS балл), так и относительно автономные (*изменение потребностей*) от жизнестойкости. Поэтому есть основания полагать, что последствия нормативного использования технических средств и Интернет-зависимость имеют области пересечения с уровнем жизнестойкости.

Заключение. Обобщая все вышесказанное, можно сказать, что психологическая зависимость сливается с интернет-зависимостью, а вместе они снижают жизнестойкость. Важно отметить, что изменение потребностей и изменение психологических границ имеют позитивную сторону, так как технологии дают широкий доступ к информации, возможность связаться с любым человеком в любой момент, эффективно общаться, выполнять любую деятельность, но они имеют и негативную сторону – нарушается приватность, растет привязанность к большому количеству дополнительных функций технических средств. Поэтому психологические последствия нормативного использования технических средств (Интернета и мобильного телефона), а прежде всего изменение потребностей и изменение психологических границ, нейтральны в отношении жизнестойкости.

Библиографический список

1. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Разработка и апробация методики оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами (МИГ-ТС) // Психологические исследования. – 2012. – № 2(22). – С. 5.
2. Емелин В.А. Технологии как фактор трансформации идентичности: становление НОМО TECHNOLOGICUS // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 1(21). – С. 09-18.
3. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала / Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой. – М.: Смысл, 2011. – 680 с.
4. Соболева Е.В., Шумакова О.А. Феномен жизнестойкости в зарубежных и отечественных исследованиях // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 5. – Ч. 2.
5. Тест жизнестойкости / под ред. Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.

THE HARDINESS OF HOMO TECHNOLOGICUS

Peskisheva A. V.

Scientific supervisor: Kopteva N.V., doctor in Psychology, professor Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The phenomenon of hardiness (Maddi) in domestic psychology is being studied in general psychological terms, in age aspects etc. But today human nature is determined not only biological and social factors, but also technological factors. The question arises: is hardiness related to the effects of information technology? Moreover consequences not related to Internet addiction, and the consequences of the normative use of technical means. In the article empirically established that "usual" the psychological dependence (which is weighed down Internet addiction) reduces hardiness. The changing needs and the psychological boundaries autonomous from the hardiness.

Keywords: the hardiness, Internet addiction, consequences of the normative use of technical means (Internet and mobile phone).

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ КОЛЛЕДЖА (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Пискунова В.В.

Научный руководитель: Смирнов Д.О., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. Рассмотрены предпосылки постановки проблемы исследования: современные требования к профессиональному образованию; психологические аспекты управления образованием субъектами образовательного процесса; степень разработанности темы.

Ключевые слова: образовательная среда, субъект, управленческая компетентность, профессиональное образование, управление колледжем.

Введение.

Развитие профессионального образования в настоящее время является одной из приоритетных проблем современной системы образования в силу разносторонних причин: от нехватки высококвалифицированных специалистов среднего звена, несоответствия квалификации выпускников техникумов и колледжей требованиям работодателей, профессиональной неудовлетворенностью преподавательского состава до разочарования молодыми специалистами выбранной профессией, специальностью, полученным образованием.

Сокращение «пропасти» между содержанием преподаваемых дисциплин и профессиональных модулей, материально-технической базой техникумов и колледжей и современным состоянием отраслей экономики – требование социума, профессиональных сообществ к образовательным учреждениям, которое возможно выполнить при всестороннем развитии, «развивающем» управлении колледжем.

Создание условий для принятия управленческих решений на всех уровнях управления – приоритетная задача развития колледжа, решаемая, в том числе, наличием заинтересованности в участии в управлении колледжем всех субъектов образовательного процесса: от директора и руководителей структурных подразделений, преподавательского состава до обучающихся и родителей (законных представителей).

Актуальность проблемы формирования управленческой компетентности субъектов образовательной среды обусловлена необходимостью решения проблемы управления образовательными учреждениями в современных условиях. Психологический аспект взаимодействия субъектов образовательного процесса является предметом изучения многих исследований, но рассматриваются они, чаще всего, изолированно (ученик – учитель; учителя – администрация). Так, А.З. Минахметова и Э.Н. Ахметшина установили зависимость между психотипом субъектов образовательного процесса (учителя и ученика) и его продуктивностью (Минахметова, 2016). Диссертационное исследование В.А. Орлова посвящено исследованию системы ожиданий, требований и санкций относительно исполнения индивидом социальной роли учителей, школьников, их родителей, представителей администрации (Орлов, 2006). Подобные исследования не дают возможности комплексной оценки и, при необходимости, коррекции управления образовательным учреждением.

Необходимо отметить, что каждый субъект образовательной среды (обучающийся, преподаватель, администрация, родители/законные представители) в той или иной степени управляет процессом образования: каждый из них является носителем субъектной энергией, влияющей на процесс образования.

Основная часть.

Рассмотрение психологического аспекта взаимодействия субъектов образовательного процесса учреждения среднего профессионального образования (СПО) целесообразно начать с характеристики основных категорий: субъекты образовательного процесса; структура образовательной среды колледжа; управленческая компетентность субъектов образования.

Согласно педагогическому словарю, *субъект* (от лат. *subjectum* – подлежащее) – носитель предметно-практической активности и познания, осуществляющий изменение в других людях и в себе самом. Субъектность человека проявляется в его жизнедеятельности, общении, самосознании (Коджаспирова, 2000).

Субъект – это интегративная системообразующая характеристика психики, определяющая его индивидуальность как своеобразие свойств, отношений, активностей, факторов саморазвития в процессе взаимодействия с окружающей действительностью.

Традиционно к субъектам образовательного процесса относятся: обучающиеся, педагоги, родители, администрация.

Субъектом образовательного процесса может быть:

- 1) отдельно взятый человек;
- 2) группа людей;
- 3) все человечество в целом;
- 4) часть индивидуальности.

По мнению П.В. Васильева, важнейшая характеристика субъектности (как высшей стадии развития личности) состоит в том, что личность выступает субъектом собственного самостановления (самообразования, самовоспитания). И наоборот: важнейшая характеристика образования (в его наиболее глубоком и полном воплощении) состоит в том, что в образовательном процессе личность получает возможность встать в субъектную позицию. Тип образовательного процесса, обеспечивающий для всех участников такую возможность, называется личностно ориентированным. Участник педагогического процесса становится субъектом педагогического процесса в том случае, если он получает возможность участвовать в процессе педагогического целеполагания (Васильев, 2013).

Структура образовательной среды колледжа включает следующие компоненты:

1) социально-культурный компонент – определяет пространство условий и возможностей, которое создается в межличностном взаимодействии между субъектами образовательного процесса.

Данный компонент объединяет:

- субъектов образовательной среды (студенты, преподаватели, администрация, педагоги дополнительного образования);
- нормативно-организационные условия (особенности управленческой культуры);
- коммуникационную сферу (стиль общения и преподавания, пространственная и социальная плотность субъектов образования и др.);

- внешнюю сферу (работодатели, социальные партнеры, родители);
- культурную сферу (ценности, традиции, общепринятые нормы поведения);

2) пространственно-предметный компонент характеризует совокупность тех или иных пространственных и предметных единиц (помещений, мебели, приборов и т. п.) и способов их функционирования в образовательной среде. Он включает:

- архитектурно-эстетическую организацию жизненного пространства (здания, планировка, дизайн помещений);
- материально-техническое оснащение (оборудование учебных классов, лабораторий, производственных мастерских, спортивных, актовых и конференц-залов, библиотек, компьютерных классов, полигонов и т. д.);
- символическое пространство (герб, гимн, логотип, знамя и т. д.);

3) содержательно-технологический компонент охватывает содержательно-деятельностную составляющую образовательной среды и представляет собой комплекс образовательных технологий, построенных с учетом тех или иных психологических и дидактических аспектах.

Структурные элементы содержательно-технологического компонента:

- содержание образования (концепции обучения и воспитания, образовательные и учебные программы, учебные планы, контрольно-измерительные материалы, методические пособия, учебники и др.);
- формы и методы организации образовательного процесса (формы организации занятий, ученические исследовательские общества, структуры самоуправления и др.);
- информационно-коммуникационные технологии – совокупность программно-аппаратных средств и систем, компьютерных информационных сетей и каналов связи и организационно-методических элементов системы образования (электронные учебники, системы тестирования, ИКТ-средства, обеспечивающие индивидуализацию образовательного процесса и дистанционное взаимодействие студента с преподавателем и с учебным контентом и др.).

Специфика СПО устанавливает требования к различным компонентам образовательной среды колледжа и предполагает их интеграцию. При этом образовательная среда должна характеризоваться высокой степенью внутренней связности, целостности и обеспечивать оптимальное взаимодействие:

- между внутренними локальными средами колледжа (учебными, производственными) и комплексом внеаудиторных образовательных сред (кружок, факультатив, экскурсия, внеклассное мероприятие развлекательного характера и др.);
- внутренними локальными средами колледжа и комплексом внешних образовательных и образовательно значимых сред (работодатели, другие образовательные организации, социальные и бизнес-партнеры и т. д.) (Ярвилянина, 2018).

Наиболее полно рассмотрена в литературе категория «управленческая компетентность» педагога, руководителя, менеджера образования.

По мнению Е.Ю. Зимней, управленческая компетентность – составная часть профессиональной компетентности педагога. Она представляет собой систему внутренних ресурсов педагога-менеджера, необходимых для организации эффективного руководства обучаемыми в соответствии со всеми составляющими его деятельности (целями, принципами, технологиями и т.д.). Ее следует рассматривать как комплексную систему, включающую в себя операционно-технологические, научно-теоретические и социально-психологические аспекты управленческой деятельности (Зимняя, 2010).

Управленческая компетентность руководителя образовательного учреждения представляет собой уровень владения научно доказанными средствами решения управленческих задач, а именно: культуросообразными средствами выявления и решения управленческих проблем. Психофизиологические и социально-психологические свойства работников, руководителей влияют на результативность деятельности, что обуславливает психолого-педагогическую сущность деятельности (ее компонентов) руководителя, менеджера.

Управленческая деятельность независимо от занимаемой должности имеет универсальные функции:

- разработка и принятие управленческого решения (планирование);
- организация его выполнения;
- внесение корректив;
- учет и контроль.

Анализ психологического аспекта каждой функции предполагает выделение следующих компонентов управленческой деятельности: диагностический, прогностический, организаторский, коммуникативный, мотивационный, сравнительно-оценочный, эмоционально-волевой, гностический.

Педагогическая деятельность предъявляет особые требования к личности. В педагогической культуре выделяют следующие компетенции:

- ценностно-смысловую;
- социально-организационную;
- предметную;
- коммуникативную;
- информационно-исследовательскую;
- общекультурную;
- рефлексивную.

Необходимо особо отметить эмоциональную компетентность как основу эффективных взаимоотношений в коллективе, успешности любой деятельности. Эмоциональная компетентность (эмоциональный интеллект) является обязательным качеством эффективного менеджера (руководителя) образовательного учреждения, что обусловлено с одной стороны, особенностью управляемого коллектива педагогов (особенностью педагогического труда:

высокое чувство ответственности, эмоциональные и психологические перегрузки) и, с другой стороны, большей значимостью по сравнению с общим интеллектом, в целом (Берлим, 2007).

Рассмотрение развития управленческой компетентности студентов представлено в работах, посвященных изучению формированию компетенций обучающихся средних профессиональных учебных заведений, в основном, экономического профиля, что обусловлено углубленным изучением экономических понятий (к которым, чаще всего, относят управленческую компетентность).

Исследования, касающиеся участия родителей в управлении образованием, представлены работами о взаимодействии родительской общественности и администрации общеобразовательного учреждения; о построении моделей государственно-общественного управления образованием в общеобразовательных учреждениях. Остался неосвещенным вопрос субъектности родителей в образовательной среде СПО.

Заключение.

Таким образом, решение проблемы управления образовательными учреждениями среднего профессионального образования видим в поиске специфических механизмов управления субъектной энергией субъектов образовательного процесса.

Библиографический список

1. Васильев П.В. К вопросу о субъектах и объектах педагогического процесса // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2013. – № 2. – С. 19-26.
2. Берлим Л.И. Управленческая компетентность менеджера образования/ Л.И. Берлим // Известия Рос. гос. пед. унив-та им. А.И. Герцена, 2007. – Вып. 53 (22) – С. 276-281.
3. Зимняя Е.А. Управленческая компетентность педагога профессиональной школы // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2010. – С. 365-369.
4. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 176 с.
5. Минахметова А.З., Ахметшина Э.Н. Исследование психологического типа субъектов образовательного процесса // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 2. – С. 94-96.
6. Орлов В.А. Экспектации субъектов образовательного процесса относительно роли школьного психолога как фактор эффективности их взаимодействия: дис. ... канд. псих. наук. – М., 2006. – 180 с.
7. Ярвилянина Е.В. Образовательная среда колледжа как пространство формирования общих компетенций студентов // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2018. – № 4 (32). – С. 212-221.

MANAGERIAL COMPETENCE OF SUBJECTS OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A RESOURCE DEVELOPMENT OF THE COLLEGE (STATEMENT OF THE RESEARCH PROBLEM)

Piskunova V. V.

Scientific supervisor: Smirnov D.O., PhD in Psychology, docent
Perm state University for the Humanities and education.

Abstract. The author considers the prerequisites for setting the research problem: modern requirements for professional education; psychological aspects of education management by subjects of the educational process; the degree of development of the topic.

Keywords: educational environment, subject, managerial competence, professional education, College management.

ОДИНОЧЕСТВО В СЕТИ

Роговая А.Д.

Научный руководитель: Коптева Н.В., д. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье представлены результаты анализа психологической литературы на тему проблемного использования социальных сетей студентами в контексте двух теоретических конструктов: интернет-зависимости и нормативного использования Интернета, в связи с отчуждением и одиночеством. Обоснована актуальность изучения проблематики, ввиду противоречий между исследованиями в сфере нормативного использования информационных технологий и интернет зависимости, и в частности в сфере проблемного использования социальных сетей, а также дефицита исследований последствий использования социальных сетей в связи с отчуждением и одиночеством. Определен дизайн эмпирического исследования.

Ключевые слова: информационные технологии, интернет-зависимость, нормативное использование информационных технологий, проблемное использование Интернета, проблемное использование социальных сетей, одиночество.

Современный мир сложно представить без информационных технологий, в особенности активно используются социальные сети, с помощью которых можно оставаться на связи практически в любое время и в любой точке мира. Они значительно изменили жизнь человека, а также мир вокруг него. Информационные технологии (Интернет и социальные сети) нередко выступают в качестве альтернативы реальному общению людей друг с другом. Сопутствующее состояние одиночества, отчуждения от мира и от самого себя человек пытается восполнить общением виртуальным.

Для обозначения данного феномена, используется понятие «проблемное использование интернета», определяемое как чрезмерная активность в социальных сетях, которая ведет к негативным последствиям в психологическом состоянии и социальном поведении (Колесников и др., 2019). А.А. Герасимова, А.Б. Холмогорова, отмечают, что подобная активность в настоящее время является наиболее распространенной в интернете и конкретизируют понятие как «проблемное использование социальных сетей» (2018).

В настоящей статье мы считаем целесообразным рассмотреть проблемное использование социальных сетей в контексте двух представленных в психологической литературе теоретических конструктов: 1) интернет-зависимость; 2) нормативное использование Интернета.

Исследователи проблематики интернет-зависимости (К. Янг, И. Голдберга, М. Гриффитса) определяют интернет-зависимость как избыточное применение Интернета, предполагающее навязчивое желание его использовать, «уход» или «бегство» от реальности в виртуальное пространство, мотивированные непринятием себя и окружающей действительности.

А. Голдберг ввел понятие «интернетомания» в значении «болезненной зависимости от интернета», основываясь на изучении психических расстройств, возникающих в результате употребления психоактивных веществ.

К. Янг охарактеризовала пять основных типов интернет-зависимости: (Янг, 2000)

1) компьютерная зависимость: обсессивное пристрастие к работе с компьютером (играм, программированию или другим видам деятельности);

2) компульсивная навигация в Сети: компульсивный поиск информации в удаленных базах данных;

3) перегруженность информацией: патологическая привязанность к опосредованным Интернетом азартным играм, онлайн-аукционам или электронным покупкам;

4) киберкоммуникативная зависимость: зависимость от общения в чатах, групповых играх и телеконференциях, что может в итоге привести к замене имеющихся в реальной жизни членов семьи и друзей виртуальными;

5) киберсексуальная зависимость: зависимость от «киберсекса», то есть от посещения порнографических сайтов в интернете, обсуждения сексуальной тематики в чатах или закрытых группах «для взрослых».

М. Гриффитс различает зависимость непосредственно от Интернета и зависимости, связанные с применениями Интернета. В качестве примера автор приводит азартного игрока, вовлеченного в онлайн-гемблинг, указывая, что Интернет, в данном случае, не более чем место, в котором игрок осуществляет зависимое поведение. С другой стороны, М. Гриффитс допускает возможность развития аддикции в отношении тех функций Сети, которые отсутствуют вне этой среды (чаты, ролевые игры), обеспечивая тем самым развитие самостоятельной формы расстройства (2009).

В.А. Емелин, Е.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов (2015) ставят вопрос о психологических последствиях *нормативного* использования информационных

технологий, к которым относят изменение психологических границ человека, его потребностей, а также психологическую зависимость от технологий. По мнению исследователей, связанные с ними изменения в образе жизни и структуре деятельности человека сопряжены с изменениями в его психике.

Развитие информационных технологий, активное использование социальных сетей, способствовало глубоким изменениям в способах общения и взаимодействия людей, предоставляя возможность общаться с физически недостижимым человеком. Однако, как отмечают Н.А. Сирота, А.В. Ялтонская и др. (2018), активные пользователи социальных сетей склонны пренебрегать другими аспектами своего социального функционирования, такими как общение с семьей и друзьями. Исследователи акцентируют внимание на том, что проблемное использование социальных сетей во многом связано с эмоциональными расстройствами, симптомами депрессии, беспокойством и сниженной самооценкой

Среди пионеров изучения проблемы отношений человека и технологий психоаналитик Ш. Теркл (Turkle, 2011), к работам которой достаточно редко обращаются отечественные психологи. Автор пришла к выводу, что люди всё больше предпочитают выстраивать близкие отношения посредством интернета и социальных сетей, в результате чего образуется новый тип одиночества, более глубокого и безнадежного, чем то, которое мы испытывали раньше, в «догаджетовую эпоху». По ее мнению, несмотря на то, что люди одиноки, они боятся близости. В своем уязвимом состоянии человек больше склонен к уходу в технологии – от социальных сетей до социальных роботов – нежели к «живому» общению. Люди обращаются к технологиям для того, чтобы почувствовать связь с другими, но такую, которую можно контролировать, управлять ею, быть независимой от нее.

Ш. Теркл вводит понятие «эффекта Златовласки», под которым понимает стремление человека управлять общением. Информационные технологии просты в использовании, тогда как человеческие отношения и взаимодействия трудны и сложны. Люди хотят управлять своим вниманием и привязанностями.

Объясняя, почему люди так привязываются к технологиям и социальным сетям, Ш. Теркл выделяет «три завораживающие фантазии»:

- Возможность концентрировать внимание на том, что ему интересно, и контролировать то, что человек хочет. Общение в реальном времени контролировать сложно, а технологии позволяют быть таким, каким человек желает быть: редактировать, удалять, изменять свои лицо, голос, тело, слова, именно столько, сколько для него будет «в самый раз».

- Надежду, что нас всегда услышат: люди привыкли обходиться друг без друга, не разговаривая по-настоящему. Поэтому ощущение того, что их никто не слышит, способствует обращению к технологиям. Оно «заставляет нас проводить время с машинами, которые, как нам кажется, заботятся о нас».

- Заблуждение, что мы никогда не будем одиноки: связь посредством технологий не способна решить основную проблему одиночества человека, она

скорее симптом, нежели лекарство. Постоянная связь меняет то, как люди воспринимают себя, она формирует новый способ существования.

Иллюзия человека, что постоянная связь сделает его менее одиноким, на самом деле означает, что избегая одиночества, человек лишает себя возможности существования наедине с собой, прекращает рефлексировать, утрачивает тягу к отношениям и ощущение ценности других людей. Ш. Теркл считает, что, если «мы не можем существовать в одиночку, мы станем более одинокими».

Связь интернет-зависимости с состояниями отчуждения и одиночества очевидна и относительно изучена, в отличие от нормативного использования информационных технологий, в том числе в сфере использования социальных сетей. При этом статус проблемного использования социальных сетей неоднозначен. С одной стороны он связан с попыткой уйти от стигматизации, которую предполагает рассмотрение общения посредством технологий в свете зависимостей, с другой стороны сохраняет негативные коннотации. Инструмент для проблемного использования социальных сетей появился в отечественной психологии только в 2018 г. (Сирота, 2018). Вышеизложенное составляет **проблему** настоящего исследования и определяет его **актуальность**.

Цель исследования: изучение взаимосвязи психологических последствий использования новых информационных технологий (Интернета), в т.ч. проблемного использования социальных сетей, и состояний отчуждения и одиночества.

Предметом нашего исследования является проблемное использование социальных сетей студентами в связи с отчуждением и одиночеством

Объект исследования: проблемное использование социальных сетей

Мы выдвигаем следующие **гипотезы исследования:**

1. Проблемное использование социальных сетей в большей мере связано с интернет-зависимостью, чем с нормативными последствиями его использования;

2. С ростом проблемного использования социальных сетей растет выраженность отчуждения в различных сферах и формах жизни человека, а также одиночества.

Выборку исследования составили студенты высших учебных заведений г. Перми в количестве 70 человек, в возрасте от 18 до 26 лет. Исследование проводилось в марте-апреле 2020 г.

Задачи исследования:

1. Выявить место проблемного использования социальных сетей в факторной структуре психологических последствий как зависимо и нормативного использования информационных технологий, а также отчуждения и одиночества;

2. Изучить корреляционные связи между показателями проблемного использования социальных сетей и психологическими последствиями информационных технологий, отчуждения и одиночества;

3. Выделить группы студентов, различающихся уровнем выраженности проблемного использования социальных сетей;

4. Сравнить группы студентов, различающиеся выраженностью проблемного использования социальных сетей по последствиям использования интернета (нормативного и интернет-зависимости), отчуждения и одиночества.

В ходе исследования были использованы следующие эмпирические **методы**: Методика оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами, форма для Интернета («МИГ-ТС-2») В.А. Емелина, Е.И. Рассказовой, А.Ш. Тхостова (2015); методика измерения Интернет-зависимости С.Х. Чена (шкала CIAS), адапт. В.Л. Малыгина, К.А. Феклисова (Малыгин, 2011); опросник проблемного использования социальных сетей. Сирота Н.А., Московченко Д.В., Ялтонский В.М., Ялтонская А.В. (2018); опросник субъективного отчуждения С. Мадди (ОСотч), адаптация для юношеского возраста Е.Н. Осина (Осин, 2013); модифицированная шкала измерения одиночества UCLA В. Рассела, Л. Пепло, М. Фергюсона.

Библиографический список

1. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Т. 26. – № 3. – С. 56-79.

2. Гриффитс М. Избыточное применение Интернета: онлайн-поведение аддиктивное поведение [Электронный ресурс] // Тезисы дистантных зарубежных участников симпозиума «Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития» - 2009. URL: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/internet/2009/theses.html> (дата обращения: 10.05.2020).

3. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека: учеб.-метод. пособие для студентов психологических специальностей / Е.И. Рассказова, В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов. – М.: Акрополь, 2015. – 115 с.

4. Колесников В.Н., Мельник Ю.И, Теплова Л.И. Интернет–активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1(33). – С. 34-46.

5. Малыгин В.Л., Хомерики Н.С., Смирнова Е.А., Антоненко А.А. Интернет-зависимое поведение // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2011. – №8. – С. 86-92.

6. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 55-81.

7. Сирота Н.А., Московченко Д.В., Ялтонский В.М., Ялтонская А.В. Разработка русскоязычной версии опросника проблемного использования социальных сетей // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Т. 26. - № 3. – С. 33-55.

8. Янг К.С. Диагноз – Интернет-зависимость // Мир Интернет. – 2000. - № 2. – С. 24-29.

9. Turkle Sherry. Alone together. Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. – NY, Basic Books, 2011. – P. 379.

LONELINESS IN THE NETWORK

Rogovaya A. D.

Scientific supervisor: Kopteva N.V., doctor of psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The article presents the results of theoretical analysis of literature on the topic of problematic use of social networks by students in the context of two theoretical constructs: Internet addiction and normative use of the Internet, in connection with alienation and loneliness. The article substantiates the relevance of studying the problem, in view of the contradiction between existing research in the field of normative use of information technologies and Internet addiction, including in the field of problematic use of social networks, in connection with alienation and loneliness, and what is available for the empirical study of this problem. It also describes the main goals, objectives, and methods of research.

Keywords: information technologies, Internet addiction, normative use of information technologies.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД

Сабангулова Г.Г.

Научный руководитель: Курунов В.В., к. психол. н., доцент.
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа

Аннотация. В статье раскрываются особенности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Также представлено определение синдрома эмоционального выгорания. Описаны результаты эмпирического исследования по выявлению синдрома эмоционального выгорания у сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, эмоциональное выгорание, сотрудники ОВД.

На сегодняшний момент уделяется очень много внимания отличительным чертам деятельности сотрудников органов внутренних дел в психологическом плане. В данной области исследуется психологический анализ органов внутренних дел, а также характеристика совокупности особенностей в психологическом аспекте.

Огромный вклад в изучение данной проблемы внесли такие отечественные авторы, как, А.Р. Ратинов, А.В. Дулов, В.Е. Коновалова, А.М. Столяренко, В.Л. Васильев, и другие.

Профессиональная деятельность в органах внутренних дел связана с множеством нравственных проблем, которые связаны со спецификой, содержанием, формами, методами и средствами их работы. Только присутствие необходимости обеспечивать правопорядок, спокойную жизнь гражданам, вынуждает использовать меры принуждения и ограничения прав личности, которые впоследствии вызывают противоречия во внутреннем и внешнем мире личности.

Служебная деятельность сотрудников ОВД характеризуется как сложная и ответственная, ведь к сотрудникам предъявляются весьма высокие требования, так как именно от их решений зависят судьбы многих людей. Сотрудники ОВД представляют государственные органы, стоящие на страже личных и государственных интересов.

Основными особенностями служебной деятельности сотрудников ОВД являются:

- строгая правовая регламентация;
- обязательный характер профессиональных полномочий должностных лиц ОВД;
- служба в особых и экстремальных условиях;
- высокая ответственность, которая требует максимально точных, быстрых и правильных решений;
- применение огнестрельного оружия;
- риск и опасность в оперативно-служебной деятельности как для жизни и здоровья сотрудника, так и граждан, жизни и здоровью которых угрожает опасность.

Ряд психологов-исследователей установили, что все эти особенности профессиональной деятельности сотрудников ОВД являются факторами эмоционального выгорания.

Синдром «эмоционального выгорания» достаточно хорошо раскрыт в науке. При наличии данного синдрома у личности наблюдаются физическое, эмоциональное и умственное истощения.

Целью нашего исследования было исследование эмоциональной сферы личности сотрудников ОВД, выполнявших служебные задачи в особых и экстремальных ситуациях.

Мы предположили, что при исполнении служебных обязанностей в особых условиях сотрудники ОВД наиболее подвержены изменениям следующих характеристик эмоциональной сферы – чувства напряжения, тревоги и неудовлетворенности собой.

Для подтверждения нашей гипотезы используется методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко.

Таким образом, при обработке и анализе результатов эмпирического исследования было установлено, что у 84% испытуемых сформировано устойчивое эмоциональное выгорание, 16% – находятся в зоне риска.

Доминирующими симптомами эмоционального выгорания у исследуемых являются тревога и депрессия (98%), напряженность (96%) и неудовлетворенность собой (90%). Мы считаем, что они же и являются ключевыми факторами эмоционального выгорания и изменения эмоционального состояния в целом.

Таким образом, можно сказать, что наша гипотеза подтверждается: при исполнении служебных обязанностей в особых условиях у сотрудников ОВД наиболее подверженными деформациям являются характеристики эмоциональной сферы, в частности, чувства напряжения, тревоги и неудовлетворенности собой.

Библиографический список

1. Лебедев В. И. Личность в экстремальных условиях. – М., 2011. – 51 с.
2. Психогении в экстремальных условиях / Ю.А. Александровский, О.С. Лобасов, Л.И. Спивак, Б.П. Щукин. – М., Медицина, 1991. – 96 с.
3. Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика. – М., 2002. – 607 с.

PECULIARITIES OF PROFESSIONAL ACTIVITIES OF POLICE OFFICERS

Sabangulova G.G.

Scientific adviser: Kurunov VV, candidate of psychol. sciences, associate professor.

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa

Annotation. The article reveals the features of professional activities of employees of internal affairs bodies. The definition of burnout syndrome is also provided. The results of an empirical study on the detection of burnout syndrome among employees of internal affairs bodies are described.

Keywords: professional activity, emotional burnout, police officers.

ПРОБЛЕМА ПРОБЛЕМНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ПОКОЛЕНИЕМ Z

Сакаева Л.А.

Научный руководитель: Коптева Н.В., д. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация: В статье отмечается, что в вопросе проблемного использования социальных сетей воспроизводятся дискуссии, которые ведутся в психологии в отношении интернет-зависимости и проблемного использования интернета: о допустимости клинического подхода к последствиям

информационных технологий, о масштабах их распространения и природе. Указано на противоречия, которыми характеризуется понятие проблемного использования социальных сетей. В качестве попытки их разрешения предлагается проведение эмпирического исследования соответствующего эмпирического конструкта в контексте эмпирических конструктов интернет-зависимости и проблемного использования интернета.

Ключевые слова: интернет-зависимость; проблемное использование интернета; проблемное использование социальных сетей.

Мы не представляем себе современный мир без информационных технологий. В поле зрения психологов в первую очередь попали люди, которые оказались в «паутине» интернета, и не смогли из нее выбраться. Изучение интернет-зависимости начали А. Голдберг (1996), К. Янг (1996), М. Орзак (1998), М. Гриффитс (2000). Она была определена как сложное явление, включающее в себя в частности и психологический эскапизм, бегство от реальной жизни в виртуальный мир. Критерии интернет-зависимости устанавливались по аналогии с симптомами более известной к тому времени наркомании: навязчивая потребность в техническом средстве, своеобразная «ломка» при его недоступности, толерантность (наращивание «дозы» интернета) и т.д. В 2000 г. К. Янг разработала и предложила трехуровневую модель интернет-зависимости – ACE (Accessibility, Control, and Excitement). Согласно этой модели доступность, контроль и возбуждение играют ведущую роль в развитии интернет-зависимости (Зарецкая, 2017). Ею были выделены типы компьютерной и интернет-зависимости: киберсексуальная зависимость, пристрастие к виртуальным знакомствам, информационная перегрузка (компульсивный web-серфинг), зависимость от компьютерных игр и т.д.

Сегодня к ним относят навязчивый веб-серфинг, игровую зависимость, навязчивую финансовую потребность, пристрастие к просмотру фильмов, киберсексуальную зависимость в числе которых пристрастие к виртуальному общению (Мартёхин, 2012).

Социальные сети относятся к наиболее часто используемым информационным технологиям. Они стали, неотъемлемой частью виртуального пространства, объединив множество людей из самых разных уголков мира. Поиск старых знакомых, друзей, родственников, одноклассников и новых знакомых, все это стало возможно в рамках различных социальных сетей: «Одноклассники», «В контакте», «Facebook», «Instagram» аудитории этих сайтов действительно огромны. В социальных сетях буквально выросло поколение Z (к которому относят родившихся в 2000 г. и в последующие годы).

Признание вклада социальных сетей в интернет-зависимость не отменяет того, что сама она в психологии является предметом дискуссий, которые воспроизводят дискуссии, ведущиеся в отношении интернет зависимости вообще.

Многим не нравится сам термин, который имеет стигматизирующий смысл, поэтому предпочитают говорить о проблемном использовании

интернета. «Это способствует акцентированию внимания на необходимости фиксации механизмов негативных последствий пользования интернетом и позволяет избежать стигматизации интернета как непосредственной причины зависимости» (Герасимова, Холмогорова, 2018).

Аналогичным образом наряду с зависимостью от социальных сетей говорят об их проблемном использовании (Сирота, Московченко, и др. 2018). Однако избежать стигматизирующего смысла при этом не удастся, так как его связывают с чрезмерной активностью в социальных сетях, ведущей к негативным психологическим и социальным последствиям.

Гриффитс сомневается в наличии самого феномена интернет-зависимости, утверждая, что большая часть избыточно применяющих Интернет, не являются зависимыми непосредственно от Интернета, для них Интернет – это своего рода питательная среда для поддержания других зависимостей. Он считает, что следует проводить различие между зависимостью непосредственно от Интернета и зависимостями, связанными с применениями Интернета (Гриффитс, 2000). Накоплено достаточное количество свидетельств неоднозначности взаимосвязи Интернета и человека, его использующего. Злоупотребление Интернетом связывают с депрессией, суицидальным поведением и повышенной тревогой у подростков, а также с социальной тревожностью и нарушениями процессов социального познания (Герасимова, Холмогорова, 2018).

Подобные сомнения и в отношении социальных сетей, исследователи замечают «остается неясным, является ли зависимость от социальных сетей самостоятельным расстройством или проявлением других психических проблем, таких как, например, расстройства личности, расстройства настроения, тревожные расстройства» (Сирота, Московченко и др., 2018).

Изложенное выше позволяет заключить о наличии проблемы проблемного использования социальных сетей.

Сегодня помимо опросников интернет зависимости Тест шкалы интернет-зависимости Чена в адаптации Малыгин и др.(2011), мы располагаем общей шкалой проблемного использования интернета, адаптированной для русскоязычной выборки (Герасимова, Холмогорова, 2018), а также диагностическим аппаратом для изучения проблемного использования социальных сетей (Сирота, Московченко и др., 2018).

Таким образом, предоставляется возможность эмпирически исследовать проблемное использование сетей в контексте, который позволит приблизиться к ответу на вопрос, что же оно собой представляет.

Библиографический список

1. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Т. 26. – № 3. – С. 56-79.
2. Гриффитс М. Избыточное применение Интернета: онлайн-аддиктивное поведение [Электронный ресурс] // Тезисы дистантных зарубежных

участников симпозиума «Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития». – URL: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/internet/2009/theses.html/>

3. Емелин В.А. Технологии как фактор трансформации идентичности: становление НОМО TECHNOLOGICUS // Национальный психологический журнал. – 2016. – №1 (21). – С. 9-18.

4. Зарецкая О.В. Компьютерная и интернет-зависимость: анализ и систематизация подходов к проблеме // Психологическая наука и образование. – 2017. – Т. 9. – № 2. – С. 145-165.

5. Мертёхин А.А. Характеристика интернет зависимости // Социальная психология. Северо-Кавказский психологический вестник. – 2012. – №10/4. – С. 10-13.

6. Сирота Н.А., Московченко Д.В., Ялтонский В.М. Разработка русскоязычной версии опросника проблемного использования социальных сетей // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Т. 26. – № 3. – С. 33-55.

THE PROBLEM OF PROBLEMATIC USE OF SOCIAL NETWORKS BY GENERATION Z

Sakaeva L.A.

Scientific supervisor: Kopteva N. V., doctor of psychological Sciences, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract: The article notes that the issue of the problematic use of social networks reproduces the discussions held in psychology regarding Internet addiction and the problematic use of the Internet: the admissibility of the clinical approach to the consequences of information technology, the extent of their distribution and nature. The contradictions characterizing the concept of problem use of social networks are indicated. As an attempt to resolve them, an empirical study of the corresponding empirical construct in the context of the empirical constructs of Internet addiction and the problematic use of Internet is proposed.

Keywords: Internet addiction; problematic use of the internet; problematic use of social networks.

ВЛИЯНИЕ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ВЫБОР ПОДРОСТКАМИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ

Салаватова Ф.Р.

Научный руководитель: Шиляева И.Ф., к. филос. н., доцент
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования детско-родительских отношений и копинг-стратегий у подростков. Цель исследования: определение специфику воздействия детско-

родительских отношений на выбор подростками стратегий совладающего поведения. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что стили родительского отношения оказывают влияние на выбор подростком определенных продуктивных копинг-стратегий. В исследовании приняли участие 25 подростков 9 класса в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет. Результаты исследования показали, что на выбор продуктивных стратегий совладающего поведения оказывают влияние сопереживание, отзывчивость, чуткость матери, оказание поддержки, некоторая степень контроля, поощрение самостоятельности. Воспитание отца также способствует выбору определенных стратегий: принятие ответственности, планирование решения проблемы и положительная переоценка.

Ключевые слова: копинг-стратегии; стратегии совладающего поведения; совладающее поведение; детско-родительские отношения; подростки; стресс; трудности.

Введение. Из-за стремительных преобразований в мире в последнее время возникают всё новые психологические проблемы, которые связаны с невозможностью адаптации к новым условиям. Одной из наиболее уязвимых категорий являются подростки, которые особенно чувствительными к неблагоприятным стрессовым воздействиям. Поэтому важно изучать взаимоотношения в семье, типы родительского отношения к ребенку, которые преобладают в семье: от атмосферы семьи зависит уверенность ребенка в себе, способность преодолевать стресс, выбирать продуктивные стратегии. Именно поэтому особо актуальна проблема влияния отношения родителей на выбор подростками копинг-стратегий.

В целом, данная проблема представлена в работах многих ученых, но, к сожалению, только в контексте личностных особенностей ребенка (Савина, Смирнова, 2003), а данных о связи детско-родительских отношений с выбором подростками определенных стратегий совладающего поведения нет, что определило актуальность нашего исследования.

Практически каждый день людям необходимо решать проблемы, трудности, которые нарушают привычную жизнь, поэтому для того, чтобы справиться с такими ситуациями людьми вырабатывается так называемое копинг-поведение – система целенаправленного поведения по сознательному овладению ситуацией для уменьшения вредного влияния стресса (Абульханова-Славская, 2004).

Концепция совладающего поведения появилась в психологической науке во 2-й половине XX века. В 1962 г. Л. Мэрфи первый раз использовал понятие «совладание», когда изучал способы преодоления детьми требований, которые выдвигались возрастными кризисами (Грановская, Никольская, 2003). Ввел и закрепил данное понятие А. Маслоу. Совладающее поведение – это готовность человека решать трудности, которые возникают в жизни. Оно характеризуется как поведение, направленное на адаптацию к обстоятельствам и означает умение

пользоваться определенными средствами, чтобы преодолеть эмоциональный стресс (Корсакова, 2010; Петрова, 2004).

Целью нашего исследования является определение специфики воздействия отношений между родителями и детьми на выбор подростками стратегий совладающего поведения.

Гипотеза: определенные типы родительского отношения (принятие, эмпатия, сотрудничество, контроль, поощрение автономности) влияют на то, какие стратегии выбирает подросток.

Метод. В исследовании приняли участие учащиеся девятого класса в количестве 25 девушек и мальчиков в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет МОБУ СОШ Белорецкого района РБ.

В работе применялись следующие методики: методика «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса, методика О.А. Карабановой и П.В. Трояновской «Детско-родительские отношения подростков. Методика «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса использовалась для определения стратегий совладающего поведения, способов преодоления проблем и трудностей; методика О.А. Карабановой и П.В. Трояновской «Детско-родительские отношения подростков» позволила выяснить особенности отношения родителей к детям с точки зрения подростков.

Также применялись методы математической обработки данных (описательная статистика, r -критерий корреляции Пирсона). С помощью коэффициента корреляции Пирсона мы определили линейную взаимосвязь отношений детей и родителей и частоты использования тех или иных стратегий совладающего поведения.

Результаты. Итак, с помощью методики О.А. Карабановой и П.В. Трояновской мы изучили специфику взаимодействия родителей со своими детьми. Мы выяснили, что многие семьи характеризуются положительными отношениями. Достаточно высокие показатели были выявлены по шкале принятие у 96% матерей и 76% отцов, это означает, что родители уверены в воспитании детей, понимают, любят, демонстрируют внимание, знают о делах и интересах детей; по шкале сотрудничество (мать 88%, отец 72%): подростки могут рассчитывать на помощь родителей при возникновении проблем, родители уважают мнение ребенка, задания выполняются совместно, что способствует укреплению отношений и формированию более глубоких эмоциональных контактов; по шкале эмпатии (мать 88%, отец 72%): подросток уважает и ценит родителей, которые понимают его состояние, чувства. Большинство подростков определяют принятие решений как демократическое (высокие показатели по шкале принятие решений: мать 80%, отец 72%), родители поддерживают любое начинание ребенка. Высокие значения прослеживаются и по шкалам контроля (мать 96%, отец 72%) и авторитарности (мать 92%, отец 68%). По мнению подростков, родители всё время контролируют их действия, подавляют волю, ограничивают проявление самостоятельности.

Таким образом, по мнению подростков, родители осведомлены об их делах и интересах, доверяют им, помогают при решении проблемных ситуаций,

понимают их чувства и состояния, но в то же время контролируют их действия и предъявляют чрезмерные требования.

С помощью опросника «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса мы выявили преобладающие способы преодоления трудностей: планирование решения проблемы (56%) и принятие ответственности (44%). Это означает, что подросток сам пытается решить проблемную ситуацию, прикладывая активные усилия, и поэтому ему нужна дополнительная информация о ситуации. Также выявлен средний уровень развития самоконтроля (40%), что подразумевает контроль подростка за своим поведением и состоянием; стратегии поиска социальной поддержки (у 36% подростков), который не предполагает самостоятельного решения проблемной ситуации. Можно сказать, что подросток в этом случае не заинтересован в поиске дополнительной информации. Остальные копинг-стратегии являются наименее предпочтительными: дистанцирование (28%), положительная переоценка (28%) (предполагает решение ситуации посредством изменения), конфронтационный копинг (12%) и бегство-избегание (8%) (подразумевают уход подростка от активного изменения своего состояния или проблемы).

Итак, для подтверждения нашей гипотезы мы провели анализ с помощью χ^2 -критерия корреляции Пирсона.

Анализируя взаимоотношения с матерью, мы выяснили, что по таким показателям, как «эмпатия» ($r=0,607$ при $p<0,05$), «сотрудничество» ($r=0,696$ при $p<0,05$), «поощрение автономности» ($r=0,597$ при $p<0,05$) и «контроль» ($r=0,694$ при $p<0,05$) прослеживается положительная взаимосвязь с копингом «положительная переоценка». Если родители поддерживают детей в трудные минуты, сопереживают, понимают состояния подростка, учитывают мнение при принятии решений, контролируют его, то они, тем самым, способствуют выбору стратегии «положительная переоценка». Показатель «контроль» ($r=0,491$, при $p<0,05$) положительно взаимосвязан с копинг-стратегией «планирование решения проблемы». Контролируя и проявляя минимальное внимание к жизни подростка, родители помогают подростку изменять ситуацию, включая аналитический подход к проблеме. При анализе копинга «принятие ответственности» также были получены статистически значимые взаимосвязи: поощрение автономности ($r=0,610$ при $p<0,05$) и контроль ($r=0,600$ при $p<0,05$). Подросток понимает свою роль в проблеме, когда он принимает на себя ответственность и чувствует контроль со стороны родителей.

Анализируя модель отца по копинг-стратегии «принятие ответственности», мы выявили статистически значимую взаимосвязь по показателям: сотрудничество ($r=0,574$ при $p<0,05$), контроль ($r=0,619$ при $p<0,05$), что означает влияние данных показателей на выбор подростком стратегии принятия ответственности. Совместное решение проблем, некоторая степень контроля родителей способствуют тому, что подросток старается принимать на себя ответственность. Также положительная взаимосвязь была обнаружена между показателями сотрудничества и копингом «планирование

решения проблемы» ($r=0,719$, при $p<0,05$), показателем сотрудничества и копингом «положительная переоценка» ($r=0,653$ при $p<0,05$).

Также по всем вышеперечисленным продуктивным стратегиям статистически значимый коэффициент выявлен по показателю сотрудничества, что говорит о влиянии совместного и равноправного выполнения заданий с отцом на формирование продуктивной стратегии.

Заключение. Итак, мы выявили, что тип родительского отношения и выбор детьми стратегий совладающего поведения взаимосвязаны между собой. На то, какие стратегии выберет подросток, серьезное влияние оказывает сопереживание, отзывчивость, чуткость матери и отца, оказание поддержки, некоторая степень контроля, поощрение самостоятельности.

Таким образом, гипотеза нашего исследования, которая заключалась в том, что определенные типы родительского отношения (принятие, эмпатия, сотрудничество, контроль, поощрение автономности) влияют на то, какие стратегии выбирает подросток, подтвердилась.

В нашей работе мы не рассматривали семью с точки зрения дополнительных факторов, а именно: социального положения, возраста родителей, состава семьи, стажа супружеской жизни, индивидуально-типологических особенностей. Поэтому необходимо дополнительно проработать и проверить данную проблематику на более большой и разнообразной выборке.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 2004. – 299 с.
2. Грановская Р.М., Никольская И.М. Психологическая защита у детей. – СПб, Речь, 2003. – 352 с.
3. Корсакова Л.И. Копинг-поведение и защитные механизмы системы адаптации личности // Труды СГА. – 2010. – №8. – С. 120-126.
4. Петрова О.О. Возрастная психология: Конспект лекций. – Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – 217с.
5. Родители и дети: психология взаимоотношений / под ред. Е.А. Савиной, Е.О. Смирновой. – М.: Когито-Центр, 2003. – 230 с.

INFLUENCE OF CHILD-PARENT RELATIONSHIPS ON THE CHOICE OF COPING STRATEGIES BY TEENAGERS

Salavatova F.R.

Scientific supervisor: Shilyaeva I.F., candidate of Philosophical Sciences, docent
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa

Abstract. The article presents the results of an empirical study of child-parent relationships and coping strategies in adolescents. The purpose of the study: to determine the specifics of the impact of child-parent relationships on the choice of

coping strategies by adolescents. As a hypothesis, it was suggested that parenting styles influence the choice of certain productive coping strategies by a teenager. The study involved 25 grade 9 teenagers between the ages of fourteen and sixteen. The results of the study showed that the choice of productive coping strategies is influenced by empathy, responsiveness, sensitivity of the mother, support, some degree of control, and encouragement of independence. The education of the father also contributes to the choice of strategies: accepting responsibility, planning, problem solving and positive reappraisal.

Keywords: coping strategies; coping behavior strategies; coping behavior; parent-child relationships; teenagers; stress; difficulties.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕГУЛЯТОРНЫХ ФУНКЦИЙ БИЛИНГВОВ-ДОШКОЛЬНИКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Сальнова С.А.

Научный руководитель: Хотинец В.Ю., д. психол. н., профессор
Удмуртский государственный университет, Ижевск

Аннотация. Обсуждаются результаты эмпирического исследования с целью определения, опережают дошкольники-билингвы ли в развитии регуляторных функций монолингвов в образовательной ситуации. Проводится анализ полученных данных, выявляются статистически значимые различия с помощью U-критерия Манна-Уитни. По результатам исследования установлено, что дети-билингвы старшего дошкольного возраста превосходят детей-монолингвов в развитии регуляторных функций, а именно: тормозного контроля, когнитивной гибкости и рабочей памяти. Подтверждается гипотеза о том, что дошкольники-билингвы (с бессистемным и неосознанным владением вторым языком) в образовательной ситуации опережают в развитии регуляторных функций монолингвов.

Ключевые слова: билингвизм; регуляторные функции; тормозный контроль; когнитивная гибкость; рабочая память; дошкольный возраст.

Введение.

Под билингвизмом современная наука понимает способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках. При поверхностном подходе к вопросу можно ошибочно рассудить, что билингвизм касается только детей, которые воспитываются в двуязычной семье или двуязычном обществе. Однако это раскрывает лишь один из видов феномена, а именно его естественное происхождение, тогда как овладение вторым языком, к примеру, в рамках изучения школьной программы, точно так же способствует формированию двуязычного сознания. Если принимать в расчет все возможные виды билингвизма, то более чем 50% населения всего мира являются билингвами. Однако, как отмечают отечественные исследователи, «в науке нет единого

мнения о влиянии многоязычия на умственное развитие и психологическое развитие в целом в детском возрасте» (Медведева, Хотинец, 2018).

Теоретические предпосылки.

Небезосновательно принято считать, что, ввиду опыта использования разных языков, билингвы имеют явные преимущества над монолингвами. В подтверждение ряд видных ученых указали на превосходство двуязычных детей в регуляторных (исполнительных) функциях, под которыми психологическая наука понимает нейрокогнитивные процессы, помогающие «контролировать мысли и действия, смещая их в сторону стимула, связанного с решением задачи или выполнением задания, несмотря на отвлекающие факторы и помехи». Это понятие обобщает такие функции, как планирование, рабочая память, формирование намерения и инициация действия, торможение, когнитивный контроль (Веракса, 2014). Превосходство билингвов в регуляторных действиях достигается за счет необходимости управлять различными языками и переключаться между ними, выбирать один или другой язык в зависимости от требований контекста. То есть, из-за необходимости выбирать билингвы постоянно сталкиваются с ситуацией, когда им не только нужно сосредоточить внимание на целевом языке, но также запретить для использования другой язык (Hansen, 2016; Bialystok, 2017; Yoshida, 2008). Благодаря этому двуязычные люди в большей степени способны использовать компоненты регуляторных функций, что неизменно улучшает процессы когнитивного контроля. Преимущества двуязычного сознания были отмечены в ходе нескольких однотипных экспериментов, в рамках которых участникам было необходимо за отведенное время выбрать определенную, соответствующую контексту реплику (Кара, 2013). С этой задачей лучше справлялись билингвы, а не монолингвы.

Несмотря на большое количество исследований в области преимуществ билингвизма, в последнее время исследователи сталкиваются с тем, что при повторном изучении данного вопроса преимущества либо не обнаруживаются (билингвы выдают результаты аналогичные монолингвам).

Наиболее значимыми компонентами регуляторных функций считаются когнитивная гибкость – способность переключаться от задачи к задаче; рабочая память – способность удерживать информацию и манипулировать ею в течение короткого времени; тормозный контроль – способность при необходимости произвольно блокировать доминантные автоматические реакции (Веракса, 2014). Ряд исследований в области этих компонентов не обнаружили преимуществ у билингвов по сравнению с монолингвами в связи с социально-экономическим статусом семьи, уровнем образования, наличием статуса иммигранта (Раар, 2018). Их преимущества были выявлены только при выполнении задач на внимание в состоянии высокого контроля и при решении неконгруэнтных задач. В некоторых исследованиях установлены преимущества во времени реакции, но не в точности выполнения задач (Barac, 2012; Poarch, 2012).

Проблема исследования: Опережают ли дошкольники-билингвы в развитии регуляторных функций монолингвов в образовательной ситуации?

Гипотеза: дошкольники-билингвы (с бессистемным и неосознанным владением вторым языком) в образовательной ситуации опережают в развитии регуляторных функций монолингвов.

Цель исследования: изучение регуляторных функций у дошкольников-билингвов в образовательной ситуации.

Метод.

Участники исследования: дети дошкольного возраста (63 человека: 32 мальчика и 31 девочка) от 6 до 7 лет, среди которых: монолингвы – воспитанники государственного дошкольного образовательного учреждения, владеющие русским языком (32 человека), билингвы с бессистемным и неосознанным владением вторым языком (31 человек) – воспитанники государственного и частного детского сада с углубленным изучением удмуртского (20 человек) и татарского языка (11 человек) г. Ижевска.

Методы и методики исследования. В исследовании использовались теоретический (анализ проблемы исследования), организационный (сравнительный), психодиагностический методы. Для изучения когнитивной гибкости применялась методика исследования обучаемости А.Я. Ивановой. Для выявления уровня тормозного контроля использована методика словесно-цветовой интерференции Дж. Струпа. Для измерения рабочей памяти, которая включает в себя речевую и зрительную память, использовались тестовые задания «Речевая память», «Зрительная память» Л.А. Ясюковой. Языковое развитие измерялось тестовыми заданиями «Речевые антонимы», «Речевые классификации» и «Произвольное владение речью» Л.А. Ясюковой.

Методы анализа данных. Результаты исследования обрабатывались с помощью процедур математической статистики: описательная статистика, метод выявления значимых различий U-критерий Манна-Уитни. Обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS 11.5.

Результаты и их обсуждение.

По U-критерия Манна-Уитни были выявлены следующие статистически значимые различия: тормозный контроль ($U=353,5$, $p=0,05$), когнитивная гибкость ($U=358,5$, $p=0,54$), рабочая (речевая) память ($U=343,5$, $p=0,32$). По результатам установлено, что дошкольники-билингвы превосходят монолингвов по выраженности показателей регуляторных функций. Данные результаты подтверждаются рядом работ зарубежных исследователей. Так, по итогам исследования R. Barac и G. Poarch обнаружено, что двуязычные дети продемонстрировали явные преимущества в развитии тормозного контроля (произвольного блокирования доминантных автоматических реакций) в отличие от одноязычных (Barac, 2012; Poarch, 2012). В работе E. Bialystok отмечается, что при выполнении методики сортировки карточек по признакам, в которой задействуется когнитивная гибкость (переключаемость между задачами), дети-билингвы дошкольного возраста показывают лучшую производительность по сравнению с монолингвами (Bialystok, 2017). В исследовании B. Hansen зафиксировано превосходство двуязычных детей в развитии рабочей памяти

(способности сохранять информацию и пользоваться ей в течение короткого времени) (Hansen, 2016).

Заключение.

В ходе проведенного исследования мы получили подтверждение того, что дети-билингвы дошкольного возраста в образовательной ситуации превосходят по регуляторным возможностям монолингвов.

Стало быть, билингвизм благоприятно влияет на развитие регуляторных функций в дошкольном возрасте в ходе целенаправленного образовательного процесса. Полученные результаты, вероятно, не полностью решают поставленную проблему и не позволяют делать далеко идущие выводы, но они могут стать основой для дальнейшего изучения вопроса о влиянии билингвизма на когнитивную сферу.

Ограничения исследования заключаются в том, что в дошкольном образовательном учреждении при национальной гимназии и в частном детском саду с дошкольниками ведется усиленная логопедическая и психологическая работа по подготовке к поступлению в школу, что не прослеживается в традиционном дошкольном образовательном учреждении.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в проведении лонгитюдного исследования развития регуляторных функций билингвов на всем протяжении пребывания в детских дошкольных учреждениях.

Библиографический список

1. Баянова Л.Ф., Веракса А.Н., Попова Р.Р. и др. О регуляторных функциях дошкольников в контексте нормативной ситуации // Современное дошкольное образование. – 2018. – №5(87). – С. 4–15. DOI: 10.24411/1997-9657-2018-00017.

2. Медведева Д.С., Хотинец В.Ю. Развитие речемыслительной деятельности младших школьников-билингвов средствами культурного дискурса // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / под ред. В.В. Знакова, А.Л. Журавлёва. – М.: Институт психологии РАН, 2018. – С. 1820-1827.

3. Медведева Д.С., Хотинец В.Ю. Особенности развития речемыслительной деятельности детей-билингвов // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология, Педагогика». Ижевск: Изд-во УдГУ, 2018. – Т. 28. – С. 87-93.

4. Barac R., Bialystok E. Bilingual effects on cognitive and linguistic development: role of language, cultural background, and education // Child Development. – 2012. – Т. 83. – Р. 413–422. DOI: 10.1111/j.1467-8624.2011.01707.x.

5. Bialystok E. The bilingual adaptation: How minds accommodate experience // Psychological Bulletin. – 2017. – Т. 143. – Р. 233–262.

6. Hansen B. L., Macizo P., Andoni Dunabeitia et al. Emergent bilingualism and working memory development in school aged children // Language Learning. – 2016. – Т. 66. – Р. 51–75.

7. Kapa L.L., Colombo J. Attentional control in early and later bilingual children // *Cognition Development*. – 2013. – Т. 28. – P. 233–246. DOI: 10.1016/j.cogdev.2013.01.011.

8. Paap K.R., Anders-Jefferson R., Mason L. et al. Bilingual advantages in inhibition or selective attention: More challenges // *Frontiers in Psychology*. – 2018. – Т. 9. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01409.

9. Poarch G.J., van Hell J.G. Executive functions and inhibitory control in multilingual children: evidence from second-language learners, bilinguals, and trilinguals // *The Journal of Experimental Child Psychology*. – 2012. – Т. 113. – P. 535–551. DOI: 10.1016/j.jecp.2012.06.013.

10. Yoshida H. The Cognitive Consequences of Early Bilingualism // *Zero to Three*. – 2008. – Т. 29(2). – P. 26-30.

EXECUTIVE FUNCTIONS DEVELOPMENT'S FEATURES OF BILINGUAL PRESCHOOL CHILDREN IN THE EDUCATIONAL SITUATION

Salnova S.A.

Scientific supervisor: Khotines V.Yu., Doctor of Science (Psychology), Professor, Udmurt State University, Izhevsk

Abstract. The results of an empirical study are discussed to determine whether preschool bilinguals are ahead of monolinguals in the development of executive functions in the educational situation. The analysis of the obtained data is carried out, statistically significant differences are revealed using the Mann-Whitney U-test. According to the results of the study, it was found that bilingual children of older preschool age outperform monolingual children in the development of executive functions, namely: inhibitory control, cognitive flexibility and working memory. The hypothesis is confirmed that preschool bilingual children (with unsystematic and unconscious knowledge of the second language) in the educational situation are ahead of monolinguals in the development of executive functions.

Keywords: bilingualism; executive functions; inhibitory control; cognitive flexibility; working memory; preschool age.

СВЯЗЬ ВЫНОСЛИВОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА СПОРТСМЕНОВ

Стерхова В.Д.

Научный руководитель: Сидоров К.Р., к. психол. н, доцент
Удмуртский государственный университет, Ижевск

Аннотация. В данной статье представлена связь выносливости с эффективностью тренировочного процесса футболистов. Основное внимание акцентируется на выявлении связи, построении регрессионных линейных моделей. Используя их, можно спрогнозировать, как будут меняться

составляющие эффективности тренировочного процесса при изменении показателей выносливости футболистов.

Ключевые слова: выносливость; эффективность тренировочного процесса, корреляционный анализ, регрессионная линейная модель.

Введение.

В условиях роста популярности футбола и наступающего увеличения воспитанников становится актуальной проблема исследования развития выносливости, раскрытие которой позволит учитывать данную индивидуальную характеристику при тренировочном процессе, что повысит его эффективность. Исследование связи выносливости с эффективностью тренировочного процесса остается актуальным, поскольку выносливость – это способность преодолевать усталость, что является одним из важных факторов в процессе тренировок футболистов.

В таком виде спорта, как футбол, высокие результаты определяются степенью развития способностей футболиста. Выносливость является двигательным качеством и считается ведущим, оказывая влияние на возможности совершенствования, проявления спортивного профессионализма. Наиболее сильная выносливость влияет на организацию всего игрового времени, а также увеличивает игровую активность. Футболист может достигать высоких результатов в своей профессиональной деятельности за счёт сочетания и связи физической, технической и психологической подготовленности.

Метод.

Участники исследования.

В исследовании приняли участие 65 человек (юноши) – в том числе учащиеся 10-11-х классов, молодежная команда, основная команда спортивной специализированной школы олимпийского резерва футбольный клуб «Зенит - Ижевск». Возраст испытуемых 17-30 лет. Процедура исследования была следующей: вначале был произведен сбор физических нормативов для измерения спринтерских качеств, взрывной силы, силы, техники игры, гибкости, выносливости, затем была произведена оценка эффективности тренировочного процесса.

Психодиагностический инструментарий.

В ходе исследования применялись следующие методы исследования:

Эмпирические методы: наблюдение.

Психодиагностические методы: тест прерывистого восстановления «Йо-Йо» для оценки физической подготовленности.

Анализ продуктов деятельности (сбор и анализ спортивных нормативов).

Методы анализа данных.

Для определения метода данные были подвергнуты проверке наличия нормального распределения по Колмогорову-Смирнову. С целью установления связей, обозначенных выше, использовался корреляционный (метод ранговой корреляции Спирмена), регрессионный (линейная регрессия) анализы.

Результаты.

Оценки эффективности тренировочного процесса включают в свой состав множество первичных оценок.

С целью упрощения подсчетов статистических критериев были введены переменные:

«В1» - показатель выносливости №1 челночный бег на 50 метров – 7 повторений в максимальном темпе.

«В2» - показатель выносливости №2 тест общей выносливости «Йо-Йо».

«В3» - показатель выносливости №3 среднее значение скоростно-силовой тренировки.

«В4» - показатель выносливости №4 среднее значение тренировки по специальной выносливости.

С целью верного проведения статистического анализа были выделены группы переменных:

«СД» - Группа №1. Спринтерские дистанции (бег 15 метров, бег 15 метров с хода, бег 30 метров, бег 30 метров с хода, бег 60 метров, челночный бег 3*10).

«ВС» - Группа №2. Взрывная сила/ Прыгучесть (прыжок в длину, тройной прыжок, прыжок вверх со взмахом, прыжок вверх без взмаха, прыжок в длину с места толчком двумя ногами, пятерной прыжок).

«С» - Группа №3. Сила (бросок набивного мяча 1кг из-за головы, аут, подтягивание из виса на высокой перекладине, силовая тренировка (среднее), поднимание туловища из положения лежа на спине (кол-во раз за 1 мин)).

«ТТ» - Группа №4. Техничко-тактические показатели (ведение мяча обвод 4 стоек удар поворотам, удар на точность из 10, с 20 метров по пустым воротам, дриблинг, технико-тактическая тренировка).

«Г» - Группа №5. Гибкость (наклон вперед из положения стоя с прямыми ногами на гимнастической скамье)

«ПВ» - Группа №6. Показатели выносливости («В1», «В2», «В3», «В4»).

«МН» - Группа №7. Мотивационный настрой (старание, энергичная включенность).

Эффективность тренировочного процесса вычислялась путем сложения групп показателей, исключая показатели выносливости.

Корреляционный анализ *показателей выносливости и показателей эффективности тренировочного процесса* дал значимые результаты:

Показатель выносливости имеет положительную корреляционную связь с показателями «Спринтерские дистанции» ($r = 0,721$; при $p < 0,001$), «Взрывная сила» ($r = 0,676$; при $p < 0,001$), «Сила» ($r = 0,778$; при $p < 0,001$), «Техничко-тактические упражнения» ($r = 0,283$; при $p = 0,022$), «Мотивационный настрой» ($r = 0,421$; при $p < 0,001$), «Эффективность тренировочного процесса» ($r = 0,769$; при $p < 0,001$).

Далее было проведено построение регрессионных линейных моделей, где независимой переменной выступала выносливость, а зависимой - показатели эффективности тренировочного процесса, а именно, спринтерские дистанции, взрывная сила, сила, технико-тактические упражнения, мотивационный настрой, общий показатель эффективности тренировочного процесса.

Рассмотрим построенную регрессионную линейную модель.

Общие значения: $F = 90,016$; $p < 0,001$;

Представление значений «зависимой» переменной y , через значение «независимой» переменной x_1 , в виде линейного уравнения:

$$y = b_0 + b_1x_1;$$

Подставив данные в переменные, получаем линейное уравнение:

$$y = -5,453 + 0,956x_1,$$

где x_1 – «ПВ», а y – «СД»

Все коэффициенты по t -критерию адекватны исходным данным ($p < 0,05$). Остальные регрессионные линейные модели также построены, все коэффициенты адекватны исходным данным, поэтому модели могут быть использованы для точного прогноза.

Обсуждение.

Выносливость положительно согласована с различными составляющими тренировочного процесса футболистов, так как выносливость – это способность преодолевать чувство усталости в процессе длительного выполнения работы без существенного снижения работоспособности, оказывающая положительное влияние на развитие специфических компонентов, в нашем случае составляющих тренировочного процесса.

Её проявление зависит от силы мотива. Так, для футбола характерен командный мотив, что значительно увеличивает выносливость спортсменов.

Данное физическое качество интегрирует в себе процессы, происходящие как на внешнем уровне видимых показателей результатов, так и на уровне функционирования и совместной работы всех систем организма, а также внутриклеточного процесса синтеза веществ.

Исходя из полученных уравнений регрессии, можно предсказать, каким будет значение одной переменной, при изменении другой. Таким образом, построение регрессионной линейной модели позволило оценить значимость выносливости для тренировочного процесса. Используя построенные регрессионные модели, можно прогнозировать, как будут изменяться спринтерские качества, взрывная сила, сила, технико-тактические навыки, старания и энергичная включенность футболиста, а значит и эффективность тренировочного процесса в целом.

Чем лучше развита выносливость спортсмена, тем успешнее он в своей профессиональной деятельности. Чем быстрее спортсмен проходит дистанцию челночного бега 50 метров (7 повторений), чем больше отрезков он пробегает в тесте общей выносливости «Йо-Йо», чем лучше проявляет себя во время скоростно-силовой и специальной тренировки, тем успешнее он будет на поле. Так как футбол командная игра, и каждый игрок является частью механизма, улучшение эффективности отдельно взятого игрока, приведет к улучшению результата всей команды.

Таким образом, развивая выносливость, будут развиваться и отдельно взятые составляющие тренировочного процесса, что, несомненно, повлияет на результат игры.

Заключение.

Эффективность тренировочного процесса в большей степени зависит от выносливости спортсменов. С изменением показателей выносливости футболистов изменяется порядок и состав технико-тактических действий в соревновательных играх.

Футбол требует нахождения на поле в течение 90 минут с непрерывной отдачей сил, высоким уровнем работоспособности на протяжении всей игры, четким выполнением установок тренера, несмотря на накопленную усталость. Способность её преодоления (а это и есть выносливость) является определяющим фактором в этом виде спорта. Развитие выносливости необходимо для улучшения спортивных результатов, а также комфортного самочувствия в профессиональной и повседневной жизни.

Библиографический список

1. Ильин Е.П. Психология воли. – СПб: Питер, 2000. – 288 с.
2. Исследование влияния различных физических упражнений на развитие выносливости у футболистов / А.А. Стеблев, Г.Е. Никитин, А.В. Попов и др. // Научно-теоретический журнал «Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта», 5(171). – СПб, 2019. – С. 333-335.
3. Юров И.А. Взаимосвязь физических качеств и психологических свойств спортсменов // Вестник спортивной науки. – 2013. – №3. – С.23-28.

THE CONNECTION OF ENDURANCE AND EFFICIENCY OF THE TRAINING PROCESS OF SPORTSMEN'S

Sterkhova V.D.

Scientific supervisor: Sidorov K.R., PhD in Psychology, docent
Udmurt State University, Izhevsk

Abstract: This article presents the connection of endurance with the efficiency of the training process of football players. The main attention is focused on identifying the connection and constructing regression linear models. Using them, you can predict how the components of the efficiency of the training process will change when the players' endurance indicators change.

Key-words: endurance; efficiency of the training process, correlation analysis, linear regression model.

СОДЕРЖАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ СТУДЕНТОВ В РЕЖИМЕ САМОИЗОЛЯЦИИ

Столбова Д.Б.

Научный руководитель: Смирнов Д.О., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. Ситуация в мире, вызванная пандемией вируса COVID-19, обязывает соблюдение установленных условий режима «самоизоляции». В этот период были подвергнуты кардинальным изменениям все сферы человеческой жизни, что естественным образом привело к формированию у людей многообразных эмоциональных состояний, требующих изучения. Наше исследование направлено на определение специфики эмоциональных состояний студентов в зависимости от уровня выраженности ценностно-смысловых ориентаций. Полученные результаты позволяют судить об особенностях эмоциональных состояний студентов, пребывающих в условиях «самоизоляции».

Ключевые слова: режим «самоизоляции»; ценностные ориентации; смысл жизни; эмоциональное состояние.

Введение.

Актуальная ситуация в мире, в частности в России, вызванная пандемией нового вируса COVID-19, диктует необходимость соблюдения условий режима «самоизоляции». Режим «самоизоляции» предполагает запрет на выход из дома, за исключением неотложных поводов – похода в аптеку или магазин за продуктами, экстренного посещения врача, выгула собаки, выноса мусора или посещения работы; соблюдение социальной дистанции в общественных местах и общественном транспорте. В марте на территории большинства субъектов РФ был введен режим повышенной готовности, и обязательное соблюдение гражданами режима «самоизоляции». С 16 марта введен режим повышенной готовности и на территории Пермского края, с 29 марта обязательно соблюдение правил «самоизоляции».

В режиме «самоизоляции» были подвергнуты кардинальным изменениям все сферы человеческой жизни – политическая, экономическая, социальная, духовная. Перемены естественным образом привели к формированию у людей как положительных, так и негативных эмоциональных состояний. Данная ситуация требует всестороннего изучения.

Наше исследование направлено на определение специфики эмоциональных состояний в режиме «самоизоляции» в зависимости от специфики ценностно-смысловых ориентаций в рамках студенческого возраста.

Эмоциональные состояния – эмоциональная составляющая целостной характеристики психической деятельности отражения предметов и явлений действительности за определенный период времени (Левитов, 1964).

Определение понятия «эмоции» встречаются в работах У. Джемса, К. Изард, П. Фресс, П.К. Анохина, Р.С. Немова, С.Л. Рубинштейна, М.С. Лебединского, В.Н. Мясищева.

Эмоции можно определить как непосредственная реакция психики на стимулы внешнего и внутреннего мира, характеризующаяся яркой выраженностью субъективности отражения действительности.

Период студенчества характеризуется спецификой юношеского возраста. Юношеский возраст определяется переходом к самостоятельности, формированию гражданской активности, направленностью в будущее, формированием идентичности. Этот период считается сензитивным для построения внутренней системы ценностей.

Определение понятий ценностных и смысложизненных ориентаций можно встретить в работах как зарубежных так и отечественных В числе зарубежных исследователей – Э. Шпрангер, М. Рокич, А. Маслоу, В. Франкл, отечественных исследователей – Д.А. Леонтьев, В.А. Ядов, Е.Б. Фанталова, А.В. Серый.

Стремление к поиску и реализации человеком смысла своей жизни, в ходе осуществления которого человек осуществляет сам себя, присуще всем людям и является основным двигателем поведения и развития личности (Франкл, 1990).

Смысл жизни кристаллизуется в смысловых универсалиях – ценностных ориентациях, которые являются составной частью системы отношений и поведения человека к миру и к себе. Ценностным ориентациям свойственен двойственный характер – они социальны и индивидуальны, включают в себе исторический опыт и опыт самого субъекта.

Актуальность исследования обуславливается актуальной ситуацией в мире, особенности переживаемых людьми состояний, в рамках которой необходимо изучать.

Исследовательская гипотеза: высокая выраженность ценностно-смысловых ориентиров способствует формированию большей выраженности положительных эмоциональных состояний

Цель исследования – установить специфику выраженности эмоциональных состояний студентов в зависимости от уровня выраженности ценностно-смысловых ориентаций

Задачи исследования:

1. Разработать психологический опросник актуальных эмоциональных состояний, опираясь на психологические теории эмоциональной сферы
2. Осуществить процедуры по стандартизации опросника
3. Установить специфику взаимосвязей ценностных и смысложизненных ориентаций
4. Разделить выборку на 3 группы по выраженности смысложизненных ориентаций
5. Установить специфику выраженности эмоциональных состояний студентов в зависимости от уровня выраженности смысложизненных ориентаций

Методы и методики исследования

Участники исследования.

Выборку исследования составляют студенты пермских ВУЗов в возрасте от 19 до 23 лет, численностью 70 человек.

Психодиагностический инструментарий.

Для изучения ценностных ориентаций студентов использована методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» с модифицированной инструкцией, предполагающей оценивание из представленного списка ценностей, каждую ценность от 1 до 10 баллов по степени значимости.

Методика Д.А. Леонтьева «Тест смысложизненных ориентаций» использована для изучения осмысленности жизни студентами.

Для исследования эмоциональных состояний использована методика Д.О. Смирнова «Самооценка психологических состояний в период самоизоляции».

Методы анализа данных.

Осуществление процедуры стандартизации методики Д.О. Смирнова «Самооценка психологических состояний в период самоизоляции» будет осуществлена посредством факторного анализа.

Установление специфики взаимосвязей ценностных и смысложизненных ориентаций с помощью корреляционного анализа Пирсона.

Разделение выборки на группы по выраженности смысложизненных ориентаций будет произведена посредством кластерного анализа.

Специфика выраженности эмоциональных состояний студентов в зависимости от уровня выраженности смысложизненных ориентаций будет выявлена с помощью Т-критерия Стьюдента.

Заключение. Полученные результаты позволят новый методический инструмент для исследования эмоциональных состояний, изучить содержание ценностно-смысловой сферы студентов, судить об особенностях эмоциональных состояний студентов в период нахождения в режиме «самоизоляции».

Библиографический список

1. Распоряжение председателя Правительства Пермского края от 14.03.2020 № 5-рпп «О введении для органов управления и сил территориальной подсистемы РСЧС Пермского края режима функционирования «ПОВЫШЕННАЯ ГОТОВНОСТЬ».

2. Указ губернатора Пермского края от 29.03.2020 г. №23 «О мероприятиях, реализуемых в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в Пермском крае» (в редакции указов губернатора Пермского края от 31.03.2020 № 26, от 04.04.2020 г. №30, от 06.04.2020 г. № 31).

3. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. – М.: Просвещение, 1964. – 344 с.

4. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

EMOTIONAL STATE OF STUDENTS IN SELF-ISOLATION

Stolbova D.B.

Scientific supervisor: Smirnov D.O., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The situation in the world caused by the COVID-19 obliges to observe self-isolation. All areas of human life have changed. These changes influence the emotional state of people. The emotional states must be explored. Our scientific research explores the specifics of students' emotional states depending on the characteristic of personality's value-semantic orientations. The results of the research will indicate the characteristics of actual emotional states of students.

Keywords: self-isolation; value orientations; meaning of life; emotional state; emotions.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ШКОЛЬНИКОВ И РИСК БУЛЛИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Теплова К.С.

Научный руководитель: Хотинец В.Ю., д. психол. н., профессор
Удмуртский государственный университет, Ижевск

Аннотация. Представлены результаты исследования связи между риском буллинга и социально-психологическими установками в группах школьников с разной выраженностью установок. Проверялась гипотеза о том, что риск появления буллинга в образовательной среде связан с социально-психологическими установками. Методы исследования, используемые в работе: сравнительный анализ с применением U-критерия Манна-Уитни, корреляционный анализ по Спирмену. В результате исследования установлено: 1) в группе подростков с выраженным наличием иррациональных установок повышается риск буллинга, так как иррациональные установки школьников препятствуют им выстраивать взаимодействие со сверстниками и взрослыми, 2) во всей выборочной совокупности зафиксирован риск возникновения буллинга, в частности, утраты способности группы к принятию различий ее членов, возможности распределения ролей и построения конструктивных межличностных отношений в связи с наличием иррациональных социально-психологических установок.

Ключевые слова: буллинг; подростки; социально-психологические установки.

Введение.

Буллинг представляет собой длительное физическое или психическое насилие со стороны индивида или группы в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации (Волкова, 2016). Буллинг обуславливает проявление деструктивных взаимоотношений между подростками. В подростковый период такое негативное воздействие как буллинг может наложить отпечаток на личностный рост, уровень притязаний,

межличностное и межгрупповое взаимодействие. В психологической науке отмечается актуальность проблемы безопасности образовательной среды (Аптикиева, 2017; Волкова, 2016; Хотинец, 2012; Хотинец, 2013). Под психологической безопасностью образовательной среды В.Ю. Хотинец понимает такое состояние среды, которое обеспечивает условия, необходимые для удовлетворения базовых потребностей и саморазвития субъектов образовательного процесса (Хотинец, 2018). Большое значение в процессе социализации школьников имеют социально-психологические установки. Если подросток подвержен деструктивным установкам, он погружается в нездоровые эмоции, проявляет асоциальное поведение, имеет низкую самооценку, зависит от чужого мнения, от обстоятельств, не способен активно действовать в ситуации буллинга (Дахин, 2015; Алексеева, 2016; Кривцова, 2018; Макарова, 2018; Реан, 2018 и др.). Предметом исследования являются социально-психологические установки школьников и риск буллинга в образовательной среде.

Метод.

Участники исследования.

В исследовании приняли участие 106 подростков (46 юношей, 60 девушек) в возрасте от 14 до 16 лет, обучающихся в общеобразовательной школе г. Ижевска.

Психодиагностический инструментарий.

В ходе исследования использовались следующие методики: для диагностики социально-психологических установок применялась методика Альберта Эллиса (Каменюкин, 2014), направленная на определение рациональности-иррациональности мышления, наличия и выраженности иррациональных установок, опросник риска буллинга (ОРБ) А.А. Бочавер, В.Б. Кузнецовой, Е.М. Бианки и др. (Бочавер, 2015) для оценки риска буллинга в школе.

По методике А. Эллиса респондентам было предъявлено 50 утверждений, с которыми они могли соглашаться, либо нет, так же были предложены промежуточные формы ответов. А. Эллис выделил четыре основные шкалы, соответствующие четырем группам иррациональных установок мышления: «катастрофизация», «долженствование в отношении себя», «долженствование в отношении других», «оценочная установка» и две дополнительные: «оценка фрустрационной толерантности личности» и «общая оценка степени рациональности мышления». При проведении опросника риска буллинга испытуемые отвечали на вопросы, к которым предлагалось от одного до восьми ответов с возможностью множественного выбора. Предлагаемые ответы в ОРБ характеризуют риск буллинга, либо свидетельствуют о психологической безопасности. Четырехфакторная структура опросника включает шкалы небезопасности, благополучия, разобщенности и равноправия.

Методы анализа данных.

В исследовательской работе использованы методы статистической обработки данных: сравнительный анализ с применением U-критерия Манна-Уитни, корреляционный анализ по Спирмену.

Результаты.

В зависимости от выраженности общего показателя рациональности социально-психологических установок по методике А. Эллиса учащиеся были разделены на три группы: 1 группа (выраженное наличие иррациональных установок, всего 39 чел.), 2 группа (наличие иррациональных установок, всего 56 чел.), 3 группа (отсутствие иррациональных установок, всего 11 чел.). Сравнение показателей в группах подростков с помощью U-критерия Манна-Уитни позволило выявить значимые различия по всем шкалам методики А. Эллиса и установить то, что характеристики установок подростков отличаются. Так, подростки с выраженным наличием иррациональных установок характеризуются склонностью к катастрофизации, принимают ответственность за всё происходящее на себя, либо винят других, у них выше склонность к фрустрации и ниже общая самооценка. В группе школьников с наличием иррациональных установок роли распределены, есть диалогичные отношения. Это снижает тревогу и защищает группу от риска буллинга на фоне выстраивания системы социальных статусов. В группе с отсутствием иррациональных установок выше показатели устойчивости границ, соблюдения правил и утверждения уважения как нормы.

Для изучения взаимосвязей показателей в общей выборке между показателями социально-психологических установок и риском буллинга был проведён корреляционный анализ по Спирмену. Во всей выборочной совокупности выявлены связи между показателями общей оценки степени рациональности мышления и равноправия по методике риска буллинга ($r=-0,202$; $r=0,38$). У подростков с понижением показателей рациональности социально-психологических установок понижается показатель равноправия. Низкие показатели по шкале равноправия означают, что среди школьников отсутствует отрефлексированная социальная определенность, не налажены конструктивные коммуникации и принимающие разнообразие уважительные отношения. Утрата социальных ролей может указывать на неспособность группы к принятию различий участников, повышению уровня тревоги относительно своего статуса, возможной социальной изоляции, возникновению трудностей в межличностном общении, что способствует повышению риска буллинга.

Обсуждение.

Таким образом, по результатам проведенного эмпирического исследования было обнаружено, что в группах подростков, сформированных по показателю общая оценка степени рациональности мышления, выявлены значимые различия по шкалам социально-психологических установок. Так, у учащихся первой группы испытуемых с выраженным наличием иррациональных установок, установлены показатели, способствующие появлению буллинга – это оценивание происходящего события или явления как катастрофического, наличие установок долженствования в отношении себя и других, то есть тенденции к предъявлению повышенных требований. Подростки первой группы имеют склонность к сверхобобщениям и переживаниям ситуаций

психологического стресса, склонны к выражению агрессии, жестокости и другим негативным проявлениям деструктивного поведения.

При выявлении социально-психологических установок в подростковой группе зафиксировано подавляющее большинство школьников с наличием иррациональных установок, они составили вторую группу. Показатели риска буллинга во второй группе подростков, такие как устойчивость границ, соблюдение правил и утверждение уважения как нормы ниже, чем в группе с отсутствием иррациональных установок. В этой группе сложившаяся система социальных статусов, которая позволяет снизить тревогу и защищает подростков от риска буллинга.

В третью группу с наименьшим составом вошли учащиеся, у которых отсутствуют иррациональные установки. Подростки с отсутствием иррациональных установок отличаются более выраженным принятием других, терпимы, способны к совершению добрых поступков.

Результаты корреляционного анализа показателей во всей выборочной совокупности зафиксировали риск возникновения буллинга, в частности, утраты способности группы к принятию различий ее членов, возможности распределения ролей и построения конструктивных межличностных отношений в связи с наличием иррациональных социально-психологических установок.

Заключение.

По результатам проведенного исследования установлено, что риск буллинга в образовательной среде связан с иррациональными установками. Полученные данные могут быть использованы в практической деятельности психологов по профилактике школьного буллинга. Перспективой дальнейшего исследования является изучение связи между социально-психологическими установками подростков и риском буллинга в образовательной среде в гендерном аспекте.

Библиографический список

1. Алексеева Л.С. Жестокое обращение с детьми: его последствия и предотвращение. – М.: Нац. книж. центр, 2016. – 180 с.
2. Аптикиева Л.Р., Аптикиев А.Х., Бурсакова М.С. Психолого-педагогическая профилактика склонности к асоциальному поведению подростков в школе // Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном мире: сборник трудов участников III Международной научно-практической конференции. – Москва: РУДН, 2017. – С. 147-152.
3. Бочавер А.А., Кузнецова В.Б., Бианки Е.М. Опросник риска буллинга (ОРБ) // Вопросы психологии. – 2015. – № 5. – С. 146-157.
4. Волкова И.В. Характеристики подросткового буллинга и его определение // Вестник Минского университета. – 2016. – № 2 (15). – С. 212.
5. Каменюкин А.Г., Ковпак Д.В. Антистресс-тренинг. – СПб: Питер, 2014. – С. 201-205.
6. Макарова Е. А. Буллинг как психологическое явление, изучаемое в рамках виктимологии // Вестник ТИУиЭ, 2018. – № 1 (27). – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/bullying-kak-psiologicheskoe-yavlenie-izuchaemoe-v-ramkah-viktimologii> (дата обращения: 21.03.2020).

7. Реан А. А. Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 2 (30). – С. 3-12.

8. Хотинец В.Ю. Буллинг и виктимизация в интеркультурной ситуации // Психология индивидуальности: материалы IV Всероссийской научной конференции / отв. ред. А.Б. Купрейченко, А.А. Шатроо; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики»; Росс. гуманит. науч. фонд. – М.: Логос, 2012. – С.150.

9. Хотинец В.Ю. Особенности виктимизации подростков в условиях дефицитарности инкультурации // На перекрестке миграции: от теоретических моделей к практическим решениям. Сборник материалов четвертой Всероссийской научно-практической конференции «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития». – М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. – С. 102-103.

10. Хотинец В.Ю., Плетников А.И. Согласованность индивидуальных и культурных ценностей как фактор защищенности подростков от буллинга в школьной среде // Психологический журнал. – 2018. – Т. 39. – № 4. – С. 72-85.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL INSTALLATIONS OF SCHOOLCHILDREN AND RISK OF BULLING IN EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Teplova K.S.

Scientific adviser: V. Khotinets, Doctor of Psychological Sciences, Professor
Udmurt State University, Izhevsk

Abstract. The results of a study of the relationship between bullying risk and socio-psychological attitudes in groups of students with different severity of attitudes are presented. The hypothesis was tested that the risk of bullying in the educational environment is associated with socio-psychological settings. The study involved 106 adolescents (46 young men, 60 girls) aged 14 to 16 years, studying in a comprehensive school in Izhevsk. Research methods used in the work: comparative analysis using the Mann-Whitney U-test, correlation analysis by the Spearman. The study found: 1) in the group of adolescents with a pronounced presence of irrational attitudes, the risk of bullying increases, since irrational attitudes of schoolchildren prevent them from building interaction with peers and adults, 2) in the entire sample some facts were recorded: the risk of bullying, in particular, loss of the group's ability to accept the differences of the participants, the distribution of roles and the possibility of constructive communication due to the presence of irrational socio-psychological attitudes.

Key words: bullying; adolescents; socio-psychological settings.

ВЛИЯНИЕ ОТНОШЕНИЙ С РОДИТЕЛЯМИ РАЗНОГО ПОЛА НА АДАПТАЦИЮ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ

Тухфатова А.Ю.

Научный руководитель: Самбикина О.С., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния отношений с родителями разного пола на адаптацию студентов к обучению в вузе. Результаты анализа свидетельствуют о том, что большинство рассматриваемых нами показателей детско-родительских отношений вносят значимый вклад в показатели адаптации студентов к обучению в вузе. В зависимости от отношений с родителями разного пола были обнаружены как общие, так и отличающиеся тенденции вклада в адаптацию. Отрицательный вклад в адаптированность к группе вне зависимости от пола родителя вносят переменные, описывающие противоречивость отношений с родителями. Также полученные данные указывают, что уровень адаптации студентов в вузе выше в том случае, когда их взаимоотношения с матерями выстроены на сотрудничестве, стимулировании самостоятельности и эмоциональной поддержке. В свою очередь, на адаптацию студентов в вузе в отношениях с отцом влияют особенности взаимодействия родителя и ребенка, качество удовлетворения потребностей и реализация контроля.

Ключевые слова: адаптация, адаптированность, детско-родительские отношения, сепарация, юношеский возраст.

Система высшего образования сегодня стремится к подготовке высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в постоянно меняющихся условиях жизнедеятельности. В связи с этим не теряет своей актуальности проблема адаптации студентов в образовательной среде вуза.

После поступления в вуз вчерашние школьники сталкиваются с большим количеством трудностей и проблем: изменяются привычные условия жизни, содержание и организация процесса обучения требуют большей активности и самостоятельности, часто юноши и девушки оказываются оторванными от друзей и родительской семьи, уехав из малых городов и сельской местности в мегаполисы. В связи с отделением от родительской семьи и приобретением новой роли студента меняются взгляды, мышление, характер детско-родительских отношений. Первокурсники сталкиваются с рядом позитивных и негативных эмоциональных переживаний, именно поэтому в данный период им необходима поддержка и одобрение от родителей.

В нашей работе мы делаем акцент на одной из главных задач развития в юношеском возрасте – психологической сепарации от родителей. Психологическая сепарация представляет собой сложный процесс перестройки детско-родительских отношений, развития самосознания у юношей и девушек, которое отражается в осознания себя как отдельного уникального индивида,

отличного от образов родителей, в результате чего происходит увеличение самостоятельности и независимости взрослеющих детей юношеского возраста. Для обретения психической зрелости молодому человеку предстоит справиться с задачами, которые ставит перед ним общество, но уже без помощи родителей. Психологическая сепарация является важной составляющей детско-родительских отношений в юношеском возрасте в период профессионального личностного становления. Значимость родительской семьи в личностном развитии юношей и девушек подчеркивается в работах отечественных семейных терапевтов (Манухина, 2011; Варга, 2012; Сытько, 2014) и клинических психологов (Александрова, 2012; Сизикова, 2015).

Целью данного исследования стало изучение влияния отношений с родителями разного пола на адаптацию студентов к обучению в вузе.

В соответствии с поставленной целью в качестве одной из гипотез нами было выдвинуто предположение о том, что параметры отношений с родителями разного пола вносят значимый вклад в адаптацию студентов к обучению в вузе. Так, например, положительный вклад в адаптацию вносят эмоциональные отношения с матерью и особенности общения и взаимодействия с отцом.

Эмпирическая часть исследования проводилась в течение 2018-2019 гг. на базе Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. В качестве испытуемых выступили студенты Института психологии, факультета физической культуры и исторического факультета, в возрасте от 17 до 21 года (средний возраст составил – 18 лет), воспитывавшиеся в полных и неполных семьях. Общее количество респондентов в выборке составило – 110 человек, из них 60 девушек и 50 юношей.

Для изучения адаптации студентов к обучению в вузе использовались следующие методики: «Методика диагностики социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда в адаптации Т.В. Снегиревой (Фетискин, 2010), методика «Адаптированность студентов в вузе» Т.Д. Дубовицкой и А.В. Крыловой (Дубовицкая, 2010).

Особенности детско-родительских отношений диагностировались с помощью методики «Детско-родительские отношения подростков» (ДРОП) (О.А. Карабанова и П.В. Трояновская) и опросника для изучения психологической сепарации от родителей в юношеском возрасте – Psychological Separation Inventory (PSI, Hoffman, 1984) в адаптации В.П. Дзукаевой и Т.Ю. Садовниковой (Дзукаева, 2014, 2015).

Для изучения вклада показателей отношений с родителями разного пола в показатели адаптации студентов к обучению в вузе была использована процедура множественного регрессионного анализа. Результаты регрессионного анализа свидетельствуют о том, что большинство рассматриваемых нами показателей детско-родительских отношений вносят значимый вклад в показатели адаптации студентов к обучению в вузе.

Согласно полученным результатам, наибольший положительный вклад в адаптацию студентов к обучению в вузе вносят такие переменные, характеризующие отношения с матерью, как поощрение автономии и

сотрудничество. Отрицательный вклад вносят показатели контроля, реализации наказания и требовательности. В то же время показатели контроля со стороны отца (требовательность и особенности реализации наказания) вносят положительный вклад в адаптацию к обучению в вузе.

Можно предположить, что поощрение автономии личности студентов матерями позволяет активизировать их потенциал, активно включаться в самостоятельную деятельность, а высокий контроль со стороны матери наоборот снижает уровень самостоятельности ребенка. При этом взаимоотношения с матерями, основанные на сотрудничестве, учат действовать с учетом интересов всех сторон, так, выстраивая отношения в новом коллективе, юноши и девушки будут стремиться к пониманию взглядов своего оппонента, достижению совместных целей с позиции взаимной выгоды.

В свою очередь, вероятно, требовательность и строгость со стороны отца вносит положительный вклад в адаптацию в том случае, если отец является уважаемой и авторитетной личностью в жизни ребенка. Подобного рода контроль со стороны отца позволяет ребенку реализовывать более конструктивные модели поведения и эффективно использовать различные жизненные обстоятельства при достижении желаемых результатов, без иллюзий и фантазий, реально оценивать себя и свои возможности.

Кроме того положительный вклад в адаптацию вносят переменные, описывающие эмоциональные отношения с матерью, такие как принятие и эмоциональная дистанция. Демонстрация любви и внимания, малая эмоциональная дистанция с матерью способствуют адаптации и повышению уровня навыков управления средой у ребенка. Вероятно, это связано с тем, что при возникновении у ребенка трудностей на пути реализации собственных целей, мать оказывает ему эмоциональную поддержку, не навязывая собственного видения решения проблем, что облегчает эмоциональное состояние ребенка и придает уверенность в своих силах.

Стоит отметить существенную разницу в том, какой вклад в адаптированность студентов к группе вносит показатель удовлетворения потребностей ребенка: в отношениях с отцом этот вклад имеет положительный характер, а с матерью – отрицательный. То есть, чем больше отец удовлетворяет потребности ребенка в этом возрасте, тем более комфортно ребенок чувствует себя в группе, тем легче он находит общий язык с однокурсниками, следует принятым в группе нормам и правилам, при необходимости может обратиться к однокурсникам за помощью, способен проявить активность и взять инициативу в группе на себя. В то же время, если потребности ребенка столь же активно удовлетворяет мать, то ему трудно найти общий язык с однокурсниками, он не разделяет принятые в группе нормы и правила, не встречает понимания и принятия своих взглядов со стороны однокурсников, не может обратиться к ним за помощью.

Еще одним интересным, на наш взгляд, фактом является то, что полученные результаты в ряде случаев свидетельствуют о положительном вкладе в адаптацию к вузу конфликтности обоих родителей и отрицательном

вкладе – их доброжелательности по отношению к супругу(е). Можно предположить, что такого рода вклад в адаптацию происходит в том случае, когда ребенок пересматривает систему убеждений родителя, из конфликтных взаимоотношений между отцом и матерью выносит для себя определенный ресурс, позволяющий быть более стрессоустойчивым и проблемы в отношениях со сверстниками решать конструктивно.

Переменные, описывающие противоречивость отношений с родителями, вносят преимущественно отрицательный вклад в адаптированность к группе вне зависимости от пола родителя. Неуверенность и непоследовательность родителей может проявляться как сомнение в правильности своих действий, смена решений под давлением других людей, откладывание принятия решения и полагание на волю судьбы. Если ребенок усвоил данный способ принятия решений, то это может негативно сказываться на его отношениях с окружающими ввиду того, что его действия могут быть неясными для других людей.

Таким образом, в исследовании были обнаружены как общие, так и отличающиеся тенденции вклада отношений с родителями разного пола в адаптацию студентов к обучению в вузе. Выдвинутая нами гипотеза о наличии значимого вклада параметров отношений с родителями разного пола в адаптацию студентов к обучению в вузе подтвердилась. Полученные данные свидетельствуют, что уровень адаптированности студентов в вузе выше в том случае, если их взаимоотношения с матерями выстроены на сотрудничестве, стимулировании самостоятельности и эмоциональной поддержке. В свою очередь, в отношениях с отцом на адаптацию студентов к вузу влияют особенности взаимодействия родителя и ребенка, качество удовлетворения потребностей и реализация контроля.

Библиографический список

1. Александрова Н.Л., Федорова В.В. ИмPLICITные теории личности: представления подростков о взрослости. Современная личность: Психологические исследования / отв. ред. М.И. Воловикова, Н.Е. Харламенкова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 161-181.
2. Варга А.Я. Системная психотерапия супружеских пар – М.: Когито-Центр, 2012. – 342 с.
3. Дзукаева В.П., Садовникова Т.Ю. Адаптация опросника PSI (Psychological Separation Inventory) на российской выборке // Семейная психология и семейная психотерапия. – 2014. – №1. – С. 3-15.
4. Дзукаева В.П. Психологическая сепарация от родителей в юношеском возрасте: эволюция теоретических представлений и примеры современных исследований // Вестник северо-осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2015. – № 2. – С. 71-76
5. Дубовицкая Т.Д., Крылова А.В. Методика исследования адаптированности студентов в вузе [Электронный ресурс] // Психологическая

наука и образование. – 2010. – №2. – URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/n2/27814.shtml (дата обращения: 10.10.2019)

6. Манухина Н.М. Родители и взрослые дети: Парадоксы отношений. – М.: НФ «Класс», 2011. – 248 с.

7. Сизикова И. Страх разделения: от детского возраста до взрослого. – М.: Институт общегуманитарных Исследований, 2015. – 132 с.

8. Сытько Т.И. Структура и типы родительско-детских отношений в процессе семейной сепарации: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 – М., 2014. – 213 с.

9. Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М., М., Изд-во Института Психотерапии, 2010. – С. 467-470.

INFLUENCE OF RELATIONS WITH PARENTS OF DIFFERENT GENES ON OF ADAPTATION OF STUDENTS TO TEACHING AT THE UNIVERSITY

Tuhfatova A.Yu.

Scientific adviser: Sambikina O.S., Ph.D. in Psychology, Associate Professor
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of relationships with parents of different genders on the adaptation of students to higher education. The results of the analysis show that most of the indicators of child-parent relations considered by us make a significant contribution to the indicators of students' adaptation to higher education. Depending on the relationship with parents of different sexes, both common and different trends of contribution to adaptation were found. A negative contribution to adaptation to the group, regardless of the gender of the parent, is made by variables describing the inconsistency of relations with parents. Also, the data obtained indicate that the level of adaptation of students at the University is higher if their relationships with their mothers are built on cooperation, self-reliance and emotional support. In turn, the adaptation of students to the University in their relationship with their father is influenced by the features of interaction between parent and child, the quality of satisfaction of needs and the implementation of control.

Keywords: adaptation, adaptability, child-parent relations, separation, youth.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЫРАЖЕННОСТИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ЛИЦ ПРЕДПЕНСИОННОГО И ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

Фадеева К.В.

Научный руководитель: Таллибулина М.Т., к. психол. н.
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь.

Аннотация. Психологическое благополучие каждого человека предполагает создание условий для индивидуального развития, обеспечение психологической адаптации личности в обществе, развитие личностных свойств, которые нужны человеку для установления гармоничных социальных связей, самореализации и всестороннего совершенствования.

На данный период времени человек обретает официальный или условный статус «предпенсионера». Жизненная ситуация гражданина, достигшего предпенсионного возраста, обычно отличается сложностью осуществления профессиональных перемен или поиска новой работы, часто ухудшением здоровья. В связи с этим мы решили провести исследование.

Сравнительный анализ результатов, полученных в ходе исследования данных, по всем шкалам для определения уровня психологического благополучия людей предпенсионного и пенсионного возраста не выявил достоверно значимых различий, и позволил установить, что их общее психологическое благополучие находится на сходном уровне.

Ключевые слова: предпенсионеры; пенсионеры, психологическое благополучие.

Введение.

В настоящее время наблюдается тенденция старения населения, которая затрагивает практически все страны мира. Наибольшая доля пенсионеров в странах с высоким уровнем доходов (17,4%), где и общая продолжительность жизни выше. Если в 2012 году доля пенсионеров в населении мира составляла 20%, то согласно прогнозам, в 2050 году оно возрастет до 22%. Эта проблем актуальна и для России. По состоянию на 2020 год, в России наблюдается продолжение роста количества лиц пенсионного возраста. Сегодня в нашей стране официально проживает 46 048 000 пенсионеров.

Действующий в России до 31.12.2018 года пенсионный возраст (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин) был установлен в 1928 году. До 2019 года под предпенсионным понимался возраст на 2 года моложе пенсионного. С 2019 году в России появилась новая социальная группа — предпенсионеры. Эта категория населения возникла в связи с проведением пенсионной реформы, подразумевающей повышение возрастного ценза по выходу на заслуженный отдых. Вместе с этим возникло понятие – предпенсионный возраст. Предпенсионный возраст — устанавливаемый государством или условно выделяемый возраст на несколько лет ниже пенсионного возраста. В современной России стандартный официальный предпенсионный возраст на 5 лет ниже возраста возникновения права выхода на пенсию. Тревога о будущем, ощущения беспомощности и не востребованности, обострение хронических заболеваний приводят к переоценке ценностей в данном возрасте.

Возможности трудоустройства в предпенсионном и пенсионном возрасте, о которых в последнее время много говорится в России, значительно отличаются от других стран.

Феномен психологического благополучия берет свое начало еще в 60-х гг. XX в. Среди зарубежных авторов проблемой благополучия занимались Э. Деси и Р. Райан, Н. Бредберн, Э. Динер, К. Рифф и др. В отечественной психологии данную тему изучали такие авторы, как П.П. Фесенко, Т.Д. Шевеленкова, Л.В. Куликов, Р.М. Шамионов, Л.А. Александрова, Б.Г. Ананьев, Д.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, и пр.

Отечественными авторами подчеркивается, что психологическое благополучие – это устойчивое свойство, в котором преобладают положительные эмоции, присутствуют доверительные взаимоотношения, существует осознание жизненных смыслов, высокая степень самопринятия и позитивная мотивация. В зарубежной психологии, в основном, психологическое благополучие рассматривается как качество жизни, в структуру которого входит несколько компонентов: физический и психологический. Физический включает здоровый образ жизни, диету, безопасность, защиту от болезней, свободу. Так или иначе, во многих определениях психологического благополучия прослеживается связь благополучия человека с его с материальными возможностями.

Актуальность данного исследования психологического благополучия лиц пенсионного и предпенсионного возраста определяется тем, что в России уровень безработицы среди предпенсионеров остаётся экстремально высоким. У безработных пенсионеров есть хоть какой-то доход, в виде пенсионных выплат по возрасту, который позволяет им вести необходимые расходы на жилье и еду. Что касается предпенсионеров, то из 10,1 млн граждан данной возрастной категории официально работают только 4 млн. Эксперты объясняют сложившуюся ситуацию нежеланием работодателей брать предпенсионеров на работу. Кроме того, работодатели напрасно считают знания немолодых россиян устаревшими. Уже сейчас считается, что пенсионная реформа может спрогнозировать рост числа безработных (согласно исследованиям к 2024 году до 7,8 миллиона человек), из-за чего количество работников может расти быстрее, чем будут появляться новые рабочие места.

Цель исследования: выявить особенности проявления показателей психологического благополучия у лиц предпенсионного и пенсионного возраста.

В качестве основной **гипотезы** было выдвинуто предположение, что уровень психологического благополучия у предпенсионеров ниже, чем у пенсионеров, в связи с тем, что люди, успевшие выйти на пенсию, более уверены в завтрашнем дне и более позитивно настроены по отношению к жизни, исходя из стабильных пенсионных выплат.

Метод.

Участники исследования.

В ходе исследования, которое проходило в Центре психологической помощи населению г. Перми, были опрошены респонденты в возрасте от 50 до 84 лет. Первая группа – люди предпенсионного возраста (50-65 лет) в количестве 20 человек, вторая группа – люди пенсионного возраста (66-85 лет) в количестве 20 человек.

Психодиагностический инструментарий.

Для анализа психологического благополучия были использованы следующие методики:

- «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Шевеленковой Т.Д. П.П. Фесенко);
- «Шкала удовлетворенности жизнью» (SWLS) Э. Динер (адаптация Водопьяновой Н. Е., Штейн М.);
- Шкала оптимизма и активности Щукина М. А.
- Уровень развития субъектности личности (УРСЛ);
- Тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д. А. Леонтьева);
- Шкала общей самооффективности Р. Шварцер, М. Ерусалем.

Методы анализа данных.

Математико-статистическая обработка полученного материала проводилась при помощи программного обеспечения Microsoft Excel 2007 и программного пакета Statistica 10.0 с использованием сравнительного анализа результатов тестирования согласно t-критерию Стьюдента.

Результаты.

Сравнительный анализ результатов, полученных в ходе исследования данных, по всем шкалам для определения уровня психологического благополучия людей предпенсионного и пенсионного возраста не выявил достоверно значимых различий, и позволил установить, что их общее психологическое благополучие находится на сходном уровне.

Однако, при сравнении двух категорий респондентов, согласно интерпретации психологического благополучия по шкале К. Рифф, один из показателей - **«Управление средой»** у группы предпенсионеров оказался выше, чем у группы пенсионеров (предпенсионеры = 62,700, пенсионеры = 57,200, t-значение – 2,067). Следовательно, мы можем предположить, что категория предпенсионеров, в отличие от пенсионеров, обладает более уверенной компетенцией в управлении окружением, лучше контролирует свою деятельность, более эффективно использует представляющиеся возможности, способны улавливать или создавать условия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей и достижения целей.

Также в ходе анализа полученных данных, выявлены различия по тесту жизнестойкости С. Мадди. Анализируя данные, следует отметить, что показатели по шкале: **«Вовлеченность»** у категории предпенсионеров также выше, чем у людей пенсионного возраста (предпенсионеры = 43,300, пенсионеры = 40,200, t-значение -2,339). Это означает, что люди, еще не вышедшие на пенсию, характеризуются более высокой вовлеченностью в происходящее в своей жизни, они в большей степени получают удовольствие от собственной деятельности. В противоположность этому, у людей пенсионного возраста возможно присутствует в какой-то степени чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни.

Анализ данных по шкале **«Контроль»** выявил более высокие показатели у респондентов предпенсионного возраста, относительно респондентов уже

имеющих статус пенсионера. Можно объяснить это как то, что предпенсионеры более убеждены в том, что борьба и стойкость позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. У них более развит компонент контроля и ощущение, что они сами выбирают собственную деятельность и свой путь. В противоположность этому – ощущение собственной беспомощности.

Соответственно, общий показатель «*Жизнестойкости*» (при сумме шкал «Вовлеченность» и «Контроль») также определил более высокие показатели у предпенсионеров, чем у людей пенсионного возраста (предпенсионеры = 98,850, пенсионеры = 90,300, t-значение – 2,685).

Обсуждение результатов.

Результаты проведенного анализа не позволяют подтвердить выдвинутую нами гипотезу о том, что уровень психологического благополучия у предпенсионеров ниже, чем у пенсионеров. Уровень психологического благополучия людей предпенсионного и пенсионного возраста не выявил достоверно значимых различий, и позволил установить, что их общее психологическое благополучие находится на сходном уровне.

При этом, респонденты предпенсионного возраста, в отличии от пенсионеров, обладают более уверенными возможностями в управлении окружением, лучше контролируют свою деятельность, более эффективно используют представляющиеся возможности, способны улавливать или создавать условия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей и достижения целей. Предпенсионеры более убеждены в том, что борьба в жизни позволяет повлиять на результат происходящего. У них более развит компонент контроля и ощущение, что они сами выбирают собственную деятельность.

Заключение.

Психическое и психологическое здоровье пожилого человека, как показывают наши исследования, существенным образом зависит от умонастроения и жизненных установок самой личности, позитивного отношения к своему возрасту и стремления быть открытым новому опыту как потенциально неисчерпаемому ресурсу непрерывного развития человека в процессе жизни.

Темпы старения населения Российской Федерации растут, и к 2025 году ожидается, что каждый пятый гражданин страны будет в возрасте 60 лет и старше. Увеличивается также и численность лиц старческого возраста (75 лет и старше). Уже сейчас по данным ВОЗ их доля среди людей 60 лет и старше приближается к 25%. Психологами и социологами осуществляется поиск новых систем физических упражнений, психологических подходов. Всё это направлено на укрепление здоровья пожилых людей, повышение их активности и удовлетворённости жизнью. Остаётся надеяться на пристальное внимание, помощь и заботу от всего нашего государства и от всех государственных структур, к людям уважаемого, или к приближающемуся к таковому, возрасту людей.

Поскольку нами обнаружено, что объективные условия жизни хотя и влияют на психологическое благополучие людей, но пока определяют их в целом незначительно, перспектива дальнейших исследований может быть связана с изучением особенностей благополучия в зависимости от гендерных различий у людей пенсионного и предпенсионного возраста.

Библиографический список

1. Фесенко, П.П. Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности / Дис.. канд. психол. наук. – М., 2005. – 206 с.
2. Фомина О.О. Благополучие личности: проблемы и подходы к исследованию в отечественной психологии [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Мир науки». – 2016. – Т. 4. – № 6. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/53PSMN616.pdf>
3. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методик исследования) // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95-129.

COMPARATIVE ANALYSIS OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN PERSONS OF PRE-RETIREMENT AND RETIREMENT AGE

Fadeeva K.V.

Scientific supervisor: Tallibulina M.T., PhD in Psychology, docent
Department of Theoretical and Applied Psychology,
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. Psychological well-being of each person implies creation of conditions for individual development, provision of psychological adaptation of the person in society, development of personal properties, which the person needs to establish harmonious social ties, self-realization and comprehensive improvement.

Population ageing is a modern trend of the developed countries of the world. Researchers provide data that life expectancy is increasing, with an increasing number of older and older people actively involved in professional and social activities. For this period of time, a person gains official or conditional status as a "pre-pension holder." The life situation of a citizen who has reached the pre-retirement age is usually characterized by the difficulty of making professional changes or finding a new job, often a deterioration of health. Even at the stage of discussion of pension reform in 2018, skeptics expressed fears that this social group would be the most vulnerable: they seemed to be elementary forced to work for several years longer without providing additional preferences.

Keywords: prepensioners; pensioners, psychological wellbeing.

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОДИАГНОСТИКИ ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Филимонова К.Ю.

Научный руководитель: Калугин А.Ю., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация: в статье рассматривается проблема отсутствия надежных и валидных методик для психодиагностики волевой сферы младших школьников. На основе анализа литературных источников делается вывод о необходимости создания надежного и валидного диагностического инструментария. Указаны перспективы дальнейших исследований по обсуждаемой проблематике.

Ключевые слова: воля, саморегуляция, регулятивные универсальные учебные действия, младший школьный возраст, психометрика.

В современной науке проблема развития волевой регуляции личности остается актуальной, поскольку предпосылки ее становления включают развитие способности контролировать собственное поведение в связи с необходимостью успешного интегрирования в общественные отношения. Значимость этой проблемы обусловлена и изменениями в образовании Российской Федерации, необходимостью решения вопросов полноценного развития личности и повышения эффективности и качества образования.

В новом Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования произошел сдвиг целей со знаний, умений и навыков к результатам освоения основной образовательной программы: личностным, метапредметным (регулятивным, познавательным и коммуникативным) и предметным. В соответствии с ним, для обучающегося недостаточно овладеть только знаниями. Для него важно научиться пользоваться ими, иметь ценностные ориентиры, владеть жизненными компетентностями, которые нужны для успешной самореализации в жизни.

ФГОС ставят задачи, но не всегда очевидны способы их достижения. В частности, вводится понятие «универсальные учебные действия», но нет четких инструкций для измерения уровня их сформированности. Кроме того, УУД не равно многим известным психологическим феноменам. Например, регулятивные УУД не равно воля, так как воля – это способность человека к сознательной целенаправленной деятельности, в которой требуется преодоление трудностей на пути к достижению цели. А регулятивные УУД – это совокупность способов действий учащегося, которые обеспечивают организацию им своей учебной деятельности. К ним относятся следующие действия: целеполагание (постановка учебной задачи на основе того, что уже усвоено и того, что еще не известно); планирование (определение промежуточных целей, составление плана и последовательности действий); прогнозирование (предвосхищение результата); контроль (сличение способа действия и его результата с заданным эталоном); коррекция (внесение дополнений и корректив в план, способ действий); оценка (осознание качества и уровня освоения материала, выделение того, что предстоит усвоить); волевая саморегуляция (способность к мобилизации сил и энергии, к волевому усилию) (Асмолов, 2011).

И если на волевые качества еще можно найти методики (разного психометрического качества), то на регулятивные УУД таковых почти нет. Понятие «регулятивные универсальные учебные действия» появилось сравнительно недавно и работ по их изучению и измерению еще очень мало, тем не менее, вопросы мониторинга, а также поиска средств их формирования и развития у младших школьников актуальны.

Начальное образование закладывает основу развития волевой регуляции, когда дети овладевают умениями контролировать свое поведение в связи с новыми социальными условиями. Успешность социальной адаптации ребенка к школе в значительной степени зависит от уровня развития волевой регуляции. Именно воля помогает младшему школьнику в достижении поставленных целей, формировании усидчивости, внимательности, а также помогает ему управлять своим поведением. Воля помогает младшему школьнику сохранять цель обучения, а также именно благодаря воле ребенок конструирует свое поведение в коллективе в соответствии с этическими нормами и предлагаемыми образцами (Марковцева, 2020).

Анализируя данную проблему, мы столкнулись с тем, что в современных немногочисленных исследованиях волевых проявлений детей 7-11 лет:

1) доминируют экстенсивные методы диагностики волевой сферы. В основе экстенсивных методов, по мнению Е.П. Ильина, лежит наблюдение за поведением субъекта в естественных условиях, анализ действий и поступков личности и их оценка, а также беседы, интервьюирование, опрос (цит. по: Казикова, 2014);

2) неоднозначным остается вопрос относительно того, что именно пытаются измерить – волевое усилие, силу воли или уровень развития волевых качеств;

3) психометрическое качество используемого диагностического инструментария (позволяющего, например, объективно оценить уровень развития волевых качеств) далеко несовершенно, что также определяет актуальность заявленной темы.

На сегодняшний день практически отсутствуют надежные и валидные методики для психодиагностики волевой сферы младших школьников. Поэтому требуется расширение репертуара диагностического инструментария, позволяющего изучать волевые качества и имеющего достаточную степень валидности и надежности.

Таким образом, *целью* нашего исследования является разработка и психометрическая проверка методики, направленной на измерение регулятивных универсальных учебных действий в младшем школьном возрасте.

Объект исследования: психодиагностический инструментарий, направленный на измерение регулятивных универсальных учебных действий в младшем школьном возрасте.

Предмет исследования: разработка и психометрическая проверка методики, направленной на измерение регулятивных универсальных учебных действий в младшем школьном возрасте.

Гипотеза исследования: разработанная методика, направленная на измерение регулятивных универсальных учебных действий в младшем школьном возрасте, будет иметь высокую валидность и надежность, и обладать конкурентной валидностью по отношению к другим схожим методикам.

В соответствии с целью и гипотезой исследования были сформулированы следующие *задачи*:

- 1) провести анализ теоретико-методологических подходов к определению содержания универсальных учебных действий;
- 2) проанализировать подходы к пониманию конструкта регулятивных универсальных учебных действий;
- 3) сравнить психометрические качества методик, направленных на измерение волевой сферы младших школьников;
- 4) разработать методику, направленную на измерение регулятивных универсальных учебных действий в младшем школьном возрасте;
- 5) проверить разработанную методику на надежность и валидность.

Научная новизна работы: будет разработан теоретический конструкт регулятивных универсальных учебных действий и предложен психодиагностический инструментарий, способный его измерить.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанный психодиагностический инструментарий может быть использован в психолого-педагогической практике сопровождения личностного развития в общеобразовательных учреждениях.

Библиографический список

1. Асмолов А.Г. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли / под ред. А.Г. Асмолова. – М.: Просвещение, 2011. – 152 с.
2. Казикова Е.П. Проблемы экспериментального изучения волевой сферы младших школьников на примере методики «Нерешаемая задача» // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: материалы XVI студенческой международной науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2014. – С. 256-266.
3. Марковцева Н.А. Развитие волевой регуляции поведения как предпосылка успешной социальной адаптации младшего школьника [Электронный ресурс] // Студенческий научный форум 2020: материалы XII Международной студенческой научной конференции. – 2020. – URL: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018021018> (дата обращения: 12.05.2020).

PROBLEMS OF PSYCHODIAGNOSTICS OF THE VOLITIONAL SPHERE OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN: RESEARCH PROBLEM STATEMENT

Filimonova K. Yu.

Scientific supervisor: Kalugin A. Yu., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract: the article deals with the problem of the lack of reliable and valid methods for psychodiagnostics of the volitional sphere of primary school children. Based on the analysis of literature sources, it is concluded that it is necessary to create reliable and valid diagnostic tools. The prospects for further research on the discussed issues are indicated.

Keywords: volition, self-regulation, regulatory universal educational actions, primary school age, psychometrics.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СКЛОННОСТИ К ГАДЖЕТ-АДДИКЦИИ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОДРОСТКОВ

Фролов А.Д.

Научный руководитель: Самбикина О.С., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет г. Пермь

Аннотация: В данной работе представляется теоретический обзор на факторы способствующие формированию гаджет-аддикции. Проведен анализ различных исследований посвященных гаджет-аддикции. Целью данного исследования является изучение взаимосвязи склонности к гаджет - аддикции с показателями детско-родительских отношений подростков. Для достижения данной цели были использованы следующие диагностические методики: «Шкала интернет-зависимости» (CIAS), С.-Х. Чена (в адаптации В.Л.Малыгина, К.А.Феклисова); Методика «Детско-родительские отношения подростков» П. Трояновской (ДРОП). Для изучения взаимосвязей показателей использовался корреляционный анализ по Спирмену. Результаты исследования показали значимые взаимосвязи гаджет-аддикции с показателями характеризующие особенности эмоциональных отношений родителя и подростка.

Ключевые слова: подростки, гаджет-аддикция, детско-родительские отношения.

В нашем столь стремительно развивающемся обществе каждый день появляются и разрабатываются новые приспособления, которые способны облегчить жизнь человека. Эти приспособления – гаджеты. К ним можно отнести телевизоры, карманные компьютеры, планшеты, сотовые телефоны, различные плееры. Трудно спорить, что гаджеты делают нашу жизнь более комфортной и мобильной, но они становятся врагами, если мы уже не можем обходиться без них.

Р.В. Ершова определяет гаджет-зависимость как компульсивно-импульсивное расстройство, предполагающее чрезмерное, болезненное использование онлайн и оффлайн компьютера или любых других цифровых средств с аналогичными возможностями, сопровождающееся социальными, психологическими нарушениями, проблемами занятости и пр. (Ершова,

2015). Как показывают зарубежные и отечественные исследования, наиболее распространенными видами зависимости от гаджетов являются телевизионная, мобильная, интернет- и игровая зависимость. Огромную роль в формировании гаджет-зависимости играет интернет. Чрезмерное пристрастие к интернету разрушающе действует на ребенка, вызывает отрицательное воздействие на его психику.

Анализ литературы указывает на то, что в основе формирования гаджет-зависимости лежит стремление убежать из реальности за счет изменения своего психического состояния. По мнению В.Л. Пережогина и А.А. Сакбаева (2005), формированию гаджет-аддикции способствуют следующие факторы: 1) возможность достижения идеального «Я» в виртуальном образе, анонимность, а также практически невозможность проверки информации, которую сообщает о себе подросток-пользователь; 2) возможность реализации патологической идентификации, наиболее распространенной формой которой является идентификация с противоположным полом; 3) интернет ресурсы предоставляют человеку большие возможности для самореализации и самовыражения; 4) низкий уровень развития самосознания, отсутствие навыков рефлексии; 5) экстернальный локус контроля, низкий уровень самоуважения, вплоть до неприятия образа «Я»; 6) тенденция к бегству от реальности в ситуации фрустрации. Но также стоит обратить внимание на семью, как возможный фактор способствующий развитию гаджет-аддикции.

Влияние семьи на развитие личности, всегда являлось актуальным вопросом во все времена. На протяжении всей жизни семья сопровождала человека во все периоды его развития, и большую часть жизни, как ни странно человек связан с семьей. Многие авторы, в их числе Л.С. Алексеева (1996), Ю.Е. Алешина (1994), И.В. Дубровина (1982), Л.И. Божович (1995), О.М. Здравомыслова (2001), отмечают, что семья является одним из главных институтов социализации личности, а внутрисемейные отношения играют особую роль в формировании личности. В семье человек получает первый опыт социального взаимодействия. Семья подготавливает ребенка к жизни, является его первым и глубоким источником социальных идеалов. Отсюда следует понимать, семью, не только, как отдельную ячейку общества, но и как ту среду и сумму всех условий, которые способствуют личностному развитию ребенка.

Семья, является одним из факторов, который вносит весомый вклад как в благополучное развитие личности, так и в развитие предпосылок к нежелательным формам поведенческих реакций, в частности гаджет-аддикции.

В отечественной и зарубежной психологии проблема гаджет-аддикции изучалась в связи с копинг-стратегиями (Воеводин, 2004), с депрессивными состояниями (Уинделл, 2001), с трудностями вербализации чувств (Буриан, 2001), с целостностью семьи (Большат, Юрьева, 2006). Однако взаимосвязь данного вида зависимости с показателями детско-родительских отношений подростков на сегодняшний день не изучена не в полной мере, в этом состоит научная новизна данного исследования.

Цель: изучение взаимосвязи склонности к гаджет-аддикции с показателями детско-родительских отношений подростков

Гипотезы:

1. Существуют различия в показателях детско-родительских отношений склонных и не склонных к гаджет-аддикции подростков. Детско-родительские отношения подростков, имеющие более высокий уровень склонности к гаджет-аддикции, характеризуются отрицательными эмоциональными отношениями, низким уровнем коммуникации между родителями и подростком, а также высоким уровнем контроля и требовательности.

2. Существуют различия в структуре взаимосвязей показателей детско – родительских отношений и показателей склонности к гаджет-аддикции у подростков склонных и не склонных к гаджет-зависимости, в частности: существуют различия в показателях характеризующих особенности эмоциональных отношений родителя и подростка.

Эмпирическая часть исследования осуществлялась с марта по май 2020 г. Обследуемую выборку составили учащиеся 7–8-х классов в количестве 20 человек: 13 юноши и 7 девушек в возрасте от 13 до 14 лет.

Для изучения склонности подростков к гаджет-аддикции использовалась «Шкала интернет-зависимости» (CIAS), С.-Х. Чена (в адаптации В.Л.Малыгина, К.А. Феклисова). Для диагностики детско-родительских отношений – методика «Детско-родительские отношения подростков» П. Трояновской (ДРОП).

Для обработки эмпирических данных был использован статистический пакет Statistic 10.0 for Windows. Обработка включала следующие статистические методы:

1. Критерий Шапиро-Уилка (Shapiro - Wilk`s W test) использовался для проверки выборки на нормальность распределения.

2. Сравнительный анализ с помощью U-критерия Манна – Уитни применялся для изучения различий между выборками подростков с разным уровнем склонности к гаджет-аддикции.

3. Корреляционный анализ по Спирмену использовался для изучения взаимосвязей показателей детско-родительских с показателями склонности к гаджет-аддикции.

Результаты исследования.

В ходе исследования мы разделили выборку подростков на группы в соответствии со степенью выраженности гаджет-зависимости согласно нормативным показателям методики S.-H. Chen. Затем был выполнен сравнительный анализ двух получившихся выборок (склонных к гаджет-аддикции и не склонных) подростков по характеристикам детско-родительских и показателям гаджет-зависимого поведения.

Результаты сравнительного анализа свидетельствуют о том, что выборки подростков, склонных и не склонных к гаджет-аддикции, различаются по 21 показателю из 45 возможных, что составляет 46 %.

Между группами подростков с разным уровнем склонности к гаджет-аддикции обнаружены статистически значимые различия по следующим показателям детско-родительских отношений (ДРОП Трояновской): принятие, эмпатия, эмоциональная дистанция, сотрудничество, принятие решений, мониторинг, контроль, авторитарность, реализация наказаний, непоследовательность, враждебность по отношению к супругу, неадекватность образа ребенка.

Выявленные различия свидетельствуют о том, что детско-родительские отношения у подростков, имеющих склонность к гаджет-аддикции, характеризуются: более низким уровнем принятия своего ребенка, менее эмпатичным отношением к нему, большой эмоциональной дистанцией, низким уровнем сотрудничества, отсутствием поощрения автономности, высоким уровнем контроля и требовательности, что подтверждает одну из выдвинутых нами гипотез.

В результате корреляционного анализа выявлены статистически значимые взаимосвязи между показателями склонности к гаджет-аддикции и показателями детско-родительских отношений склонных к гаджет-аддикции подростков: показатель гаджет-аддикции имеет взаимосвязи с такими показателями как: принятие, эмпатия и эмоциональная дистанция. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что существует обратная взаимосвязь между склонностью к гаджет-аддикции и показателями характеризующих особенности эмоциональных отношений родителей и подростка.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что:

1. В детско-родительских отношениях склонных к гаджет-аддикции подростков мы можем отметить: низкий уровень демонстрации родителями любви, внимания и отсутствие понимания чувств и состояний ребенка. Отсутствие общих интересов. Также отмечается высокая эмоциональная дистанция и нежелание передавать ответственность подростку и помогать ему. Ко всему выше сказанному можно добавить низкий уровень осведомленности родителями о делах и интересах своего ребенка, и непрерываемостью власти родителя, в некоторых случаях отмечается излишняя авторитарность со стороны родителей. Отмечается низкий уровень общей удовлетворённости подростком качества отношений с родителями

2. Группа не склонных к гаджет-аддикции подростков, напротив, характеризуется повышенным уровнем демонстрации любви, внимания и доброжелательности со стороны родителей, также высоким уровнем принятия своего ребенка таким, каков он есть. Более высокий уровень заинтересованности делами и интересами своего ребенка. Отмечается наличие общих дел и интересов у родителей и подростка.

3. Детско-родительские отношения, склонных к гаджет-аддикции подростков, характеризуются такими особенностями как: конфликтность, преобладает наказание, а не поощрение, неадекватность образа ребенка, враждебность по отношению к супругу, большая эмоциональная дистанция, отсутствием сотрудничества и взаимопонимания, завышенной

требовательностью к подростку, авторитарностью и отсутствием общих интересов.

Библиографический список

1. Алексеева Л.С. Психологическая служба семьи в системе социальной работы // *Семья в России*. – 1996. – №3/4. – С. 113–126.
2. Алешина Ю.Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование // *Социальное здоровье России*. – М.: Класс, 1994. – С. 25–37.
3. Божович Л.И. Проблемы формирования личности / под ред. Д.И. Фельдштейна. – Воронеж, 1995. – С. 172.
4. Дубровина И.В. Особенности психического развития детей в семье и вне семьи / И.В. Дубровина, М.И. Лисина // *Возрастные особенности психического развития детей*. – М., 1982. – С. 152.
5. Егоров А.Ю., Кузнецова Н.А., Петрова Е.А. Особенности личности подростков с Интернет-зависимостью // *Вопросы психического здоровья детей и подростков*. – 2005. – Т. 5. – № 2. – С. 20-27.
6. Ершова Р.В. Пупиллографические предикторы интернет-зависимости // *Сегменты социально-педагогической сферы: монография в 2 томах*. – Коломна, 2015. – С. 233–250.
7. Здравомыслова О.М. Российская семья в 90-е годы: жизненные стратегии мужчин и женщин // *Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под ред. М. М. Малышевой*. – М., 2001. – С. 474.

RELATIONSHIP BETWEEN GADGET - ADDICTIONS AND INDICATORS OF CHILDREN AND PARENTAL RELATIONS OF TEENAGERS

Frolov A.D.

Scientific supervisor: Sambikina O.S., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. In this paper, we present a theoretical review of the factors contributing to the formation of gadget addiction. The analysis of various theoretical approaches to research on gadget addiction. The purpose of this study is to study the relationship of addiction to the gadget - addiction with indicators of parent-child relationships of adolescents. To achieve this goal, the following diagnostic methods were used: “Internet Addiction Scale” (CIAS), S.-X. Chen (in the adaptation of V.L. Malygin, K.A Feklisov); Methodology “Parent-child relations of adolescents” P. Troyanovskaya (DROP). To study the relationships of indicators, Spearman correlation analysis was used.

The results of the study showed significant relationships between the gadget - addiction and indicators characterizing the characteristics of the emotional relations of the parent and adolescent.

Keywords: teens, gadget - addiction, child - parent relationship.

СПЕЦИФИКА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ У ЛИЦ С РАЗНЫМ ТИПОМ МЫШЕЧНЫХ ЗАЖИМОВ

Чащина К.Ю.

Научный руководитель: Калугин А.Ю., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. Все больше людей сталкиваются с зажимами в теле. Особенно с мышечными зажимами в воротниковой зоне. Мы предположили, что мышечные зажимы – это защитная реакция на стресс. Исследование проводилось с целью выяснить: можно ли воздействовать на тело и при этом изменять системы жизнеобеспечения. Были получены следующие результаты: значительно увеличился уровень «вовлеченности» (тест жизнестойкости) и значительно выросла степень «отрицания» (опросник психологических защит), по другим 25 шкалам значимых различий обнаружено не было.

Ключевые слова: тело, психика, стресс, мышечный зажим, вытеснение, напряжение в теле, жизнеобеспечение личности.

Введение. Еще в XIX веке Зигмунд Фрейд и Йозеф Брейер выяснили, что органические поражения их пациентов не всегда связаны с соматическими нарушениями организма. Они пришли к выводу, что суть физического дискомфорта лежит в самой биографии больных и их прошедших жизненных ситуациях, которые оставили неизгладимый след на психике больного, почему и вызвали соматические нарушения (Коптева, 2014).

Позже у Вильгейма Райха (1999), ассистента Зигмунда Фрейда, возникла мысль, что мы можем не испытывать подлинного удовольствия от жизни, потому что в нашем теле имеются зажимы. Он разработал концепцию «мышечного панциря». Суть этой концепции заключалась в том, что с самого раннего детства человек препятствует своим желаниям, своему Эго, в угоду общества. Для того, чтобы погасить желание и влечение, человек учится вырабатывать те или иные механизмы тела, которые в последующем становятся мышечными зажимами. Мышечные зажимы, как считал В. Райх, делятся на сегменты. Он выделял 7 мышечных зажимов: глаза, рот, шея, грудь, диафрагма, живот и таз (Райх, 1999).

Теории единства тела и психики не теряли своей актуальности, поскольку всегда оставался вопрос: как психика может повлиять на физическое состояние организма? Задавшись этим вопросом, М.В. Богданова и Е.Л. Доценко разработали свою собственную модель «Система жизнеобеспечения личности» для целостного описания процессов, ответственных за решение человеком своих жизненных задач (Богданова, 2010). Ими выделены четыре группы способов, используемых людьми при решении жизненных трудностей:

- психологические защиты;
- психосоматические процессы;
- копинг-стратегии;
- личностные ресурсы.

Почему эти концепции актуальны для нас сегодня? С появлением бытовых удобств люди избавили себя от большей части физической нагрузки. При этом информационный поток существенно вырос, стресс стал повседневным явлением. Сталкиваясь каждый день с негативными ситуациями и явлениями, испытывая стресс, сдерживая эмоциональные переживания, современный человек накапливает напряжение, которое редко удается отреагировать. Постепенно функциональные нарушения, вызванные эмоциональным напряжением, могут перетекать в органические нарушения организма, которые приводят человека к различным серьезным заболеваниям, в том числе к мышечным зажимам, которые способны сохраняться очень долгое время.

Цель исследования: изучение механизмов жизнеобеспечения, используемых людьми с мышечными зажимами шейно-воротниковой зоны.

Объект исследования: механизмы жизнеобеспечения, используемые людьми с различными мышечными зажимами.

Предмет исследования: механизмы жизнеобеспечения, используемые людьми с мышечными зажимами шейно-воротниковой зоны.

Гипотезы исследования:

1) Комплекс массажных приемов на воротниковую зону с мышечными зажимами изменяет уровень систем жизнеобеспечения личности: уменьшает показатели психосоматического реагирования, тем самым повышая копинг-стратегии и личностный ресурс.

Научная новизна: в ходе проведенного эксперимента, было выявлено значимое увеличение уровня «вовлеченности» (тест жизнестойкости) и «отрицания» (тест психологических защит). Частое утверждение о массаже, как о панацее от многочисленных психологических проблем, в нашем исследовании не нашло эмпирического подтверждения.

Практическая значимость: практическая значимость состоит в возможности использовать материалы исследования для составления программы психолого-коррекционной работы психолога с использованием телесно-ориентированных практик.

Метод.

Участники исследования.

Мужчины и женщины в возрасте от 26 до 29 лет. Данная возрастная категория выбрана из расчета, что этот возрастной диапазон представляют люди, которые стабилизировались на жизненном пути и в основном не попадают под влияние кризисных факторов. Исследуются как мужчины, так и женщины, чтобы избежать гендерного перекоса в исследовании. Выборка состоит из 30 человек с зажимами в области шейного отдела спины. Данная выборка разделена пополам: 15 человек – экспериментальная выборка, 15 человек – контрольная.

Контрольная выборка прошла диагностику систем жизнеобеспечения личности. Через две недели после первой диагностики было проведено контрольное измерение систем жизнеобеспечения для выявления разницы в показателях.

Экспериментальная выборка диагностировалась также 2 раза с перерывом в две недели. Но за эти 2 недели они получили курс массажного воздействия для устранения причин мышечных зажимов.

Психодиагностический инструментарий.

Для подтверждения выдвинутых гипотез системы жизнеобеспечения личности в нашей работе были использованы методики, позволяющие оценить, согласно В.А. Дудину (2004), каждый уровень жизнеобеспечения:

- личностный ресурс – «Тест жизнестойкости» С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой (Леонтьев, 2006);
- копинг-стратегии – «Опросник способов совладания» Р. Лазаруса и С. Фолкмана, адаптация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой (Крюкова, 2007);
- психологические защиты – «Тест-опросник для измерения степени использования индивидом различных механизмов психологической защиты» Р. Плутчика, Г. Келлермана и Х.Р. Конте, адаптация Е.С. Романовой и Л.Р. Гребенникова (Кружкова, 2006);
- психосоматическое реагирование – «Гессенский опросник соматических жалоб», адаптация В.А. Абабкова, С.М. Бабина и Г.Л. Исуриной (Райгородский, 2004).

Методы анализа данных.

Для проверки допустимости использования параметрических методов проведены описательные статистики (проверка на нормальность распределения).

Для выявления эффекта, вызванного экспериментальным воздействием, использован дисперсионный анализ для повторных измерений с одним межгрупповым фактором.

Результаты.

Наше исследование показало, что только 2 шкалы из 25 обнаруживают экспериментальное воздействие:

- В экспериментальной группе увеличился уровень «вовлеченности» (тест жизнестойкости), в контрольной группе уровень снизился.
- В экспериментальной группе значимо повысился уровень «отрицания» (опросник Р. Плутчика, Г. Келлермана и Х.Р. Конте), в контрольной – остался прежним.

Остальные шкалы показали незначительные изменения, либо не претерпели никаких изменений.

Обсуждение.

Данные результаты свидетельствуют о том, что воздействие на тело не сильно изменяет уровень систем жизнеобеспечения личности, поскольку из 25 шкал значительно изменились только 2. Но многие шкалы, так или иначе, претерпели незначительные изменения. Возможно, была выбрана слишком маленькая выборка, и это не позволило получить точных результатов.

Заключение.

В нашем исследовании не были обнаружены существенные влияния массажа воротниковой зоны на разные уровни жизнеобеспечения. Это может быть связано как с малым размером выборки, с несоответствием методического инструментария возможному эффекту (изучались не те феномены, на которые оказывает эффект массаж воротниковой зоны), так и с переоценкой психологического эффекта от массажа в длительной перспективе. Заявленные гипотезы были лишь частично подтверждены и требуют дополнительных исследований на выборках большего объема.

Библиографический список

1. Богданова М.В. Саморегуляция личности: от защит к созиданию: монография. – Тюмень, 2010. – 203 с.
2. Богданова М.В., Дудин В.А. Разработка методики диагностики локуса жизнеобеспечения личности // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – № 9. – С. 184–193.
3. Богданова М.В., Усольцева О.А. Разработка и апробация проективной версии методики «Локус жизнеобеспечения личности» // Вестник Тюменского государственного университета. – 2013. – № 9. – С. 160–169.
4. Дудин В.А. Психосемантическая процедура диагностики системы жизнеобеспечения личности. – Тюмень, 2004. – 278 с.
5. Коптева Н.В. Учебно-методическое пособие «Читаем З. Фрейда». – Пермь, ПГГПУ, 2014. – 98 с.
6. Кружкова О.В. Психологические защиты личности. – Екатеринбург, 2006. – 153 с.
7. Крюкова Т.Л., Куфяк Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики) // Журнал практического психолога. – 2007. – № 3. – С. 93–112.
8. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
9. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. – Самара: БАХРАХ-М, 2004. – 672 с.
10. Райх В. Анализ личности. – М., Смысл, 1999. – 333 с.

SPECIFICITY OF LIFE SUPPORT OF PERSONALITY IN PERSONS WITH DIFFERENT TYPE OF MUSCLE TENSION

Chashchina K.Yu.

Scientific supervisor: Kalugin A.Yu., PhD in Psychology
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Annotation. More and more people are encountering with tension in the body. Especially with muscle tension in the collar area. We suggested that muscle tension is a protective response to stress. The study was conducted to find out: is it possible to act on the body and at the same time change life support systems. The following results were obtained: the level of “involvement” (a test of resilience) significantly increased and the degree of “denial” (a questionnaire of psychological defenses) increased significantly; no significant differences were found on the other 25 scales.

Key words: body, psyche, stress, muscle tension, repression, tension in the body, life support of an individual.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ С ВЫРАЖЕННОЙ ЛИЧНОСТНОЙ АССЕРТИВНОСТЬЮ

Чернова А.А.

Научный руководитель: Кожевникова О.В., к. психол. н., доцент
Удмуртский государственный университет, Ижевск

Аннотация. Рассматривается проблема соотношения толерантности к неопределенности и ассертивности личности. Представлены результаты эмпирического изучения толерантности к неопределенности студентов с выраженной и невыраженной личностной ассертивностью. Выявлено, что при выраженной ассертивности студенты обладают более позитивным отношением к неопределенным ситуациям, быстрее справляются с такими ситуациями и способны находить различные новые способы решения неизвестных им ранее проблем. В целом такие студенты проявляют толерантность к неопределенности, что может способствовать их личностной успешности в учебной и последующей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: ассертивность личности; ассертивное поведение; неопределенность; толерантность к неопределенности; студенты.

Введение.

Современные реалии нашего мира каждую секунду диктуют новые правила жизни. Для большинства субъектов такие частые изменения могут негативно отражаться на здоровье, на социальных контактах, а также на учебной и профессиональной деятельности. Такие неясные условия существования приводят к заинтересованности исследователей в выявлении личностных качеств, способствующих адекватному восприятию субъектом его жизни, а также личной успешности. При этом особое внимание уделяется юношескому возрасту, так как именно в этот период происходит главное становление личности, выбор профессиональной деятельности и в целом жизненного пути. На такой выбор могут влиять как собственные мотивы и цели субъекта, так и его социальное окружение, в связи с чем значимым личностным качеством в этом возрасте становится ассертивность личности, подразумевающая уверенное и открытое поведение, способствующее отстаиванию личностью своих права не причиняя вред другим людям (Шейнов, 2015). При этом возникает важный вопрос о том, какие факторы будут способствовать поддержанию и развитию личностной ассертивности субъекта. Одним из них может являться такая личностная черта как толерантность к неопределенности, так как именно в ней отражается принятие ситуации изменчивости и нестабильности. Толерантность к неопределенности способствует активной и продуктивной деятельности личности, так как «личность, толерантная к неопределённости, рассматривает

любую неопределенную ситуацию как возможность выбора, развития, приобретения нового опыта» (Терехин, 2019). В этой связи небезынтересным становится изучение соотношения таких психологических характеристик субъекта как личностная ассертивность и толерантность к неопределенности. Данный вопрос отчасти был рассмотрен в исследовании И.Н. Леонова, определившего, что при росте толерантности к неопределенности будет увеличиваться вероятность выраженности ассертивных действий, устремленных на преодоление трудных жизненных ситуаций, на активное и уверенное их преодоление (Леонов, 2015). Однако стоит отметить, что данная проблема при всей своей научной значимости остается малоизученной.

Целью нашего исследования является изучение толерантности к неопределенности студентов с выраженной личностной ассертивностью. Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что студенты с выраженной ассертивностью личности отличаются более позитивным отношением к неопределенным ситуациям, а именно: способностью быстрее справляться с неопределенными жизненными ситуациями, находя при этом различные пути решения возникающих проблем.

Метод.

Участники исследования.

Сбор эмпирических данных для исследования был осуществлен на выборке из 116 человек (юноши и девушки в возрасте от 18 до 20 лет, являющиеся студентами различных направлений подготовки 2 курса, проходящие обучение в ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»). Респондентам на добровольной основе предлагалось выполнить три психодиагностические методики, направленные на изучение различных аспектов ассертивности личности и толерантности к неопределенности, представленные на бланках в виде электронных таблиц MS Excel.

Психодиагностический инструментарий.

Для решения поставленных в исследовании эмпирических задач был использован организационный метод – сравнительный анализ исследуемых подгрупп, а также психодиагностический метод – тестирование. В качестве методик исследования были выбраны следующие: тест ассертивности, автор В.П. Шейнов; шкала SACS, автор Е.С. Хобфолл в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой; диагностика толерантности к неопределенности, шкалы Д. Маклейна в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина, Е.Г. Луковицкой.

Методы анализа данных.

В качестве методов обработки для первичного анализа данных были использованы описательные статистики (среднее значение, медиана, мода, минимум, максимум). Затем к полученным результатам был применен иерархический кластерный анализ для подробного рассмотрения различий между изучаемыми объектами и выделения числа кластеров для проведения дальнейшего исследования; кластерный анализ k-средними для классифицирования респондентов по наличию и отсутствию ассертивности

личности; U-критерий Манна-Уитни для оценки различий между подгруппами по уровню показателей толерантности к неопределенности.

Результаты.

При осуществлении иерархического кластерного анализа выборочная совокупность была поделена на два кластера. Далее с помощью кластерного анализа методом k-средних данные кластеры были обозначены как подгруппы респондентов с выраженной (n=59) и невыраженной (n=57) ассертивностью личности. Затем для анализа статистических различий по изучаемым показателям был использован U-критерий Манна-Уитни. Анализ различий показал, что показатели толерантности к неопределенности: «Общий показатель толерантности к неопределенности», «Отношение к сложным задачам», «Отношение к неопределенным ситуациям», «Принятие/избегание неопределенности», имеют высокий уровень значимости ($p \leq 0,001$).

«Общий показатель толерантности к неопределенности» определен в методике как оценка общего уровня толерантности к неопределенности, имеющая связь с развитием внутренней мотивации субъекта, данный показатель говорит об успеваемости при обучении, а также об успешном становлении профессиональной деятельности личности. Полученные результаты демонстрируют, что в обеих анализируемых подгруппах данная характеристика находится на уровне средних значений, однако у студентов первой подгруппы этот показатель несколько выше (*среднее значение – 95,86, медиана – 97, мода – 81, минимум – 36, максимум – 142*), чем у второй подгруппы (*среднее значение – 84,19, медиана – 83, мода – 75, минимум – 47, максимум – 224*). Это может говорить о том, что студенты с выраженной ассертивностью личности в большей степени обладают конструктивным мышлением, умеют выстраивать продуктивные стратегии при обучении, быстрее преодолевают трудные жизненные ситуации, что может способствовать их успеху при обучении и последующей профессиональной деятельности. Также они более снисходительны к неопределенным ситуациям, в то время как их сверстники с невыраженной ассертивностью личности имеют больше затруднений при выходе из сложных ситуаций, могут отличаться более низким уровнем успеваемости, а также менее терпимы к неясным ситуациям.

Показатель «Отношение к сложным задачам» трактуется как предпочтение личности к решению сложных задач. Полученные результаты определяют, что в обеих анализируемых подгруппах данная характеристика находится на уровне средних значений, однако у студентов первой подгруппы этот показатель несколько выше (*среднее значение – 32,59, медиана – 34, мода – 35, минимум – 15, максимум – 46*), чем у второй подгруппы (*среднее значение – 28,75, медиана – 27, мода – 27, минимум – 16, максимум – 90*). Это может означать, что студенты с выраженной ассертивностью личности предпочитают рассматривать решение трудных задач с разных точек зрения, при этом имеют стремление находить различные пути их решения, что доставляет им удовольствие, тогда как их сверстникам с невыраженной ассертивностью личности в меньшей степени нравится браться за трудные и приводящие в тупик задания.

Показатель «Отношение к неопределенным ситуациям» характеризуется как избегание неопределенных ситуаций и негативное к ним отношение. Полученные результаты демонстрируют, что в обеих анализируемых подгруппах данная характеристика находится на уровне средних значений, однако у студентов первой подгруппы этот показатель несколько выше (*среднее значение – 37,47, медиана – 37, мода – 39, минимум – 13, максимум – 59*), чем у второй подгруппы (*среднее значение – 32,32, медиана – 29, мода – 35, минимум – 12, максимум – 119*), что может трактоваться как приверженность студентов с выраженной ассертивностью личности к неопределенным ситуациям, как их положительное отношение к поиску выхода из неожиданных ситуации и терпимость к их неясности. При этом полученные данные говорят о том, что студенты с невыраженной ассертивностью личности в большей степени стремятся избегать неопределенные и негативные ситуации, им бывает порой трудно на них реагировать.

Показатель «Принятие/избегание неопределенности» трактуется как негативное восприятие и избегание неопределенных ситуаций. Полученные результаты демонстрируют, что в обеих анализируемых подгруппах данная характеристика находится на уровне средних значений, однако у студентов первой подгруппы этот показатель несколько выше (*среднее значение – 45,14, медиана – 45, мода – 36, минимум – 20, максимум – 73*), чем у второй подгруппы (*среднее значение – 37,49, медиана – 37, мода – 39, минимум – 15, максимум – 60*). Это может говорить о том, что студенты с выраженной ассертивностью личности более позитивно воспринимают неопределенные ситуации, они предпочитают решать проблемы, рассматривая их с разных точек зрения, в то время как студенты с невыраженной ассертивностью личности в большей степени стремятся избегать неопределенности в жизни, им бывает трудно реагировать на неопределенные ситуации.

Обсуждение.

Итак, полученные результаты позволяют нам утверждать, что выдвинутая гипотеза нашла свое эмпирическое подтверждение. Действительно, установлено, что студенты с выраженной ассертивностью личности отличаются более позитивным отношением к неопределенным ситуациям. Такие студенты стремительнее справляются с нестабильными и изменчивыми ситуациями, возникающими на их жизненном пути. Они предпочитают рассматривать решение задач с разных позиций и точек зрения, а также способны находить новые способы, чтобы справиться с возникающими при неопределенных ситуациях проблемами, что может оказать влияние на их успех в учебной и дальнейшей профессиональной деятельности. Таким образом, результаты нашего исследования подтверждают тенденции, описанные в работах других исследователей (Леонов, 2015), и задают направление для дальнейших изысканий в данной области, так как они могут быть направлены на практическое применение при развитии адекватного преодоления субъектом трудных и неопределенных ситуаций.

Заключение.

При проведении данного исследования было доказано, что студенты с выраженной личностной ассертивностью, отличаются толерантным отношением к неопределенности, что может способствовать их личностной успешности, а также более позитивному взгляду на трудные жизненные ситуации. Следует отметить, что полученные данные имеют ограничения, связанные с уровнем образования и возрастом респондентов, что определено выборкой студентов от 18 до 20 лет, обучающихся на втором курсе высшей школы, в связи с чем имеющиеся результаты нельзя использовать при изменении данных условий. Однако данное исследование является лишь частью более крупного научного труда, в котором данные условия являются определяющими. В дальнейшем нами будет осуществлено расширение выборки и проведение исследования по изучению ассертивности личности как фактора вторичной академической адаптации.

Библиографический список

1. Леонов И.Н. Влияние толерантности к неопределенности на стратегии совладающего поведения у менеджеров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2015. – Т. 4. – № 3(15). – С. 259-261. DOI: 10.18500/2304-9790-2015-4-3-259-261.
2. Терехин Р.А. Ценностные факторы толерантности к неопределенности военнослужащих на начальном этапе военно-профессиональной социализации // Вестник СПВИ войск национальной гвардии. – 2019. – № 1(6). – С. 108-113.
3. Шейнов В.П. Детерминанты ассертивного поведения // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – № 3. – С. 28-37.

AMBIGUITY TOLERANCE OF STUDENTS WITH HIGH PERSONAL ASSERTIVENESS

Chernova A.A.

Scientific supervisor: Kozhevnikova O.V., PhD in Psychology, docent
Udmurt State University, Izhevsk

Abstract. The problem of the correlation of tolerance to ambiguity and personal assertiveness is considered. The results of empirical study of ambiguity tolerance to of students with a low a high level of personal assertiveness are presented. It has been revealed that assertive students have a more positive attitude to uncertain situations, are faster to cope with such situations and are able to find various innovative ways to solve previously unknown problems. In general, such students show tolerance for ambiguity that can contribute to their personal success in studying and their future professional activities.

Keywords: personal assertiveness; assertive behavior; ambiguity; ambiguity tolerance; students.

ЭФФЕКТЫ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ НА

КОМПЛЕКСЫ ГОТОВНОСТИ К ШКОЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ

Шакирова М.И.

Научный руководитель: Калугин А.Ю., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье анализируются эффекты детско-родительских отношений на готовность к школьному обучению старших дошкольников. Исследование направлено на изучение комплексов готовности к школьному обучению, различных показателей родительского воспитания, виды взаимодействий родителей с детьми-дошкольниками. Важную роль в развитии личности ребенка играет семья и преобладающий в ней характер детско-родительских отношений, именно в семье происходит активное усвоение социальных норм, образцов взаимодействия и поведения в целом. В ходе исследования обнаружено, что «автономность» ребенка и определенный уровень дистанцированности между родителем и ребенком положительно сказывается на уровне его комплексов готовности к школьному обучению.

Ключевые слова: семья; дошкольник; стиль семейного воспитания; детско-родительские отношения; комплексы готовности; школьное обучение.

Введение.

Вопросы, посвященные проблемам детско-родительских отношений, и влияние, которое они оказывают на готовность детей к школе, рассматривались на протяжении всего развития психологической науки и практики. Ведущие отечественные теоретические ученые указывали на решающую роль отношений с близкими взрослыми для развития ребенка, но сами эти отношения редко становились предметом исследования, ни в деятельностном, ни в культурно-историческом подходе (Выготский, 1981; Леонтьев, 1979.) До сих пор понятие «детско-родительские отношения» в психологической литературе однозначно не определено. Обобщая теоретические подходы, ясно одно, что детско-родительские отношения – это один из видов человеческих отношений, имеющий свою специфику. В работах психологов выделены типы семей, особенности семейного воспитания и отношения родителей к своему ребенку (Божович, 1995; Лисина, 1982; Мухина, 1985; Варга, 2015)

Цель исследования: изучить эффект детско-родительских отношений на комплексы готовности к школьному обучению дошкольника.

Объект исследования: детско-родительские отношения и комплексы готовности к школьному обучению дошкольника.

Предмет исследования: эффект детско-родительских отношений на комплексы готовности к школьному обучению дошкольника.

Гипотеза исследования: детско-родительские отношения оказывают значимый эффект на комплексы готовности к школьному обучению дошкольника.

Задачи исследования:

1. Выявить взаимосвязи между характеристиками детско-родительских

отношений и показателями психологической готовности к обучению в школе у детей старшего дошкольного возраста.

2. Определить обобщенные переменные детско-родительского отношения.

3. Выявить эффект детско-родительских отношений на готовность к школьному обучению дошкольника.

Метод.

Участники исследования.

В исследовании приняли участие дети 6-7-летнего возраста в количестве 35 человек, из них 20 девочек и 15 мальчиков, и их матери в количестве 35 человек, в возрасте от 28 до 40 лет.

Психодиагностический инструментарий.

Использовались методики для определения готовности к школьному обучению: методика «МЭДИС» И.С. Авериной, Е.И. Щеблановой, Е.Н. Задориной; методика «Домик» И.В. Дубровиной; методика «Сказка» Н.И. Гуткина; «Стандартная беседа» Т.А. Нежной. Методики для определения родительских отношений: «Опросник родительского отношения» А.Я. Варги, В.В. Столина; опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» И.М. Марковской.

Методы анализа данных.

Применялись следующие статистические процедуры:

1. Для последующего выбора критериев, предназначенных для выявления значимых различий, была проведена описательная статистика и критерий Шапиро-Уилко.

2. Для выявления специфических взаимосвязей характеристик психологической готовности к школе и детско-родительских отношений использовался корреляционный анализ Спирмена.

3. Факторный анализ применялся для сокращения числа переменных (редукция данных) и определения структуры взаимосвязи между переменными.

4. Метод регрессионного анализа позволил исследовать эффект обобщенных переменных детско-родительских отношений на комплексы готовности к школьному обучению.

Результаты.

Корреляционный анализ Спирмена позволил обнаружить большое количество взаимосвязей между характеристиками родительского отношения к детям и комплексами психологической готовности к школьному обучению. Кроме того, были обнаружены тесные взаимосвязи между схожими шкалами методик, направленных на изучение детско-родительских отношений. Одним из требований множественного регрессионного анализа является отсутствие коллинеарности между предикторами. Высокие коэффициенты корреляции указывали на наличие коллинеарности, поэтому далее был проведен факторный анализ, который позволил обобщить переменные и сделать их независимыми.

Были выделены 4 значимых фактора, которые были идентифицированы, как «Отвержение-принятие», «Близость-дистанция», «Контроль-автономность» и «Требовательность-нетребовательность».

Далее был проведен множественный регрессионный анализ, который

позволил выявить, что наибольший эффект практически на все комплексы готовности к школьному обучению оказывает фактор детско-родительских отношений «Контроль-автономность» (общая осведомленность, понимание инструкции, логическое мышление, математические способности, сенсомоторная координация, мотивационная готовность и внутренняя позиция школьника).

Фактор «Близость-дистанция» обнаружил значимый эффект только в двух случаях: на уровень развития у ребёнка логического мышления и на уровень развития общей осведомлённости. Также было выявлено, что такие факторы, как «Отвержение-принятие» и «Требовательность-нетребовательность», не оказывают значимого эффекта на готовность к школьному обучению дошкольника.

Таким образом, гипотеза исследования о том, что детско-родительские отношения оказывают значимый эффект на комплексы готовности к школьному обучению дошкольника нашла своё подтверждение.

Заключение.

В ходе исследования было обнаружено, что имеет место тесная связь между показателями детско-родительского отношения и когнитивными процессами, имеющими большое значение для обучения в школе.

Повышенный контроль взрослого по отношению к ребёнку обуславливает снижение таких показателей познавательных процессов, как: осведомлённость, понимание инструкции, логическое мышление, математические способности, сенсомоторная координация и мотивационная готовность к обучению в школе. Вместе с тем, повышенный контроль положительно влияет на «внутреннюю позицию школьника».

Чрезмерная же близость в отношениях между ребёнком и родителем приводит к снижению показателей общей осведомленности ребенка и логического мышления.

Перспективным направлением дальнейших исследований может стать изучение влияния эффектов детско-родительских отношений на психологическую готовность к школе с применением иного психодиагностического инструментария.

Библиографический список

1. Аверина И.С., Щербанова Е.И. Вербальный тест творческого мышления «Необычное использование»: Пособие для школьных психологов. – М.: Соборъ, 1996. – 60 с.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: избранные психологические труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1995. – 352 с.
3. Варга А.Я., Хамитова И.Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна // Московский психотерапевтический журнал. – 2015. – № 1. – С. 137-146.
4. Выготский Л.С. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина. – М.: Педагогика, 1981. – 432 с.

5. Дубровина И. В. Готовность к школе. – М.: Академический проект, 2001. – 136 с.
6. Лисина М.И. Подготовка к школьному обучению и общение детей со взрослыми // Формирование школьной зрелости ребенка. – Таллин, 1982. – С. 97-100.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность и общение // Вопросы философии. – 1979. – № 1. – С.122-133.
8. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. – СПб., 2000. – 150 с.
9. Мухина В.С. Детская психология: учеб. для пед. ин-тов // Под ред. Л.А. Венгера. – М.: Просвещение, 1985. – 272 с.

EFFECTS OF PARENT-CHILD RELATIONSHIPS ON COMPLEXES OF READINESS FOR SCHOOL EDUCATION

Shakirova M. I.

Scientific supervisor: Kalugin A. Yu., PhD in Psychology, Docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The article analyzes the effects of parent-child relationships on the readiness for schooling of senior preschoolers. The study is aimed at studying complexes of readiness for schooling, various indicators of parenting, types of interactions of parents with preschool children. An important role in the development of a child's personality is played by the family and the prevailing nature of parent-child relationships in it, it is in the family that the active assimilation of social norms, patterns of interaction and behavior in general takes place. The study found that the "autonomy" of the child and a certain level of distance between the parent and the child positively affects the level of its readiness complexes for schooling.

Keywords: family; preschooler; family education style; parent-child relationships; readiness complexes; school education.

УЧЕБНАЯ АКТИВНОСТЬ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Щербакова В.Е.

Научный руководитель: Калугин А.Ю., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье представлены результаты исследования учебной активности младших школьников. Учебная активность – прежде всего, мера того шага в учебной деятельности и ее развитии, который делает сам школьник как субъект активности. Структура учебной активности характеризуется иерархичностью, построенной на основе динамического принципа противоречивого соотношения: потенциал – его реализация – новый потенциал, и представлена взаимоотношением четырех компонентов (иерархических уровней) динамичной системы: потенциала активности, регулятивного,

динамического и результативного компонентов учебной активности (Волочков, 2010).

Ключевые слова: учебная активность, темперамент, младший школьник.

Введение.

Вопросы формирования учебной активности школьников относятся к числу наиболее актуальных проблем в психологии и педагогике. Более двух с половиной тысяч лет прошло с тех пор, как древнегреческие философы обозначили проблему активности человека. В общей теории учения, основы которой были заложены Я.А. Коменским, И.Г. Песталоцци, И. Гербертом, А. Дистервегом, в нашей стране М.Я. Басовым, П.П. Блонским, Л.С. Выготским, П.Ф. Каптеревым, П.П. Нечаевым, А.С. Макаренко, К.Д. Ушинским, С.Т. Шацким, а также представителями отечественной и зарубежной педагогической психологии середины двадцатого века – В.В. Давыдовым, Д.Б. Элькониним, И. Лингартом, И. Ломпшером и другими учеными, сформировалась психологическая теория учебной деятельности. В рамках психологической теории учебной деятельности, разработчиками которой являлись П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин, А.К. Маркова, Н.Ф. Талызина и др., психологические основы которой были заложены трудами Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, а конкретное содержание сформулировано А.Н. Леонтьевым, мы рассматриваем понятие «учебная активность».

Активность учащихся по их отношению к самой учебной деятельности и средствам учения, по мнению некоторых авторов, выражается во внимательном слушании учителя, молчаливом сосредоточении на своих мыслях, пристальном наблюдении за опытом, несмотря на отсутствие внешних проявлений, в действительности является подлинной активностью. Внутренняя активность, сосредоточенность мысли учащегося могут не иметь внешних ярких выражений. Внешняя активность учащегося, его суетливость, попытки дополнить ответы учащихся, вмешательство в объяснение преподавателя вовсе не свидетельствует о направленности мысли и воли учащегося. Таким образом, активность связана с сознательным целеустремленным проявлением усилий учащегося и ведет к успешному выполнению всякой задачи, которая возникает в процессе обучения. «Активность учащихся необходима во всех звеньях процесса учебной деятельности и непременно предполагает ту или иную степень самостоятельности мысли учащихся» (Волочков, 2017, с. 56).

Актуальность темы определяется, с одной стороны, нарастающим пониманием того, что активность является неотъемлемой характеристикой субъекта деятельности, от особенностей которой в значительной степени зависит как развитие самого субъекта, так и овладение им конкретной деятельностью. С другой стороны - понятие, сущность, структура целостной учебной активности, механизмы ее влияния на развитие индивидуальности учащихся до сих пор остаются мало изученными.

Целью работы является выявление взаимосвязи учебной активности с типами темперамента у младших школьников.

Объект исследования – учебная активность младших школьников.

Предмет исследования – взаимосвязь учебной активности и типов темперамента у младших школьников.

Гипотеза исследования:

1) учебная деятельность оказывает стимулирующее влияние на развитие основных компонентов учебной активности.

2) учебная активность младших школьников зависит от типа темперамента.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Рассмотреть феномен учебной активности младших школьников с психологической точки зрения;

2. Изучить условия формирования учебной активности младших школьников в процессе обучения.

3. Проанализировать и систематизировать научно-психологическую информацию по теме исследования;

4. Обосновать методики для диагностики учебной активности у детей младшего школьного возраста;

5. Исследовать факторы учебной активности у детей младшего школьного возраста;

6. Исследовать типы темперамента у детей младшего школьного возраста;

7. Провести анализ взаимосвязи учебной активности и типов темперамента у детей младшего школьного возраста.

Практическая значимость заключается в том, что полученные выводы и результаты могут быть использованы в учебно-воспитательном процессе общеобразовательных учреждений.

Метод.

Участники исследования.

Замеры проводились на базе МАОУ «СОШ № 82» города Перми. Выборка представлена младшими школьниками, обучающимися в 3-4-м классе. Общее количество испытуемых – 24 человека, из них 13 девочек и 11 мальчиков. Возрастной диапазон выборки составил 10-12 лет. Исследование проводилось 4 раза: октябрь 2017, март 2018, октябрь 2018, март 2019.

Психодиагностический инструментарий:

С целью определения факторов учебной активности был проведён «Опросник учебной активности младших школьников» А.В. Краснова.

С целью определения типа темперамента учащихся были проведёны тесты «Личностный опросник Айзенка» (Eysenck Personality Inventory, EPI), «Павловский опросник темперамента» (Pavlovian Temperament Survey, PTS) Я. Стреляу.

Результаты.

Проведенное исследование позволило обнаружить следующие закономерности:

1. Были выделены школьники, имеющие низкий, средний и высокий уровни развития учебной активности и базовых шкал.

2. Учебная деятельность оказывает эффективное влияние на развитие основных компонентов учебной активности. Показатели всех шкал повышались в течение учебного года и имели тенденцию к снижению в каникулярный период, либо оставались на прежнем уровне.

3. У младших школьников самые низкие показатели были выявлены по шкале «Регулятивный компонент учебной активности», а самые высокие – по шкале «Результативный компонент учебной активности». Поэтому для детей сложным является управление своей учебной деятельностью.

4. Проведенное исследование позволило отметить, что в потенциале, регуляции, динамике, результативности и учебной активности лидируют холерики и сангвиники.

Заключение.

В наиболее общем виде учебная активность – качественно-количественная мера взаимодействия субъекта учебной деятельности со средой обучения, нормами, традициями, требованиями учебной деятельности, которые являются существенной частью мира его индивидуальности, особенно в младшем школьном возрасте (Давыдов, 1982).

Структура учебной активности может быть представлена взаимоотношением четырех компонентов (иерархических уровней) динамичной системы: потенциала, регулятивного, динамического и результативного компонентов учебной активности, позволяющих описать ее как особый процесс, характеризуемый в своем развитии и источниках самодвижением по пути: начальный потенциал – его реализация – новый потенциал, то есть по пути циклического развития (Волочков, 2010).

Наиболее глубокое воздействие учебная активность оказывает на развитие личности младшего школьника:

- высокий уровень учебной активности резко повышает целостность и гармоничность организации свойств личности школьников, способствует их более высокой школьной и общей социальной адаптации, дает существенные преимущества в развитии;

- личность высокоактивных школьников значительно богаче, своеобразнее, чем у низкоактивных и среднеактивных. С другой стороны, очевидно, что низкоактивные школьники имеют достаточный личностный потенциал для самокоррекции и почву для оказания им квалифицированной педагогической и психологической помощи.

Таким образом, выявление уровня учебной активности младших школьников, определение их активности в обучении, очень важно, и чем точнее будет проведена диагностика ребенка, чем быстрее и правильнее будет оказана педагогическая и психологическая помощь, для детей с низкой учебной активностью, тем выше будет успеваемость и успешность в обучении.

Учитывая индивидуальные особенности темперамента учащихся, не следует приспособливать меры педагогического воздействия к его слабым

сторонам, но стоит дать рекомендации для повышения успеваемости с учетом темперамента.

Рекомендации:

- флегматику: поднимать на уроках руку, когда знает ответ, отвечать четко и быстро, попытаться сменить свои привычки, побороть робость и застенчивость, записаться в спортивную секцию;
- меланхолику: при выполнении домашней работы отдыхать после выполнения каждого задания, на уроках больше уверенности в своем ответе;
- холерику: при выполнении домашних заданий, следует менять вид деятельности; на уроке необходимо контролировать себя, не выкрикивать с места;
- сангвинуку: не начинать все дела сразу, а закончив одно, приступать к другому, это позволит более конкретно подойти к выполнению задуманного.

Библиографический список

1. Волочков А.А. Активность субъекта сферы жизни: теоретическая модель и эмпирика // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2010. – Т. 7. – № 1. – С. 19-54.
2. Волочков А.А. Возрастная динамика профиля индивидуальности в зависимости от учебной активности (от школы до вуза) // Вестник Пермского государственного педагогического университета. – 2017. – № 1. – С. 51-69.
3. Давыдов В.В. Формирование учебной деятельности школьников. – М.: Педагогика, 1982. – 216 с.

EDUCATIONAL ACTIVITY OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Sherbakova V.E.

Scientific supervisor: Kalugin A.Yu., PhD in Psychology, Docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Annotation. The article presents the results of a study of the educational activity of primary school children. Educational activity is first of all a measure of the step in educational activity and its development that the student himself makes as a subject of activity. The structure of educational activity is characterized by a hierarchy based on the dynamic principle of contradictory correlation: potential – its implementation – new potential, and is represented by the relationship of four components (hierarchical levels) of a dynamic system: activity potential, regulatory, dynamic and effective components of educational activity (Volochnikov, 2010).

Keywords: educational activity, temperament, primary school children.

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ ДОШКОЛЬНИКОВ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ ПРИВЯЗАННОСТИ К МАТЕРИ

Щипунова И.К.

Научный руководитель: Самбикина О.С., к. психол. н., доцент
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье представлен анализ исследования привязанности к матери в зарубежной и отечественной психологии, особенностей личностной сферы старших дошкольников, рассмотрены основные проблемы и актуальность исследования особенностей личностной сферы старших дошкольников с разными типами привязанности к матери. Описана практическая и теоретическая значимость исследования.

Ключевые слова: дошкольник, личность, привязанность к матери.

В современной научной психологии привязанность является основным понятием, которое описывает отношение ребенка к близкому взрослому. Феномен привязанности представляет собой глубокую эмоциональную связь, возникающую между ребенком и взрослым в результате общения и тесного взаимодействия. Став предметом целенаправленного исследования еще в 60-х гг. прошлого столетия, привязанность и по сей день вызывает огромный интерес психологов во всем мире, побуждая искать связь привязанности к матери с самыми разными сторонами эмоционально-личностного и познавательного развития ребенка.

Открытие Дж. Боулби феномена привязанности ребенка к матери произошло в условиях, когда в середине XX в. изучение материнско-детского взаимодействия приобрело особую актуальность, что было связано с появлением в Европе многочисленных приютов и круглосуточных яслей, несовершенством больничной практики содержания детей, а с началом Второй мировой войны – и с проблемами эвакуации детей без родителей в безопасные районы. Все эти новые социальные реалии, затронувшие значительные массы детского населения, обострили проблему негативного воздействия на психику ребенка разлуки с матерью и необходимость ее объяснения (Алмазова, 2015).

В науке появляется всё больше доказательств о влиянии ранних эмоциональных связей ребёнка с близким взрослым на формирование его личностных особенностей. Если привязанность ребенка к матери определяется как ненадежная, сам ребенок характеризуется как пассивный и суетливый. Ненадежная привязанность, по мнению М. Эйнсворт, является показателем неблагоприятного развития (Бурменская, 2009). Значительный круг исследований, проведенных как на Западе, так и в русле отечественной психологии, показал важнейшую роль привязанности в формировании самосознания, самооценки ребёнка, способности договариваться.

Старший дошкольный возраст – важный период в становлении детской личности. В этом возрасте появляются новые мотивы деятельности, изменяется характер взаимоотношений со сверстниками и взрослыми. Ребёнок способен оценить себя по отношению к окружающему миру в соответствии с нормами и правилами общества. Развитыми личностными новообразованиями старших дошкольников являются произвольность, креативность, детская компетентность,

становление нравственной позиции и возникновение обобщённо интеллектуального переживания (Тихонова, 2019).

Об огромной значимости проблемы особенностей личностной сферы старших дошкольников свидетельствует консультативная практика, где не редко звучат соответствующие жалобы и запросы родителей. Часто проблемы в личностной сфере связывают с особенностями детско-родительских отношений, безусловно, они вносят огромный вклад в развитие личности ребёнка. Но мало кто обращает внимание на привязанность ребёнка к матери, а это один из первых психологических феноменов, который формируется у ребёнка с близким взрослым при его рождении. Актуальность темы исследования определяется важностью характера взаимоотношений в семье для формирования многих социально значимых качеств личности и гармоничности сферы общения, а также особой ролью эмоциональных связей с матерью (или заменяющим ее лицом) в становлении основ самосознания человека и его отношения к окружающему миру.

Психология не имеет достаточных сведений о связи личностной сферы с привязанностью ребёнка к матери, поскольку большое внимание уделяется исследованию стилей воспитания и особенностей личности ребёнка. Особенно ощутим пробел подобных сведений применительно к дошкольному возрасту, хотя именно в этом возрасте формируются личностная сфера. Вероятно, это связано с недостатком валидных и надёжных методик, которыми можно количественно измерить показатели личностной сферы и привязанности к матери. В связи с этим несомненна актуальность исследования особенностей личностной сферы старших дошкольников с разными типами привязанности к матери.

Исходя из сказанного, в дальнейшем эмпирическом исследовании мы считаем необходимым рассмотреть личностную сферу старших дошкольников в зависимости от типов материнской привязанности, выявить методы исследования и её особенности. Предполагается, что результаты исследования не только расширят представления о значении эмоциональной связи с матерью, формирующейся у ребёнка, но и позволят рассмотреть влияние типа привязанности на развитие личности ребёнка. Выявляя слабые места и риски, мы сможем с особым вниманием относиться к развитию таких детей и осуществить своевременную помощь.

Библиографический список

1. Алмазова О.В. Привязанность к матери как фактор взаимоотношений взрослых сиблингов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2015. – 38 с.
2. Бурменская Г.В. Привязанность ребёнка к матери как основание типологии развития // Вестник Московского университета. – 2009. – № 4. – С. 17-30.
3. Тихонова Ю.А. Исследование особенностей личности старших дошкольников в программе «1С: Дошкольная психодиагностика» для разработки программы психологического сопровождения // Новые информационные

технологии в образовании: материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д.В. Чистова. – М.: 1С-Паблишинг, 2019. – С. 398-400.

TO FORMULATE THE PROBLEM OF STUDYING THE FEATURES OF THE PERSONAL SPHERE OF PRESCHOOL CHILDREN WITH DIFFERENT TYPES OF ATTACHMENT TO THEIR MOTHER

Shchipunova I.K.

Scientific supervisor: Sambikina O.S., PhD in Psychology, docent
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

Abstract. The article presents an analysis of the study of attachment to the mother in foreign and domestic psychology, the features of the personal sphere of older preschoolers, the main problems and relevance of the study of the features of the personal sphere of older preschoolers with different types of attachment to the mother. The practical and theoretical significance of the research is described.

Keywords: preschooler, personality, attachment to the mother.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПСИХИЧЕСКОЙ, ОСОЗНАННОЙ И ВОЛЕВОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Юсупов Т.Р.

Научный руководитель: Курунов В.В., к. психол. н., доцент
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа

Аннотация: в данной статье анализируется соотношение различных форм саморегуляции: психической, осознанной и волевой. Проводится их сравнительно-сопоставительный анализ, выделяются положения об их точках сходства и различия, общих моментах функционирования.

Ключевые слова: регуляция психических состояний, осознанная саморегуляция, волевая регуляция, регуляторный опыт личности.

Жизнь человека характеризуется многообразием уровней сугубо человеческой активности, а также необходимостью наиболее возможной реализации в них для успешной и продуктивной жизнедеятельности. Человеку в проявлениях этой активности приходится контролировать и перестраивать свое поведение: перенаправлять усилия, сдерживать при их непродуктивной реализации, или, наоборот, придавать им дополнительную стимуляцию, иными словами – сохранять определенный баланс в своей деятельности между затрачиваемыми ресурсами и достигаемыми результатами. Поэтому в деятельности и поведении человека саморегуляция является одним из наиболее важных механизмов их поддержки и контролирования.

В отечественной научной парадигме исследования саморегуляции представлены концепциями регуляции психических состояний (А.О. Прохоров), индивидуальных стилей саморегуляции (В.И. Моросанова), осознанной

саморегуляции деятельности (О.А. Конопкин), волевой регуляции (В.А. Иванников), регуляторного опыта личности (А.К. Осницкий) и др.

Одной из особенностей феномена саморегуляции является его иерархическая организация, связанная с необходимостью осуществления саморегулирования на различных уровнях жизни и ее психического отражения. В качестве примера мы представим одну из моделей иерархии саморегуляции, разработанной К.А. Абульхановой-Славской (Абульханова-Славская, 1982):

- регуляция психических процессов;
- регуляция действий с помощью этих психических процессов;
- регуляция обстоятельств жизни с помощью этих действий;
- регуляция себя в процессе изменения этих обстоятельств.

Поэтому мы приходим к выводу, что процесс саморегуляции – сложное, многоуровневое явление, и каждому психическому уровню отражения соответствует своя форма регуляции. Для нашего разбора мы выбрали те три формы, совместный разбор которых наилучшим образом отобразит процесс саморегуляции как целостное явление с разных сторон: регуляция психических состояний, осознанная саморегуляция деятельности и волевая регуляция.

Концепцией психической саморегуляции в контексте регулирования психических состояний занимался А.О. Прохоров (Прохоров, 2017). Как он отмечает в своих исследованиях, повседневная жизнь человека характеризуется проживанием обширной гаммы психических состояний. И человек, как правило, стремится к сохранению динамики и продолжительности положительных психических состояний и уменьшением длительности и интенсивности отрицательных. В этом он руководствуется наработанными в процессе онтогенеза способами и приемами саморегулирования.

По концепции А.О. Прохорова модель регуляции психических состояний представляет собой целостную функциональную систему, которая занимается регуляцией как отдельных психических состояний, так и их комплексов. Ее суть сводится к умелому использованию инструментов внешней активности, которые, эффективно воздействуя на актуальное психическое состояние человека, гармонизируют его и приводят в баланс. Как было выяснено в результате эмпирического исследования, способы регуляции как «положительных», так и «отрицательных» состояний примерно одни и те же: это общение, отключение-переключение, рассуждение, релаксация. Они применяются универсально: при регуляции положительных состояний – для снижения степени их интенсивности, перевод в разряд условно «средних»; при отрицательных – для уменьшения их динамики либо полной нейтрализации (Прохоров, 2017).

Следующая концепция, которая была нами рассмотрена – концепция осознанной саморегуляции О. А. Конопкина. Под осознанной саморегуляцией им понимается системно-организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, реализации и контролю комплексов произвольных действий, необходимых для достижения сознательно

намеченной цели. Структура осознанной саморегуляции выглядит следующим образом (Конопкин, 1995):

1. Принятая субъектом цель деятельности. Она играет роль ориентира, помогает определить необходимую степень мобилизации усилий и выступает системообразующим фактором, ради которого и инициируется весь процесс.

2. Субъективная модель значимых условий. Она отображает совокупность внешних и внутренних условий, учет которых необходим субъекту для реализации действия.

3. Программа исполнительских действий. На этой стадии субъект осуществляет процесс систематизации действий, формирования целостной программы. Она является информационным образованием, определяющим характер, последовательность, способы и другие характеристики осуществления регуляции.

4. Система субъективных критериев достижения цели. Зачастую обычного образа цели бывает недостаточно, поэтому данные критерии выполняют функцию ее уточнения и конкретизации для человека, исходя из его субъективных установок.

5. Контроль и оценка реальных результатов. На этой стадии человек сверяет степень соответствия ожидаемых результатов и достигнутых.

6. Решение о коррекции системы саморегулирования. Данный заключительный этап подразумевает анализ успешности проведенного действия и принятия решения об изменении некоторых компонентов системы саморегулирования в случае неудачи.

Далее мы рассмотрим концепцию волевой саморегуляции, представленную В.А. Иванниковым. Под волевой регуляцией им понимается намеренная регуляция побуждения к действию, сознательно принятой по необходимости и выполняемому человеку по своему решению (Иванников, 2006). Волевое действие рассматривается как «дважды произвольное». То есть, сначала решается вопрос об инициации произвольного действия, затем, на более высоком уровне – о стимуляции этого действия, либо же его остановки.

Отсюда следует, что волевое действие инициируется наличием мотивов, не имеющих непосредственной стимуляции, т.е. не биологические, а социальные, нравственные, ценностные и иные культурно детерминированные мотивы. Данное положение особенно наблюдается в истории развития трудовой деятельности. В общей форме определение регуляции через трансформацию побуждения выглядит следующим образом: формирование побуждения к волевому действию достигается через изменение или создание дополнительного смысла действия, когда действие выполняется уже не только ради мотива, по которому действие было принято к осуществлению, но и ради личностных ценностей человека или других мотивов, привлеченных к данному действию (Иванников, 2006).

Таким образом, после общего рассмотрения вышеуказанных теорий, мы переходим непосредственно к разбору их соотношения. Стоит обратить внимание на то, что психическая регуляция состояний существенно отличается

от двух иных вышеуказанных форм регуляции. Отличие заключается в различии самого характера данных процессов. В случае регуляции психических состояний речь идет скорее об эффективном использовании инструментов активности человека таким образом, чтобы успешно воздействовать на свое актуальное состояние. В данном случае не идет речь о сложном, комплексном процессе организации внутренних усилий для запуска сложного процесса по преодолению внешних и внутренних препятствий.

Осознанная и волевая регуляции соотносятся как более сходные по характеру. Но при осознанной саморегуляции делается акцент на собственно осознании цели и наличной ситуации, т.е. данная форма является когнитивной характеристикой произвольной активности как таковой. На особенность когнитивно-информационной компоненты указывает сам О.А. Конопкин: «Реализация субъектом регуляторного процесса есть самостоятельное принятие человеком ряда взаимосвязанных решений, осуществление последовательности согласованных между собой выборов как преодоление самых разных сторон (содержание, субъективное значение, личностная ценность и др.) субъективной информационной неопределенности при построении и управлении своей активностью, начиная с принятия цели и кончая оценкой достигнутых результатов» (Конопкин, 1995).

При таком рассмотрении, на наш взгляд, отсутствует специфичный уровень личностной значимости. То есть, усилия, предпринимаемые при форме осознанной регуляции, еще не входят в ту область реализации значимых личностных компонентов, в которой эта регуляция меняется в своей сущности, обретая иную специфику. Переходя в эту область, саморегуляция становится процессом более интенсивным, сопровождающимся динамикой энергетического и эмоционального напряжения и осуществляющимся не просто ради личностных мотивов, а ради тех мотивов, которые имеют для личности высокий уровень семантической значимости.

В осознанной саморегуляции имеет значение личностное опосредование, но в этом случае, по нашему мнению, мотивы и побуждения не доходят до того уровня, на котором бы они вызвали существенное напряжение личностных сил. Именно эта необходимость дополнительной стимуляции, основанная на более сложных и значимых для человека мотивах, позволяет предположительно выделить волевою регуляцию в качестве отдельного вида саморегуляции.

Также, по нашему предположению, стоит учитывать такой важный компонент саморегуляции как регуляторный опыт личности, разработанный А.К. Осницким. Регуляторный опыт представляет собой часть более общего, субъектного опыта личности, являющегося опытом пережитого и переживаемого поведения (Осницкий, 2008). В структуру регуляторного опыта входят такие компоненты, как: 1) Ценностный опыт (связанный с формированием интересов, нравственных норм, убеждений, идеалов и предпочтений); 2) Опыт рефлексии (накапливаемый путем соотнесения человеком знаний о своих возможностях и возможных преобразованиях в предметном мире и самом себе с требованиями выполняемой деятельности и

решаемыми при этом задачами); 3) Опыт привычной активизации (предполагающий предварительную подготовленность, оперативную адаптацию к изменяющимся условиям работы, расчет на определенные условия и определенный уровень достижения успеха); 4) Операциональный опыт (включающий в себя общетрудовые, профессиональные знания и умения, а также умения саморегуляции); 5) Опыт сотрудничества (складывающийся при взаимодействии с другими участниками деятельности).

И, таким образом, мы хотим внести предположение о важности актуализации того или иного элемента структуры регуляторного опыта для определенной формы регуляции. Так как регуляция психических состояний – это накопление способов саморегулирования посредством различных способов и приемов активности, то на данную форму регуляции может влиять опыт привычной активизации; на осознанную саморегуляцию, в соответствии с представленной нами выше характеристикой, могут влиять операциональный опыт и опыт рефлексии; на волевую, как наиболее личностно обусловленную, предполагается влияние ценностного опыта, опыта рефлексии и сотрудничества.

Таким образом, проведенный нами сравнительно-сопоставительный анализ приводит к выводу, что отличие между формами саморегуляции заключается в характере самого процесса, а также уровнем личностной опосредованности и семантической значимости. Данное положение, безусловно, требует дальнейшего рассмотрения, а также проведения эмпирических исследований.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. Личностные механизмы регуляции деятельности // Проблемы психологии личности: материалы Советско-Финского симпозиума – М.: Наука – 1982. – С. 92-98.
2. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции: учебное пособие. 3-е изд. – СПб: Питер, 2006. – 203 с.
3. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 5–12.
4. Осницкий А.К. Регуляторный опыт – основа субъектной активности человека. // Теоретическая и экспериментальная психология. 2008. – Т. 1. – № 2. – С. 17-34.
5. Прохоров А.О. Саморегуляция психических состояний в повседневной, обыденной жизнедеятельности человека [Электронный ресурс]// Психологические исследования. – 2017. – Т. 10 – № 56. – URL: <http://psystudy.ru>. (Дата обращения: 03.05.2020).

ABOUT THE QUESTION OF THE RATIO OF MENTAL, CONSCIOUS AND VOLITIONAL SELF-REGULATION

Yusupov T. R.

Scientific supervisor: Kurunov V.V., PhD in Psychology, docent
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa

Abstract: This article analyzes the correlation between different forms of self-regulation: psychic, sedated and volitional. Their comparative analysis is carried out, provisions on their points of similarity and difference and common moments of functioning are singled out.

Keywords: regulation of mental states, conscious self-regulation, volitional regulation, regulatory experience of the personality.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РИСКОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Ямилева Д.В.

Научный руководитель: Шиляева И.Ф., к. филос. н., доцент
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа

Аннотация. В статье поднимается проблема рискованного поведения подростков сквозь призму гендерного подхода. Подростковый возраст отмечается как наиболее уязвимый период жизни по подверженности рискам. Автором организовано и проведено эмпирическое исследование, заключающееся в выявлении гендерных различий в проявлении склонности к рискованному поведению в подростковом возрасте. В качестве диагностического инструментария использовались методика М. Цуккермана «Самооценка склонности к экстремально-рискованному поведению» и полоролевой опросник Сандры Бем. Анализ данных показал: у маскулинного типа гендерной идентичности уровни поиска острых ощущений и новых впечатлений, непереносимости однообразия, неадаптивного стремления к трудностям статистически значимо выше, чем у фемининного типа.

Ключевые слова: подростковый возраст; рискованное поведение; склонность к риску; гендерная идентичность; маскулинность; фемининность; гендерные различия.

Введение.

Рискованное поведение среди современной молодежи набирает невероятную популярность, провоцируя подростков на нарушение норм поведения, требований, правил, а иногда создавая и опасность для жизни. Разумный риск является ценным опытом: так молодые люди определяют и развивают свою индивидуальность, но им не всегда удается остаться в рамках разумного (Лакреева, 2016).

Сегодняшняя реальность приводит все больше примеров возрастания проявлений рискованного поведения, как у мальчиков, так и у девочек, и обществу становится все сложнее бороться с этой проблемой. Гендерный подход

открывает новые возможности для исследования деструктивного рискованного поведения подростков (Самылова, 2014).

Цель исследования заключается в выявлении гендерных различий в проявлении склонности к рискованному поведению в подростковом возрасте.

Метод.

В ходе исследования мы выдвинули следующую гипотезу: в проявлении склонности к рискованному поведению имеются гендерные различия: маскулинный тип гендерной идентичности более склонен к рискованному поведению. В исследовании приняли участие 45 подростков МОБУ «СОШ №1» Бакалинского района села Бакалы в возрасте 15-16 лет, из них 26 мальчиков и 19 девочек.

Перед проведением эмпирического исследования был проведен подробный анализ существующих методов диагностики рискованного поведения и маскулинности-фемининности. Было принято решение остановиться на методике М. Цуккермана «Самооценка склонности к экстремально-рискованному поведению» и полоролевом опроснике Сандры Бем.

Методика «Самооценка склонности к экстремально-рискованному поведению» Цуккермана направлена для измерения поведенческих ориентаций, связанных с потребностями в риске, новизне, экстремальности. Опросник содержит 40 утверждений, задача испытуемого выбрать подходящий для него вариант ответа. В методику включены 4 шкалы: поиск острых ощущений, непереносимость однообразия, поиск новых впечатлений, неадаптивное стремление к трудностям (Ильин, 2012).

Полоролевой опросник Сандры Бем диагностирует психологический пол и определяет уровень андрогинности, маскулинности и фемининности личности. Опросник содержит 60 утверждений (качеств), на каждое из которых испытуемый отвечает «да» или «нет», оценивая тем самым наличие или отсутствие у себя названных качеств (Малкина-Пых, 2006).

Под маскулинностью понимается комплекс психологических и характерологических особенностей, традиционно приписываемых мужчинам. К ним относятся сила, твердость, решительность, жестокость и т.д. Фемининность определяется как комплекс психологических и характерологических особенностей, традиционно приписываемых женщинам. К ним относятся мягкость, готовности помочь, уступчивость и т.д. А под андрогинностью понимается интеграция, сбалансированное сочетание мужских и женских (в традиционном понимании) характеристик, личностных черт (Головин, 2003).

Достоверность и обоснованность результатов исследования были обеспечены применением метода математической статистики – U-критерия Манна-Уитни для оценки различий между маскулинной и фемининной группами по показателям рискованного поведения.

U-критерий Манна-Уитни – непараметрический статистический критерий, используемый для оценки различий между двумя независимыми выборками по уровню какого-либо признака, измеренного количественно. В основе метода

лежит определение того, достаточно ли мала зона перекрещивающихся значений между ранжированным рядом значений параметра в первой и второй выборке (Сидоренко, 2000).

Результаты исследования и их обсуждение.

На первом этапе нашего исследования выявлялась склонность к экстремально-рискованному поведению подростков по методике М. Цуккермана в соответствии с выделенными шкалами: «поиск острых ощущений», «непереносимость однообразия», «поиск новых впечатлений», «неадаптивное стремление к трудностям».

Полученные результаты свидетельствуют о том, что большая часть подростков (48,9%) демонстрируют высокую степень поиска новых впечатлений. Действительно, подростки постоянно стремятся к поиску чего-то нового, однообразная жизнь их быстро утомляет. Средний уровень поиска новых впечатлений представлен у 28,9% испытуемых, низкий уровень – у 22,2%.

По шкале «неадаптивное стремление к трудностям» 44,4% подростков стремятся находить трудности и преодолевать их. Низкие баллы по этой шкале характеризуют тенденцию к избеганию трудностей, перекладывание ответственности на других. Такой уровень выявлен у 26,7% испытуемых. Средний уровень по данной шкале составляет 28,9% подростков.

По шкале «непереносимость однообразия» подавляющее большинство респондентов (44,4%) имеют средний уровень, а высокий – 40% подростков, которые тяжело переносят однообразие в повседневной жизни, и лишь 15,6% опрошенных устраивает однообразный образ жизни.

Показатель по шкале, отражающий потребность в острых ощущениях, у большинства подростков (44,4%) находится на высоком уровне. Это значит, что многие подростки стремятся к поиску таких ощущений, которые вызовут у них яркие, незабываемые эмоции. Средний уровень поиска острых ощущений представлен у 28,9% подростков, а низкий – у 26,7%. Здесь следует отметить, что разница между средним и низким уровнем по данной шкале различаются незначительно, что свидетельствует о том, что для большинства людей в подростковом возрасте свойственен поиск острых ощущений.

Исходя из проведенного выше анализа, можно сделать вывод: для большинства подростков свойственна высокая предрасположенность к экстремально-рискованному поведению, что проявляется в поиске новых и острых впечатлений, непереносимости однообразия и неадаптивном стремлении к трудностям.

По полоролевому опроснику С. Бем получены следующие эмпирические данные. В мужской группе, состоящей из 26 подростков, 4 человека оказались фемининны, 2 – андрогинны и подавляющее большинство (20 человек) – маскулинны. Это говорит о том, что гендерная идентичность мальчиков в большей части соответствует биологическому полу, соответственно, для них свойственно проявление таких качеств, как уверенность в себе, решительность, стремление к конкуренции, рискованность, агрессивность и т.д.

В женской группе получилось следующее соотношение: большинство девочек (14 испытуемых) фемининного типа, 1 – маскулинного и 4 девочки сочетают в себе и женские, и мужские качества. Опираясь на полученные результаты, можем отметить, что у большинства девочек гендер совпадает с биологическим полом, соответственно, для них свойственны мягкость, заботливость, эмпатичность, эмоциональность и д.т. Также следует заметить, что у девочек андрогинность проявляется чаще, чем маскулинность. Это подтверждает факт того, что современные женщины стремятся сочетать в себе как фемининные, так и маскулинные черты.

Таким образом, проанализировав результаты диагностики обеих группы по методике С. Бем, можно сделать вывод: для большинства подростков гендер совпадает с биологическим полом, соответственно, гендерная инверсия (маскулинизация девочек и феминизация мальчиков) не наблюдается.

На следующем этапе исследования – математической обработки результатов была поставлена задача определения достоверности различий по показателям рискованного поведения между маскулинной и фемининной группами. С помощью U-критерия Манна-Уитни были получены следующие результаты.

По шкале «поиск острых ощущений» выявлены значимые различия: уровень поиска острых ощущений у маскулинного типа выше, чем у фемининного типа ($U_{эмп}(16)$). По шкале «непереносимость однообразия» уровень непереносимости однообразия у маскулинного типа выше, чем у фемининного типа ($U_{эмп}(18)$). По шкале «поиск новых впечатлений» уровень поиска новых впечатлений у маскулинного типа выражен ярче, чем у фемининного ($U_{эмп}(45)$). По шкале «неадаптивное стремление к трудностям» уровень неадаптивного стремления к трудностям у маскулинного типа также представлено выше ($U_{эмп}(7,5)$).

Таким образом, на этапе математической обработки результатов исследования с помощью U-критерий Манна-Уитни была подтверждена достоверность гипотезы о том, что между маскулинным и фемининным типом гендерной идентичности существуют различия: маскулинный тип более склонен к рискованному поведению.

Заключение.

Обнаружено, что для подростков свойственна высокая склонность к экстремально-рискованному поведению, что проявляется в виде поиска новых впечатлений и острых ощущений. Подростки обоих полов оценивают себя со стороны гендера в соответствии со своей половой принадлежностью: для мальчиков свойственна маскулинность, для девочек – фемининность, но были выявлены случаи феминизации мальчиков и появления признаков андрогинности у девочек. Исходя из этого, можно выдвинуть новые гипотезы для исследования: феминизация мальчиков служит фактором развития рискованного поведения; развитие андрогинности у девочек служит причиной проявления рискованных поступков. На основании проведенного математического анализа сделано заключение о том, что в проявлении

склонности к рискованному поведению прослеживаются гендерные различия. Выявлено, подростки с маскулинной гендерной идентичностью в большей степени демонстрируют необдуманные, опасные для самих себя и окружающих поступки.

Гендерный аспект необходимо учитывать в ходе организации превентивных и профилактических мер, так как риск является неотъемлемой частью становления взрослого поведения. Подростки рискуют, чтобы узнать больше о себе и проверить свои способности. В связи с этим необходимо научить их рисковать в безопасной зоне.

Библиографический список

1. Ильин Е.П. Психология риска. – СПб: Питер, 2012. – 267 с.
2. Лакреева А.В., Варуха Л.В. Склонность к риску как фактор девиантного поведения подростков // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 24. – № 5. – С. 141–146.
3. Малкина-Пых И.Г. Гендерная терапия. – М.: Эксмо, 2006. – 928 с.
4. Самылова О.А. Исследование гендерных различий подростков, склонных к девиантному поведению // Вестник ШГПУ. – 2014. – № 3 (23). С. 106-113.
5. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб: Речь, 2000. – 350 с.
6. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 2003. – 799 с.

GENDER FEATURES OF RISK BEHAVIOR IN ADOLESCENCE

Yamileva D.V.

Scientific supervisor: Shilyaeva I.F., candidate of philosophy, head of the Department of applied psychology and deviantology
Bashkir state pedagogical university n.a.M.Akmulla, Ufa

Abstract. The article raises the problem of risky behavior of adolescents through the prism of a gender approach. Adolescence is noted as the most vulnerable period of life in terms of risk exposure. The author organized and conducted an empirical study, which consists in identifying gender differences in the manifestation of a tendency to risk behavior in adolescence. As a diagnostic tool we used the methodology of M. Zuckerman “Self-assessment of the tendency to extreme risk behavior” and the gender-role questionnaire by Sandra Bem. An analysis of the data showed that the masculine type of gender identity has a significantly higher level of search for thrills and new impressions, intolerance of uniformity, and an unadaptive desire for difficulties than the feminine type.

Keywords: adolescence; risky behavior; risk appetite; gender identity; masculinity; femininity; gender differences.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Юлия Юрьевна – студентка 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Антропова Анастасия Вадимовна – студентка 4 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Анферова Юлия Николаевна – студентка 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Атарских Наталья Владимировна – студентка 5 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Баишева Карина Ильдаровна – студентка 2 курса факультета психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа.

Береснева Елена Николаевна – студентка 2 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Биктагирова Марьям Фидаильевна – студентка 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Бондарчук Виктория Владимировна – студентка 3 курса факультета психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск.

Бородавкина Мария Михайловна – студентка 4 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Брагин Антон Николаевич – студент 2 курса факультета психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа.

Бульц Мария Викторовна – студентка 5 курса факультета психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа.

Быстрых Егор Владимирович – студент 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Власова Екатерина Николаевна – студентка 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Галимова Анастасия Ильдаровна – студентка 5 курса факультета психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа.

Глухова Надежда Васильевна – студентка 3 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Горбунова Наталья Викторовна – студентка 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Данилов Евгений Андреевич – студент 4 курса Института педагогики, психологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Даутова Лилия Марселевна – студентка 2 курса факультета психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа.

Дмитриев Максим Дмитриевич – студент 1 курса факультета психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа.

Дорофеева Полина Васильевна – студентка 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь

Дудина Екатерина Викторовна – студентка 4 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь

Жданова Анастасия Леонидовна – студентка 2 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Иваницкая Екатерина Сергеевна – студентка 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Ильиных Алена Александровна – студентка 1 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Исмагилова Лейсан Рустемовна – студентка 4 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Кадочникова Елена Мансуровна – студентка 5 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Касимова Арина Камиловна – студентка 2 курса магистратуры Института педагогики, психологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск

Клусс Анна Викторовна – студентка 4 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Кокарева Клавдия Вячеславовна – студентка 5 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Колчанова Юлия Сергеевна – студентка 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Кочкина Софья Павловна – студентка 2 курса факультета психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа.

Кузнецова Дарья Владимировна – студентка 4 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Кузнецова Елизавета Геннадьевна – студентка 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Лобова Мария Сергеевна – студентка 2 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Медведева Елизавета Павловна – студентка 4 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Меркурьева Юлия Вячеславовна – студентка 4 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Мирхазова Ксения Васильевна – студентка 5 курса факультета психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа.

Найданова Мария Михайловна – студентка 3 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Одияк Евгения Вячеславовна – студентка 3 курса факультета психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск.

Ососова Анастасия Андреевна – студентка 4 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Паниных Георгий Владимирович – студент 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Перебатова Валентина Александровна – студентка 3 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Пескишева Анна Владимировна – студентка 3 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Пискунова Виктория Валентиновна – студентка 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Роговая Анна Дмитриевна – студентка 4 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Сабангулова Гульдар Гаязовна – студентка 5 курса факультета психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа.

Сакаева Лилия Алмазовна – студентка 2 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Салаватова Физалия Радимовна – студентка 4 курса факультета психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа.

Сальнова Софья Александровна – студентка 2 курса магистратуры Института педагогики, психологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Стерхова Валерия Дмитриевна – студентка 2 курса магистратуры Института педагогики, психологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Столбова Дарья Борисовна – студентка 4 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Теплова Кристина Сергеевна – студентка 2 курса магистратуры Института педагогики, психологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Тухфатова Анастасия Юрьевна – студентка 2 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Фадеева Ксения Владимировна – студентка 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Филимонова Ксения Юрьевна – студентка 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Фролов Андрей Дмитриевич – студент 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Чащина Ксения Юрьевна – студентка 4 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Чернова Анна Алексеевна – студентка 1 курса магистратуры Института педагогики, психологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Шакирова Мария Игоревна – студентка 5 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Щербакова Вероника Евгеньевна – студентка 5 курса Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Щипунова Ирина Константиновна – студентка 1 курса магистратуры Института психологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Юсупов Тимур Ришатович – студент 2 курса факультета психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа.

Ямилева Динара Венеровна – студентка 4 курса факультета психологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа.